

САНДРА
БРАУН

ДЕНЬ
ГРЕХА

Сандра Браун День греха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118569

День греха: Эксмо-Пресс; Москва; 2000

ISBN 5-04-005544-7

Оригинал: SandraBrown, "Fat tuesday", 1997

Перевод:

Э. Э. Воронова

Аннотация

Берк Бейзил – полицейский из отдела по борьбе с наркотиками – не подозревал, как близко он подошел к тайнам нью-орлеанской мафии. Противник Бейзила – человек известный и уважаемый в городе, но его истинная жизнь скрыта от глаз окружающих. Пытаясь разгадать его тайны, Бейзил увлекается его женой и сам попадает в ловушку. Он никак не мог предположить, что его судьба окажется в руках женщины, которую он еще вчера считал своим врагом!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	70
Глава 7	83
Глава 8	98
Глава 9	110
Глава 10	123
Глава 11	136
Глава 12	150
Глава 13	161
Глава 14	179
Глава 15	191
Глава 16	206
Глава 17	214
Глава 18	230
Глава 19	244
Глава 20	260
Глава 21	270
Глава 22	284
Глава 23	301

Глава 24	318
Глава 25	335
Глава 26	349
Глава 27	365
Глава 28	376
Глава 29	388
Глава 30	410
Глава 31	423
Глава 32	437
Глава 33	447
Глава 34	457
Глава 35	470
Глава 36	484
Глава 37	498
Глава 38	512
Глава 39	522
Глава 40	541
Глава 41	550
Глава 42	564
Эпилог	580

Сандра Браун

День греха

Глава 1

– Его оправдают. – Берк Бейзил растопырил пальцы правой руки, потом с силой сжал их в кулак. Это растягивающее упражнение в последнее время вошло у него в привычку. – Нет ни малейшего шанса, что они вынесут обвинительный приговор.

Капитан Дуглас Пату, шеф НОБН – Нью-Орлеанского отдела по борьбе с наркотиками, озабоченно вздохнул.

– Может быть.

– Да не может быть, а точно. Его оправдают, – с нажимом повторил Берк. Помолчав, Пату спросил:

– А почему Литрелл назначил представлять дело именно этого помощника прокурора? Он же новичок, живет здесь всего несколько месяцев. Переехал с Севера, кажется, из Висконсина. Разве он может разобраться во всех нюансах?

Берк, стоявший у окна и смотревший на улицу, обернулся:

– Зато Пинки Дюваль здорово в них разобрался.

– Чертов златоуст. Его хлебом не корми, дай только выставить нас полными дураками. По стенке размазал отдел по борьбе с наркотиками.

– Надо отдать ему должное, Дуг, его последний аргумент был блестящим. – Эти слова причиняли почти физическую боль, но Берк все же произнес их. – Подлый выпад, но – сказанный во имя правосудия. Все двенадцать присяжных слушали, затаив дыхание. – Берк взглянул на часы. – Они заседают полчаса. Думаю, еще минут десять – и все будет кончено.

– Ты действительно думаешь, они так быстро выйдут?

– Да. – Берк присел на исцарапанный деревянный стул. – Если говорить начистоту, у нас с самого начала не было ни малейшего шанса. И совершенно неважно, кто именно из прокуратуры представлял дело или сколько юридических выкрутасов выкинула защита. Факт остается фактом, хоть и весьма прискорбным: Уэйн Бардо не спускал курок. Это не его пуля убила Кева.

– Хотел бы я получать по доллару столько раз, сколько Пинки Дюваль произносил свою коронную фразу, – кисло заметил Пату. – «Мой клиент не совершал рокового выстрела». Он выпевал это, как поп на амвоне.

– К великому сожалению, это правда.

Они оба обсуждали это десять тысяч раз – размышляли, прикидывали, но все разбивалось о бесспорный, неопровержимый факт: обвиняемый Уэйн Бардо не убивал сержанта Кевина Стюарта, формально не убивал.

Берк Бейзил устало потер глаза, пригладил растрепавшиеся волнистые волосы, потрогал усы. Снова сжал-разжал

пальцы правой руки. Наконец уперся локтями в колени и ту-по устался в пол, плечи его поникли.

Пату оценивающе посмотрел на него.

– Ты хреново выглядишь. Не хочешь выйти покурить?

Берк помотал головой.

– Может, кофе? Если не хочешь встречаться с журналистами, я принесу.

– Нет, спасибо.

Пату сел рядом с Берком.

– Не будем пока отчаиваться. Присяжные всегда непредсказуемы. Кажется, вот – загнал подонка в угол, а он покидает суд свободным человеком. Или бывает, никто не сомневается, что подсудимого оправдают, а ему выносят обвинительный приговор, да еще присяжные высказываются за максимальное наказание. Так что, никогда не знаешь.

– Я знаю, – с упрямой обреченностью сказал Берк. – Бардо оправдают.

В комнате повисло тяжелое молчание. Наконец Пату произнес:

– Сегодня годовщина Мексиканской конституции.

Бейзил поднял голову:

– Чего?

– Мексиканская конституция. Ее приняли пятого января. Я утром посмотрел на свой настольный календарь и прочитал.

– Угу.

– Только там не написано, когда ее приняли.

Лет двести назад, я думаю.

– Угу.

На этом беседа иссякла, они снова замолчали, погруженные каждый в собственные мысли. Берк старался представить, как он поведет себя в первые мгновения после произнесения вердикта.

Берк с самого начала знал, каким окажется этот процесс. Пинки Дюваль не пошел на компромисс, предложенный обвинением, а это означало, что адвокат абсолютно уверен в оправдании клиента. И еще Берк знал, каков будет исход дела. Приближался момент произнесения приговора, и Бейзил был уверен, что его предсказание сбудется. Он во что бы то ни стало хотел вести себя сдержанно, нельзя было дать ярости выплеснуться через край, когда Бардо спокойненько покинет зал суда.

«Господи, помоги мне, а то ведь я могу убить чертова ублюдка голыми руками».

В маленькую комнату орлеанского суда, где обычно взмокшие от напряжения адвокаты и прокуроры дожидались оглашения приговора, залетела большая сонная муха, совершенно одуревшая от инсектицидов. В тщетной попытке выбраться на свободу она тупо билась об оконное стекло и не понимала, как глупы и напрасны ее усилия, какими бы упорными они ни были.

Берк мрачно усмехнулся. Он чувствовал себя точно такой

же мухой, прекрасно зная, что дела его – хуже некуда.

Раздался стук, и они с Пату сначала посмотрели друг на друга, потом – на дверь, в которую просунулась голова судебного пристава.

– Они возвращаются.

На ходу Пату бросил взгляд на часы и пробурчал:

– Сукин ты сын. Ровно десять минут. – Он посмотрел на Берка. – Как ты догадался?

Но Берк его не слушал. Он не отрывал глаз от двери в конце коридора, ведущей в зал заседаний. Через портал устремились зрители и журналисты, похожие на римлян, рвущихся к Колизею в желании увидеть мучеников, пожираемых львами.

Кевин Стюарт, муж, отец, чертовски хороший полицейский и самый лучший на свете друг, был мучеником. И, как и многие мученики прошлого, погиб из-за предательства. Кто-то, кому Кев доверял, на чью помощь опирался без тени сомнения, оказался предателем. Другой коп подсказал плохим ребятам, что до них добираются хорошие ребята.

Всего один тайный звонок от кого-то, работавшего в отделе, – и судьба Кевина Стюарта была решена. Да, конечно, он был убит на дежурстве, но это уже не имело никакого значения. Смерть его была бессмысленной и жестокой. А этот процесс – пустая трата времени. Дорогое, отнимающее много времени представление, которое устраивает цивилизованное общество. Отпускает на свободу подонка, лишив-

шего жизни прекрасного человека. Хорошая мина при плохой игре.

Отбор присяжных продолжался две недели.

С самого начала прокурор был запуган и подавлен блеском знаменитого защитника – Пинки Дюваля, который, пользуясь различными уловками, подобрал наиболее подходящих для своего клиента присяжных. А прокурор все проглотил.

Само судебное разбирательство вообще длилось всего четыре дня. Однако, несмотря на его краткость, интерес к процессу был огромным. Так что предсказателей хватало.

По слухам, на следующий день после трагического события шеф полиции заявил: «Каждый офицер полиции переживает эту потерю как личную трагедию. Кевина Стюарта уважали и любили. Мы сделаем все возможное, чтобы провести тщательнейшее расследование по поводу гибели отличного полицейского».

«Дело совершенно ясное, – писал один журналист в газете „Таймс пикейн“ в первый день заседания. – Из-за грубейшей ошибки отдела по борьбе с наркотиками погиб их собственный сотрудник. Трагедия? Безусловно. Но вправе ли полиция свалить вину на козла отпущения? Автор полагает, что нет».

«Прокурор зря тратит деньги налогоплательщиков, вынуждая невинного законопослушного гражданина предстать перед судом по сфабрикованному обвинению. Это жал-

кая попытка спасти Нью-Орлеанский отдел по борьбе с наркотиками от публичного унижения, безусловно заслуженного. Избирателям следует припомнить этот фарс, когда наступит время перевыборов окружного прокурора Литрелла».

Цитата принадлежала Пинки Дювалю, чей клиент – «невиновный законопослушный гражданин» – Уэйн Бардо имел список предыдущих арестов длиной с милю.

Участие в процессе Пинки Дюваля всегда гарантировало повышенный интерес средств массовой информации. Вот и теперь любое выборное лицо не упускало случая бесплатно покрасоваться перед избирателями и, высказываясь по поводу процесса Бардо, протаскивало заодно и свои собственные идеи самого разного рода. Смелые суждения щедро сыпались на головы жителей, словно цветное конфетти в праздник Марди-Гра.¹

Словно по контрасту, с той самой ночи, когда умер Кев Стюарт, лейтенант Берк Бейзил хранил упрямое, презрительное молчание. За время предварительного слушания, когда выпады обеих сторон чуть не доводили журналистов до истерики, ничего достойного цитирования не было приписано этому молчаливому офицеру отдела по борьбе с наркотиками, чей напарник и лучший друг умер от смертельной огнестрельной раны, полученной в ту ночь, когда проводилась операция по захвату.

¹ Марди-Гра – дословно «жирный вторник». День перед началом Великого поста, пышно отмечаемый в Нью-Орлеане (фр.)

Сейчас Берк Бейзил протискивался в зал суда, чтобы услышать решение присяжных, и очередной репортер, сунувший ему микрофон прямо в лицо и умолявший сказать что-нибудь, услышал в ответ короткое:

– Пошел ты!

Капитану Пату, в котором журналисты опознали шефа НОБН, пришлось задержаться, хотя он старался не отставать от Берка. В отличие от своего подчиненного, капитан выразился более дипломатично, но он твердо и недвусмысленно дал понять, что Уэйн Бардо виновен в гибели офицера Стюарта и что правосудие восторжествует лишь в том случае, если присяжные вынесут обвинительное заключение.

Когда, отбившись от репортеров, Пату вошел в зал, Берк уже сидел на своем месте.

– Нэнси будет нелегко это услышать, – заметил Берк.

Вдова Кева Стюарта сидела в том же ряду, через проход. По обеим сторонам от нее сидели родители. Чуть наклонившись вперед, Берк поймал ее взгляд и ободряюще кивнул. Она слабо улыбнулась в ответ, очевидно, как и он, не питая ни малейших иллюзий по поводу приговора.

Пату помахал ей рукой.

– Вообще-то она крепкая.

– Да, конечно. Но и крепкая женщина может раскиснуть, если ее мужа хладнокровно застрелили.

Пату нахмурился.

– Твой сарказм ни к чему. Ты знаешь, что я имел в виду.

Берк не ответил. Помолчав, Пату с напускной небрежностью спросил:

– Барбара придет?

– Нет.

– Она могла бы тебя морально поддержать, если решение будет не в нашу пользу.

Берку не хотелось объяснять, почему его жена решила не появляться на процессе. Поэтому он просто сказал:

– Она просила позвонить, как только процесс закончится.

В противоположных лагерях царило разное настроение. Берк был согласен с Пату, что помощник прокурора плохо провел дело. Просто из рук вон плохо. Сейчас он сидел за своим столом и постукивал карандашом по листку бумаги, на котором не было ни единой записи. По тому, как нервно дергалась его левая нога, можно было догадаться, что помощник прокурора предпочел бы оказаться в любом другом месте, хоть в канализационном люке, только не здесь, в зале суда.

За столом защиты царила иная атмосфера. Бардо и Дюваль весело перешептышались и хихикали, хотя и старались прикрывать улыбки руками. Если бы Берка сейчас спросили, кого он ненавидит больше – этого криминального типа или его не менее криминального адвоката, – он затруднился бы с ответом.

К Дювалю подошел его секретарь и попросил просмотреть стопку документов. Бардо тем временем откинулся на спин-

ку стула, молитвенно сложил руки и уставился в потолок. Неужели сукин сын молится, удивился Берк.

Заметив на себе тяжелый взгляд полицейского, Бардо повернул голову. В его темных непроницаемых глазах вряд ли кто-нибудь мог заметить хоть намек на раскаяние. Тонкие, как у ящерицы, губы растянулись в ледяной улыбке.

А потом Бардо подмигнул.

Берк уже готов был сорваться с места и броситься к Бардо. Но Пату, все видевший, сгреб Берка в охапку и удержал на месте.

– Ради Бога, не делай глупостей! – яростно зашептал капитан. – Если ты сорвешься, только сыграешь на руку этим ублюдкам. Ты тем самым подтвердишь все нелестные отзывы, прозвучавшие о тебе на процессе. А теперь поступай как знаешь.

Даже не огрызнувшись, Берк резко выдернул руку из железного кулака Пату. Бардо уже отвернулся, но наглая ухмылка по-прежнему играла на его губах. В следующий момент присутствующих попросили утихнуть: вернулся судья. Судья своим мягким, тягучим, как мед, голосом, растягивая, как все южане, слова, призвал к порядку и попросил сохранять тишину при зачитании вердикта. Потом распорядился пригласить в зал присяжных.

Семеро мужчин и пять женщин вернулись на свои места. Семеро мужчин и пять женщин единогласно проголосовали за то, что Уэйн Бардо не виновен в гибели сержанта Кевина

Стюарта.

Именно такого вердикта и ожидал Берк Бейзил, но воспринять это оказалось труднее, чем он думал.

Несмотря на предостережение судьи, зрители не скрывали своей реакции. Нэнси Стюарт резко вскрикнула и сразу обмякла. Родители прикрывали ее от вездесущих фотографов, буквально набросившихся на женщину.

Судья поблагодарил присяжных и отпустил их. Как только он объявил заседание оконченным, бездарный прокурор суетливо засунул бумажки в свой новенький кейс и быстренько зашагал по проходу, словно только что объявили пожарную тревогу. Он избегал встречаться взглядом с Берком и Пату.

На лице прокурора явственно читалось: это не моя вина. Сегодня проигрываешь, завтра выигрываешь. Главное, зарплату платят, а остальное не имеет значения.

– Дерьмо собачье, – прошипел Берк.

Как и следовало ожидать, защита ликовала, и судья даже не старался их сдерживать. Пинки Дюваль картинно вещал в направленные в него со всех сторон микрофоны. Уэйн Бардо, покачиваясь взад-вперед, снисходительно наблюдал, как с него снимают наручники. Его запонки с драгоценными камнями вспыхивали в свете телевизионных ламп. Берк заметил, что смуглый лоб Бардо даже не вспотел. Этот сукин сын заранее знал, что выигрывает, ему всегда удавалось выходить сухим из воды.

Пату, как представителю НОБН, тоже не давали покоя ре-

портеры. Он с трудом отбивался от них. Берк не сводил глаз с Бардо и Дюваля, триумфально шествовавших через толпу репортеров к выходу. Адвокат и его подзащитный не уклонялись от микрофонов, не отворачивались от камер. Дюваль всегда поощрял журналистов, он наслаждался публичностью, а сейчас просто купался в лучах своей победы. В отличие от прокурора, эти двое никуда не торопились, наоборот, они тянули время, желая услышать как можно больше поздравлений.

И они не отводили взгляд, когда встречались глазами с Берком Бейзилом.

Более того, они нарочно задержались у того ряда, где он стоял, нервно сжимая и разжимая пальцы правой руки. И оба посмотрели ему прямо в глаза.

Уэйн Бардо подошел ближе, чуть наклонился и прошептал то, что являлось кошмарным, но абсолютно неопровержимым фактом:

– Я не убивал полицейского, Бейзил. Это ты его убил.

Глава 2

– Реми!

Она обернулась и рукой в перчатке откинула волосы со лба.

– Привет. Я тебя не ждала. На пороге оранжереи стоял Пинки Дюваль. Он подошел к жене, обнял ее и крепко поцеловал.

– Я выиграл.

Она улыбнулась ему в ответ.

– Я так и думала.

– Оправдательный приговор.

– Поздравляю.

– Спасибо, но на этот раз было нетрудно. Однако самодовольная усмешка противоречила словам.

– Не такому блестящему адвокату, как ты, пришлось бы потрудиться.

Довольный оценкой, он улыбнулся еще шире.

– Мне нужно в офис, сделать несколько звонков. Но, когда вернусь, я приведу с собой гостей. Ромен все приготовил заранее. Я видел возле дома мини-фургоны из ресторана.

Их дворецкий Ромен и вся остальная домашняя прислуга находились в полной боевой готовности с начала процесса. Приемы, которыми Пинки отмечал свои победы, прибавляли ему славы, равно как и бриллиантовый перстень на ми-

зинце правой руки, из-за которого Пинки и получил свое прозвище.²

Его приемов после окончания судебных процессов ждали с не меньшим нетерпением, чем самих процессов, их всегда широко освещали в прессе. Иногда у Реми мелькало подозрение, что присяжные голосуют за оправдательный приговор, потому что хотят не понаслышке узнать о знаменитых вечеринках Пинки Дюваля.

– От меня что-нибудь требуется?

Конечно же, нет, она знала ответ заранее.

– Только выглядеть сногсшибательно, как всегда, – ответил он, погладил Реми по спине и снова поцеловал. Потом чуть отстранился и вытер пятнышко у нее на лбу. – И вообще, что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, я не люблю толкучки у меня в оранжерее.

– А никакой толкучки нет, только я. Я принесла из дома папоротник – он почему-то стал вянуть. Я решила, что ему пойдет на пользу искусственная температура. Не беспокойся, я тут ничего не трогала.

Пинки являлся единоличным и полновластным хозяином оранжереи. В своем хобби – разведении растений – Пинки был так же скрупулезен и удачлив, как в своей работе адвоката, как, впрочем, и во всех остальных областях своей жизни.

Он с гордостью оглядел ряды растений, выращенных его

² Pinky – мизинчик (англ.)

собственными руками. Мало кто из друзей Пинки, а еще меньше – врагов, знал о том, что его главной страстью были орхидеи, на которых он специализировался.

Он потратил массу средств и усилий для соблюдения идеального баланса температур в оранжерее. Здесь находился даже отсек со специальной аппаратурой, контролировавшей особый климат. Дюваль досконально изучил тему и каждые три года ездил на Всемирный конгресс любителей орхидей. Пинки точно знал, какие именно температурные условия, освещение и влажность требуются для цветения того или иного сорта орхидей. Каттлея, офрис, стангопея, дендробиум – Пинки пестовал их, как пестует младенцев медсестра в отделении для новорожденных. Каждый цветок рос в отдельном горшке, со специальным дренажем, с индивидуальной подачей воздуха. Взамен Пинки требовал от своих растений образцового послушания и необыкновенной красоты.

И если они не хотели расстраивать своего хозяина, они такими и получались.

Как правило. Но, проходя мимо горшков с надписью «Венерин башмачок», он вдруг нахмурился. Стебли согнулись, хотя цветы у растения вовсе не были такими пышными и тяжелыми, как у других сортов.

– Я ухаживаю за ними уже несколько недель, и никакого результата. Что с ними такое?

– Может быть, еще рано...

– У них было достаточно времени.

– Иногда бывает...

– Это некачественные растения. Вот и все. Пинки спокойно взял горшок и швырнул его на пол. Горшок разбился о каменные плитки. На полу остались черепки, корни, смятые лепестки. Туда же последовал второй горшок.

– Пинки, не надо!

Реми подбежала и попыталась спасти один из оставшихся нежных цветков.

– Отойди, – отрешенно произнес он, отправляя на гибель следующее растение. Пинки не пощадил ни единого цветка. Скоро на полу лежала груда разбитых горшков. Дюваль со всей силы раздавил каблуком уцелевшие цветы. – Они портят вид моей оранжереи.

Огорченная потерей, Реми присела и начала собирать мусор.

– Не утруждай себя, дорогая. Я велю кому-нибудь из садовников этим заняться.

Он торопился, и ей пришлось пообещать, что она немедленно пойдет одеваться к приему. Но вместо этого Реми сама собрала черепки, аккуратно все убрала и покинула оранжерею, только когда та приобрела прежнюю девственную чистоту.

К дому через лужайку вела мощеная дорожка. По обеим ее сторонам, под навесом дубов с мшистыми стволами, цвели ухоженные клумбы. Вековые дубы стояли здесь задолго до возведения дома, а дом был построен в начале девятна-

дцатого века.

Реми вошла через заднюю дверь, поднялась по черной лестнице, минуя кухню, комнату дворецкого и столовую, откуда раздавались строгие приказания метрдотеля. К приезду Пинки с гостями столы с закусками и напитками будут роскошно сервированы.

У Реми оставалось не так много времени, чтобы привести себя в порядок, но все было подготовлено заранее. Служанка уже наполнила ванну и ожидала дальнейших указаний. Они обсудили, что Реми сегодня наденет, служанка достала платье и ушла. На ванну ушло немного времени – Реми нужно было оставить побольше времени на макияж. Пинки хотел, чтобы она хорошо выглядела сегодня вечером.

Через пятьдесят минут, когда Реми сидела перед туалетным столиком, она услышала, что в спальню вошел Пинки.

– Это ты?

– А ты ждала кого-то еще?

Реми поднялась и через гардеробную прошла в спальню. Она обрадованно улыбнулась, когда муж восхищенно прищелкнул.

– Налить тебе выпить?

– Пожалуй. – Он начал раздеваться. Скоро он стоял посреди комнаты совершенно голый. В свои пятьдесят пять Пинки Дюваль находился в отличной физической форме. Ни грамма лишнего жира – результат суровой гимнастики и усилий личного массажиста. Стройная фигура была предметом

особой гордости Пинки, ибо он сохранил давнюю привязанность к дорогим винам и нью-орлеанской кухне с ее знаменитыми десертами: хлебному пудингу с коньячным соусом и пралине с шоколадно-ореховым кремом.

Поцеловав Реми в щеку, он взял приготовленный ею коктейль и отхлебнул глоток.

– Я принес тебе подарок, а ты проявила невероятную выдержку, хотя, я знаю, его заметила.

– Я решила, что ты сам выберешь подходящий момент, – скромно потупилась она. – Кроме того, откуда я знаю, может быть, это не мне?

Он хмыкнул и подал ей красиво упакованную коробочку.

– По какому поводу подарок?

– Мне не нужен повод, чтобы дарить подарки моей красавице жене.

Реми развязала ленточку, осторожно развернула золотую фольгу. Пинки тихо рассмеялся.

– Чему ты смеешься? – спросила она.

– Обычно женщины разрывают упаковочную бумагу с неприкрытым любопытством.

– А я люблю наслаждаться предвкушением подарка.

Он погладил ее по щеке.

– Это потому, что ты их мало получала, когда была ребенком.

– Мало, пока в моей жизни не появился ты. В бархатной черной коробочке лежала платиновая цепочка с большим ак-

вамарином в обрамлении бриллиантов.

– Какая прелесть, – прошептала Реми.

– Он мне понравился, потому что камень того же цвета, что твои глаза. – Поставив бокал на ночной столик, он вынул кулон из коробочки и повернул Реми к себе спиной. – Сегодня вечером тебе придется обойтись без этого, – сказал он, расстегнул цепочку с крестиком, который она всегда носила, и повесил её на шею новую драгоценность. Потом подвел к огромному, в полный рост, зеркалу, которое когда-то стояло в парижском будуаре безвестной аристократки, обреченной на гильотину. Пинки критически рассматривал жену.

– Прекрасно, но не идеально. Это платье не подходит. Черное будет намного лучше. Желательно с низким вырезом, чтобы камень лежал на теле.

Он расстегнул платье и стянул его с ее плеч. Потом снял лифчик и отбросил в сторону. Камень опустился прямо в ложбинку между грудей. Реми отвела взгляд от зеркала и прикрыла руками грудь.

Пинки повернул ее лицом к себе и отвел ее руки от груди. Глаза его потемнели, дыхание участилось.

– Я так и знал, – хрипло проговорил он. – Лучше всего камень смотрится на голом теле.

Игнорируя ее слабые протесты, он подтолкнул Реми к кровати.

– Но, Пинки, я уже полностью готова к выходу!

– А биде на что?

Он опрокинул ее на подушки и опустился рядом.

Пинки всегда был готов заниматься сексом, но после успешно проведенного процесса его потенция невероятно возрастала. Сегодня вечером он превзошел сам себя. Через пару минут все было кончено. Реми оставалась в туфлях и чулках, но прическа и макияж сильно пострадали от столь яростной любовной атаки. Пинки скатился с нее, допил свой коктейль и встал с кровати. Беззаботно насвистывая, он направился в свою гардеробную.

Реми повернулась на бок, подперев голову рукой. Она с тоской думала о повторной процедуре одевания и приведения себя в порядок. Если бы у нее был выбор, она завалилась бы спать и не стала спускаться к гостям. Реми с утра чувствовала легкое недомогание, и оно еще не прошло. Однако меньше всего на свете она хотела, чтобы муж заметил ее вялость и слабость, которые она вот уже несколько недель от него скрывала.

Реми заставила себя встать. Она наполняла ванну водой, когда Пинки вышел из своей гардеробной – свежий, побритый, сияющий благополучием в своем черном, безупречно сидящем костюме. Он удивленно взглянул на нее.

– Я думал, ты уже готова.

Она беспомощно развела руками.

– Проще начать сначала, чем переделывать. К тому же, ты знаешь, я предпочитаю душ, терпеть не могу биде.

Он притянул ее к себе и поцеловал.

– Наверное, я продержал тебя в монастырской школе дольше, чем нужно. Ты обзавелась отвратительно ханжескими привычками.

– Ты не возражаешь, если я немного опоздаю к гостям?

Он шутливо шлепнул ее.

– Ты будешь столь восхитительна, что гости будут вознаграждены. – Уже в дверях он добавил: – Не забудь: надо надеть что-нибудь сексуальное, черное, с низким вырезом.

Реми не торопясь принимала ванну во второй раз. Снизу доносились звуки настраиваемых инструментов – это готовились к приему музыканты. Совсем скоро должны были появиться гости. До поздней ночи они будут поглощать дорогие закуски и крепкие напитки, будут танцевать, смеяться, флиртовать и говорить, говорить, говорить.

При одной мысли об этом Реми вздохнула. Интересно, хоть кто-нибудь заметит, если хозяйка дома решит остаться в своей комнате и не появится на приеме?

Пинки уж точно заметит.

В честь победы на очередном процессе он подарил ей роскошный кулон, который пополнит ее обширную и весьма дорогую коллекцию драгоценностей. Пинки был бы очень обижен, если бы узнал, до какой степени Реми не хочется присутствовать на его празднике и как мало удовольствия ей доставил его подарок. Но как она могла искренне радоваться его щедрости, если эти ценные подарки не заменяли того, в чем муж ей отказывал.

Повернув голову, она посмотрела на туалетный столик, где стояла черная бархатная коробочка. Голубоватое мерцание драгоценного камня не трогало Реми. Аквамарин не излучал тепла, ей не хотелось касаться его ледяных граней. Падавший на него свет не рассыпался огненными искрами, а преломлялся холодноватым свечением. Камень олицетворял собой морозную колючую зиму; он не наполнял свою обладательницу счастливой радостью, напротив – заставлял острее ощутить пустоту и одиночество.

Жена Пинки Дюваля беззвучно заплакала.

Глава 3

Из появления Реми Пинки устроил настоящее шоу. Властно взяв ее под руку, он во всеуслышание объявил, что, поскольку его жена присоединилась к гостям, вечер можно считать официально открытым. Он вел Реми через толпу, знакомил с теми, кого она не знала, в том числе с ослепленными роскошью присяжными, заседавшими по делу Бардо.

Многие из гостей имели дурную репутацию, их имена связывали с шумными скандалами или с преступлениями, или и с тем и с другим вместе. Некоторые, по слухам, являлись членами Городской комиссии по борьбе с преступностью, но, поскольку принадлежность к этому строго элитарному органу была засекречена, трудно было утверждать что-либо с уверенностью. Финансовые средства комиссии превосходили даже ее неограниченные властные полномочия.

В этом зале можно было встретить политиков, пользовавшихся широкой поддержкой избирателей; выскочки-нувориши стояли рядом с представителями старинных, уважаемых финансовых семейных корпораций. Кое-кто из гостей был связан с организованной преступностью. Здесь находились друзья Пинки, коллеги и бывшие клиенты. Все они пришли отдать ему дань уважения и восхищения.

Реми терпела лизоблюдство всех этих гостей по той же самой причине, по которой они лебезили перед ней, – из жела-

ния сохранить благосклонность Пинки Дюваля. Все преувеличенно восхищались новым кулоном и, к некоторому смущению Реми, скромным крестиком. Ей совсем не нравилось находиться в центре внимания, и она терпеть не могла, когда ее разглядывали эти наглые мужчины и их наглые жены, в чьих глазах читались плохо скрываемые зависть и неприязнь.

Пинки, явно не сомневающийся в их искренности, демонстрировал жену, словно живой экспонат.

Реми видела фальшивые улыбки, чувствовала на себе оценивающие взгляды. Эти люди, казалось, выискивали в ней какой-то скрытый дефект и спрашивали себя: кто бы мог подумать, что столь неравный брак продержится так долго?

В конце концов разговор вернулся к сегодняшнему процессу, и у Реми спросили, что она думает по поводу вердикта присяжных.

– Пинки выкладывается на сто процентов на каждом процессе, – ответила она. – Меня ничуть не удивляет, что его клиента оправдали.

– Но вы должны признать, моя дорогая, что исход дела был предрешен заранее.

Эта снисходительная реплика принадлежала матроне с ослепительными бриллиантами на дряблой шее.

За Реми ответил Пинки:

– Исход дела никогда нельзя предсказать заранее. Данный процесс мог в любую минуту пойти в совершенно ином на-

правлении. Когда в качестве свидетеля выступает полицейский, следует быть вдвойне осторожным.

– Да ладно, Пинки, – протянул один из гостей. – Доверие к свидетельствующим в суде полицейским было раз и навсегда подорвано, когда Марк Фурман дал ложные показания на процессе Симпсона.

Пинки отрицательно покачал головой.

– Верно, Фурман принес обвинению больше вреда, чем пользы. Но Берк Бейзил – существо совсем иного рода. Мы пытались найти в его прошлом хоть что-нибудь его дискредитирующее – безуспешно. Его послужной список был безупречен.

– До той самой ночи, пока он не подстрелил собственного напарника, – фыркнул другой гость И хлопнул Дюваля по плечу. – Он у тебя вертелся как уж на сковородке, когда давал показания.

– Жалко, что судебные процессы не разрешают показывать по телевидению, – заметил третий. – Люди смогли бы увидеть, как легавого размазывают по стенке.

Кто-то подхватил:

– Я бы не удивился, если бы во время показаний Бейзила присяжные предложили прекратить заседание и разойтись по домам.

– Но ведь был убит человек! – вырвалось у Реми. Эти шуточки и смешки казались ей верхом непристойности. – Что бы там ни решили присяжные, но ведь мистера Стюарта не

убили бы, если бы Бардо не воспользовался им как живым щитом. Разве не так?

Смех смолк, и в зловещей тишине все взгляды обратились к Реми.

– Технически дело обстояло именно так, дорогая, – отозвался Пинки. – На суде выяснилось, что мистер Бардо прижимал к себе раненого полицейского, когда стрелял, но мы зашли бы слишком далеко, если бы стали утверждать, что Стюарта использовали в качестве щита. Произошла нелепая, трагическая случайность, но это еще не повод, чтобы отправлять невинного за решетку.

Реми никогда не бывала на судебных заседаниях и не видела, как Пинки выступает, но с этим делом она была хорошо знакома, так как следила за ним по газетам и телевидению. Офицеры отдела по борьбе с наркотиками, Стюарт и Бейзил, первыми прибыли к помещению склада, где предположительно изготавливались наркотики.

Те, кто находился на складе, получили сигнал о полицейском рейде. Когда Стюарт и Бейзил приблизились к зданию, раздались выстрелы. Не ожидая подкрепления, Стюарт под градом пуль ворвался внутрь. Ответным выстрелом он убил человека по имени Тут Дженкинс.

Дженкинс лежал мертвый, Стюарт был тяжело ранен. Пуленепробиваемый жилет спас его от рокового выстрела в грудь, но пуля прошла Стюарту бедро, другим выстрелом ему раздробило локтевую кость.

– Врач, дававший показания, заявил, что Стюарт, возможно, находился в шоке, однако его можно было спасти, – сказала Реми. – Раны были серьезны, но жизни не угрожали.

– Но ваш муж камня на камне не оставил от показаний врача.

Пинки поднял руку, словно желая сказать, что не нуждается ни в чьей помощи, особенно когда, нападающей стороной является его собственная жена.

– Поставь себя на место мистера Бардо, дорогая, – начал он. – Один человек – мертв, другой – ранен и истекает кровью. Мистер Бардо сделал вывод – абсолютно резонный, – что он помимо своей воли оказался в крайне опасной ситуации.

– Возможно, он решил, что люди снаружи, назвавшиеся полицейскими, вовсе не полицейские, а конкуренты мистера Дженкинса, изображающие офицеров полиции. Ведь Дженкинс конфликтовал с восточной мафией.

– Насколько я знаю, офицер Стюарт был рыжеволосым и веснушчатым. Едва ли его можно было принять за азиата.

Один из гостей хихикнул:

– Прямо в точку, Пинки. Жаль, что на стороне обвинения не выступала Реми.

Пинки рассмеялся шутке вместе с остальными, но только одна Реми заметила, что смех его был искусственным. Он пристально смотрел на жену.

– Реми в зале суда? С трудом представляю. Ее таланты на-

ходятся совершенно в иной области. – Сказав это, он провел пальцем по глубокому вырезу ее платья.

Все снова рассмеялись, а Реми захлестнула горячая волна ярости и унижения.

– Извините. Я еще ничего не ела. Она отвернулась и покинула группу гостей. У Реми имелось собственное мнение насчет того, что произошло в ночь убийства Стюарта, но вряд ли стоило говорить об этом Пинки и его гостям. Они отмечали оправдательный приговор Бардо, а не его невиновность, что далеко не одно и то же.

Реми ни секунды не верила, что Бардо растерялся, когда началась пальба. Он прекрасно отдавал себе отчет в своих действиях, когда подхватил раненого полицейского, прикрылся им как щитом и появился в проеме открытой двери. Он намеренно провоцировал на стрельбу других блюстителей закона, возможно притаившихся снаружи.

К великому несчастью, у Бейзила, опытного снайпера, была отличная реакция. Уверенный, что стреляет в преступника, он послал выстрел в голову, рука его не дрогнула. В заключении присяжных вся вина за смерть Стюарта возлагалась на офицера полиции Берка Бейзила.

Реми не была голодна, но, желая сделать свою ложь более правдоподобной, она прошла в парадную столовую, где размещались столы с угощением – мечта гурмана. В одной огромной серебряной кастрюле дымилось суфле из форели, красных бобов и риса, в другой – плавали жареные креветки

в умопомрачительно остром соусе, от аромата которого слезы навертывались на глаза.

На подносах со льдом лежали устрицы в раскрытых раковинах. Повар отрезал тончайшие кусочки ветчины и копченой говядины от громадных окороков. Стояли блюда с различными салатами и гарнирами, с мясными закусками и десертами на любой вкус. Зрелище и запах такого количества еды не вызвал у Реми аппетита, напротив – ее замутило.

Оглянувшись, она увидела, что теперь Пинки разговаривает с несколькими присяжными заседателями. Они, совершенно ослепленные им, с восторгом внимали его словам. Пинки обожал внимание слушателей, так что еще некоторое время он не будет ее искать.

Реми незаметно выскользнула в относительно тихий и уединенный дворик. Было довольно свежо – при дыхании изо рта вырывался пар, но ночной воздух приятно охлаждал оголенную спину. Реми пошла по дорожке, ведущей в беседку. Это сооружение из чугунной витой решетки с куполообразной крышей располагалось в дальнем конце сада. Это было одно из любимых мест Реми. Если ей хотелось побыть одной, подумать, она уходила в беседку.

Зайдя внутрь, Реми прислонилась к чугунной колонне и прижалась щекой к холодному металлу. Лицо ее все еще горело от перенесенного унижения. Намеки мужа толькошний раз подтверждали мнение большинства их знакомых: жена Пинки – избалованная игрушка, безмозглая кукла, не

имеющая собственного мнения. Она предназначена лишь для одной цели: придавать еще больше блеска своему блестящему мужу и удовлетворять его в постели.

А еще они были уверены, что у нее не было никаких чувств – ведь все их завуалированные оскорбления отскакивали от нее, не оставляя ни малейшего следа. Считалось, что она абсолютно счастлива и имеет все, что только может пожелать.

Но они ошибались.

Никакая сила не могла бы удержать его.

Берк Бейзил знал, что поступает неразумно. «Неразумно» – еще мягко сказано, подумал он. Предел идиотизма – таиться в тени живой изгороди из густых азалий и злобно наблюдать за особняком Пинки Дюваля.

Дом был красивым и белым, как свадебный торт, на вкус Бейзила – чересчур игривый. Золотой свет лился из высоких окон на идеально подстриженную лужайку. Из дома доносились музыка и смех.

Берк обхватил себя за локти, чтобы немного согреться. Ему не пришло в голову надеть пиджак. Осень пришла и ушла. Праздники пролетели в одно мгновение. Мягкая нью-орлеанская зима миновала. Однако смена времен года и приближающаяся весна меньше всего занимали сейчас Бейзила.

Смерть Кевина Стюарта восемь месяцев назад подкосила Берка и сделала его нечувствительным к окружающему.

Барбара первая заметила его состояние, но это потому, что они жили вместе. Когда его горе превратилось в навязчивую идею, Барбара попыталась исправить положение. Вполне резонно. Однако ее усилия не увенчались успехом, и в последнее время она махнула на него рукой.

По мере приближения суда над Уэйном Бардо всем в отделе стало ясно, что душа и мысли Бейзила далеки от работы. Он не мог сконцентрироваться на текущих делах, ибо постоянно думал о деле, которое привело его и Кева к складу в тот день.

В течение целого года до той роковой ночи они сжимали кольцо, отсекая одного за другим основных дилеров. Но крупным акулам удавалось увернуться. Вот, поди, они животики надрывали над беспомощными попытками местных и федеральных властей.

Еще больше отдел по борьбе наркотиками обескураживало то, что эффективность их операций все время падала. Рейды постоянно проваливались – как бы тщательно ни охранялась тайна операции, в какой бы секретности ни проходила подготовка, преступники всегда были предупреждены заранее. Огромные склады оказывались пустыми к моменту появления группы захвата. Из лабораторий, где изготавливались наркотики, исчезали люди, хотя приборы продолжали работать. Такие жертвы дилеры могли себе позволить, это входило в запрограммированную статью убытков. На следующий же день они возобновляли производство в

другом месте.

Эти сукины дети разбегались, как тараканы на свету. Полиция оставалась в дураках. После каждого неудачного рейда отдел возвращался к нулевой отметке, и мучительная процедура выслеживания и искоренения поставщиков начиналась сначала.

За долгие годы в отделе по борьбе с наркотиками Берк досконально освоил свою работу. Он знал, что в ней бывают временные отступления и задержки. Знал, что разработка дела требует многих месяцев, что для внедрения тайных агентов необходимо время и терпение. Знал, что шансов на успех всегда крайне мало, а если даже повезет – отдача будет минимальна. Но одно дело – знать, и совсем другое – это принимать.

Терпение не принадлежало к числу достоинств Берка Бейзила. Откровенно говоря, он никогда и не почитал терпение за достоинство. Он был уверен, что проволочка равносильна провалу. Потому что, пока он и его товарищи скрупулезно собирали доказательства для обвинения, молодые парни сотнями превращались в наркоманов. А богатые мальчики, наколовшиеся дорогими наркотиками, садились в свои «БМВ» и врезались в машины, в которых ехали ни в чем не повинные люди. У наркоманов рождались дети-уроды. Подростки кололись до сердечных приступов, многие умирали от передозировки.

Но единственной альтернативой была капитуляция, и по-

тому сотрудники отдела продолжали бороться. Они продолжали работать тщательно и кропотливо. Однако каждый раз, когда они считали, что преступники у них в руках, когда они были уверены, что наконец в их сети угодила крупная рыба, что они застукают этих ублюдков на месте преступления и засадят всерьез, – операция проваливалась.

В отделе по борьбе с наркотиками полиции Нью-Орлеана работал предатель. Другого объяснения не существовало. Иначе откуда эти подонки могли знать о каждом шаге полицейских? Это случалось слишком часто, чтобы сваливать неудачи на случайное совпадение, карму, невезение, происки дьявола. Кто-то в полиции работал на мафию.

Господи, помоги этому ублюдку, когда Берк Бейзил его обнаружит. Ведь это из-за него Нэнси Стюарт стала вдовой, а двое маленьких мальчишек сиротами.

Берк уговаривал Кева не появляться на складе до прибытия фургона группы захвата, оснащенного тараном, противогАЗами и автоматическим оружием. Они с Кевином прибыли на место раньше, в кармане Берка лежал ордер на арест. Но Кевин, которого безумно злили постоянные провалы, не смог сдержать свой ирландский темперамент. Он ворвался в здание склада через открытую дверь. Берк увидел вспышку огня, услышал залп.

Потом он услышал крик.

Наверняка кого-то подстрелили.

В отчаянии он окликнул Кева.

Тишина.

Чем дольше Берк ждал ответа, тем сильнее он тревожился.

– Господи, только не это! – молил он. – Кев, ответь же, черт тебя побери!

Потом в черной дыре открытой двери появился человек. В темноте трудно было разобрать, почему у него такая нелепая походка, но его пистолет был поднят и направлен прямо на Бейзила. Берк крикнул: «Бросай оружие!», но тот продолжал идти.

Берк снова велел ему бросить пистолет и поднять руки.

Человек выстрелил из пистолета дважды.

Берк – только один раз.

Но одного раза оказалось достаточно. Кев умер прежде, чем Бардо бросил его тело на землю.

Когда Берк подбежал к другу, которого по ошибке убил, он услышал хохот убегающего Уэйна Бардо. Бейзил не знал, что это Бардо, пока того не перехватила на задворках склада подоспевшая группа захвата. На лице бандита была кровь полицейского, но его костюм от Армани не сильно помялся. Преступник остался чистеньким и в прямом, и в переносном смысле.

Оружие, из которого он стрелял, так и не нашли. Бардо взяли через несколько минут после рокового выстрела, но этого времени оказалось достаточно, чтобы Бардо избавился от пистолета. Таким образом утверждение Бейзила, что пре-

ступник был вооружен, было легко опровергнуто.

На суде даже не встал вопрос о том, что делал Бардо в подпольной лаборатории Тута Дженкинса. Пинки Дюваль заявил, что присутствие Бардо в лаборатории не имеет отношения к существу дела и что выяснение этого вопроса может только настроить присяжных против его клиента.

Еще бы, подумал Берк. Это и должно было настроить присяжных против Бардо!

Но этот вопрос судья решил в пользу подсудимого. Ничего удивительного. Дюваль принимал участие в выборных кампаниях судей. Обычно побеждает тот кандидат, за которым больше денег, а потом судьи из благодарности помогают тем, кто в свою очередь помогал им. Большинство судей давно было в руках у Дюваля.

И это был не единственный грязный трюк, который использовал Дюваль. В ту ночь на складе Уэйн Бардо устраивал дела своего босса – Пинки Дюваля.

Все в отделе знали, но никак не могли доказать, что Дюваль вот уже много лет являлся главным торговцем наркотиками. Пинки Дюваль был так же тесно связан с торговлей наркотиками, как шлюха с триппером. Почти на каждом процессе всплывали ведущие к нему ниточки, но они тут же обрывались. Против Дюваля не имелось ни одного доказательства, однако Берк точно знал, что этот сукин сын играет в грязные игры. Играет по-крупному.

И вот теперь он веселится в своем шикарном доме, с ши-

ком отмечая свой очередной успех. Успех, который отвел руку правосудия от убийцы Кевина Стюарта. Вот, значит, какие они получились – поминки по Кеву...

Открылась одна из задних дверей, что отвлекло Берка от его горьких раздумий. Он пригнулся за кустами, стараясь, чтобы его не заметила направлявшаяся к беседке женщина.

Она была одна. На мгновение она прислонилась к колонне, потом медленно обошла беседку, проведя рукой по увитым плющом перилам. Вернувшись на прежнее место, она снова прислонилась к колонне спиной.

Только сейчас Берк увидел ее лицо и, хотя он не издал ни звука, про себя изумленно ахнул.

Ее черные волосы отливали холодным голубоватым блеском; в лунном свете бледная алебастровая кожа казалась прозрачной. Короткое черное платье для коктейля подчеркивало красивые длинные ноги. Низкий вырез открывал пышную грудь.

Берк немедленно определил ее для себя как дорогую шлюху из тех, что работают в барах шикарных отелей. Останавливающиеся в таких отелях участники различных конгрессов готовы отстегивать огромные суммы за часок-другой разврата, проведенные в обществе настоящих, как им кажется, «креольских девочек».

Берк мрачно усмехнулся. Он был готов спорить, что эта – одна из самых дорогих. Она словно всем своим видом говорила: «Я – дорога, и я этого стою». Такая в самый раз для

клиентов вроде Дюваля с его деньгами и властью.

Человек с его счетом в банке не окружает себя некрасивыми женщинами. Может, это одна из тех, кого наняли на вечер для украшения интерьера. Или подружка кого-то из гостей. Или прилипала, которые всегда готовы услужить Дювалю и его друзьям в обмен на дорогие тряпки и наркотики.

В Нью-Орлеане со дня основания города проституция была поставлена на широкую ногу. В больших городах торговля телом – едва ли не главный бизнес, Нью-Орлеан в этом отношении не был исключением. Каждый водитель такси знал адрес борделя Руби Бушери. Девочки у нее были первоклассные. Сама Руби считалась одной из самых богатых женщин штата.

Но имелись в городе и уличные проститутки, работавшие в темных переулках Французского квартала и бравшие минет за порцию крэка. Они были менее разборчивы, чем девицы Сторивилла – скандально знаменитого на весь мир квартала красных фонарей. Вне зависимости от цены крепкая шлюха без работы в Нью-Орлеане не сидела.

Но Берк сразу понял, что эта не была «крепкой». Постоянно имея дело с торговцами наркотиками и проститутками, он научился сразу определять, какая девица быстро сломается, а какая выживет, потому что обладает инстинктом убийцы.

У этой вряд ли получится. Она, конечно, высший класс, но совсем не кажется прожженной и расчетливой. Она ка-

жется... печальной.

Не подозревая, что за ней наблюдают, женщина расслабленно откинула голову назад и закрыла глаза. Потом скользнула руками по телу и прижала их к животу.

У Берка пересохло во рту. Он напрягся.

Ребята из полиции нравов частенько показывали видеокассеты и журналы, конфискованные во время обыска. Берк не имел привычки их разглядывать, но он, как любой нормальный мужчина – не важно, полицейский или нет, – не мог уйти, не дождавшись окончания этой сцены.

Ничего особенного не произошло. Она не снимала с себя одежду, не массировала эрогенные зоны, не стонала, не виляла бедрами, даже тяжелое дыхание не вырывалось сквозь приоткрытые губы.

Тем не менее ее поза захватывала. И возбуждала.

Но, как оказалось, Бейзил был не единственным, кто так думал.

Зрелище настолько заворожило Берка, что он заметил приближающегося мужчину за мгновение до того, как женщина увидела стоящего на пороге беседки Уэйна Бардо.

Глава 4

А вот и сам Бардо, подумал Бейзил, презрительно изогнув губы.

Никакая она не классная штучка, раз поджидает Бардо – этого главара подонков, профессионального бандита, который всегда выходил сухим из воды с помощью адвоката Дюваля.

Интересно, знает ли она, что, когда Бардо было шестнадцать лет, он убил проститутку? Они заигрались в садомазохистские игры, и он перепутал ее шею с запястьем и затянул удавку из чулка слишком сильно. Будучи несовершеннолетним, он отсидел всего один год за непредумышленное убийство, а потом был условно-досрочно освобожден. Если эта дорогая шлюха путается с подонком Бардо, она лучшего не заслуживает.

Вон как прижались друг к другу! С отвращением отвернувшись, Берк побрел напролом через изгородь к своей «Тойоте», припаркованной среди «Мерседесов» и «Ягуаров», на которых прикатили гости Дюваля.

– Наслаждаетесь ночной прохладой? У Реми чуть сердце из груди не выскочило. Она открыла глаза и увидела Уэйна Бардо, заслонившего выход из беседки. Он нарочно подкрался, чтобы ее напугать. Его лицо было едва различимо, очер-

тания фигуры скрадывались в темноте, словно перед ней был не живой человек, а привидение.

Она быстро опустила руки, тем не менее прекрасно понимая, что он видел ее недвусмысленную позу – об этом свидетельствовала его наглая ухмылка, еще более наглая, чем обычно. Он загородил собой проход, отступить было некуда – разве что через перила перелезть.

Даже не стараясь скрыть неприязнь, Реми спросила:

– Что вы здесь делаете?

– Я заскучал без вас на приеме. Решил пойти поискать. – Бардо шагнул вперед. Реми понадобилась вся ее воля, чтобы не попятиться. Подойдя вплотную, он окинул ее оскорбительно-оценивающим взглядом, задержав глаза на полуобнаженной груди. Доверительно понизив голос, он добавил: – А вы, оказывается, здесь.

Бардо был красавчиком, прямо герой-любовник из немого кино. Зачесанная блестящая волна черных волос, смуглая кожа, стройный, поджарый, всегда шикарно одетый. Но с самой первой минуты их знакомства Реми не доверяла ему и испытывала отвращение – страстные взоры, которыми он ее одаривал, были весьма недвусмысленны.

Еще до того, как Пинки взялся представлять интересы Бардо в суде, они были партнерами, так что Бардо частенько появлялся в доме Дювалей. Реми вела себя с ним вежливо, сдержанно и несколько холодновато, не допуская никакого сближения. Ее просто подташнивало от его липких взглядов.

В тех редких случаях (почти всегда нарочно им подстроенных), когда она оставалась с ним наедине, Бардо не упускал шанса сказать какую-нибудь двусмысленность, многозначительно вздохнуть, хитро ухмыльнуться. Он всегда вел себя так, словно они владели общей непристойной тайной. – Пинки будет меня искать.

– Она попыталась пройти мимо него, но, вместо того чтобы дать дорогу, Бардо дерзко положил руку ей на бедро и погладил.

– Может, и я на что схожусь?

Он никогда еще не дотрагивался до нее, и на мгновение Реми парализовало от отвращения. Она достаточно наслушалась его хвастливых рассказов и знала, что он получает удовольствие от любой формы насилия. Логично предположить, что это распространяется и на его отношения с женщинами. Кроме того, ее испугала мысль: как поступит Пинки, когда узнает, что ее касался другой мужчина?

Сегодня Бардо вел себя наглее обычного – возможно его окрылил оправдательный приговор, а еще он, кажется, выпил больше нужного, Реми чувствовала сильный запах алкоголя. Его возбуждение только больше распалится, если она покажет свой страх. Поэтому она резко приказала ему убрать руку.

Его крокодилья ухмылка стала шире, он крепче прижал руку.

– А может, лучше так, миссис Дюваль? Она процедила

сквозь стиснутые зубы:

– Уберите руку.

– Он тебя трахал, да?

Не в силах больше выносить его прикосновение, Реми скинула его руку.

– Оставьте меня в покое.

Она снова попыталась выйти из беседки; на этот раз он схватил ее за плечи и прижал к чугунной колонне.

– Ты поэтому опоздала к гостям, верно? Пинки тебя трахал. Если бы ты принадлежала мне, я толь – ко этим бы и занимался. День и ночь. Не слезал бы с тебя. То так, то эдак.

Он похабно потерся об ее бедро шириной.

– Думаешь, Пинки хорош в постели? Пока ты не попробуешь меня, ты не узнаешь, что такое хорошо, миссис Дюваль. – Он высунул язык, сделал неприличный жест, потом провел языком по ее шее. – Это быстро, сама знаешь. Я тебя хочу.

Она подавила тошноту и изо всей силы отпихнула его. Силы были слишком неравны, поэтому Бардо спокойно отступил назад, рассмеявшись ее попытке.

– Если вы подойдете ближе...

– То что? Ну, скажите, миссис Дюваль, что вы тогда делаете?

Он оперся рукой о колонну чуть выше головы Реми, наклонился и издевательски произнес:

– Ну, так что? Наябедничаешь Пинки? – Он покачал го-

ловой. – Не думаю. Если ты расскажешь твоему мужу, что я тебя трахнул, он скорее всего обвинит не меня, а тебя. Видишь ли, мне он доверяет. А ты умеешь рекламировать свой товар.

Он потянулся к ее груди, но она оттолкнула руку.

– Я и не собиралась жаловаться Пинки. Я сама справлюсь.

– Справишься? – осклабился он. – Интересно узнать как?

Холодно глядя на него, она спокойно произнесла:

– Мистер Бардо, неужели вы думаете, что вы единственный наемный убийца, служащий у моего мужа?

Его ухмылка сползла с лица, глаза на мгновение утратили самоуверенный блеск. Воспользовавшись моментом, Реми резко оттолкнула его и выбежала из беседки.

Она быстро шагала по дорожке к дому, надеясь, что Уэйн Бардо не заметит, как сильно ослабели ее ноги. Ибо, несмотря на всю внешнюю бравату, она далеко не была уверена, кому – ей или Бардо – поверит Пинки в случае конфликта.

Барбара уже спала, когда Берк вернулся домой. Он разделся в темноте, не желая ее будить. Но, когда он лег в кровать, Барбара повернулась к нему.

– Где ты был?

– Уже поздно, да?

– Первый час.

– Где ты был? – повторила она.

– Работал.

– Ты же сказал, Дуг отпустил тебя на неделю.

– Да. – Ему не хотелось обсуждать это сейчас, но он чувствовал, что она не отстанет. – Я должен поставить точку, Барбара. В последнее время стало модным повторять эту фразу. Поставить точку.

Она неодобрительно вздохнула.

– Ради Бога, Берк. Кев Стюарт погиб несколько месяцев назад. По делу Бардо вынесен приговор.

– Я знаю.

– Так выбрось это из головы! – рявкнула она.

– Не так-то это легко.

– Да, нелегко, но у тебя получается еще хуже, чем на самом деле.

У Берка на языке вертелось множество возражений, но он сдержался. Они с Барбарой вели подобные беседы бесчисленное количество раз, ему не хотелось все снова затевать, да еще ночью. После их ссор он всегда чувствовал себя так, словно его пропустили через стиральную машину и повесили сушиться. На сегодня хватит поражений. Уже спокойнее Барбара сказала:

– То, что произошло с Кевом, – ужасно. Но такова жестокая реальность – полицейских, случается, убивают. Риск – составная часть вашей работы.

– Но, согласишься, чертовски редко случается, когда полицейского убивает его напарник.

– Это не твоя вина.

– Присяжные решили иначе. Во всяком случае, Бардо они виновным не признали. – Бессознательно сжимая и разжимая правый кулак, Берк представил себе весь расцветенный огнями дом Дюваля, наполненный вкусной жратвой, обильной выпивкой и красивыми женщинами. – Они с Дювалем сегодня устроили праздник – отмечают убийство отличного полицейского. – Берк откинул одеяло, сел на край кровати и подпер голову руками.

Барбара тоже села.

– Откуда ты знаешь?

– Сам видел.

Берк не видел ее лица, но знал, что она нахмурилась.

– Ты с ума сошел! Хочешь, чтобы тебя уволили? Если Дугу Пату прикажут тебя уволить, тогда как? Потеряешь работу и наконец успокоишься?

– Это ты успокоишься.

– В каком смысле?

Он бросил на нее сердитый взгляд через плечо.

– Можно подумать, не ты добивалась все эти годы, чтобы я ушел из полиции.

– Да, но я не желаю, чтобы тебя выгнали с позором, – сердито ответила она. Он фыркнул.

– А-а. Теперь понятно, почему ты так и не появилась на суде. Не хотела иметь отношение к позору отдела по борьбе с наркотиками – организации, которую ты, по иронии судьбы, столько лет поливала грязью.

Всю совместную жизнь они постоянно ссорились из-за его работы. Барбара хотела, чтобы он ушел из полиции на какую-нибудь более спокойную и безопасную работу. Дискуссии потихоньку превращались в бурные ссоры, к общему решению они не приводили, оставляя лишь усиливавшуюся взаимную неприязнь.

Главный аргумент Барбары был таков: если Берк ее любит, он должен считаться с ее чувствами. Берк возражал: если она его любит, то не должна требовать, чтобы он бросил любимую работу. А если он захочет, чтобы она ушла из школы? Честно это будет? В этих бесконечных ссорах победителя не было.

Сейчас Берк чувствовал себя слишком усталым, чтобы ввязываться в бессмысленное препирательство. Он лег и уставился в потолок.

После долгого молчания Барбара примирительно сказала: – Я не в том смысле... Ну, о позоре. В ее голосе звучало искреннее раскаяние, однако она не шелохнулась. Берк уже не помнил, когда они в последний раз касались друг друга – случайные ежедневные прикосновения были не в счет. Не с той ночи, когда погиб Кев. Кажется, раньше. Нет, определенно намного раньше.

Он повернул голову и мягко проговорил:

– Забудь, Барбара. Это не важно.

Годы постоянного недовольства жизнью оставили на лице Барбары свои следы, но все же она оставалась очень привле-

кательной женщиной. Она преподавала физкультуру в средней школе, так что фигура у нее была по-прежнему стройной и подтянутой. Его сослуживцы частенько отпускали непристойные шуточки по поводу ее фигуры. Счастливчик, этот сукин сын Бейзил, каждую ночь ложится в кровать с такой куколкой.

Берк с грустью подумал о том, что не может припомнить, когда они с Барбарой ложились в одну кровать не только для того, чтобы спать. Все эти месяцы он был настолько подавлен и загружен работой, что даже думать забыл о сексе. Видя его угрюмость, Барбара инициативы не проявляла.

Но суд над Бардо завершен. Дело ушло в прошлое. Кев умер, но он-то, Берк, жив. Надо снова начинать жить. Секс вернет его к жизни и, может быть, заставит порадоваться, что его не угробили.

Мягкость женщины исцеляет. Ее тело дарует мужчине не только облегчение, но и избавляет от психологического напряжения. Берку внезапно так захотелось наступающего после близости пьянящего чувства освобождения, сладостного забвения на несколько волшебных мгновений. Любовь излечит его от удушающего чувства вины и горечи сожаления.

Он обнял Барбару за шею и поцеловал. Она не сопротивлялась, но он почувствовал ее напряжение и понял, что она не испытывает энтузиазма. Конечно, они ведь так давно не занимались любовью; Берк приказал себе не торопиться. Они оба нуждались в долгом и спокойном разогреве, придется

снова привыкать друг к другу. А может, ей хочется, чтобы ее поугovarивали. Долгое воздержание обидело ее, вот и кокетничает.

Он поцеловал Барбару более страстно – надеясь разжечь ее желание и свое. Берк провел рукой по ее груди поверх ночной рубашки, но ее соски не напряглись. Он попытался раздвинуть коленом ее ноги, безуспешно. Он тихо прошептал ее имя.

Последовало еще несколько неловких попыток, потом она резко отодвинулась.

– Мне завтра утром рано вставать. У меня на первом уроке начинается турнир по волейболу. Берк отпустил ее.

– Да, да, хорошо.

– Извини, Берк, я...

– Все нормально. Не надо извиняться.

– Мне действительно надо рано вставать, но...

– Барбара, ничего страшного, – перебил он несколько резко, чем хотел. – Ладно? Извини, что разбудил. Давай спать.

– Ты уверен, что...

– Переживу. Никто еще не умирал оттого, что не потрахался.

– Нечего обижаться, Берк, – огрызнулась она. – Ты сам во всем виноват. Слишком уж долго ты вынашивал свое горе. Это ненормально. Почему оно до сих пор тебя гложет?

Он не ответил. Не знал, как ответить.

– Ну что ж, – сказала она. – Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Берк закрыл глаза, но знал, что не заснет. Ее отказ разозлил его, но меньше, чем следовало, и Берка это встревожило.

Когда он уверился, что Барбара заснула, он встал, пошел на кухню, сделал себе бутерброд. Потом сел за стол, уронил голову на руки и стал смотреть на бутерброд, который так и не съел.

Глава 5

– Двойная ставка, а? Она остановится перед нами, даст вид крупным планом и посмотрит прямо в глаза. Спорим?

– Нет.

Берк потер висок. Час назад у него заболела голова; боль усиливалась из-за грохочущих барабанов, даже две таблетки не помогли. Может, следовало послушаться Пату и взять оплаченный недельный отпуск? Нет, уж лучше работать, чем торчать дома и думать, думать.

– Я не хочу больше сегодня играть, Мак. Отстань.

Мак Макьюэн ослепительно улыбнулся.

– Я дам тебе шанс отыгаться.

– Нет, спасибо.

Макьюэн был готов спорить на что угодно – от результата мирового чемпионата по футболу до того, кто из тараканов быстрее пробежит по стойке. Разочарованный безразличием Берка, Макьюэн переключил внимание на полуобнаженную танцовщицу, которая (надо же!) остановилась прямо перед ним. Тряся грудью, она подмигнула офицеру полиции – молодому, привлекательному и очень модно одетому даже в тех случаях, когда он не изображал из себя заезжего зеваку, забредшего поглядеть на ночную жизнь Бурбон-стрит.

Берк по сравнению с ним выглядел усталым и потрепанным, именно таким он себя и чувствовал. Прошлой ночью

он не сомкнул глаз, попеременно то жалея себя, то безумно злясь на Барбару за отказ. Утром они неприязненно пожелали друг другу доброго утра, и Берк весь день буквально кипел от злости.

Скривившись, он наблюдал, как Мак пожирает глазами вихляющую бедрами танцовщицу. Интересно, какое у Мака имя. Берк мало что знал о Макьюэне: знал, что тот неоднократно подавал прошение о переводе в НОБН. Его и перевели чуть больше года назад. По мнению Бейзила, Макьюэн слишком шикарно одевался и слишком много выпендривался – офицеру отдела по борьбе с наркотиками это ни к чему.

– Спорю на пятерку, что у нее сиськи пластиковые, – предложил Макьюэн, когда танцовщица упорхнула. – Что скажешь?

– Скажу, что я не идиот. Как мы узнаем правду? У нее спросим?

Смутить Макьюэна было трудно. Обаятельно улыбнувшись, он поднял бокал с содовой и отхлебнул.

– Я просто шучу с тобой, Бейзил. Хочу, чтобы ты наконец улыбнулся. Кроме того, если я только приближусь к такой шлюшке, моя старуха меня убьет. Она жутко ревнивая. Правда, я не даю ей повода. Смотреть смотрю, но налево не гуляю. Мы уже три года вместе. – Казалось, его самого удивляла собственная верность. – А ты когда-нибудь изменял жене, Бейзил?

– Нет.

– Ни разу?

– Ни разу.

– Вот это да. Ведь вон сколько баб вокруг. А ты давно женат?

– Достаточно.

– Счастлив в браке?

– А ты что, работаешь в семейной консультации?

– Не злись, – обиженно произнес Мак. – Я всего лишь спросил.

– Больше не спрашивай. Мы пришли сюда работать, а не глазеть на танцовщиц или обсуждать нашу семейную жизнь. На нашей с тобой работе нужно думать только о работе, иначе получишь пулю в лоб...

– Наш подопечный явился, – перебил Мак. Бейзил по-прежнему смотрел на Мака, по-прежнему улыбался. Может, он не такой уж плохой полицейский, как Берку показалось? – Идет сюда. В мерзкой желтой куртке.

Берк не повернулся, но испытал прилив особого возбуждения, которое на него накатывало перед каждым арестом.

Их секретный агент покупал наркотики у этого типа несколько месяцев. Звали торговца Роланд Сэчел. Он не был крупным дилером, но наркотики всегда имел качественные и, похоже, без товара не сидел. С виду казалось, что торговал он скорее для забавы, чем для заработка. Сэчел владел собственным бизнесом – фабрикой по изготовлению сумочек, выпускавшей модный ширпотреб для дешевых магазинов.

Сферой торговли Сэчела были не улицы, а модные клубы. Ему нравилось общаться со знаменитостями, профессиональными диск-жокеями и их поклонницами.

Отдел по борьбе с наркотиками считал, что, если удастся зацепить Сэчела, он может сдать Дюваля. Секретный агент, работавший в этом деле, сегодня утром на конспиративной встрече делился с ними информацией:

– Сэчел – тип честолюбивый и жадный. Он постоянно ворчит на босса, а поскольку он сам босс на собственной фабрике, то, вероятнее всего, имеет в виду своего босса по наркотикам. Думаю, Сэчел сдаст нам босса, если мы предложим ему сделку.

– Он называл имя? – спросил Берк.

– Никогда. Просто босс.

– Ставлю свое левое яйцо, что это Дюваль, – сказал Мак.

Пату спросил:

– Почему ты считаешь, что Сэчел пойдет на сделку?

– У него есть сын. Футболист, – объяснил агент. – Сэчел его обожает, все время хвастается. Парень на следующий год собирается поступать в университет, и, конечно же, Сэчелу ужасно хочется поглядеть, как его сын будет играть на университетском поле. А сможет ли он попасть на стадион, если угодит за решетку, хотя бы и по мелкому делу?

Бейзил ненавидел широко распространенную в полиции практику заключать сделки с людьми, преступившими закон. Если уж говорить начистоту – это самое последнее дело.

Сэчел сразу возьмется за старое; только выйдет на свободу – вернется к своему поганому бизнесу.

Но Берку был нужен Дюваль. Полицейский готов был пожертвовать таким слизняком, как Сэчел, в обмен на Дюваля.

На утреннем совещании с агентом выяснилось следующее. Сэчел часто сшивается в этом клубе. Неудивительно: классные девки, шикарная публика. А принадлежит заведение подставной фирме, входящей в империю Дюваля.

Уголком глаза Берк видел, как Сэчел зажег сигарету и стал смотреть все на ту же танцовщицу, теперь извивавшуюся у медного столба посреди эстрады. Он, казалось, был целиком поглощен зрелищем. Когда девица изобразила оргазм, Сэчел восторженно зааплодировал. Потом он начал пробираться через прокуренную комнату, на ходу пожимая руки и приветствуя знакомых. Очевидно, он искал местечко потише и в конце концов нашел – за столом в углу зала.

Первым клиентом Сэчела в этот вечер оказался хорошо одетый юппи, стройный, как девушка. Лихорадочный блеск глаз и резкие движения без слов свидетельствовали, что у него ломка по кокаину. Сэчел сделал знак официантке и заказал выпивку на двоих.

– Черт! – нарочито громко воскликнул Макьюэн, поднимаясь. Он начал действовать по намеченному сценарию. – Вот это была девка. Потрясная штучка. С ума сойти, волосы на лобке сбрила! Ну, ладно, я в сортир пошел.

Он вышел из-за стола, за которым они с Берком сидели,

и направился в сторону туалета. Берк тоже встал, делая вид, что внимательно изучает счет, который ему подала грудастая официантка.

Подходя к двери, Макьюэн уронил спичечный коробок и наклонился его поднять.

Берк увидел, как юппи что-то передал Сэчелу, вроде бы сложенную купюру. С ловкостью шулера Сэчел накрыл деньги ладонью, одновременно доставая что-то из кармана своей желтой куртки.

Барабанщик не успел поднять и опустить палочки, а Берк уже стоял возле столика с пистолетом в руке и приказывал Сэчелу не двигаться. Макьюэн тоже очутился рядом, дуло его пистолета упиралось за правое ухо юппи.

Двое других полицейских, изображавшие подвыпивших бездельников, среагировали мгновенно и помогли произвести арест.

Дерганый юппи, когда ему зачитывали его права, дрожал с головы до ног, плакал и лепетал, что ему нельзя в тюрьму, ребята, он же сдохнет там, в тюрьме. Сэчел же, пока на него надевали наручники, обыскивали, доставали из кобуры, прицепленной у него на лодыжке, маленький пистолет, ругал полицейских на чем свет стоит и орал, какого черта они себе позволяют. Не дождавшись ответа, он потребовал встречи со своим адвокатом – Пинки Дювалем.

– Десять к одному, что этот подонок Дюваль окажется в участке раньше нас, – сказал Макьюэн, когда они с Берком

выходили из клуба.

– И ты наверняка снова выиграешь, Мак.

– лейтенант Бейзил, рад снова видеть вас так скоро.

– Ты бы не имел этого удовольствия, Дюваль, если бы не был со всех сторон окружен друзьями-преступниками.

Как и предвидел Макьюэн, к моменту их прибытия в участок адвокат уже находился там. Должно быть, верный человек в клубе известил его, что Сэчела арестовали на месте преступления при продаже наркотика.

– Что, продолжаете переживать из-за процесса Уэйна Бардо?

Больше всего на свете сейчас Берку хотелось врезать по наглой холеной физиономии Дюваля, чтобы с нее исчезла издевательская улыбка. Хотя было далеко за полночь, когда любой человек, только что выдернутый из кровати, будет выглядеть слегка помятым, на адвокате была свежая накрахмаленная сорочка и отличный костюм-тройка. Седые волосы причесаны волосок к волоску.

Видя, что назревает скандал, Пату шагнул между ними:

– Я провожу мистера Дюваля к его клиенту.

Берк, тебя ждут.

Он кивнул в сторону комнаты для допросов, размещавшуюся за стеклом. Там сидел задержанный юппи и затягивался сигаретой с такой страстью, словно курил последний раз в жизни.

– Как его зовут? – спросил Берк.

– Рэймонд... – Пату заглянул в папку и передал ее Берку. –

Хан.

– Аресты были?

– Хранение наркотиков, нарушение общественного порядка. Получил условный срок.

Когда Берк повернулся к двери, Дюваль кинул ему вслед:

– Зачем вы его арестовали, Бейзил? Надо было просто застрелить.

Понимая, что Дюваль старается его спровоцировать на какую-нибудь дурацкую выходку, чтобы потом подать жалобу, Берк сдержался и даже не остановился. Он нарочито спокойно вышел, даже не хлопнув дверью.

Он видел, как Пату проводил Дюваля в такую же комнату, где сидел Сэчел. Адвокат, конечно же, посоветует Сэчелу ни в чем не признаваться, а говорить тому все же придется. Разговор с Сэчелом получится долгим, но, если полицейским повезет, Дюваль завтра к вечеру сам будет за решеткой.

Мак Макьюэн уже поговорил с Ханом, двое других полицейских – тоже. Теперь была очередь Берка. Он налил себе тепловатого кофе, придвинул свой стул ближе к арестованному.

– Давай побеседуем, Рэй.

Подняв руки в наручниках, секретный агент жадно затянулся.

– Пустышка. – Он обвел быстрым взглядом мрачные лица

сидящих в комнате; – У него при себе почти ничего не было, так? – спросил он, обращаясь к полицейским.

– Пара унций. Сейчас обыскивают его машину, но, похоже, там чисто.

– Значит, дело не выгорело, – продолжал Хан. – От большого срока Дюваль его отмажет. Поскольку угроза небольшая, торговаться с нами ему не имеет смысла. Может, уже снимете эти штуки?

Один из офицеров снял с него наручники.

– Спасибо. – Хан начал растирать запястья. – Ты меня до смерти перепугал, когда дернул через комнату с пистолетом, – обернулся он к Бейзилу.

Кажется, Хан все еще нервничал. Берк подумал, что он, наверное, и вправду кокаинист, потому-то и вел себя так правдоподобно с Сэчелом.

– После нашей утренней встречи мы поговорили с бывшими клиентами Сэчела, которые сейчас сидят в тюрьме, – сообщил Хану Берк. – Они готовы дать на него показания взамен на досрочное освобождение. Разные сложности плюс подготовка свидетельств для суда, да отсрочки, да всякие там переносы... Все это займет столько времени, что его сын успевает университет окончить.

– Вообще-то должно сработать. – Рэймонд задумчиво грыз заусенец. – Хотя, черт его знает. Сэчел – псих с бешеным самомнением, но он не дурак. Хоть он и жалуется на босса, но, я думаю, здорово его боится. Кроме того, его мо-

гут выпустить под залог, пока суд да дело.

Вошел Пату.

– Удивительная вещь: мистер Дюваль посоветовал своему клиенту держать язык за зубами. Надеюсь, Рэй, ты припас для нас что-нибудь стоящее?

Вместо секретного агента ответил Берк:

– Знаешь, что я думаю? – Он медленно встал, потер висок, в котором продолжала пульсировать боль. – Я думаю, мы идиоты, что стали брать Сэчела на ерундовой сделке. Надо было подождать, когда у нас появится возможность обыскать его фабрику и склад.

– Он там этим не занимается, – вмешался Хан. – Я много раз предлагал встретиться на фабрике. Он отказывался. Он придерживается твердого правила вести дела отдельно одно от другого.

– Этому он научился у Дюваля, – сухо заметил Мак.

– Кроме того, мы уже пробовали работать по этому методу, но ничего не добились, – напомнил Пату. – У нас нет оснований устраивать рейд против вполне законного предприятия. Ни один судья ордер не выпишет.

– Я просто говорю...

– Будет еще один провал, и мы снова не прищучим Дюваля. Если, конечно, это Дюваль.

– Это Дюваль, – отрубил Берк.

– Тем более надо соблюдать осторожность.

– Я понимаю, Дуг, но...

– Литрелл не примет дело к производству, если мы не предоставим весомых...

– ...доказательств! – заорал Берк. – Без тебя знаю. Я тысячу раз это слышал!

– Нам не нужны больше провалы, – огрызнулся Пату. – Наш отдел, да и ты тоже, этого просто не выдержим.

Они так орали друг на друга, что остальные офицеры в смущении отвели глаза.

– Ладно вам, ребята, – пробормотал Мак. – Остыньте.

В отделе все, а особенно Берк, знали, что Пату относился к нему лучше, чем к остальным. Не только потому, что считал Бейзила хорошим полицейским, но и потому, что считал его своим другом.

В академии они учились в одной группе. Пату пошел по административной линии, однако разница в звании никак не сказывалась на их отношениях. До недавнего времени. Смерть Кевина Стюарта и сопутствовавшие ей обстоятельства внесли в их дружбу некоторую напряженность. Берк это чувствовал. И он прекрасно понимал, почему так произошло. Дуг отвечал перед начальством за поведение и работу каждого полицейского, находящегося в его подчинении; быть посредником между начальством и подчиненными всегда трудно, но особенно – когда стараешься защитить репутацию офицера полиции, который к тому же является твоим другом.

Берк знал: Пату не хотел, чтобы он ушел из полиции из-за

нелепой ошибки. Дуг за него горой стоял, когда под сомнением оказались его психическая устойчивость и надежность. И наедине, и публично поддерживал его на все сто. Несмотря на душившую его ярость, Берк понимал, что Дуг желает ему добра. Стоило только Берку потерять голову, совершить какой-то безрассудный поступок, как нервное начальство тут же отберет у него значок.

Они с Дугом стояли друг против друга. Не отводя глаз, Берк, уже почти справившись с собой, попросил:

– Дай мне поработать с Сэчелом.

– В твоём нынешнем состоянии вряд ли, – ровным голосом ответил Пату. – Может быть, завтра.

– Завтра его выпустят.

– А мы не будем торопиться со слушанием. Бейзил вздохнул, похлопал себя по затылку, потом обвел остальных кислым взглядом.

– Тогда я пошел домой.

– А со мной что? – спросил Хан. Пату посмотрел на Берка.

– Давай, заканчивай. Это твоё шоу.

– Как же, моё, – проворчал тот. Потом повернулся к Хану. – Придется подержать тебя ещё пару часов.

– О Господи. Терпеть не могу эти вонючие камеры.

– Извини, Рэй, но не можем же мы тебя раскрыть. Иначе окажемся в полном дерьме.

Пинки встал и захлопнул портфель.

– Ты уходишь? – в отчаянии воскликнул Сэчел. – Ты не можешь так просто уйти. А как же я?

– Ты проведешь ночь в тюрьме.

– В тюрьме? В тюрьме? Когда ты меня оттуда вытащишь?

– Завтра с утра первым делом я начну хлопотать о выпуске под залог. Так что, боюсь, до утра тебе придется побыть тут.

– Здорово! Просто лучше не бывает. Вот дерьмо!

– Несколько часов в камере тебе не повредят, Сэчел. Посидишь, подумаешь, каким идиотом ты был.

Сэчел перестал причитать и исподлобья взглянул на Пинки.

– О чем ты?

– О том, что только полного идиота полиция арестовывает при продаже наркотика в клубе.

С полицейскими Дюваль вел себя спокойно и сдержанно, но, оказавшись наедине с клиентом, дал волю своему раздражению.

– Я того парня хорошо знаю, – начал оправдываться Сэчел. – Он постоянный покупатель. Я продавал ему много раз. И что плохого...

– Заткнись! – рявкнул Пинки. – С каких это пор ты сделался наркоманом?

– Я? Никогда в жизни не был.

– Но твоя подружка наркоманка.

– Подружка? О чем ты говоришь, Пинки? У меня жена, ребенок. Нет у меня никакой подружки.

Пинки ненавидел, когда люди ему врали. Еще он терпеть не мог, когда его держали за дурака и впаривали уж совершенно очевидное вранье.

– Танцовщица. Кудрявые рыжие волосы. Тощая задница. Сиськи маленькие, а соски как блюдца. Ладно, Сэчел, ты же знаешь, о ком я говорю.

Сэчел с трудом сглотнул, на лбу у него выступила испарина, бледное лицо стало зеленым, особенно по контрасту с яркой курткой.

– Ты трахаешься с ней три месяца, – мягко, почти ласково про должал Дюваль. – Она дает тебе за наркотики. Мои наркотики. Ты поставляешь их ей даром. Это называется воровство, Сэчел. Более того, поскольку наркотик бесплатный, она столько ширяется, что все время пребывает под кайфом и не может выступать. А как тебе известно, она – самая популярная танцовщица в клубе. Мужики могут часами пить свое виски и смотреть, как она крутит задницей. Они готовы платить, чтобы посидеть подольше и увидеть ее фальшивый оргазм. Но когда ее нет, они уходят домой раньше. – Пинки подошел так близко, что до Сэчела доносился мятный запах у него изо рта. – Твои эрекции стоят мне денег, Сэчел.

Сэчел с головы до ног обливался липким холодным потом.

– Я и в мыслях не держал тебя обманывать, Пинки. Ты же знаешь.

– Откуда я могу это знать? – Он покачал седовласой головой. – До меня доходят разные слухи, Сэчел. Печальные

слухи о тебе и твоём непомерном честолюбии.

Силясь улыбнуться, Сэчел попытался раздвинуть непослушные губы.

– Не надо верить сплетням.

– А я верю. Особенно после сегодняшней ночи.

– В... в каком смысле?

– Почему этот хитрый легавый Берк Бейзил арестовывает тебя с парой унций? Он, конечно, псих, но у него хватает мозгов, чтобы не связываться с мелюзгой. Если только ему не нужно что-то от тебя.

– А что ему может быть от меня нужно?

– Информация. Свидетельские показания.

– Я пошлю их куда подальше. Не обращая внимания на праведное негодование Сэчела, Дюваль продолжал размышлять вслух:

– Они подержат тебя ночку-другую за решеткой со всякими подонками, чтобы ты хорошенько понял, что такое тюрьма; а потом, когда ты окончательно скиснешь, они вызовут тебя на переговоры. Я думаю, они предложат снять с тебя обвинение взамен на информацию о твоих сделках.

– Я никогда на это не пойду. Пинки улыбнулся.

– Я тоже думаю, что не пойдешь. Сэчел заметно расслабился.

– Черта с два. Я друзей не продаю.

– Уверен, что не продаешь. – Голос Дюваля был нежнее шелка. – Кроме того, ты наверняка предпочтешь лучше по-

сидеть в тюрьме, чем захочешь, чтобы с твоим сыном случилась какая-нибудь неприятность.

Бравада Сэчела исчезла бесследно.

– С моим мальчиком? О Господи, Пинки.

Нет. Я...

Дюваль успокаивающе похлопал его по плечу.

– Я жду с нетерпением, когда смогу увидеть твоего сына играющим за «Тигров». – Он крепче сжал плечо Сэчела. – Как будет грустно, если он вдруг попадет в аварию и его многообещающая футбольная карьера окончится, так и не начавшись.

Сэчел заплакал.

– Ты ведь не хочешь, чтобы твой сынишка стал жертвой автомобильной катастрофы, правда, Сэчел?

Всхлипнув, как ребенок, тот кивнул.

Глава 6

– Хочешь яичницу?

– Нет, спасибо, Пинки. – Бардо поглядел на Ромена. – Но я бы выпил кофе.

Вернувшись домой из полицейского участка, Пинки почувствовал, что страшно проголодался. Он разбудил дворецкого и велел приготовить завтрак. Ромен не выказал ни малейшего недовольства, напротив, он был счастлив услужить хозяину.

Будешь предан человеку, если он спас тебя от смертной казни.

Ромен принес кофейник со свежесваренным кофе и еще одну чашку с блюдцем.

– Что-нибудь еще, мистер Дюваль?

– Нет, спасибо, Ромен. Спокойной ночи. Попивая мелкими глотками кофе, Бардо проследил взглядом за удаляющимся пожилым дворецким.

– Таких ниггеров, вроде этого, осталось не так уж много.

– Хорошо, что он не слышал твоих слов, – заметил Пинки, набивая рот глазуньей. – Когда Ромен застукал свою жену в постели с другим, он взял топор и зарубил обоих.

– Правда? – На Бардо, похоже, это произвело впечатление. – Ничего себе.

Пинки перешел к делу, ради которого, собственно, и была

назначена эта незапланированная встреча.

– У нас проблемы с Бейзилом.

– Подумаешь!

Вилка в руке Дюваля замерла на полдороге. Он посмотрел на Бардо и с удовлетворением отметил, что тот правильно истолковал реакцию адвоката на его неосторожное восклицание.

– Извини, – пробормотал Бардо. – Случайно вырвалось. Просто я решил, что мы уже покончили с этим бойскаутом.

– Я собирался разобраться с ним в свое время, но теперь вижу, что медлить нельзя.

– Почему? Что случилось?

Дюваль рассказал Бардо об аресте Сэчела.

– Видимо, пришло время послать сообщение мистеру Бейзилу.

– О'кей.

– Надо четко дать ему понять, что, если свяжется с нами, его ждут неприятности. Большие неприятности.

– Что я должен делать?

– Пинки? – Оба мужчины повернулись к двери. Там стояла заспанная и растрепанная Реми в небрежно накинутом халате. – Я не слышала, как ты пришел.

– Я скоро поднимусь. – Пинки заметил, что она намеренно не смотрит в сторону Бардо, и удивился про себя. – Нам с мистером Бардо надо обсудить кое-какие дела.

– В такое время?

– Это очень срочное дело.

– Понятно.

– Иди ложись. Я сейчас приду.

Ее глаза на долю секунды задержались на Бардо, потом снова вернулись к Пинки.

– Только недолго.

Понизив голоса, Дюваль и Бардо продолжали совещаться. Когда Пинки закончил свой завтрак, все вопросы были решены. В заключение он сказал:

– Я хочу, чтобы все было сделано немедленно.

– Конечно.

– Немедленно, – с нажимом повторил Дюваль. – Эффект должен быть сильным и мощным, как хороший удар в челюсть. Пусть и Бейзила, и весь отдел по наркотикам тряхнет как следует.

– Ясно.

– Что касается гонорара...

– Как обычно? Пинки кивнул.

– Уходи через заднюю дверь, как пришел. После ухода Бардо Дюваль включил охранную сигнализацию, потом поднялся наверх. Реми лежала в кровати, но не спала.

– Что случилось?

– Я же тебе сказал. Дела. – Он начал раздеваться, внимательно глядя на нее. – Ты нормально себя чувствуешь, Реми? И отметил про себя, что вопрос ее встревожил.

– Конечно. Да. Почему ты спрашиваешь?

– В последнее время ты сама не своя. Реми вымученно улыбнулась.

– Ты же знаешь, я всегда зимой хандрю. Жду весны. Она еще так не скоро.

– Ты лжешь. – Обычно в голом виде люди выглядят проще и беззащитней. Но не Пинки. Нагота его ничуть не сковывала. Уперев руки в бока, он строго посмотрел на жену. – Ты уже несколько недель ходишь как в воду опущенная.

– Я же говорю...

– Не любишь зиму? Глупости. Скажи, откуда ты набралась этих глупых идейек?

– Каких идейек?

– Тех, которые ты так охотно развивала вчера перед моими гостями. Ты чуть было не встала на сторону моих оппонентов, Реми, – свистящим шепотом прошипел он.

– Глупости. Ты прекрасно знаешь, на чьей я стороне.

– Да?

– Конечно.

Она спокойно выдержала его пристальный взгляд. Он не прочел в глазах жены никакой неискренности, но отступить не хотелось. Реми в его жизни была отведена определенная роль, и эта роль не предусматривала высказывания собственного мнения по какому бы то ни было вопросу.

– Мне не понравилось, что ты куда-то исчезла во время приема.

– Я не исчезла. Голова разболелась, я пошла наверх и

немного полежала.

– Голова? – с сомнением переспросил он. – У тебя в жизни не было головных болей. И такой вялой ты никогда прежде не была. Ты больна? Отвести тебя к доктору?

– Нет!

Она сама удивилась своему вскрику. И, желая сгладить впечатление, слегка улыбнулась.

– Все нормально, Пинки. Я в полном порядке.

Просто нервы.

Он сел на кровать и погладил Реми по спине.

– Больше всего на свете, Реми, я ненавижу одну вещь: когда мне лгут. – Его железные пальцы сжали ей шею. – Говори, в чем дело?

– Ну хорошо, – сердито выпрямилась она. Откинула одеяло, встала с кровати. – Дело в этом человеке.

Дюваль тоже встал.

– В каком человеке?

– В Уэйне Бардо.

– А что такое?

– У меня от него – мороз по коже. – Она поежилась и обхватила себя за плечи. – Я его ненавижу. Не могу находиться с ним в одной комнате.

– Почему? Он тебя обидел, сделал что-то не так, сказал?

– Нет. Ничего такого не было. – Рассердившись не на шутку, она шумно выдохнула и запустила пальцы в свои растрепанные волосы. – Я чувствую: от него исходит зло, страшное

зло. Я надеялась, что после процесса он перестанет бывать у тебя так часто. И что же? Он как ни в чем не бывало сидит у нас на кухне.

Пинки едва не рассмеялся от облегчения. Большинство женщин считали Уэйна Бардо весьма привлекательным – до тех пор, пока не узнавали его получше. Дюваль был очень доволен, что смазливая внешность Бардо ничуть не трогала его молодую красавицу жену. Она его упорно избегала не из-за боязни поддаться его чарам, а из отвращения.

Разом повеселев, Дюваль сказал:

– Бардо выполняет для меня кое-какую работу. Отрабатывает гонорар.

– Но не мог бы ты отныне вести с ним переговоры не у нас дома, а где-нибудь еще?

– Почему он тебе так не нравится?

– Неужели не понятно? Я его боюсь. Пинки рассмеялся и заключил ее в объятия.

– Его многие боятся. Для этого он мне и нужен.

– Пугать людей?

Дюваль нахмурился. Она редко задавала ему вопросы, даже самые невинные, о его делах. Однако в последнее время Реми стала проявлять к ним некий интерес, хотя и пассивный. А это опасно. Несколько его клиентов заложили обиженные жены или любовницы, знавшие слишком много.

– Почему тебя так интересуют мои отношения с Бардо?

– Только потому, что он шляется сюда. Я не хочу его ви-

деть.

– Ну хорошо. Если Бардо тебя раздражает, я постараюсь, чтобы вы не встречались.

– Спасибо.

– Раз мы это уладили, пообещай, что не будешь больше киснуть.

– Постараюсь:

Он взял ее за подбородок.

– Постарайся. – Дюваль говорил тихо, но ему и не требовалось повышать голос, чтобы она его поняла. – Я когда-нибудь давал тебе повод для недовольства, Реми? – Она покачала головой. – Хорошо. – Он провел пальцем по ее губам. – Рад это слышать. Потому что я хочу, чтобы ты была счастлива. То, что случилось в Галвестоне, не должно повториться.

– Это было так давно.

– Не настолько давно, чтобы мы об этом забыли.

– Я не забыла.

– Ты счастлива?

– Конечно.

Он положил ее руку на свой пах.

– Так докажи мне это.

Позже, когда он уже засыпал, Реми сказала:

– Поездка к Фларре меня бы развлекла. Я, пожалуй, съезжу завтра.

– Прекрасно. Эррол тебя отвезет.

– Не над о. Я сама доеду.

Пинки задумался на мгновение. Его тревога все же не до конца улеглась после их разговора и даже после любви. Реми вполне правдоподобно объяснила причину ее нынешней меланхолии, и все же Дюваль подозревал, что здесь кроется нечто большее, чем неприязнь к Бардо.

Сомнения – вещь неконструктивная. Недоверие и ревность – проявление слабости. Однако, с другой стороны, Пинки считал, что лучше переосторожничать, чем оказаться в дураках. Особенно когда имеешь дело с женщиной.

– Слушай, ты уверена, что не передумаешь? Женщина надула губки и потянула его за пуговицу на рубашке.

– Конечно. Иначе зачем бы я тебя позвала к себе?

– Но мы познакомились всего час назад.

– Это не имеет значения. Мне много времени не требуется, чтобы понять, хочу я мужчину или нет.

Он ухмыльнулся.

– Тогда чего же мы ждем?

Они обхватили друг друга и пошатываясь поднялись на третий этаж. Старый дом был перестроен на шесть квартир, по две на каждом этаже. Ее квартира была маленькой, но уютной. Окна спальни выходили на задний дворик.

Женщина остановилась перед окном и начала медленно раздеваться, неуклюже пытаясь изобразить стриптиз.

– Ну как, нравится?

– Здорово, – пробурчал он и схватил ее за руку. – Очень

здорово.

У нее не было никаких комплексов по части секса. А может, так наширялась, что ей было абсолютно все равно, что он там с ней вытворяет. Но через некоторое время ее аппетит был полностью удовлетворен, она устала и начала ворчать.

– Я хочу спать.

– Ну и спи себе, – ответил он. – Ты мне не мешаешь.

– Я не могу спать, когда ты это делаешь.

– Да брось ты. Она хихикнула.

– Слушай, ты больной, ты это знаешь?

– Да, мне говорили.

– Ты точно надел презерватив?

– Я ведь тебе сказал, разве нет?

– Да, но я не видела. Знаешь, теперь и правда хватит. Я жутко устала. Оставим на следующий раз, хорошо?

– Ночь только начинается, дорогуша.

– Как же, «начинается», – простонала она. – Скоро уже вставать.

– У тебя просто кайф кончается. Тебе нужно немного подбавить.

– Мне на сегодня хватит. Через несколько часов я должна быть на работе. Давай спать. Эй!

Мне так больно!

– Неужели?

– Да. Хватит. Это мне не нравится. Ой! Я серьезно! Перестань!

– Расслабься, крошка. Главное впереди. И я не шучу.

* * *

Рэймонд Хан ехал домой из мэрии, всю дорогу поглядывая в зеркало заднего вида. Он хорошо справлялся со своей работой главным образом потому, что всегда был предельно осторожен. В качестве прикрытия он служил в маленькой бухгалтерской фирме, но зарплата ему шла через НОБН. Под видом работы с клиентами он свободно разъезжал по окрестностям, встречался с людьми и выявлял связи торговцев с клиентами.

Это была опасная работа. Чтобы войти в доверие к торговцам, боявшимся всего на свете, требовались месяцы. Часто приходилось рисковать собственной задницей, а результат оказывался нулевым. Ярким примером тому служил провал операции, когда был убит Кев Стюарт.

Не требовался специалист, чтобы сообразить, что кто-то в отделе предупреждает наркоторговцев об очередном готовящемся рейде. Но это внутриотдельские проблемы. У него, у Раймонда, своя задача: остаться живым и не раскрыть свою легенду.

Он работал секретным агентом три года – уже чуть больше, чем следовало. Он устал постоянно оглядываться, всех подозревать, жить двойной жизнью.

В последнее время Хан все чаще подумывал о том, чтобы

переехать и сменить работу. Но имелось серьезное возражение. Никакая другая работа не дала бы ему свободного доступа к наркотикам, а это весомый аргумент. Вот в чем главное достоинство его нынешнего положения.

Убедившись, что никто его не преследовал до дома, Рэймонд Хан отпер дверь квартиры, проскользнул внутрь и сразу задвинул засов. Каждый раз, когда по легенде требовалось его арестовать или подержать в тюрьме, Хан долго потом отходил от шока. Он так хорошо вжился в свою роль, что иногда поддавался реальности происходящего.

Он и Берк Бейзил были в одной команде. И все же этот тип его пугал. Рэймонду страшно было представить, что тот сделает, если узнает о его пагубном пристрастии. Ему бы ни за что не хотелось рассердить Бейзила. У него только работа на уме. Прямой, как шлагбаум. Естественно, что остальные ребята в отделе его недолюбливают.

Брать взятки считалось в порядке вещей. Это было правилом, а отнюдь не исключением. Многие полицейские полагали, что в этом сумасшедшем мире можно смотреть сквозь пальцы на мелкие правонарушения и всерьез относиться только к тем преступлениям, которые связаны с угрозой человеческой жизни.

Берк Бейзил думал иначе. Закон есть закон. Он либо нарушен, либо нет. И точка. Бейзил никогда и никому не читал морали – не считал нужным. Но его молчаливого осуждения было достаточно, чтобы полицейские-взяточники его сторо-

нились. А теперь, когда погиб Кевин Стюарт, единственным другом и собутыльником Бейзила считался один Дуг Пату. А если водишь дружбу с начальством, то нечего рассчитывать на популярность у сослуживцев.

Однако Бейзила, судя по всему, это не больно и расстраивало. В этом отношении, подумал Хан, они с Берком чем-то похожи. Рэймонду работа в одиночку была по душе, и Бейзилу явно тоже. Вряд ли его заботила нелюбовь коллег.

Хан разделся в темноте. Его подружка злилась, если он ее будил. Ей не нравилось, когда он поздно приходил или оставлял ее одну. Она была уверена, что он работает бухгалтером и не понимала его частых ночных отлучек.

Их распорядок часто не совпадал, да, собственно, чем реже они виделись, тем было лучше. Их отношения были удобны обоим. Когда она предложила Рэю перехать к ней, ему проще было согласиться, чем объяснять причину отказа. Кроме прочего, им нравились одни и те же наркотики. Под кайфом они лучше ладили друг с другом. В остальное время они тоже жили вполне терпимо, но кроме секса их в общем ничего не связывало.

Рэймонд отдавал себе отчет, что она его терпит за наркотики, которые он приносил. Однако его это не заботило. Он даже подозревал, что она ему изменяет, но всерьез ее не винил: слишком уж часто он уходил по ночам. Не принесла бы заразу в дом, а так – пусть делает что хочет. По телевидению часто предостерегали от связей, подобных той, что была у

них; но Хан утешал себя тем, что у него больше шансов получить пулю в затылок от торговца наркотиками, чем заразиться СПИДом.

Хан скользнул под одеяло и с радостью отметил, что она даже не пошевелилась. Он терпеть не мог сцен. Особенно после сегодняшнего ареста, особенно после двух часов, проведенных в тюрьме. Ну и зоопарк!

Его поместили в камеру с двумя братьями-деревенщинами, с головы до ног покрытыми татуировками. Они проломили череп третьему брату во время семейной ссоры. Еще одним сокамерником оказался трансвестит, забившийся в угол и трясущийся от страха. Он так рыдал, выслушивая оскорбления, которыми его осыпали провинциальные бугаи, что его фальшивые ресницы отклеились. Это, в свою очередь, вызвало новый всплеск рыданий и последовавшие за ними новые оскорбления.

Рэймонд всегда засыпал с трудом, а сегодня ночью ему особенно трудно было отогнать мрачные мысли. Он решил скрутить косячок – поможет расслабиться.

Хан перегнулся через подружку и включил ночник.

Он даже не успел осознать того, что увидел, как к нему метнулась тень.

Рэймонд Хан умер с безмолвным криком ужаса, так и не успевшим сорваться с его губ.

Глава 7

Как только Берк прибыл в управление, он сразу понял: что-то стряслось. Стоявшие возле кофеварки сослуживцы поздоровались с ним, стараясь не встречаться взглядами, а когда он подошел налить себе кофе, их уже как ветром сдуло.

Подойдя к столу, Берк снял пиджак, но на вешалку повесить не успел. На пороге своего кабинета появился Пату и вызвал Бейзила. Берк бросил пиджак на стол, а чашку с кофе взял с собой.

Пату закрыл за ним дверь.

– Садись.

– Не хочу я садиться. Я хочу знать, что, черт возьми, произошло!

– Рэймонд Хан мертв.

Берк сел.

– Хана и его подружку обнаружили сегодня утром в их кровати.

Берк отхлебнул кофе.

– Насколько я понимаю, он умер не от сердечного приступа?

– Их убили.

Пату рассказал, что женщина работала кассиром в маленьком отделении банка. Она приходила на работу в шесть тридцать, а в семь открывалось окошко для автомобилистов.

Когда она не явилась, напарница отправилась к ней домой, решив, что та вчера вечером слишком много выпила или накурилась. Дело в том, что подружка Хана однажды уже попала в во время медицинской проверки на наркотики и с нее взяли обещание немедленно обратиться к врачу. Напарница вошла в квартиру.

– Там было... нечто ужасное.

– Можешь не опускать детали, – раздраженно заметил Берк. – Я в обморок не упаду.

– А женщина из банка упала. Девица получила несколько ножевых ран. В отчете судебного медэксперта говорится, что каждая из них была смертельной. Убийца не торопился, похоже, он убивал с удовольствием. Она была изнасилована извращенным способом, но не установлено – до или после гибели. Хану больше повезло, если можно так выразиться. У него только одно ножевое ранение, на шее, но точное. Убийца знал, куда бить, чтобы жертва даже не вскрикнула.

Берк встал, взял свой кофе и подошел к окну. Он пил кофе из собственной кружки, на которой были нарисованы разноцветные морские коньки. Барбара купила ее во Флориде в один из редких отпусков. Он даже не помнил, когда это было. Миллион лет назад. По крайней мере, ему так казалось. Берк уже не мог себе представить, как это можно взять и поехать в отпуск, валяться на пляже, покупать дурацкие сувениры. Все развлечения исчезли из его жизни в ту ночь, когда убили Кева Стюарта.

– Следы обнаружены?

– Над этим работает отдел убийств, но, похоже, следов нет. Может, вскрытие чем-то поможет. Анус и влагалище женщины травмированы, но следов спермы на теле не обнаружено.

Лаборатория только попусту теряет время. Никаких следов они не найдут. Бардо предпочитал нож, похоже на его почерк. Он обожал грубый секс, но даже в этом своем мерзком пристрастии был крайне осторожен и всегда пользовался презервативом. И уж, конечно, Бардо не такой дурак, чтобы оставлять отпечатки пальцев. Единственная надежда полицейских – найти частичку кожи или волос.

Всю прошлую ночь Берк продержал Рэймонда Хана в камере. Значит, пока Хан сидел, Бардо изнасиловал и убил его подружку? Или Хан пришел домой и застукал их?

– Следы борьбы?

– Никаких, – отозвался Пату. – Ума не приложу, как он их обоих убил. Прикончил Хана, а потом занялся женщиной?

– Может быть. Или же... – Бейзил задумался. – Или сначала убил ее, а потом дождался Хана. Пату с сомнением покачал головой.

– Когда Хана убили, он был раздет и лежал в кровати.

– Хан пришел домой поздно. Убийца прятался до тех пор, пока бедняга Рэй не лег. Он, очевидно, раздевался в темноте. Я сам так всегда делаю, чтобы не разбудить Барбару. Поэтому Хан не видел, что его подруга мертва. Не видел кро-

ви и даже не понял, что что-то не так. – Берк крепче сжал кружку. – Похоже на него.

– На кого?

– На Бардо. Бардо, наверное, решил, что это очень забавно, когда жертва сама запирается в одной комнате с убийцей.

– Почему ты думаешь, что это Бардо?

– Мы арестовали Хана и Сэчела. Дюваль появился в участке в полночь. Нам известно, что Сэчел тайно состоит на службе у Дюваля. Бардо – его наемный убийца. Наш секретный агент убит. Соображай сам. Это не может быть случайным совпадением.

– Очень даже может! – воскликнул Пату. Берк отвернулся от окна, но, прежде чем он успел открыть рот. Пату быстро продолжил: – Тебе, так же как и мне, хорошо известно, что Хан был наркоманом. Женщина, очевидно, тоже. Причина убийства может быть любая: и наркотики, и любовный треугольник, и...

– И то, что Дюваль вычислил Хана как нашего агента и решил вывести его из игры. И одновременно преподать нам урок.

– Ну хорошо, – согласился Пату, поднимаясь. – Но я не хочу, чтобы ты воспринимал это так, словно убийство касается лично тебя одного. Все в отделе чувствуют себя паршиво. Мы – одна команда, Берк. Мы должны работать вместе. Нельзя позволить, чтобы подобные сбои выводили нас из равновесия. Будем продолжать работать по плану.

Подобная демагогия была не характерна для Пату. Обычно он приберегал прописные истины для речей, которые проносил перед всем отделом. Наедине они с Берком всегда говорили откровенно.

– Что еще? – спросил Берк.

– Ты о чем?

– Есть что-то, о чем ты умалчиваешь. Боишься мне сказать?

Пату поморщился. Он был худощав, рано начал лысеть. Сегодня утром он чувствовал себя старше лет на десять.

– Слишком уж ты умный, себе во вред.

– Да, мне это часто говорят, – нетерпеливо перебил Берк. – Так что?

– Сэчел отказался идти на сделку.

– Разреши мне поговорить с ним. Минут пятнадцать, не больше.

– Это ни к чему не приведет, Берк. Он отказался сразу, даже не выслушав, в чем дело. Он категорически отказался от переговоров.

– Он пойдет на судебный процесс?

– Он собирается признать себя виновным. По всем пунктам.

– Сукин сын, – выругался Бейзил. – Это Дюваль с ним поработал.

– Ты недалек от истины.

– Господи, неужели этот подонок неуязвим? – невесело

усмехнулся Берк. – Он вертит нами как хочет.

– Дюваль ведет нечестную игру. А мы обязаны соблюдать правила.

У Берка заходили желваки по скулам.

– Может, нам тоже пора забыть о правилах, – пробормотал он.

– А?

– Нет, ничего. Знаешь, Дуг, пойду-ка я отсюда.

– Берк...

– Увидимся позже.

Он закрыл за собой дверь, сгреб в охапку пиджак, по-прежнему лежавший на столе, и направился к выходу. По дороге он столкнулся с Макьюэном.

– Эй, Бейзил, я тебя везде ищу. Надо поговорить.

– Потом.

Ему было не до разговоров, особенно с Макьюэном. Сегодня утром неуемный оптимизм и неистощимая энергия Мака раздражали Бейзила. Не останавливаясь, он бросил:

– Позже, Мак.

– Привет, Берк. Заходи.

Нэнси Стюарт, посторонившись, пропустила его в дом.

После известий о Хане и Сэчеле приход сюда иначе, как мазохизмом, трудно было назвать. Но Берк проезжал по городу несколько часов, проклиная всех и вся, и просто уже не знал, что делать. Ему предлагали неделю отпуска, так почему не побездельничать хотя бы один день?

У Стюартов был кирпичный дом, облицованный аккуратно выкрашенными деревянными досками. Лужайка перед домом была уже не так тщательно подстрижена, как тогда, когда Кевин был жив. Он любил возиться с косилкой и хвастался, что у него самый лучший газон во всем квартале. Берк заметил, что на одном окне провисли жалюзи. Коврик у входа казался весьма потрепанным, одна лампа в люстре не горела. Как-нибудь надо будет приехать и помочь Нэнси навести в доме порядок, решил Берк.

– Проходи в кухню, – позвала она, оглянувшись через плечо. – Я готовлю ужин. Мы сегодня ужинаем пораньше – в школе вечер. Хочешь чего-нибудь выпить?

– Кофе, если не затруднит.

– Растворимый, не возражаешь?

Он возражал, но согласно кивнул. Кухонька была тесная, но уютная. На самом видном месте висел календарь с обведенными числами: днями техосмотра, визитами к зубному врачу, сегодняшним школьным вечером. К холодильнику магнитами в виде бутылочек с кетчупом и баночек с горчицей были пришпилены детские рисунки и расписания занятий. На столе стояла банка с детским фигурным печеньем.

Проследив за его взглядом, Нэнси предложила ему попробовать.

– Правда, оно покупное. Я редко пеку.

– Нет, спасибо, – отказался Берк. – Хватит одного кофе.

Она продолжала заниматься готовкой, перемешивая руб-

леную говядину с сухарями. Рядом ждали своей очереди мелко порезанный зеленый перец, лук и банка томатного соуса.

– Котлеты готовишь?

– Откуда ты знаешь?

– Моя мама их часто делала.

– Твоя мама? – Нэнси удивленно посмотрела на него. – Знаешь, Берк, ты в первый раз упомянул о твоей семье. А ведь мы давно знакомы.

Он пожал плечами.

– Не имею такой привычки. Чтоб у них из-за меня не было неприятностей. Да и семьи-то почти не осталось. Отец работал на железной дороге. Когда я окончил третий класс, он попал под поезд. Пришлось матери с нами одной управлять. Тогда семьи с одним родителем еще не вошли в моду, как сейчас. Мать служила в телефонной компании, а несколько лет назад умерла от рака. Так что остались мы с младшим братом. Он живет в Шривпорте. У него жена, пара ребятишек. – Берк сухо улыбнулся. – Мама знала, наверное, не меньше тридцати способов делания котлет.

– Я тоже.

– Как мальчики?

– Хорошо.

Берк отпил кофе, который оказался еще хуже, чем он ожидал.

– В школе порядок?

– Отметки приличные.

– Я не про отметки.

Понимая, что он имеет в виду их психическое состояние, она немного поколебалась.

– Нормально. Более или менее.

– Ну, тогда хорошо. – Берк повертел в руках солонку и перечницу, поставил на место. – Какая теплая погода стоит.

– Да, так хочется, чтобы зима скорее кончилась. Но холода еще будут.

– Ага. В конце марта.

Эта неуклюжая попытка поддержать беседу была все же лучше неловкого молчания. Они избегали говорить о чем-нибудь существенном и важном. И это было странно, ведь самые тяжелые времена остались позади.

Это он, Берк, принес Нэнси известие о гибели Кевина. Дуг Пату предлагал взять на себя эту тяжелую обязанность, но Берк настоял, что именно он должен идти к жене друга. Он подхватил Нэнси, когда она рухнула как подкошенная при страшном известии, он занимался процедурой похорон.

Все последующие месяцы Берк помогал Нэнси оформлять страховку, заполнять бумаги на скудную пенсию, выделенную семье погибшего полицейского, заводить кредит и банковский счет на ее имя, решать неизбежные финансовые проблемы.

Однажды она позвонила и попросила вместе с ней разобрать вещи Кевина. Она отдала Берку лучшую одежду Кева,

и он взял ее. Но по дороге домой отвез вещи в приемник Армии спасения. Он никогда бы не смог надеть их.

Осенью он проверил отопление в доме и заменил фильтры. На Рождество привез мальчикам елку и помог ее наряжать. Кев уже почти год как умер, но Берк считал своим долгом раз в две недели приезжать к его вдове и оказывать кое-какую помощь по дому.

Главная трудность заключалась в том, что чем дальше, тем труднее им с Нэнси удавалось найти тему для разговора. С течением времени их беседы не становились более непринужденными, совсем наоборот – напряжение возрастало. Берк никогда не рассказывал о работе и о сослуживцах, с которыми Нэнси была знакома. А поскольку теперь работа являлась для него самым важным в жизни, он не знал, о чем еще разговаривать, кроме погоды и мальчик ков. Так что неловкие паузы то и дело повисали посреди их бесед с Нэнси.

Она встречала его с неизменной приветливостью, но со временем перемены в Нэнси становились все заметнее. Теперь она была куда более сдержанной, чем при жизни Кевина. Прежде она часто смеялась, шутила. Конечно, думал Берк, женщина с удовольствием шутит с друзьями мужа, когда вот он здесь, рядом. Но она не может оставаться прежней, когда муж умер.

Во время процесса над Бардо они виделись очень часто, обсуждали детали, переживали; А сейчас, когда последняя глава этого кошмара закончена, о чем им говорить?

– Э-э...

– Берк...

Она, очевидно, тоже чувствовала неловкость Повисшей паузы, и поэтому они заговорили одновременно. Он с облегчением закивал, но она быстро сказала:

– Нет-нет, ты первый.

Их спасло появление мальчиков. Заметив припаркованную возле дома машину Берка, они с радостными возгласами ворвались в дом. Побросали куртки и рюкзаки и, пыхтя и толкаясь, облепили Берка.

Мальчики быстро переоделись, и Берк, по установившейся традиции, пошел с ними во двор. Навещаая Нэнси, он обязательно какое-то время проводил с Дэвидом и Питером. Обычно они во что-нибудь играли. Сегодня мальчики выбрали бейсбол.

– Вот так правильно, Берк? – спросил Питер, младший.

Стойка у него была кошмарная, но Берк ответил:

– Именно так. У тебя начинает получаться, парень. Держи биту покрепче. Теперь посмотрим, как ты бьешь.

Он бросил мяч так, чтобы тот сам угодил в биту.

Питер завизжал и понесся вдоль самодельных баз.

Берк показал ему большой палец.

– Мы будем играть в Лиге юниоров. Может, придешь поглядеть одну игру, Берк? – с робкой надеждой спросил Дэвид.

– Одну? Я собираюсь купить сезонный билет. – Берк шут-

ливо растрепал мальчику волосы такого же медного цвета, как у отца. И улыбки, которыми просияли братья, были точь-в-точь такими, как у Кева. У Берка перехватило горло. Слезы подступили к глазам, но тут, слава Богу, в дверях появилась Нэнси и позвала мальчиков мыть руки.

– Ужин будет готов через пятнадцать минут, – объявила она.

– Пока, Берк.

– Пока, Берк, – повторил Питер, подражая старшему брату, и они понеслись к дому.

– Здорово у тебя с ними получается, – заметила Нэнси.

– А с чужими детьми вообще проще. Это с собственными возникают проблемы.

– Почему вы с Барбарой не завели детей?

– Не знаю. Как-то не сложилось. Всегда находились веские причины отложить это дело. Сначала нехватка денег.

– А потом?

– Потом тоже нехватка денег. – Он хотел пошутить, но вышло довольно плоско.

– Я не знаю, что бы я делала без моих сыновей.

Кевин продолжает жить в них.

Он понимающе кивнул. Потом, поймав себя на том, что сжимает и разжимает правый кулак, быстро сказал:

– Я, пожалуй, пойду. А то они опоздают на школьный вечер из-за разговоров о бейсболе.

– Поужинай с нами.

Приглашение было данью вежливости. Она каждый раз предлагала, а он каждый раз неизменно отказывался.

– Нет, спасибо. Барбара меня ждет.

– Передавай ей привет.

– Обязательно.

– Берк. – Нэнси смотрела на дверь ванной, откуда доносились дикие крики мальчишек, но вдруг, словно решившись, взглянула Бейзилу прямо в глаза. – Я не хочу, чтобы ты приходил к нам.

Он решил, что ослышался.

– Что?

Даже когда она повторила, он не до конца осознал смысл ее слов.

Нэнси сделала глубокий вдох и выпрямилась. Очевидно, она не раз представляла себе этот разговор. Боясь, что у нее снова не хватит мужества, она быстро заговорила:

– Я не могу находиться рядом с тобой, не могу смотреть на тебя и не думать о Кеве. Каждый раз при виде тебя я вновь переживаю эту пытку. После твоих приходов и звонков я плачу несколько дней. Я злюсь, чувствую себя виноватой. Едва я успеваю оправиться от удара, как ты снова приходишь. Она сжала губы и постаралась взять себя в руки. – Я стараюсь научиться жить без Кева. Я говорю себе, что его больше нет в моей жизни. И никогда не будет. Что я должна привыкнуть к этой мысли. И когда у меня чуть-чуть начинается получаться, появляешься ты... – Из глаз ее хлынули сле-

зы. Она полезла в карман за платком. – Ты меня понимаешь?

– Да, понимаю. – Он даже не пытался скрыть горечь. – Тебе неприятно угощать кофе человека, который сделал тебя вдовой.

– Я этого не говорила.

– Тебе и не надо было говорить этого вслух. Он резко встал и стремительно пошел прочь.

– Берк, пожалуйста, пойми меня! – крикнула она вслед. – Пожалуйста.

Он остановился и оглянулся. При виде ее измученного лица его гнев моментально испарился. Что он вспылит? Она не хотела его обижать. Да и вообще дело не в нем, а в ней. Когда она попросила его больше не приходить, в ней говорил инстинкт самосохранения.

– Не переживай, Нэнси, я все понял. На твоём месте я поступил бы точно так же.

– Ты прекрасно знаешь, как много ты значишь для меня и для мальчиков. А мы знаем, как много ты значил для Кева. Но...

Он вскинул руки:

– Только ни в чем себя не вини. Ладно? Ты абсолютно права. Так будет лучше. Она всхлипнула и высморкалась.

– Спасибо, что понял, Берк.

– А мальчикам скажи... – Он старался придумать уважительную причину, почему вдруг он, как и их отец, внезапно исчезнет.

Из ее груди вырвалось рыдание.

– Я что-нибудь придумаю. Они на редкость понятливые ребята. – Нэнси улыбнулась сквозь слезы. – После всего того, что ты для нас сделал, мне невыносима сама мысль о том, как ты обижен. Мне это тяжело дается – надеюсь, тебе от этого легче. Я чувствую себя так, словно отрезаю себе правую руку для того, чтобы спасти свою жизнь. Ты был нам замечательным другом.

– Я им и останусь. Навсегда. Она тихо произнесла:

– Я не смогу начать новую жизнь, пока не освобожусь от этого груза, Берк.

– Я понимаю.

– И ты тоже не сможешь. Когда же ты начнешь жить снова?

Несколько секунд он молчал. Потом сказал:

– Если тебе понадобится помощь, ты знаешь, где меня найти.

Глава 8

У дома стояла машина Барбары. Она будет довольна, что он в кои-то веки вернулся домой вовремя, даже раньше. Берк виновато подумал, что не возражал бы, если бы баскетбольный турнир или еще что-нибудь задержали ее в школе подольше. Ему хотелось побыть одному.

День начался сразу с двух поганных новостей, сообщенных Патю. Теперь вот Нэнси сказала – если называть вещи своими именами, – чтобы он проваливал раз и навсегда. Так что на споры с Барбарой у него не осталось сил. Даже самая незначительная стычка сейчас выведет его из равновесия. Берк опасался, что в его нынешнем душевном состоянии он может взорваться из-за любой ерунды.

Он вошел через заднюю дверь, позвал Барбару.

На кухне ее не оказалось, в других комнатах тоже, и он пошел вверх. Поднявшись на второй этаж, он услышал из спальни звук работающего телевизора.

В душе лилась вода.

Но, войдя в спальню, он понял, что прав лишь отчасти. В душе действительно лилась вода. Но голоса доносились не из телевизора.

Берк пересек спальню и открыл дверь в ванную. Она вся была окутана паром. Берк отодвинул дверцу душа.

Барбара стояла, прижавшись к стенке душа.

Глаза ее были закрыты, рот полуоткрыт, ногами она обхватила, яростно двигающего задом футбольного тренера из ее школы.

Ощувив мгновенный первобытный прилив ярости, Берк сгреб парня обеими руками и выдернул из душевой кабины. Тренер, поскользнувшись на скользком от мыла плиточном полу, непременно бы упал, если бы Берк не держал его мертвой хваткой за шею.

Барбара пронзительно завизжала, но тут же зажала рот руками. Она широко раскрытыми глазами смотрела, как муж несколько раз шмякнул ее любовника об стенку, а потом начал безостановочно молотить его кулаками. Руки его двигались, словно поршни, с хлюпающим звуком ударявшие в мокрое тело. Тренер был моложе Берка лет на пятнадцать, более мускулистый и тренированный, но преимуществом Берка были внезапность и стремительность. Сам Берк сейчас не думал ни о преимуществах, ни о разнице в силах. Он обезумел от ярости, он просто бил. Ему хотелось, чтобы еще кому-то тоже было больно, хотелось лупить твердым кулаком в мягкую плоть.

Он бил парня до тех пор, пока тот не запросил пощады. Напоследок он ударил противника коленкой в пах, тренер дико заорал, зажал пах руками и рухнул как подкошенный на пол. Его лицо было залито кровью и слезами.

Тяжело дыша, Берк подошел к раковине, вымыл руки, сполоснул лицо холодной водой. Выпрямившись, он увидел

в затуманенном от пара зеркале, как Барбара накидывает на себя халат (все-таки не совсем стыд потеряла). Однако она не проявила ни малейшей заботы о своем поверженном любовнике, что удивило Берка. Ей на него наплевать, что ли? Очень может быть. Может, она и любовника-то завела, лишь бы привлечь внимание мужа? А может, Берк себе льстит.

– Ну, полегчало? – с сарказмом поинтересовалась она.

– Нет, – честно ответил Берк, вытирая лицо полотенцем. – Несильно.

– Теперь займешься мной? Он повернулся и посмотрел на нее, удивляясь, когда она успела стать такой злой и стервозной. Не всегда же она такой была? Или годы несчастий и разочарований превратили ее в эту озлобленную женщину, сейчас испепеляющую его взглядом? Как бы то ни было, он не узнавал в ней нежную и веселую девушку, когда-то бывшую его невестой. Эту женщину он совсем не знал, да и, откровенно говоря, не имел ни малейшего желания знать.

– На этот вопрос я и отвечать не собираюсь.

– Ты оскорбил меня, Берк. Хуже, чем если бы ударил.

– А мне плевать. – Он обогнул ее и пошел в спальню.

Там он достал из-под кровати чемодан и начал вытряхивать в него содержимое ящичков письменного стола.

– Что ты делаешь?

– Разве не понятно?

– Даже не надейся, что причиной развода назовешь мою измену, – прошипела Барбара. – Наши проблемы начались

гораздо раньше...

– Раньше, чем ты начала трахаться с другим мужиком в душе?

– Да! – заорала она. – И он не был первым.

– Меня это не интересует. – Берк зачихнул в чемодан кое-какую одежду, застегнул замок.

– Куда ты направляешься?

– Понятия не имею.

– Но я ведь знаю, где тебя можно найти в любое время дня и ночи, не так ли?

– Так, – согласился он, не желая ввязываться в перепалку. Не хватало ему еще оправдываться перед неверной женой за то, что он все силы и время отдает работе. – А что до развода, Барбара, поступай как знаешь. Я ничего не стану опротестовывать. Напиши, что я мало зарабатываю, что я грубиян и извращенец. Мне все равно.

Он огляделся, не забыл ли чего, и вдруг до него дошло, как быстро и легко он собрался. Они не жили вместе в этой комнате, они проживали. Здесь не имелось ничего, дорогого лично ему. Он упаковал только самое необходимое, и вещи, которые он покидал в чемодан, могли принадлежать кому угодно. Он уходил из этого дома, не оставляя за спиной ничего ценного. В том числе и Барбару.

Берк не был уверен, что тот дом еще стоит на прежнем месте. Однако приземистое здание все же уцелело под натиском новых домов.

Строительство, связанное с туристическим бумом, быстро разрушило неповторимый облик Нью-Орлеана, ради которого, собственно, туристы сюда и приезжали. Это противоречило логике, но факт оставался фактом.

Берку было бы страшно обидно, если бы и этот дом оказался снесенным. При всей его ветхости в нем было очарование старины, был характер. Он, словно вдовствующая герцогиня, с достоинством и вызовом держался за моду прошлых лет. Часть балконной решетки на втором этаже отвалилась, кирпичная дорожка, ведущая к дому, зияла выбоинами. Через щели штукатурки лезли сорняки, однако у крыльца горделиво высились пальмы в кадках. Берк толкнул входную дверь, и она со скрипом отворилась.

Первая дверь слева была украшена табличкой «Управляющий». Берк нажал кнопку звонка. Сутулый пожилой мужчина, появившийся на пороге, не был тем управляющим, которого помнил Берк, но был на того очень похож. Из комнаты пахло душной жарой и резким кошачьим запахом. На руках у хозяина, смотревшего на посетителя красными глазами хронического алкоголика, восседал огромный жирный

кот.

– У вас есть свободные квартиры? Единственным условием для снятия квартиры был чек на сто долларов в качестве аванса.

– В стоимость входит смена полотенец каждые три дня, – сообщил управляющий и зашаркал в домашних шлепанцах вперед, чтобы показать Берку угловую квартиру на третьем этаже.

Строго говоря, это была одна комната. Потрепанная занавеска, отгораживающая умывальник и ванну, являлась жалкой попыткой создать иллюзию ванной комнаты. У двойной кровати заметно просели пружины. На кухне были лишь раковина, узкая навесная полка, холодильник размером с почтовый ящик и двухконфорочная плита, в исправности которой хозяин почти не сомневался.

– Вряд ли я буду много готовить, – успокоил его Берк и взял ключ.

Прикованный цепью к стене черно-белый телевизор был единственной роскошью, добавившейся здесь с тех пор, когда Берк более двадцати лет назад поселился в этом доме. Он тогда приехал из своего родного Шривпорта, чтобы приступить к работе в нью-орлеанском отделе по борьбе с наркотиками. Думая в ближайшее время подыскать себе подходящее жилье, он снял квартиру здесь и прожил в ней полтора года.

Он довольно смутно помнил свою тогдашнюю квартиру. Берк редко бывал дома, почти все время проводил в участке.

Учился у старших, вызывался сам на сверхурочные дежурства, корпел над бумажками – всегдашним бичом полицейских во всем мире. Бейзил был тогда молод, полон сил и чувствовал себя крестоносцем, призванным освободить землю от преступности и преступников.

Сегодня вечером куда менее идеалистично настроенный Берк Бейзил наполнил старую ванну на чугунных ножках горячей водой и влез в нее, прихватив с собой бутылку «Джека Дэниэлса». Он пил прямо из бутылки, равнодушно глядя, как по стене ползет таракан размером с его большой палец.

Когда застаешь жену на месте преступления с другим мужиком, перво-наперво – после того, как набьешь морду тому мужику, – надо купить бутылку виски, выпить ее и удостовериться, что еще способен на эрекцию.

Итак, свободной рукой он приступил к делу. Берк закрыл глаза и постарался вместо Барбары, трахающейся с футбольным тренером, вызвать в воображении картину, которая помогла бы эрекции продержаться подольше и привести к оргазму.

И в то же мгновение перед его мысленным взором предстала та шлюха из беседки в саду Дюваля.

Он отогнал прочь все неприятные мысли и сосредоточился на образе женщины в облегающем черном платье, на ее блестящих волосах цвета воронова крыла, груди, на которую лился ласкающий лунный свет.

Но ее лицо пока оставалось размытым. Он мысленно при-

близился к ней. Она взглянула на него в упор своими темными глазами. Произнесла его имя. Погладила своими нежными пальцами. Прикоснулась мягкими губами. Ее язык...

Он кончил, грязно выругавшись сквозь стиснутые губы.

Берк чувствовал легкое головокружение и слабость, но, возможно, этому способствовали горячая вода и виски. Приятно было осознавать, что он по-прежнему нормальный, полноценный мужчина. Однако настроение от этого если и улучшилось, то ненадолго.

Размякший от ванны и уже пьяный, он вылез, обмотался вокруг пояса двумя тонкими полотенцами, сел на край кровати и принялся размышлять о своем будущем.

Наверное, надо связаться с адвокатом, заморозить банковский счет, аннулировать кредитную карточку – в общем, поступить так, как обычно поступают люди, чтобы отомстить неверной супруге, если их семейная жизнь становится частью бракоразводной статистики.

Но Берку было неохота затевать все эти юридические дела. Черт с ней, с Барбарой, пусть пользуется чем хочет из их совместно нажитого имущества. Он взял с собой все, что ему было нужно: кое-какую одежду, значок полицейского, пистолет.

Порывшись в куче одежды, сваленной на кровати, он достал пистолет, взвесил его на ладони. Именно из него была выпущена пуля, убившая Кевина Стюарта.

С личной жизнью – полный крах. С работой тоже. Былые

иллюзии, высокие слова о чести и доблести были для него теперь пустым звуком. Только идиоты продолжали верить в подобную чушь. Эти понятия устарели, они не применимы к современному обществу. Когда Бейзил поступил в полицейскую академию, он воображал себя рыцарем, но рыцари Круглого Стола – всего лишь старая-старая сказка.

Берк Бейзил стал парией, вечным занудой в отделе по наркотикам, человеком, застрелившим собственного напарника и требовавшим справедливого суда, в то время как остальным на это было глубоко наплевать.

Уэйн Бардо вышел на свободу, чтобы снова убивать, и уже появились новые жертвы.

Дюваль спокойно сидит в своем роскошном доме со своими слугами, своими богатыми друзьями и своими дорогими шлюхами.

А Берку Бейзилу тем временем наплевали в душу за желание помочь; жена завела себе молодого любовника и трахается с ним в его, Берка, собственном доме.

Он снова взвесил на руке пистолет. Что ж, он станет не первым полицейским, осознавшим бессмысленность своей работы и пустившим себе пулю в лоб. Долго ли о нем будут горевать? Да и кто? Пату? Мак? Возможно. А про себя, наверное, будут рады, что избавились от такой мороки.

Когда труп начнет разлагаться, управляющий сначала будет долго стучать, потом вызовет полицию. А когда его найдут, вряд ли кого-нибудь удивит, что лейтенант Бейзил ре-

шил свести счета с жизнью. Скажут, это все из-за семейной катастрофы. Поползут сплетни: слышали, он застал свою бабу, ну, ту, с роскошной фигурой, трахающейся в душе с другим мужиком. Бедняга. Покачают головами, повздыхают, что он так и не оправился после убийства Стюарта. Вот когда начались все его проблемы.

Пока вдова Стюарта едва сводит концы с концами, этот бесстыжий адвокат и его бандиты-клиенты закатывают роскошные гулянки, празднуя свою победу над правосудием. Старина Берк Бейзил примириться с этим никак не мог. Больше ему не под силу тащить на своих плечах это всепоглощающее чувство вины.

Все, хватит. Пора кончать.

Кажется, он себя жалеет? Ну и что с того? Разве он не имеет права посочувствовать самому себе? Нэнси Стюарт обидела его до глубины души, хотя, конечно, он понимал, что она была права. Она сейчас вцепилась в жизнь обеими руками. Боль после смерти Кевина понемногу утихнет, Нэнси еще может кого-то встретить и снова выйти замуж. Она не винила Берка в случившемся, но его посещения пробуждали в ней горькие воспоминания.

Берку хотелось думать о Барбаре только как о блудливой гадине, не пожелавшей понять его и постараться помочь, когда он был совершенно раздавлен гибелью друга. Однако, если быть до конца честным... Барбара, конечно, не без недостатков, но ведь и он тоже никогда не был идеальным мужем,

даже до того рокового случая. Если бы их брак завершился раньше, было бы лучше для них обоих.

Он сделал в своей жизни много ошибок. Неправильно выбрал жену. Неправильно выбрал работу. Кому нужны эти сверхурочные дежурства и работа на износ? В результате он так ничего и не совершил.

Ничего.

Хотя, нет, почему же ничего. Он убил Кевина Стюарта.

Господи, как же ему недоставало этого парня! Берку не хватало спокойной рассудительности Кева, его глуповатых шуток, непоколебимой уверенности в том, что хорошо, а что плохо. Берк скучал даже по его вспышкам ярости. Кевин был бы не против погибнуть при исполнении служебного долга. Да что там: именно такую смерть он считал самой достойной.

А вот чего бы он не потерпел, так это того, что его гибель осталась неотомщенной. Преступники, повинные в смерти Кевина, благополучно увильнули от закона, защите которого Кев посвятил всю свою жизнь. С подобным Кевин Стюарт не смирился бы.

Эта мысль отрезвила Берка Бейзила, как холодный душ.

Он поставил бутылку на шаткий прикроватный столик, рядом положил пистолет. Сбросив с себя полотенца, лег на жесткую кровать и заложил руки за голову. Он лежал так несколько часов, смотрел в потолок и думал.

Хотя думать было не о чем.

Он уже знал, что должен делать дальше. Знал, кого должен

убить. Уж во всяком случае, не себя.

Когда Бейзил наконец уснул, он спал так, как не спал уже много месяцев – спокойно, глубоко и без кошмаров.

Глава 9

– Уволиться?

– Уволиться, – повторил Берк. На мгновение Пату потерял дар речи.

– Вот так просто взять и уволиться? Но почему, скажи на милость?

– Не «так просто», Дуг. Ты сам знаешь почему.

– Из-за Кева?

– Главным образом да. А еще из-за Дюваля, Бардо и Сэчела. Я могу идти?

– Это невозможно! – Пату вскочил со стула и начал нервно расхаживать по кабинету. – Если ты из-за них бросишь работу, которую любишь, значит – они победили. Черт возьми, легко же ты сдаешься! Позволяешь им вмешиваться в твою жизнь, управлять твоими поступками.

– Может, так, а может, и нет. Если бы все было так просто. Пату перестал бегать из угла в угол и взглянул на Берка.

– Что-то еще произошло?

– Мы с Барбарой разошлись. Пату отвел глаза, потом сочувственно посмотрел на Берка.

– Мне очень жаль. Вы разошлись на время?

– Нет, навсегда.

– Господи. Я видел, у вас не все гладко, но не подозревал, что дела до такой степени плохи.

– Я тоже, – признался Берк. – До вчерашнего вечера. Не буду утомлять тебя деталями, но, поверь мне на слово, наш разрыв окончательный. Я ушел и сказал, что она может сама выбрать причину для развода. Так что с семейной жизнью покончено.

– Мне очень жаль, – повторил Пату.

Берк тоже жалел о том, что брак, пусть даже не самый удачный, развалился. Особенно о том, как это произошло.

Берк сказал:

– Но вообще я в порядке. Правда. Это не вчера началось и длилось довольно долго. А что касается работы, то это тоже длится уже давно. Я сгорел, Дуг. В моем нынешнем состоянии тебе не будет от меня никакой пользы.

– Чушь. Ты лучший полицейский в отделе.

– Спасибо, конечно, но так будет лучше для всех.

– Послушай, Берк. У нас только что был неудачный процесс. Ты расстроен из-за разрыва с Барбарой. Сейчас неподходящее время принимать кардинальные решения. Возьми недельку отпуска...

Берк помотал головой, не дав Пату закончить.

– Нет, Дуг. Ты предлагаешь недельку отпуска. Это все равно что предлагать пластырь больному, нуждающемуся в операции на сердце.

– Ну, тогда, может, тебе на какое-то время оставить оперативную работу? – предложил Пату. – Поработать в качестве эксперта. Ну, чтобы снять напряжение.

– Прости, Дуг. Я уже принял решение.

– Давай я хоть отстраню тебя на время, с сохранением содержания. Ты сможешь вернуться, как только почувствуешь себя лучше. Твое место останется за тобой.

Предложение звучало заманчиво, Берк колебался какую-то долю секунды, но потом отрицательно покачал головой.

– Нет, Дуг, если я не пережду эту пуповину, у меня может возникнуть соблазн ею воспользоваться. И через несколько недель я снова окажусь в той же ситуации. Нет, я хочу обрубить все концы.

Пату вернулся за свой стол, пригладил руками редеющие волосы.

– Просто не могу в это поверить. Я – глава отдела, но ты – его сердце, Берк.

Бейзил фыркнул.

– Решил переменить тактику, Дуг? Попробовать доверительную беседу?

– Но это правда!

– Спасибо за комплимент, но меня этим не прошибешь.

– Ну, хорошо, – нетерпеливо отмахнулся Пату. – Черт с ним, с отделом. А ты сам? О себе ты подумал? Ты-то что будешь делать?

– Не имею ни малейшего представления. Дуг.

В том-то и кайф.

Первый раз в жизни Берк солгал своему другу.

Бордель располагался в солидном здании, с виду похожем на филиал публичной библиотеки.

Дом, окруженный решетчатым железным забором, прятался в тени роскошных магнолий. Когда-то он принадлежал богатой креольской семье, торговавшей хлопком. Это было до того, как началась, если выразиться на местном жаргоне, агрессия Севера против Юга.

Янки захватили все корабли и склады, принадлежавшие семейству, сожгли плантацию в верховьях реки, а дом захватили для своего штаба. Это было последней каплей, страшным оскорблением, после которого богатое креольское семейство так и не оправилось.

После Гражданской войны здание пришло в полный упадок. В то время мало кто мог позволить себе приобрести во владение такой дом и платить налог на недвижимость. Но в начале 1880-х некий бизнесмен с Севера буквально влюбился в особняк. Он вбухал огромные деньги в реставрацию, и в результате дом получился еще великолепнее, чем прежде. Однако внук и наследник бизнесмена имел склонность надувать своих партнеров и в результате потерял не только все семейное состояние, но и собственную жизнь. С ним произошел весьма подо – зрительный «несчастный случай на охоте» в Аллее дуэлей.

Дом снова пустовал до 1920 года, когда группа инвесторов превратила его в злачное место. В верхних комнатах бы-

ло еще веселее, чем в роскошном салоне на нижнем этаже. Торговля телами шла так же успешно, как и торговля контрабандным виски. Вскоре у «мадам» появилось достаточно денег, чтобы выкупить особняк у партнеров в полное владение. Под ее руководством бизнес процветал.

Когда она умерла, дело продолжила ее дочь. Нынешняя владелица борделя, Руби Бушери, была «мадам» в третьем поколении. Она заправляла здесь с начала шестидесятых. По предприимчивости Руби оставила далеко позади и мать, и бабушку.

Дом Руби Бушери был неотъемлемой частью магической привлекательности Нью-Орлеана. Поэтому с местной полицией у Руби было полное взаимопонимание. Ей не мешали заниматься ее бизнесом, если к нему не примешивалась торговля наркотиками.

Были случаи, когда кое-кто из девушек Руби пробовал подзаработать, предлагая клиенту наркотик, обещая суперкайф и невероятную потенцию. Хотя Руби и не любила перерывов в работе, которые неизбежно случались во время полицейских рейдов, но еще меньше ее прельщала перспектива закрытия борделя, если один из богатеньких клиентов вдруг очочурится от удушья во время оргазма. Ей также не нравилось, когда девушки проявляли предприимчивость, с которой она не получала процентов. Так что Руби относилась к полицейским набегам, как к неизбежному злу, и старалась поддерживать с властями хорошие отношения.

Берк был здесь дважды по долгу службы. Голых мужчин, хватавшихся за свои костюмы и часы «Ролекс», выволакивали из роскошных кроватей и стаскивали вниз без малейшего почтения, словно очумелых наркоманов, побирающихся на Джексон-сквер. Если кого-то из клиентов Руби уличали в том, что он секс приправляет наркотиком, Берк без малейшего сомнения арестовывал его, невзирая на богатство или положение в обществе.

Открывший дверь вышибала подозрительно оскалился.

– Скажи мисс Бушери, что с ней хочет поговорить Берк Бейзил.

– Полицейский?

– А у тебя есть причины их бояться? Верзила захлопнул дверь прямо перед носом, оставив Берка стоять на пороге. Через пять минут он появился вновь.

– Она вас примет, – сказал он, ясно давая понять, как ему это не по душе.

Вышибала провел Берка в кабинет, который мог принадлежать любому работающему честолюбивому бюрократу, который не доверяет никому из подчиненных и во все дела входит сам. В кабинете имелся многоканальный телефон, два факса и компьютер. Проституция шагала в ногу с прогрессом.

Сидящая за столом женщина указала Берку на кресло.

– Какая приятная неожиданность, лейтенант Бейзил.

– Спасибо, что приняли меня без предварительной дого-

воренности.

Она предложила ему выпить, он отказался. Жестом отпустив вышибалу, Руби сказала:

– Надеюсь, вы пришли открыть у нас кредит. Мои девочки будут в восторге. Ваша мужественная внешность, особенно эти роскошные усы, не остались незамеченными, хотя вы и посещали нас лишь по долгу службы.

Руби была миниатюрной женщиной, не более пяти футов роста, с платиновыми волосами – она утверждала, что цвет натуральный. Казалось, ее бледная нежная кожа, напоминавшая цветок гардении, никогда не знала солнечного света. Злые языки поговаривали, что Руби сделала себе подтяжку лица без анестезии – чтобы во время операции давать хирургу инструкции. Но история эта казалась неправдоподобной даже для Руби Бушера, о которой всегда ходили самые невероятные слухи. В любом случае она была женщиной уникальной.

С того момента, как Бейзил вошел в кабинет, ее глаза цвета лаванды следили за ним не отрываясь. По возрасту она годилась ему в матери, а умелое кокетство было не более чем многолетней привычкой. Тем не менее он едва не покраснел от комплимента.

– Боюсь, я не смогу позволить себе пользоваться вашими услугами.

– У нас существуют скидки для официальных лиц. – С любопытством разглядывая его, Руби поигрывала ниткой жем-

чуга, висевшей у нее на шее. – Буду рада обсудить с вами несколько вариантов льготной оплаты.

Он улыбнулся, отрицательно покачав головой.

– Да нет, не стоит. Но все равно, спасибо за предложение.

Она обиженно надула губы.

– Девочки будут так расстроены, И я тоже.

Затем, сложив перед собой маленькие ручки, она прямо спросила, зачем он пришел.

– Пинки Дюваль.

Выражение ее лица ничуть не изменилось, и только Берк, имевший большой опыт в такого рода делах, заметил, как слегка дрогнули ее веки.

– Что Пинки Дюваль?

– Вы были партнерами – владели клубом во Французском квартале, пока не рассорились пару лет назад.

– Совершенно верно.

– Что между вами произошло?

– Между нами?

– Разумеется.

– Пинки захотел, чтобы одна из моих девочек перешла в клуб работать танцовщицей. Ее предложение не заинтересовало, и она вежливо отклонила его. Вскоре после этого к нам пришел Уэйн Бардо и заказал ту самую девушку. После часа, проведенного с ним, она не могла не только танцевать, но и ходить.

– Дюваль послал Бардо преподать девушке урок.

Руби молча кивнула. Берк попросил разрешения поговорить с девушкой.

– Боюсь, вам это не удастся, лейтенант. Через два дня после визита Бардо она вскрыла себе вены. Она не верила, что ее лицо когда-либо станет прежним, и, честно говоря, так же считали все врачи, с которыми мы консультировались. Она была замечательной девушкой. Благодаря мистеру Бардо она не смогла бы больше заниматься прежним делом. Она не смогла бы заниматься ничем, что предполагает общение с людьми.

– В полицию вы, естественно, не обращались.

– Шлюху избили в борделе? – едко усмехнулась она. – Как вы думаете, много сочувствия это вызвало бы у представителей власти? Я не смогла бы доказать, что избиение произошло здесь, что виновником является Бардо, и уж тем более – что он действовал по указанию Пинки Дюваля. Кроме того, это плохо бы отразилось на моем бизнесе. К чему рекламировать собственные ошибки и поражения? Понимаете, в любом случае, когда девушка остается в комнате с мужчиной один на один, всегда существует риск подвергнуться нападению. Я и мой персонал стараемся подобного не допускать, но мы не можем находиться в комнате девушек для гарантии их безопасности. Таковы издержки профессии. Берк чуть подался вперед.

– Мисс Бушери, поскольку вы были партнером Дюваля, знаете ли вы что-нибудь о его побочном бизнесе?

– Полагаю, вы имеете в виду наркотики?

– Так вам это известно?

– Конечно, но я ничего не могла бы доказать, так же, как и вы. Он невероятно хитер. Мы с Пинки всегда говорили только о том, что имело отношение к совместному владению клубом. Он не совал нос в мои дела, а я, соответственно, – в его.

– Понимаете, в чем моя трудность? – спросил Берк. – Районный прокурор Литрелл не трогает Дюваля, потому что нет свидетельских показаний, а поэтому у нас нет ни малейшего шанса, что Дюваль занервничает, совершит ошибку и тем самым даст нам простор для маневра.

– А ко мне какое это имеет отношение?

– Я пришел в надежде, что вы согласитесь сотрудничать с отделом по наркотикам. Помогите нам, и, может быть, многие ваши проблемы исчезнут.

– Если я помогу вам зацапать Пинки Дюваля, вы больше не станете вламываться в мое заведение?

– Ну, что-то вроде этого.

Продолжая поигрывать жемчужным ожерельем, она смотрела на него немигающими глазами.

– Вы не можете делать подобные предложения от имени отдела по борьбе с наркотиками. Вы больше не работаете в полиции.

Вот и попался, вздохнул Берк. Он откинулся на спинку стула и стал разглядывать Руби с повышенным интересом, к которому примешивалось нечто вроде уважения.

– Что ж, стоило попробовать. Жаль, не вышло.

– Я подумала, что утро – странное время для прихода полицейского. Пока вы ждали за дверью, я позвонила и все выяснила.

– Сегодня утром я сдал свой значок.

– Почему?

– Я собираюсь сам разделаться с этим ублюдком.

Ее глаза сузились.

– Как интересно. Личная вендетта.

– Можно и так сказать.

– Это из-за гибели Стюарта? Я внимательно следила за процессом.

Он кивнул, но не стал вдаваться в подробности.

– Я знал, что вы рассорились с Дювалем и что у вас на него зуб. Я хотел попробовать воспользоваться этим шансом. Если с вашим бывшим партнером случится что-то нехорошее, надеюсь, вы не вспомните, что я приходил сюда?

– Даю вам слово, мистер Бейзил.

– Спасибо.

– Могу я вам помочь?

– А вы согласитесь? Даже после того, как я пытался вас надуть?

– Скажем так: я ценю истинную страсть – во всех ее проявлениях.

Улыбнувшись в ответ, Берк с надеждой спросил:

– Как Дюваль ведет свою бухгалтерию? Я не имею в виду

его адвокатскую практику.

– У него все здесь, – ответила она, постучав себя пальцем по виску. – Никаких записей не существует – ни на бумаге, ни на компьютерном диске.

– Вы уверены?

– Так же, как в том, что сейчас сижу перед вами. Нелегкую вы поставили перед собой задачу. После того случая с моей девушкой я все думала, как отплатить Пинки. Шантаж. Финансовая афера. Даже склонялась к убийству. – Руби мелодично рассмеялась. – Надеюсь, вы сохраните мои секреты, мистер Бейзил.

– Я забуду о нашей беседе, как только выйду за порог этой комнаты. Ее улыбка померкла.

– Я так и не отомстила. Я разработала десяток планов, но от всех пришлось отказаться, так как каждый из них делал меня слишком уязвимой.

– Вот видите, в том-то и прелесть, – хитро прищурился Берк. – А мне нечего терять. Абсолютно нечего.

Внимательно взглянув ему в глаза, она мягко заметила:

– Смотрите, не удивите сами себя.

– Вряд ли.

– Надеюсь, вы ошибаетесь. – Она встала, подошла к шкафу, где стояли бутылки и бокалы. – Вы твердо решили отомстить ему?

– Чего бы мне это ни стоило.

– Это может вам стоить дороже, чем вы думаете. С этого

самого момента не доверяйте никому.

– И вам?

Он задал вопрос шутливым тоном, но она ответила абсолютно серьезно.

– И мне. Все бывшие подопечные Пинки в долгу перед ним. Если клиент не может расплатиться, Пинки заставляет отрабатывать долг натурой. А поскольку он имеет дело с разного рода преступниками, вы даже представить себе не можете, до какой степени он всесилен.

– Я прекрасно понимаю, насколько он опасен. Прошлой ночью Берк решил, что пойдет до конца. Ему было безразлично, останется он жив или нет, главное – уничтожить Дюваля, и Бардо вместе с ним. И все же к совету «мадам» стоило прислушаться.

Она налила виски в два бокала и протянула один ему. Берк, поблагодарив, взял, хотя совсем недавно твердо решил отказаться от выпивки. Она задумчиво сделала глоток, постучала острым ноготком по хрустальному краю.

– Возможно, есть один способ, мистер Бейзил.

У Пинки имеется ахиллесова пята – это Реми.

Берк опрокинул в себя виски. Оно обожгло горло, на глаза навернулись слезы. Берк закашлялся.

– Что такое «реми»?

Глава 10

– Реми, нет нужды напоминать, что это уже третий случай за нынешний семестр.

– Да, сестра Беатриса. Я хорошо это помню. – Она произвольным виноватым жестом, оставшимся еще со времен учебы в школе, разгладила юбку на коленях. – Совершенно согласна с вами. Фларра ведет себя непозволительно.

– Мы отвечаем не только за образование наших девочек, – продолжала монахиня, – но и за их нравственную гармонию и эмоциональную стабильность. В нашей школе уделяется очень серьезное внимание всем аспектам развития наших воспитанниц.

– Именно поэтому Фларру поместили сюда.

– Она нарушает правила, установленные для ее же безопасности, равно как и для воспитания самодисциплины. Если подобное случится вновь, мы будем вынуждены исключить ее.

– Понимаю, – пробормотала Реми, чувствуя себя так, словно это она была виновата в нарушении дисциплины.

Хотя прошло двенадцать лет с тех пор, как она окончила школу при монастыре Святого Сердца, все выговоры и нотации, полученные ею в свое время за непослушание и плохую учебу, намертво засели в памяти. Милосердие – неотъемлемая часть монашеского звания, однако админи-

страция школы умела раздувать мелкое непослушание до размеров смертного греха.

– Можно мне поговорить с ней наедине? Сестра Беатриса встала.

– Разумеется. Не более пятнадцати минут. Можете воспользоваться моим кабинетом. Пожалуйста, передай мистериу Дювалю мой привет и благодарность за последнее пожертвование. Его щедрость не имеет границ. Благослови его Господь.

– Я передам.

Сестра Беатриса подошла к Реми, положила ей руку на плечо.

– Как ты живешь, Реми?

– Очень хорошо.

– Ты счастлива?

– Конечно.

Прежде чем стала директрисой, монахиня преподавала английскую литературу. Когда требовалось, она могла быть очень строгой, но девочки любили ее за справедливость и доброту. Она была преподавателем по призванию, но с тем же успехом могла бы работать психологом. Или детективом. Она заглянула в глаза Реми с обескураживающей пронизательностью.

– Я часто о тебе думаю, Реми. И молюсь за тебя.

– Спасибо, сестра.

– Иногда я спрашиваю себя... – Она не договорила и вдруг

переменила тему: – Я люблю всех девочек, которых Господь отдает под мое покровительство. Но я – человек. И каждый раз бывает одна, которая трогает мою душу особым образом. Ты не удивишься, Реми, если я скажу, что ты была одной из таких девочек. Боюсь, мне не удавалось скрыть свое страстное отношение ни от кого, в особенности от тебя.

– Да, я чувствовала вашу любовь. Я по-прежнему благодарна вам за участие, в котором я тогда больше всего нуждалась.

– Я очень хотела, чтобы ты стала счастливой. Мне становится страшно при одной мысли, что твои надежды и чаяния на счастливую жизнь не сбылись.

– Если сегодня я кажусь расстроенной, то это из-за выходов Фларры.

Сестра Беатриса снова посмотрела на Реми долгим задумчивым взглядом, погладила ее по руке.

– Да не волнуйся ты так. Твоя сестра – чудесная девочка. Только чуть более упрямая и импульсивная, чем ты.

– А может, просто более смелая.

– Возможно, – усмехнулась монахиня. – Ты пришла к нам позже, чем она. Ты лучше знала жизнь.

– То, что я успела узнать, было не слишком привлекательным.

Сестра Беатриса сочувственно улыбнулась.

– Фларра считает, что ее отгороженность от внешнего мира – проклятье, а не благо. Ее проблема – не столько непо-

слушание, сколько любопытство. Она постоянно ощущает свою несвободу. – Чуть поколебавшись, монахиня заметила: – Мне было бы очень жаль расстаться с ней, но все же... Не пора ли вам подумать о переводе ее в другую школу, где бы она могла больше общаться с своими сверстниками и лучше узнавать жизнь?

– Я подумаю.

Сестра Беатриса медленно удалилась. Она двигалась грациозно и очень тихо, слышен был лишь шорох монашеского одеяния и постукивание четок.

Словно по контрасту, Фларра как вихрь ворвалась в кабинет и захлопнула за собой дверь. Она бросилась в кресло и исподлобья уставилась на старшую сестру. Лицо ее дышало бунтарством и непокорностью.

– Ну? Они меня выгоняют? Очень бы хотелось.

– Не надейся.

Злое выражение сменилось горьким разочарованием, глаза наполнились слезами.

– Реми, я не могу здесь больше оставаться!

– Поэтому ты и три твои подружки решили сбежать?

– Мы недалеко оторвались.

– А куда вы хотели пойти?

– Во Французский квартал.

– Так поздно? Господи, это же полная безответственность и сумасшествие, Фларра! Во Французском квартале гулять ночью небезопасно.

– А откуда мне было знать? Я же там никогда не была.

– Мы с Пинки водили тебя туда много раз. Ты ела в роскошных ресторанах, покупала одежду в лучших бутиках.

– Подумаешь, с тобой и Пинки! Это совсем не то, что пойти туда с подружками.

Реми была вынуждена признать правоту сестры и мягко ответила:

– Да, наверное, ты права.

Мгновенно уловив перемену в сестре, Фларра с любопытством спросила:

– А ты убегала отсюда?

– Один раз, – призналась Реми с озорной улыбкой. – Еще с одной девочкой. Но нас не поймали. Мы вернулись прежде, чем сестры обнаружили наше отсутствие.

– Если бы ты сегодня призналась в этом сестре Беатрисе, она бы наложила на тебя покаяние.

– Очень может быть, – рассмеялась Реми. – Но тогда я больше боялась, что об этом, узнает Пинки.

– Сколько тебе было лет?

– Семнадцать. Почти.

– Ты вышла замуж, когда тебе было семнадцать.

– Да. На следующий день после окончания академии.

– Какая ты счастливая, – проворчала Фларра, понутив голову. – У тебя был мужчина, который любил тебя как сумасшедший, так, что даже не мог ждать слишком долго. Все мои подружки говорят, что это жутко романтическая исто-

рия. Как он стал твоим опекуном, заплатил за твое обучение, потом сразу на тебе женился.

В те времена Реми это тоже казалось очень романтичным. Пинки, словно рыцарь в сияющих доспехах, вырвал ее и Фларру из мерзкой жизни и буквально спас от верной гибели. Кажется, это произошло целую жизнь назад. Если быть точной, ее жизнь.

– Однажды обязательно появится мужчина, который влюбится в тебя, как сумасшедший, – заверила сестру Реми.

Фларра была красивее сестры. Ее живые глаза светились нежной зеленью; волосы, черные и блестящие, как у сестры, вились непослушными кудрями. Отцы у них были разные, девочки их никогда не видели, родственников у матери не имелось, так что можно было только догадываться, откуда у Фларры эти вьющиеся волосы.

Фларре досталось тонкое гибкое тело спортсменки, но все необходимые округлости были прекрасно обозначены. Даже школьная форма не могла скрыть женственности этой очаровательной фигурки. Вот почему Реми содрогалась при одной мысли о том, что ее невинная сестричка оказалась бы во Французском квартале ночью, где она могла стать жертвой наглых туристов, пьяных студентов и разных психов-извращенцев.

– Да кто в меня влюбится, если я буду сидеть тут взаперти? – заныла Фларра, отвлекая Реми от страшных мыслей.

– Осталось всего полтора года, потом ты поступишь в кол-

ледж, и у тебя появится много новых друзей.

– Реми... – Фларра соскользнула с кресла и опустилась на колени рядом с сестрой. – Я задыхаюсь в этих стенах. Я живу здесь, сколько себя помню. Я хочу увидеть другие места. Хочу встретить новых интересных людей. Хочу встретить мужчину. Меня еще никто никогда не целовал.

– Ты же рассказывала, что на рождественском балу твой партнер тебя поцеловал.

– Этот? – Лицо девочки сморщилось от отвращения. – Не считается. Он просто ткнулся ртом в мой рот, когда монахини не видели. Потеха. И вообще он был потный и противный. Этот так называемый поцелуй меня только разозлил.

Она придвинулась ближе и понизила голос До шепота:

– Я говорю о настоящем поцелуе, Реми. Я хочу пойти на настоящее свидание, где монахини не будут следить за каждым моим движением. Я хочу... – Романтики.

– А что в этом плохого? – Фларра сжала руку сестры. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, разреши мне жить с тобой и Пинки и ходить в нормальную школу. Хотя бы в последний класс.

Фларра рвалась испробовать Жизнь с большой буквы. Она жаждала знакомства с мужчинами, потому что ее опыт общения с ними ограничивался одним Пинки, а он вел себя с ней как отец, ну, лучше сказать, как любящий дядя. Как у любого подростка, ее гормоны взывали к другой жизни. Фларра представляла собой мину замедленного действия, помно-

женную на страстное жизнелюбие. Живое воображение и невероятное любопытство довершали картину.

Реми понимала нетерпение сестры, но ей трудно было поставить себя на место Фларры. Когда сама Реми поступила в школу, она была подростком, но школа не казалась ей тюрьмой. Для Реми это было убежище. Здесь было чисто, спокойно и безопасно. Эти высокие решетчатые стены олицетворяли собой умиротворение и достоинство, которых прежде не было в ее жизни. Теперь она слышала лишь музыку церковных гимнов, а не орущий и днем и ночью приемник. Никакие мерзкие типы не толпились у ее кровати. Она не ловила на себе опасные взгляды, пугавшие и смущавшие девочку. Не было больше драк, грязной ругани, исступленного совокупления на кровати и на любой плоской поверхности. Остались в прошлом голод и плач младенца, заботы о котором были целиком возложены на Реми.

Она ласково погладила Фларру по кудрявой голове, и сердце переполнилось любовью к тому болезненному, вечно плачущему ребенку, целиком за висевшему от нее, хотя Реми сама тогда была еще маленькой. Несмотря на кошмарный первый год своей жизни, Фларра выросла и превратилась в умную и хорошенькую юную девушку. Реми старалась оберегать ее от бед с самого рождения и поклялась себе, что будет защищать сестру до своего смертного часа.

– Я поговорю с Пинки.

– Обещаешь?

– Я обещаю с ним поговорить, – подчеркнула Реми. – Но не обещаю, что наше решение будет таким, какого ты ждешь.

– Ведь Пинки не против того, чтобы я жила с вами?

– Его любимая родственница? – фыркнула Реми.

Вообще, Пинки был против этого, когда они поженились.

Пока Реми училась в школе при монастыре Святого Сердца, Фларра жила у приемных родителей. Пинки сказал, что будет жестоко вырывать девочку из привычной среды. Однако Реми знала истинную причину, почему Пинки не хотел, чтобы Фларра жила вместе с ними: он не намерен был делить с кем бы то ни было время, внимание и любовь Реми – даже с ее сестрой.

Когда Фларра подросла, Пинки отдал ее учиться именно сюда, убедив Реми, что в закрытой школе девочка получит лучшее воспитание и образование. Реми ничего не оставалось, как согласиться; и теперь, оглядываясь на годы, прожитые с Пинки Дювалем, Реми признавала, что это был наилучший вариант для всех.

Но, может быть, за эти годы Пинки передумал насчет Фларры? Реми не знала. Она его об этом не спрашивала. Потому что теперь она сама не хотела, чтобы Фларра жила с ними под одной крышей. Совершенно недопустимо, чтобы ее впечатлительная и импульсивная младшая сестра сталкивалась с сомнительными приятелями Пинки – мужчинами вроде Уэйна Бардо.

Так что просьба Фларры вряд ли могла быть выполнена,

но Реми не могла сказать этого сейчас – девочка и без того расстроена. Точно так же Реми не могла обсуждать с ней причины своего нежелания и прочие вещи, которых Фларра все равно не поняла бы.

Реми не могла рассказать Фларре про Галвестон.

Пока же Реми назидательно заметила:

– Все зависит от твоего поведения до конца семестра. Ты обещаешь хорошо себя вести?

Шестнадцатилетняя девочка восприняла эти слова как обещание. Она вскочила и поклонилась грациозно и почти-тельно.

– Клянусь собственной невинностью.

– Фларра!

– Не бойся. Ничего с моей невинностью не случится. А как насчет праздника Марди-Гра?

– Что насчет праздника?

– В прошлом году ты сказала, что, может быть, в этом году я приду к вам на прием по случаю праздника Марди-Гра.

– Верно – я сказала «может быть».

– Ну, Реми!

– Я поговорю с Пинки. Хотя тебя абсолютно не за что ба-ловать.

– Ты все-таки спроси, – настаивала Фларра.

– Спрошу.

Фларра взяла руки Реми и положила их себе на плечи.

– Спасибо, сестричка. Я тебя люблю. Реми крепче сжала

объятия, прошептав:

– Я тоже тебя люблю.

Вдруг лицо девочки снова опечалилось.

– Как ты думаешь, что бы она сказала обо мне нынешней?

О нас?

Реми поняла, что сестра говорит об их матери.

– Не знаю. Я о ней совсем не думаю, – солгала она.

– И я.

Фларра тоже лгала. На самом деле сестры постоянно думали о женщине, которая рассталась с ними без малейшего сожаления. Разумеется, если бы она этого не сделала, Фларра могла бы не дожить до своего второго дня рождения. А Реми... Она хорошо знала, кем бы ей пришлось стать.

– Мне пора, – вздохнула она и направилась к двери. – Пинки скоро придет домой.

– Он занимается с тобой любовью каждую ночь?

– Не твое дело.

– Мы – я с подружками – думаем, что да. Совершенно голый и при включенном свете. Мы правы?

– Вместо того, чтобы обсуждать мою сексуальную жизнь, лучше бы геометрию учила.

– Реми, ты себя хорошо чувствуешь? Это было типично для Фларры – перескакивать с темы на тему со скоростью ракеты. На этот раз ей удалось застать сестру врасплох.

– Хорошо ли я себя чувствую? Конечно. Почему ты спрашиваешь?

– В последнее время, когда ты приходишь меня навестить, ты выглядишь какой-то, не знаю, усталой, что ли.

– Я действительно немного устала. Позавчера мы устраивали прием. Я поздно легла.

«Пыталась отмыть следы от лап Бардо», – добавила она про себя.

– Если ты больна, не ври мне.

– Я не больна.

Глаза Фларры сверкнули, и она заговорщицки прошептала:

– Может, ты беременна?

– Нет, я не беременна.

– Черт. А я надеялась... – Она прикусила нижнюю губу. – У тебя нет рака или чего-нибудь в этом роде, а, Реми?

– Нет! Конечно, нет. Фларра, клянусь, у меня все в полном порядке.

– Но, если с тобой случится что-то ужасное, ты ведь мне скажешь?

– Обязательно.

– Потому что я уже не ребенок.

– Я знаю.

– Потому что, если я тебя потеряю, я... – Ее душил спазм. – Я не смогу без тебя жить, Реми.

– Ты и не будешь, – тихо, но очень твердо пообещала Реми. – Клянусь, я всегда буду с тобой. Если произойдет что-то нехорошее, я тебе скажу, но пока все в полном порядке,

не волнуйся. Договорились?

Фларра с облегчением выдохнула и улыбнулась.

– Договорились. Увидимся в пятницу.

– Нет. Боюсь, мы не сможем взять тебя с собой ужинать, как собирались. – Это еще почему?

Уже стоя в дверях кабинета сестры Беатрисы, Реми оглянулась через плечо на расстроенную сестру.

– Потому что ты наказана за твою вчерашнюю вылазку.

Глава 11

– Черт возьми, – тихо выругался Берк. Он даже присвистнул от неожиданности. Миссис Пинки Дюваль оказалась той самой женщиной, которую он видел в беседке. Сидя за рулем своего автомобиля, он смотрел, как она входит в здание привилегированной школы для девочек. Берк не мог ошибиться, эту женщину он узнал бы за километр.

Чуть больше часа назад он спросил Руби Бушеро:

– Что такое «реми»?

– Не что, а кто. Жена Пинки.

Дюваль женат! Берк был потрясен. Про жену Дюваля ему слышать не приходилось. Семейная идиллия как-то не вписывалась в образ этого преуспевающего адвоката.

Из борделя Бейзил поехал прямо в квартал, где жил Дюваль, несколько раз объехал вокруг дома. Он не ожидал сразу что-нибудь увидеть, но ему повезло. Из ворот выехал лимузин. В это время сам Дюваль должен быть или в суде, или у себя в офисе. Может, в лимузине хозяйка?

Берк поехал следом. У монастыря Святого Сердца лимузин остановился. Берк с огорчением увидел, что женщине помог выйти из машины шофер. Шофер и телохранитель, это уж точно. Миссис Дюваль вошла внутрь, а парень занял пост у ворот. Бейзила подобная бдительная охрана не удивила. От Руби Бушеро он уже знал, что Дюваль с жены глаз

не спускает.

– Вы не знали, что он женат? – спросила мадам, заметив его изумление. – Естественно. Пинки в буквальном смысле слова держит ее под замком.

– Почему? Что с ней не так?

– Ничего. – Мадам коротко рассмеялась. – Изредка я встречаю ее. Она очень красива. Ее мать тоже была красавицей, пока годы и образ жизни не наложили на нее свой отпечаток.

Берк внимательно слушал рассказ Руби о матери Реми – Анджеле.

– Анджела работала экзотической танцовщицей в одном из клубов, принадлежащих Пинки, лет двадцать назад, даже больше. Анджела Ламбет была талантливой и многообещающей танцовщицей, но она забеременела и рано бросила сцену, чтобы не повредить ребенку. На прежнее место она вернулась, уже будучи не только матерью, но и наркоманкой. Кажется, она кололась героином. Красота ее поблекла от наркотиков, танцевать, как прежде, она тоже уже не могла. Ее перевели в другое место, где клиенты были менее притязательными. В обычный кабак. Вы знаете такого рода забега-ловки.

– А ее дочь?

– Когда она выросла, стала невестой Пинки.

Я почти ничего не знаю о таинственной Реми. И никто не знает.

– А как сложилась дальнейшая жизнь Анджелы?

– Плохо. Из танцовщиц ее разжаловали в кассирши. А очень скоро после замужества дочери Анджела умерла. Предположительно от передозировки.

– Предположительно?

Руби красноречиво приподняла бровь.

– К тому времени Пинки уже был весьма влиятельным человеком в городе. На кой ему нужна была теща-наркоманка, частенько подворовывавшая, чтобы купить себе дозу?

– Вы полагаете, он избавился от нее, чтобы избежать лишних неприятностей?

– Или чтобы сэкономить на лечении. Видимо, он считал Анджелу неудачным капиталовложением. В любом случае, ее смерть была для него чертовски удобной, не так ли?

От долгого сидения в машине у Берка затекло все тело. Он снова и снова прокручивал в голове рассказ Руби. Необходимо заполнить все пробелы, собрать как можно больше информации. Что делает в школе миссис Дюваль? У них есть ребенок? Сколько же ему может быть лет?

В животе заурчало, и Берк вспомнил, что со вчерашнего утра ничего не ел. В поисках чего-нибудь съедобного он порылся в отделении для перчаток и выудил оттуда шоколадный батончик.

Что это она так долго? Шофер нашел себе занятие: он чистил ногти перочинным ножом и смачно плевал в кусты, росшие у ворот. Почистив ногти, он сложил руки на груди и при-

слонился к железному столбу. Берк не видел его лица, но не сомневался, что эта горилла прикрыла глаза и дрыхнет стоя.

Через сорок семь минут Реми Дюваль вышла из ворот школы. Она подошла к машине и, прежде чем сесть внутрь, бросила шоферу несколько слов. Он лихо отковырял.

– Да, мадам. Как вам будет угодно, мадам. Поцеловать в задницу? Извольте. Перекувырнуться? Застрелиться? Ваша воля закон, – презрительно процедил сквозь зубы Берк, глядя, как шофер чуть не вприпрыжку понесся исполнять приказание.

Берк врубил мотор своей «Тойоты» и на достаточно большом расстоянии неторопливо поехал вслед за лимузином сначала в район Гарден, потом через Декатюр-стрит свернул к Французскому кварталу.

Шофер припарковался во втором ряду, потому что в первом все места возле Французского рынка были заняты. Потом, соблюдая ритуал, помог хозяйке выйти из машины.

Берк втиснул свою «Тойоту» на свободное местечко, игнорируя белые полосы, обозначающие место для разгрузки товара, и потянулся за сумкой, валявшейся на заднем сиденье. Когда он вышел из машины, на нем вместо спортивной куртки и ботинок были надеты широкая ветровка, кроссовки и бейсбольная кепка. На носу красовались темные очки.

Сунув руки в карманы, он стал прохаживаться между рядами – типичный зевака, бесцельно глазающий на прилавки со свежими овощами, африканскими ритуальными кук-

лами-вуду и бумажниками из крокодиловой кожи.

Он лениво разглядывал гирлянду луковиц, а через ряд Реми Дюваль выбирала апельсины. Берку впервые удалось рассмотреть ее вблизи – расстояние между ними было не более восьми футов.

Сегодня на ней был костюм, сделанный словно для куклы Барби. Короткая обтягивающая юбка, плотно прилегающий жакет, соблазнительно обрисовывавший талию и привлекавший особое внимание к ее груди – его внимание, во всяком случае. Высокие каблуки, золотые серьги, на пальце бриллиант размером с дверную ручку. Она словно сошла с обложки модного журнала, вот только волосы у нее были длинные и спутанные. Они свободно разлетались при каждом повороте головы. На щеках проступал нежный румянец. Женщина взяла апельсин, поднесла к носу, понюхала и вдруг весело улыбнулась.

Все в ней, за исключением маленького золотого крестика на груди, дышало невероятной сексуальностью. Если бы она стояла тут абсолютно голая с табличкой на груди «Трахни меня», она бы не могла казаться более аппетитной для мужских взглядов.

Даже торговец фруктами обалдел и никак не мог уложить апельсины в пакет. Шофер заплатил за покупку, однако торговец протянул пакет женщине, рассыпаясь в благодарностях.

Телохранитель не отставал от нее ни на шаг, шныряя во

все стороны цепким взглядом. Берк вернул продавцу связку лука и перешел в ряд, где продавались африканские сувениры и одежда. Там же стояли столики открытого кафе, за один из которых села миссис Дюваль. Она вынула из коричневого бумажного пакета апельсин и начала его чистить, разрывая кожуру длинными ногтями.

Берк подошел к стойке почти вплотную к телу – хранителю и заказал банановый коктейль. Запястье верзилы было в обхвате больше, чем шея Берка. Принеся миссис Дюваль ее капуччино, охранник вернулся к стойке и взял себе кофе. Он не пошел за ее столик, а уселся в сторонке, она же сидела одна, отправляя в рот апельсиновые дольки и попивая капуччино.

Банановый коктейль был до отвращения приторным, но Берк потягивал его, всем своим видом изображая праздного гуляку. Между тем он не отрываясь смотрел в зеркало за баром, где отражалась Реми.

Проходящие мимо мужчины оглядывались на нее, но она ни с кем не заговаривала и даже не встречалась глазами. У этой женщины имелись богатый муж, роскошный особняк, лимузин с шофером, а она, казалось, испытывала особое удовольствие от такой простой вещи, как апельсин. Она медленно жевала каждую дольку и выжидала несколько секунд, прежде чем отломить следующую.

Может, она кого-нибудь ждет? Может, Дюваль использует ее в качестве курьера в своих тайных делишках? Но никто к

ней так и не подошел, а телохранитель явно не проявлял никаких признаков беспокойства, с увлечением погрузившись в бульварную газетенку.

К тому времени, когда Реми Дюваль закончила есть апельсин и завернула шкурки в салфетку, банановый коктейль растаял и стал похож на лосьон для загара. Женщина встала и подошла к урне. Шофер вскочил, отбросил газету и ринулся на помощь хозяйке. Потом они вместе направились к припаркованному в неполюженном месте лимузину.

– Эй, леди!

Берк чертыхнулся про себя за столь неуместный импульсивный порыв, но отступать было поздно. И миссис Дюваль, и ее сторожевой пес обернулись и посмотрели на него.

Коричневый бумажный пакет с остальными апельсинами остался лежать на столе. Берк схватил его и протянул ей.

– Вы забыли вот это.

Шофер выхватил у него из рук пакет:

– Спасибо.

Берк, в упор не замечая его, слегка поклонился Реми:

– Не за что.

Он уловил легкий аромат дорогих духов и запах апельсина. При черных волосах глаза ее были светлыми, ясно-голубыми. Помаду с губ она съела вместе с апельсином, но губы от этого не стали менее яркими. Реми сказала:

– Спасибо.

Верзила встал между ними, загораживая женщину всем

телом. Берку очень хотелось посмотреть ей вслед, но он развернулся и двинулся в обратном направлении. Подождав, пока лимузин скроется из виду, он вернулся к своей машине и долго сидел там, не двигаясь, но тяжело дыша – так, словно только что пробежал целую милю.

* * *

– И это все?

Эррол, шофер, обливался липким потом под сверлящим взглядом Пинки; этот взгляд Пинки приберегал для клиентов, которые явно ввали.

– Все, мистер Дюваль. Клянусь. Я отвез ее в школу. Потом она попросила отвезти ее на рынок. Она купила апельсины и выпила кофе в маленьком кафе. Потом я отвез ее в церковь. Она пробыла там полчаса, как всегда. Потом привез ее домой.

– Ты не возил ее никуда больше?

– Нет, сэр.

– Она все время была у тебя на глазах?

– Да, кроме того времени, пока она была в школе, сэр.

Пинки сцепил пальцы и мрачно воззрился на телохранителя.

– Если миссис Дюваль попросит отвезти ее куда-то, а я тебе на это не давал указания, ты должен отказаться, а потом сообщить мне, ясно?

– Да, мистер Дюваль.

– Если она куда-то идет, с кем-то встречается без моего предварительного разрешения, ты должен немедленно доложить мне, так?

– Да, сэр. Я не понимаю...

– Кроме того, мне бы очень не хотелось обнаружить, что твоя преданность мне превратилась в преданность моей жене, Эррол. Она очень красивая женщина. Уверен, ты это прекрасно понимаешь.

– Господи, мистер Дюваль, да я...

– Моя жена может вертеть мужчинами, как ей заблагорассудится. Она может обратиться к мужчине с просьбой, которая бы мне могла не понравиться.

– Клянусь Богом, сэр! – воскликнул охранник. Пот лил с него ручьем. – Нет, сэр, такого не может произойти! Только не со мной. Вы – мой хозяин. И больше никто.

Пинки одарил его милостивой улыбкой.

– Хорошо. Рад это слышать, Эррол. Ты можешь идти.

Совершенно сбитый с толку шофер тихонько выскользнул из кабинета. Пинки смотрел ему вслед и думал, что, наверное, обошелся с парнем слишком круто. Но человек его уровня и положения должен внушать страх и почтение своим подчиненным. А страх надо постоянно подогревать.

Вот взять, к примеру, Сэчела. Сидит сейчас на содержании у государства. А из-за чего? Из-за страха. Пинки рассмехался про себя, вспомнив, как разнюнился Сэчел, стоило

только пригрозить ему неприятностями с сыночком-футболистом.

Однако сегодня вечером Пинки был не расположен смеяться. Что-то творилось с Реми, а он, будь все проклято, никак не мог раскопать, в чем дело.

Вот уже несколько недель эта проблема, словно зубная боль, не давала ему покоя. Реми стала необычайно замкнутой. Именно так – замкнутой. Она и раньше, бывало, уходила в себя, и ничто не могло ее вывести из этого состояния – ни щедрые подарки, ни развлечения, ни секс. Но подобные приступы обычно продолжались недолго. За исключением этого недостатка, во всем остальном она была идеальной – насколько может быть идеальной женщина.

Но на этот раз период уныния затянулся дольше, чем обычно, и был намного глубже. Ее глаза стали непроницаемы. Когда она смеялась, что теперь бывало довольно редко, смех казался вымученным. Теперь Реми слушала его рассеянно, а когда отвечала, казалось, думала о чем-то другом.

Даже в постели он не мог до нее достучаться, как бы ни действовал – нежно или грубо. Она ему никогда не отказывала, но ее поведение в лучшем случае можно было назвать пассивным.

Налицо имелись все признаки того, что у женщины появился любовник на стороне, но теоретически это было абсолютно невозможно. Даже если бы она встретила другого мужчину, что опять-таки представлялось совершенно неве-

роятым, она не смогла бы бегать на свидания без ведома Пинки. Он знал, как она проводит каждую минуту в его отсутствие.

Эррол тоже вряд ли мог переметнуться. Этот парень слишком боится Пинки. Но, даже если предположить, что Реми подкупила телохранителя или перетянула его на свою сторону, все равно кто-нибудь из обширного круга осведомителей непременно донес бы Пинки. Он уже расспросил домашнюю прислугу обо всех телефонных звонках. Реми перезванивалась только с Фларрой. И все. Никто не наносил ей визиты. Она не получала писем.

Значит, интрижка исключается.

Тогда что, черт побери, происходит? У нее есть все, чего только может желать женщина. Хотя, сказал себе Пинки, у нее на этот счет может иметься собственное мнение.

После их женитьбы он велел Реми выбросить из головы все мысли о дальнейшей учебе. Реми надулась. А через какое-то время поступила на заочные курсы и стала читать все книги подряд. Он потакал ее жажде знаний, пока ему это не надоело, и тогда поставил твердое условие: она будет читать свои чертовы книги только в те часы, когда его не бывает дома.

Через несколько лет она вдруг загорелась идеей устроиться на работу, хотя бы на почасовую. Этот каприз был подавлен в зародыше.

Так, может, нынешнее настроение – просто новая женская

дурь и ее надо перетерпеть? А вдруг здесь что-нибудь серьезное? Пинки решительно достал карточку с телефонным номером и поднял трубку.

– Доктора Карут, пожалуйста.

Он назвал себя, и его соединили с гинекологом Реми.

– Здравствуйте, мистер Дюваль.

Эта гадина поздоровалась так сурово, словно он был ее злейшим врагом. От врачей, с которыми он играл в гольф, Пинки знал, что она – жуткая стерва, бич всей больницы. Доктор Карут была одной из тех женщин, которые словно нарочно ведут себя заносчиво, особенно с мужчинами.

Пинки ее терпеть не мог и знал, что она отвечает ему взаимностью. Но он выбрал именно доктора Карут в качестве гинеколога для Реми, ибо не мог даже помыслить о том, что посторонний мужчина будет осматривать его жену.

– Вы звоните по просьбе миссис Дюваль? – неприязненно поинтересовалась врач. – Надеюсь, ничего страшного?

– Именно это мне и хотелось бы узнать. С моей женой все в порядке?

– Я не имею права обсуждать с вами состояние моей пациентки, мистер Дюваль. Существует профессиональная этика. Вам, как адвокату, это должно быть прекрасно известно.

– Мы говорим не о пациентке. Мы говорим о моей жене.

– Ну и что? Она заболела?

– Нет. Не совсем так.

– Если миссис Дюваль нужно со мной встретиться, пусть

она позвонит и договорится о визите. Я ее осмотрю. В дальнейшей нашей беседе не вижу надобности. Всего хорошего.

Она повесила трубку.

– Чертова лесбиянка!

Ее резкость взбесила Пинки, но он тут же успокоился – ведь он узнал все, что хотел. Доктор Карут всегда ему хамила. Она всем хамила. Так что сегодняшний разговор не являлся исключением из правила. Однако, если бы у Реми было что-то серьезное, звонок Пинки встревожил бы врачаху. Она бы перестала дурить и подробно расспросила его о симптомах.

Врачу Пинки позвонил так, на всякий случай. Загадочное поведение Реми не было связано с болезнью. Оно имело психический, эмоциональный характер. Что-то тяжелым грузом лежало у нее на душе, а от Пинки она старалась это скрыть.

Что бы это ни было, он докопается до сути. Сначала выудит из нее все ее тайны, а потом разберется с ними.

Хотя, по большому счету, все эти мелкие взбрыки жены большого значения не имели. Они – словно укусы комара. Позудит, почешется кожа несколько дней, а потом все исчезнет, не оставив никакого следа.

Реми в его руках – словно кусок мягкой глины, он может лепить из нее все что угодно. Достаточно будет нескольких слов, чтобы изгнать из нее недовольство любого рода. У Пинки имеется огнетушитель, способный затушить бунтарский огонь в ее сердце.

Ибо он знал, чего она боится больше всего.

Глава 12

Пинки читал материалы очередного дела, когда Реми вышла из ванной и легла рядом с ним на кровать. Он снял очки для чтения и положил их на ночной столик.

– Реми, я хочу знать, что с тобой происходит.

– О чем ты?

Он никогда ее не бил, но сейчас едва удержался, чтобы не ударить по этому дышащему притворным неведением лицу. Он просто крепко сжал ее руку, и все же не так крепко, как хотел.

– Я устал от этой игры. Устал уже много недель назад. Сегодня мы с этим покончим.

– Игры?

– Твоей игры в тайны.

– У меня нет никаких тайн.

– Не... – Никакого крика, одернул он себя и начал снова:

– Не лги мне.

– Я не лгу.

Он посмотрел на нее долгим, испытующим взглядом.

– Ты снова хочешь убежать?

– Нет!

– Предупреждаю: даже не пытайся. Я простил один раз.

Больше этого не повторится.

Она опустила глаза, но он сжал пальцами ее подбородок

и поднял кверху. Провел большим пальцем по ее губам.

– Я захотел тебя с первой минуты, как только увидел. Я мог взять тебя прямо тогда. Но я был терпелив. Я не сделал того, на что имел полное право. Так? Отвечай.

– Не сделал.

– Я мог взять тебя прямо тогда, но не взял. Даже когда ты стала достаточно взрослой, я сначала женился на тебе, хотя не должен был. Ты когда-нибудь задумывалась, что было бы с тобой, стащи ты у кого-то другого в тот день, а, Реми? Кем бы ты стала, если б я не оказался таким снисходительным и понимающим?

– Я не знаю.

– Знаешь, – прошептал Пинки, погладив ее по щеке. – Ты стала бы шлюхой, как твоя мать. Слезы заструились по ее лицу.

– Нет. Не стала бы.

– Еще как стала бы. Когда я впервые увидел тебя, ты была уже на пути к этому. – Он обшарил ее плотоядным взглядом, зная, что она терпеть не может, когда он так на нее смотрит. – О да, Реми. Уже тогда ты была соблазнительна до умопомрачения. Уверен, клиенты твоей матери при виде тебя слюни роняли.

Его пальцы крепче впились в ее запястье. Он приблизил к ней свое лицо, но голос по-прежнему звучал мягко:

– И, может быть, тебе такая жизнь нравилась бы. Может, тебе и не хотелось, чтобы я спасал тебя от тех жеребцов. Мо-

жет, ты предпочла бы скорее отвечать на их приставания и слушать их похотливое дыхание, чем выходить за меня за-муж.

– Перестань! – Реми выдернула руку и вскочила с кровати. – Если я правильно понимаю, ты угрожаешь, Пинки, что донесешь на меня за мое давнее преступление? Я – не один из твоих клиентов. Я – не твоя служанка. Так что не разговаривай со мной в таком тоне. Я заслужила кое-что получше, чем замаскированные угрозы. Я твоя жена.

– Вот я и хочу, чтобы моя жена объяснила мне, почему она слоняется по дому, будто привидение! – заорал он.

– Ну, хорошо! Фларра! Меня безумно беспокоит Фларра! Фларра? И все? Она сама на себя не похожа из-за такой ерунды, как Фларра? Сначала ее расстроил Бардо, теперь вот сестра. Пинки готов был предположить худшее, боялся, что она снова собирается сбежать. А она заявляет, что ее апатия объясняется так банально? Или Реми снова лжет?

– А что случилось с Фларрой? – резко спросил он.

Рассерженная, Реми накинула халат и небрежно завязала пояс. Грудь ее вздымалась, отчего золотой крестик поблескивал в свете лампы. Пинки был доволен, что разозлил ее. Напоминание о прошлой жизни лишний раз поможет Реми осознать, как ей повезло и кому она должна быть за это благодарна.

– Она снова убежала, – сказала Реми. – Сегодня я, как обычно, ее навестила, а мне прочитали целую лекцию. – Она

рассказала о выходке Фларры и о последнем предупреждении сестры Беатрисы. – Я сделала ей внушение, но, боюсь, это совершенно бесполезно.

– Ее следует хорошенько отшлепать.

– Она для этого уже слишком взрослая.

– Ты слишком мягка с ней, Реми. Надо мне самому ею заняться. Топну ногой, накажу. Это на нее подействует.

Гнев Реми утих, теперь она казалась просто очень расстроенной.

– В том-то и дело.

– В чем?

– Да так, ничего.

– Говори.

Она нервно передернула плечами.

– Фларра пристает ко мне кое с чем вот уже несколько месяцев. Меня эта просьба сильно расстраивает, но мне, по глупости, казалось, что ты не заметишь моих переживаний. – Реми виновато улыбнулась. – Я хочу, чтобы моя сестра была счастлива, но ты – мой муж и твои желания для меня превыше всего. Я мечусь между ней и тобой. И сегодня наконец я пообещала ей, что поговорю с тобой. – Она облизнула сухие губы. – По правде говоря, Пинки, мне кажется, в этом есть резон. Просьба Фларры вполне разумна.

Он развел руки в приглашающем жесте – мол, продолжай, я тебя внимательно слушаю.

– Фларра хочет переехать к нам и выпускной класс окон-

читать в обычной школе. Девочка мечтает жить более насыщенной жизнью. Встречаться с новыми людьми. Делать то, что обычно делают девочки ее возраста. Вполне понятное желание, правда?

Пинки долго пытливо всматривался в нее, потом похлопал рукой по кровати рядом с собой.

– Иди сюда, Реми.

– Так как же насчет Фларры?

– Я подумаю. А теперь ид и ко мне.

Он откинул одеяло, показывая, что он уже в полной боевой готовности. Ее гнев возбудил Пинки, а ее бесхитростное, обезоруживающее признание распалило его еще больше.

Как только она оказалась рядом, он постарался, чтобы у нее не осталось и тени сомнения в том, что она целиком и полностью принадлежит ему. Он владел ее телом, разумом, чувствами и мог делать с ними все, что заблагорассудится.

Потом он сказал, что Фларра останется в школе при монастыре Святого Сердца до самого окончания.

На мгновение она онемела. Затем сказала:

– Тебе виднее, Пинки. Он погладил ее по волосам.

– Твоя сестра слишком молода и сама не знает, чего хочет. Мы с тобой, вернее, я – потому что ты слишком мягка и податлива – должны убереечь ее от необдуманных поступков и ошибок. Я лучше знаю, что требуется для ее блага. Точно так же, как знаю, что требуется для твоего.

– Еще она просила разрешить ей прийти к нам на празд-

ник Марди-Гра.

– У нее губа не дура, – хихикнул Пинки. – На этот прием приглашаются только большие люди.

– Именно поэтому она и жаждет прийти.

– Поживем – увидим.

– Учти, она теперь долго будет на тебя дуться.

– Ничего, переживет, – беспечно отмахнулся Пинки.

Засыпая, он улыбался. Слава Богу, с этим наконец покончено.

Берк выбрал университетскую библиотеку, потому что она закрывалась позже публичной и еще потому, что там было больше материалов.

Он долго прокручивал микрофильмы с «Таймс пикейн». Несколько лет назад газета печатала специальный репортаж о самом знаменитом городском адвокате. Патрик Дюваль вырос в квартале среднего класса, но его родители поднапряглись и отдали его в дорогую школу, где он одинаково блестяще преуспел и в науках, и в спорте. Дюваль получил стипендию от школы на поступление в университет, окончил с отличием юридический факультет, прошел стажировку в солидной фирме, а через девять лет набрался достаточно опыта, чтобы основать собственную адвокатскую контору.

Берк не знал, сколько в этой статье правды, а сколько вранья, но он резонно рассудил, что многие факты легко проверить. Ясно было, что главная идея репортажа такова: изоб-

разить сверхудачливого, трудолюбивого парня, благополучно сумевшего выбраться из болота среднего класса.

Журналист пытался представить Дюваля эдаким филантропом, ни словом, впрочем, не упоминая о ночных клубах и стрип-барах, которыми владел адвокат. Взхлеб расписывая его выдающиеся заслуги, автор статьи приводил похвалы в адрес Дюваля от различных общественных организаций и ассоциаций. А Берк, читая репортаж, вспоминал о заказных убийствах, организованных Дювалем, в том числе о последнем – Рэймонда Хана. Адвокат Пинки Дюваль купался в роскоши и поплевывал в потолок, а законопослушная публика восторженно ему аплодировала.

В том-то и штука, сообразил Берк: Дюваль ловит кайф от собственной ловкости и неуязвимости.

Торговля наркотиками не приносила ему таких уж колоссальных денег, это для Дюваля было что-то вроде спорта. Он занимался этим, потому что ему все сходило с рук. Он играл – и выигрывал. Его нелегальная деятельность позволяла демонстрировать собственное всеисие, хотя бы и перед самим собой.

Пинки Дюваль часто появлялся на первых полосах газет, его имя постоянно упоминалось в колонках светской хроники. Но имя его жены и ее фотографии практически отсутствовали. Если она и получалась на фото крупным планом, то всегда находилась в тени своего мужа. В буквальном смысле слова.

Она не любит нацеленных на нее объективов? Или же просто невозможно затмить жадного до славы Пинки Дюваля, какими бы достоинствами вы ни обладали?

А еще Берку показалось странным, что он не смог раздобыть информации о миссис Дюваль. О ней ни разу не писали газеты, даже не цитировали какое-нибудь ее высказывание. То ли у нее не имелось собственного мнения ни о чем на свете, то ли ее слова были скучны и не заслуживали внимания, или же ее мнения никто никогда не спрашивал, ибо ее красноречивый муж всегда находился тут же, рядом, с готовой цитатой, которую хоть сейчас вставляй в номер.

Мистер и миссис Дюваль фигурировали в списках жертвователей нескольких благотворительных акций, но миссис Дюваль не состояла ни в одном дамском или светском клубе, не заседала ни в одном правлении или комитете, не председательствовала в благотворительных фондах.

Реми Ламбет Дюваль была полным антиподом своего мужа. Ее словно не существовало.

Бейзил просидел в библиотеке до самого закрытия. За ним, в прямом смысле слова, заперли дверь. Он вдруг ощутил сильный голод: сегодня он съел лишь один шоколадный батончик да еще выпил банановый коктейль, хотя лучше бы не пил. Не желая разводиться тараканов, он решил в доме съестного не держать. Терять время в ресторане не хотелось, он зашел в магазин и купил два хот-дога и банку колы.

От магазина Берк отъехал, не имея какой-либо конкрет-

ной цели.

Но руки сами вели машину. Дом, к которому приехал Берк, полностью был погружен в темноту, горели только огоньки охранной сигнализации да одно окно на втором этаже.

Сосиски оказались резиновыми, булки – черствыми, но Берк машинально жевал, не ощущая никакого вкуса. Он думал о том, что сейчас делают мистер и миссис Дюваль по ту сторону зашторенного окна.

Разговаривают? Из того, что Берк увидел и прочитал, можно было заключить, что она – отнюдь не болтушка. А может, она оживает только наедине с мужем? И ее мнение о различных вещах предназначено только для его ушей? Вот она вечерами и развлекает его живыми остроумными беседами.

Ага, точно, язвительно хмыкнул Берк, скомкал бумажный пакет с остатками сосисок и бросил его на пол. Она развлекает старину Пинки, да только не его мозги, а кое-что пониже.

Во рту остался отвратительный привкус, Берк несколько раз глотнул колы.

Бедняга Пинки. Он явно без ума от этой шлюшки и пребывает в блаженном неведении, что она путается с Уэйном Бардо. А может, все не так печально. Может, Пинки делится ею со своими клиентами. Может, такова плата за хорошо выполненное убийство.

Свет погас.

Берк продолжал смотреть на темное окно. В голове мелькали картины, которые едва не вывели его из равновесия. Он зажмурился и потряс головой. В желудке камнем лежали сосиски.

Через полчаса Берк завел машину и поехал к себе.

Значит, Дюваль очень любит свою женушку, это яснее ясного. Обращается с ней как с королевой. Руби Бушери рассказала, что Пинки держит ее под замком. Берк сам имел возможность убедиться, как тщательно ее охраняют.

– О чем это говорит, а, Бейзил? Входя в свою комнату, он улыбался.

Реми лежала не двигаясь и слушала похрапывание Пинки. Она прочитала коротенькую молитву, благодаря Господа, что ее хитрость сработала. Пинки отказал Фларре, так и не догадавшись, что именно этого и хотела Реми.

Она не в первый раз пользовалась методом от обратного, чтобы манипулировать мужем. Чаще всего ничего не получалось. Но сегодня преимущество было на ее стороне. Она прекрасно осознавала, что Пинки не потерпит никакого вмешательства в их жизнь, не допустит, чтобы кто-то еще претендовал на ее, Реми, время и любовь. Особенно Фларра. Пинки знал, как она любит сестру, и ревновал.

Спасибо, Господи, что он так ревнив. Пусть и дальше себе ревнует.

Сначала подумай, потом об этом молись.

Много раз в такие же вот бессонные ночи Реми вспоминала слова сестры Беатрисы. Теперь она понимала, что имела в виду монахиня. Разве ребенком Реми не молила Господа об иной жизни, в которой нет бедности и ответственности?

Вот она и получила, что просила. Но она не знала, какую цену придется платить за исполнение своей наивной мечты.

Пинки довольно похрюкивал, положив на нее руку. Рука у него была тяжелая, казалось, она весила целую тонну.

Глава 13

Мужской туалет размещался в приземистом квадратном бетонном строении. Внутри имелись две ржавые раковины, три грязных писсуара и одна кабинка, дверца которой висела на одной петле. Крыши не было, однако, несмотря на открытую вентиляцию, запах в общественном туалете стоял отвратительный. Зайдя внутрь, Берк чуть не задохнулся.

Стояла крошечная тьма, лампочка была разбита. Очевидно, дирекцию парка еще не уведомили об очередном акте вандализма. Только психу пришло бы в голову забрести сюда после захода солнца, ну или тем, кто любит темноту.

Сейчас здесь находился только один человек. Он стоял у писсуара, спиной к двери. Он, должно быть, слышал, как вошел Берк, но даже не оглянулся на звук приближающихся шагов.

Берк остановился у соседнего писсуара. Парень уже закончил, но не спешил застегивать «молнию». Он чуть повернул голову и как-то смущенно заметил:

– Жутковато тут.

Берк застегнул ширинку и всем корпусом развернулся к собеседнику.

– Это точно. Никогда не знаешь, на кого наткнешься.

Грегори Джеймс прижался к стене, прикрыл обеими руками «молнию» на брюках и простонал:

– Бейзил!

– Ты не рад меня видеть?

– Черт!

– Кажется, не рад.

Берк схватил худенького молодого человека за руку и потащил к выходу.

– Я же ничего не сделал, – залепетал Грегори. – Ты не имеешь права меня арестовывать.

– Да тебя за одну твою непроходимую тупость надо забрать. Откуда ты знаешь, может, с тобой рядом маньяк остановился? Или какой-нибудь деревенщина, пожелавший прижучить городского пидера? Свяжешься не с тем, с кем надо, и из тебя сделают фарш.

– Не забирай меня, Бейзил, – заканючил Джеймс. – Я уже все понял.

– Как же, понял. Потому, наверное, и ошиваешься в мужском туалете среди ночи.

– Я просто зашел пописать.

– Не ври, Грегори. Нечего мне голову морочить. Я следил за тобой, потому что знаю: ты вечно ищешь приключений на свою голову.

– Нет-нет! Я законов не нарушаю!

– Черта с два. Парень, с которым ты путался прошлой ночью, – несовершеннолетний. Не будь я занят другим делом, тогда же схватил бы тебя и отволок в участок. Тебе бы там навесили кучу статей.

– О Господи, – всхлипнул тот. – Если ты меня арестуешь...

– О! Тебя запрут надолго. Ты представляешь собой настоящую угрозу для общества.

Молодой человек в отчаянии заломил руки.

– Прошу тебя, Бейзил. Отпусти меня. Я ведь прежде оказывал тебе услуги. Помнишь? Я тебе всегда помогал.

– Чтобы уберечь свою задницу от ареста.

– Ну, пожалуйста, Бейзил, дай мне на этот раз послабку.

Притворившись, что раздумывает, Берк помолчал, потом резко бросил:

– Пойдем, красавчик. Джеймс заныл.

– Заткнись, – приказал Берк и как следует встряхнул его. – Я не собираюсь тебя арестовывать, но я довезу тебя до дома и прослежу, чтобы ты пошел в квартиру. Тогда твои соседи смогут спать спокойно остаток ночи.

Беспрерывно благодаря Берка, Джеймс юркнул в машину. Он жил в нескольких кварталах от парка в роскошном двухэтажном доме. Дом и сад содержались в идеальном состоянии – несмотря на то, что владелец дома отбывал срок в тюрьме за сексуальные преступления.

Берк открыл стеклянную дверь и вошел вместе с Грегори в холл.

– Можешь меня дальше не провожать, – обратился к нему Джеймс. – Я больше сегодня никуда не пойду. Честное слово.

– Разве твои родители не учили тебя гостеприимству, Гре-

гори? Предложи мне чашечку кофе.

Перепуганный молодой человек явно не доверял полицейскому, но быстро закивал.

– Конечно, конечно. Замечательная мысль. Мне следовало самому сообразить. Сам не знаю, о чем я думал.

– Ты думал о том, как бы побыстрее от меня избавиться, чтобы можно было снова выйти на прогулку.

– Какой ты подозрительный, Бейзил, – мягко упрекнул Грегори и жестом предложил гостю пройти на кухню.

– Это потому, что я имею дело со всякими лживыми преступниками, вроде тебя.

– Я не преступник.

– Неужели? – Берк уселся на высокий стул у стойки и стал наблюдать, как хозяин возится с кофеваркой. – Давай-ка посмотрим, хорошо ли у меня работает память. По-моему, было что-то такое с растлением несовершеннолетних.

– Тому парню исполнилось шестнадцать, и обвинение сняли.

– Потому что твой папочка заплатил родителям мальчишки. Еще, припоминается, были аресты за эксгибиционизм.

– Ничего серьезного. Приговор был условным.

– Ну и гнусная же вы публика, Грегори. Ты и тебе подобные любители потрясти членом на глазах у всех.

– А это уже оскорбление словом. Буду жаловаться.

– Сколько угодно. Я приглашу твоего папочку, расскажу ему про твои прошлые подвиги, и он перестанет платить за

эту милую квартирку.

Грегори прикусил губу.

– Ладно, ты выиграл. Но все равно ты сукин сын, Бейзил.

– Мне это многие говорили.

Мучить Джеймса Берку не доставляло ни малейшего удовольствия, но Грегори сам был виноват. Он представлял собой классический пример отпрыска из богатой семьи, не пожелавшего жить по ее законам. Его старший брат после нескольких удачных сезонов в команде высшей лиги по бейсболу занял солидный пост в семейной империи и вел дела весьма успешно. Второй брат был нейрохирургом с мировым именем.

Однако в семье не без уroda. Грегори вряд ли окончил бы школу, если бы папаша не купил ему диплом, сделав солидное пожертвование. Затем Грегори поступил в семинарию, так как семейный совет решил, что было бы неплохо обзавестись собственным священником. Поначалу они думали, что их Грегори уготована ни больше, ни меньше мантия кардинала.

Грегори продержался в семинарии полтора года, а потом дал деру, обнаружив, что его сексуальные шалости несовместимы с саном священника. Чтобы прикрыть позор, клан Джеймсов отправил непутевого сына в Нью-Йорк, где тот поступил в актерскую школу.

Именно здесь обнаружилось истинное призвание Грегори Джеймса. У него в самом деле выявились способности, и он

с успехом выступал в нескольких бродвейских спектаклях до тех пор, пока его не арестовали за непристойное поведение в телефонной будке на одной из станций метро. Снова вмешался богатый папа, дело замяли. Блудный сын вернулся домой, имея за плечами крайне скандальную репутацию.

Это оказалось последней каплей. Семейство умыло руки и отказалось от своего третьего сына, продолжая, однако, платить за его квартиру. Очевидно, подумал Берк, они предпочитают раскошелиться, чем ежедневно любоваться его подвигами.

Грегори приготовил кофе.

– Чего тебе дать к кофе? Сливки, сахар, ликер?

– Ничего, спасибо. – Грегори сел рядом. Берк видел, что молодой человек нервничает. – Грегори, ты чего такой дерганый? – Я не понимаю, зачем ты пришел.

– Считай, что это визит вежливости. Решил навестить старого знакомого.

Грегори Джеймс являлся одним из лучших стукачей, работавших на НОБН. Он был завсегдаем ночных заведений Французского квартала и постоянно крутился среди торговцев наркотиками, хотя сам их не употреблял. Чаще всего он поставлял информацию взамен на снисходительное отношение к его собственным порокам.

– Ты был бы настоящей находкой для полицейского управления, если бы все время не садился в тюрьму, – добродушно заметил Берк и попробовал кофе.

– Ты назвал меня преступником. Мне это не нравится, Бейзил, – робко отозвался Джеймс. – Я не преступник.

– А кто же ты?

– Я – больной человек. С отклонениями.

– Это точно.

– Я страдаю от острого эмоционального дискомфорта, корни которого уходят глубоко в мое детство. В моей семье была с самого начала искажена система ценностей. Меня вынуждали соперничать со старшими братьями, а это противоречила моей натуре. Со мной обращались по-свински.

– Ой, Грегори, ты надрываешь мне сердце.

– Правда! Тюремный психиатр сказал, что мои проблемы имеют психологический характер.

– У всех маньяков то же самое.

– Я не виноват! – воскликнул молодой человек. – Я не могу с этим справиться. Это сильнее меня, вот и получается, что иногда я... делаю то, что делаю.

– Ага. Сейчас адвокаты всю пользуются этой теорией. Мамочка заставляла меня надевать белые носки, а папочка любил кока-колу, поэтому я их обоих и замочил. – Берк скривился от отвращения. – Меня тошнит от таких, как ты. Вечно хнычете, во всех своих бедах вините кого угодно, но только не себя. Ты уже большой мальчик, Грегори. Ты сам должен отвечать за свои поступки.

Внезапно он встал и схватил Джеймса за шкуру.

– Я передумал. Пошли в участок.

– Нет! Нет, Бейзил! Пожалуйста. Ты же обещал.

– Разве?

– Да.

– Что-то не припоминаю. – Ты обещал.

Берк медленно разжал пальцы и вернулся на свое место.

Он уставился тяжелым долгим взглядом на Грегори. Тот заерзал на стуле, потом наконец беспомощно спросил:

– Ну, что?

– Я пока думаю.

Берк смотрел в упор на молодого человека и маленькими глотками пил кофе. Потом отставил чашку и сказал:

– Я, так и быть, забуду о вчерашнем случае с несовершеннолетним подростком. Я, так и быть, посмотрю сквозь пальцы на то, что ты пробовал приставать ко мне в мужском туалете в парке. И на этот раз я тебя отпущу.

– Если...

– Если ты окажешь мне небольшую услугу. Грегори насто-роженно взглянул на него.

– Какого рода услугу?

– Я не собираюсь это обсуждать, пока мы не договорились в целом.

– Так нечестно.

– Ага, нечестно. Но таково условие, ты либо соглашаешься, либо нет.

– А можно я лучше буду работать с Макьюэном?

– Почему? – Берк подмигнул. – Ты к нему неравнодушен?

– Пошел ты, Бейзил.

– Я замечал, как ты пялишься на Мака, но, если ты считаешь на взаимность, отбрось эти мысли. У Мака страстная женушка, которая его обожает. А теперь ты либо соглашаешься, либо нет, потому что мое предложение действует только в течение тридцати секунд.

– Если я соглашусь...

– То на этот раз выходишь сухим из воды. В противном случае мы едем в управление и я тебя сдаю ребятам.

– На каком основании?

– Сексуальные приставания в общественном месте. Осталось двадцать секунд.

– Я к тебе не приставал!

– Потому что я не дал тебе шанса.

– Ты не можешь меня арестовать.

– Еще как могу. Как ты думаешь, кому поверят в полиции – тебе или мне?

– Черт!

– Десять секунд.

Грегори вцепился руками в свои вьющиеся черные волосы.

– Ты не оставляешь мне выбора.

– Неправда. Ты можешь отказаться. В конце концов, в тюрьме не так уж и плохо.

Джеймс поднял голову и жалобно посмотрел на Берка.

– А ты знаешь, что там делают с такими парнями, как я?

Берк знал, и в этот момент ненавидел себя за то, что мучает несчастного Джеймса. Ибо, с точки зрения нормального человека, Грегори был несчастным. Но, с точки зрения полицейского, трудно было проникнуться состраданием к человеку, который одну из своих выходов устроил на детской площадке. Как-то не получалось у Берка жалеть типа, продемонстрировавшего себя во всей красе перед малышами.

– Время вышло. Что скажешь?

– А ты как думаешь? – уныло пробормотал Джеймс.

– Хорошо. – Берк поднялся, налил себе еще чашку кофе, похлопал Грегори по плечу и вернулся на место. – Не будь таким мрачным. У меня есть интересное задание для актера. Это тебе поможет в твоей будущей карьере.

– Могу себе представить, – вздохнул Грегори. – Скажи мне вот что, Бейзил. Как ты узнал про вчерашнего мальчика?

Прямой вопрос требовал такого же прямого ответа. Честно глядя Джеймсу в глаза, Берк признался:

– А никак. Просто угадал.

* * *

Утром следующего дня Берк запер дверь своей квартиры, повернулся к лестничному пролету и угодил прямо в кулак Уэйна Бардо.

Берк бесславно упал на спину. Бардо, ухмыляясь, встал над ним.

– Все говорят, что ты полный придурок, Бейзил. Я начинаю в это верить.

С трясущимся от злости подбородком Берк медленно поднялся на ноги. Больше всего на свете сейчас ему хотелось разбежаться и врезать башкой в брюхо этому сукиному сыну. Шанс у него имелся неплохой, однако Берком владела не столько злость, сколько любопытство. Поэтому, отложив до поры до времени драку, Берк предпочел словесный поединок:

– По крайней мере, я не одеваюсь как голубой. Спорим, тот тип, что продал тебе эту красную рубашечку, до сих пор хохочет.

Хотя с лица Бардо не сползла наглая ухмылка, Берк понял, что удар достиг цели. Бардо насмешливо парировал:

– Классная у тебя квартирка, Бейзил.

– Спасибо.

Берк даже не стал спрашивать, как Бардо его нашел. У Дюваля имелась сложная цепь осведомителей, ведших отслеживание почище чем ФБР и Агентство по борьбе с наркотиками. Все правоохранительные органы – любого уровня, местного или федерального, – ему в подметки не годились. Потому-то и в суде его клиенты получали оправдательные приговоры. Имелся только один способ остановить Дюваля и его чудовищную машину, и Берк собирался воспользоваться им.

Плохо, что они теперь знают, где он живет. Значит, за ним следят. Знают ли они, что он сам следил вчера за миссис Дю-

валь? Если нет, то почему Бардо появился с утра пораньше?

Словно читая его мысли, тот произнес:

– Мистер Дюваль хочет тебя видеть.

– Пусть твой Дюваль поцелует меня в задницу. И ты тоже.

Бардо шагнул ближе.

– Очень хорошо. Так мне даже больше нравится. Ты намерен сопротивляться. Прекрасно. Я просто мечтаю вышибить из тебя все твоё дерьмо.

Угроза Берка не испугала, но ему было любопытно узнать, что им известно. Пожав плечами, он бросил:

– Иди вперед.

– Только после вас.

Бардо пихнул его к выходу. Берк потерял равновесие и покатился по ступенькам. На улице Бардо подтолкнул его к «Кадиллаку» последней модели, припаркованному на углу.

– Послушай, Уэйн, – съязвил Берк, – когда Это тебя успели из киллеров разжаловать в «шестерки»? Дюваль отобрал у тебя все твои ножички?

– Заткнись и держи руки так, чтобы я их видел.

– Я не вооружен.

– Ты меня за идиота держишь?

– Ну, в общем, да.

Около машины Бардо обыскал Берка, прощупал швы его брюк и ничего не нашел.

– Я же тебе говорил.

– Залезай, умник.

Усевшись в машину, Берк хмыкнул:

– Признайся, Уэйн. Эта красная рубашечка на тебя здорово подействовала. Ты просто захотел меня потискать.

* * *

В адвокатской конторе Пинки Дюваля тоже царила роскошь, как и в его доме, но совершенно другого рода. Интерьер здесь был строгим и современным. За столами сидели красивые длинноногие молодые женщины. Никакого офисного оборудования, посетители и клиенты отсутствовали. Повсюду мрамор и полированное дерево. Даже телефоны не звонили, а тихо попискивали короткими быстрыми сигналами.

Пинки сидел за своим столом. Вошла секретарша и доложила, что прибыл мистер Бейзил. Все выглядело так, словно о встрече договорились заранее, словно его не приволокли сюда силой после легкого мордобоя.

Когда они вошли, Дюваль не встал. Берк понял, что это намеренное оскорбление, дабы унижить посетителя, заставить его почувствовать себя рабом, стоящим перед хозяином.

– Здравствуйте, мистер Бейзил.

– Дюваль.

Мелковато, конечно, но все же сквитался. Дюваль сделал вид, что ничего не заметил.

– Садитесь.

Берк сел в кресло размером не меньше стола для пинг-понга. На столе Дюваля стоял портрет Реми в узорной серебряной рамке. Берк сделал вид, что не заметил его.

– Хотите выпить? – предложил Пинки.

– Разве что немного мышьяку. Дюваль улыбнулся.

– Вообще-то я имел в виду кофе.

– Я ничего не хочу.

– Спасибо, что пришли.

– Я не пришел. Меня привели.

Берк закинул ногу на ногу и оглянулся на Бардо, усевшегося на диван возле стены. Не очень приятно было знать, что за спиной сидит наемный убийца, однако Берк решил: если бы Дюваль послал Бардо замочить его, Берк давно бы уже валялся бездыханный.

Обернувшись к Дювалю, Берк увидел, что тот искренне забавляется и ждет, когда же вспыльчивый полицейский потребует объяснить, какого черта его сюда доставили. Сдохну, а не спрошу, пообещал себе Берк. Зачем показывать этому ублюдку свое любопытство или страх? Идея встретиться принадлежит ему, вот пусть и начинает.

После небольшой паузы Дюваль наконец открыл рот:

– Думаю, вам не терпится узнать, зачем я вас пригласил.

Бейзил равнодушно пожал плечами.

– До меня дошла любопытная новость.

– Правда?

– Вы ушли из полицейского управления.

– У тебя всегда были прекрасные источники информации.

– Ваш уход пробил серьезную брешь в отделе по наркотикам.

– Вряд ли.

– Вы слишком скромны.

– А еще я слишком занят, чтобы сидеть тут целый день и болтать о делах, которые тебя не касаются.

И снова Дюваль не поддался на провокацию.

– Преждевременная отставка?

– Возможно.

– Почему вы уволились?

– Не твое собачье дело.

– Что вы намерены делать дальше?

Берк покачал головой, словно не веря своим ушам, и развел руками.

– Ты вынуждаешь меня повторяться. Дюваль пристально посмотрел на него.

– Я полагаю, вы уволились из-за поражения на процессе мистера Бардо. Мы выиграли, вы проиграли, а вы восприняли этот проигрыш слишком лично. Вам случилось слышать выражение «человек, не умеющий проигрывать», мистер Бейзил?

– Тебе именно так хочется думать? Твоему раздутому самомнению льстит мысль, что это ты повлиял на мое решение. Жаль тебя разочаровывать, но ты ошибаешься.

Дюваль улыбнулся, всем своим видом показывая, что ложь Берка для него очевидна.

– Хотите знать, для чего я вас пригласил?

– По правде говоря, мне плевать.

– Теперь, когда мы больше не находимся по разные стороны баррикад, я хочу предложить вам работать на мою организацию.

У Берка Бейзила не было так уж сильно развито чувство юмора. В отделе он редко принимал участие в общем веселье. Всем было известно, что он мало улыбается. Тем более смеется. Никому из коллег еще не удавалось заставить его рассмеяться от души.

Они бы не узнали своего бывшего сослуживца в этом весело хохочущем человеке. Абсурдное предложение Дюваля его дико развеселило.

– Повтори, как ты сказал?

– Я, кажется, выразился достаточно ясно – Дюваль был уже настроен менее благодушно.

– Да-да, я слышал. Просто я не поверил своим ушам. Ты хочешь, чтобы я на тебя работал? Какую же именно работу ты предлагаешь?

– Человек с вашим опытом и умением представляет ценность для меня. Большую ценность, чем для полицейского управления. – Он выдвинул ящик стола, достал несколько листков, скрепленных скрепкой. Повернул их так, чтобы Берк мог прочесть. – Копии уплаты ваших налогов за про-

шлый год. Позор, как ничтожно мало платит общество тем, кто его защищает и охраняет.

Конечно, для Дюваля не представляло никакой трудности получить на руки копии его налоговых счетов. Проще всего, наверное, через налогового инспектора. Но Берку было наплевать, известно ли Дювалю, сколько он получал на своей работе. Его беспокоило другое: почему адвокат так легко признается в этом. Хочет продемонстрировать свое все-силие?

– Я больше не полицейский, – сказал Берк, – но не делай ошибки, Дюваль. Мы по-прежнему по разные стороны. Мы с тобой на противоположных полюсах.

– Прежде чем заявлять о своей высоконравственной позиции, может, послушаете, что за работу я предлагаю?

– Да мне плевать, какая работа и сколько ты собираешься платить. При всей этой шикарной обстановке, – продолжал Берк, обводя глазами роскошный интерьер кабинета, – ты глист, сидящий на куче дерьма. Да я бы не помочился на тебя, окажись ты в огне. Так неужели ты думаешь, я соглашусь на тебя работать?

Бейзил встал и направился к двери. Дюваль приказал ему сесть на место. Бардо кинулся к нему и непременно бы сбил с ног, если бы Берк не обхватил его железной рукой за шею.

– Если двинешься, я тебе шею переломаю. Видимо, угроза прозвучала достаточно убедительно. Бардо стоял неподвижно, глаза его горели дикой ненавистью.

Берк повернулся к Дювалю.

– Меня не заинтересовало ваше предложение.

– Да? Странно. – Ни капельки не смутившись, Дюваль оперся руками о крышку стола. Он даже улыбнулся и вкрадчиво заметил: – У меня есть серьезные основания полагать, что оно вас все же заинтересует. А, Бейзил?

Они оба молча смотрели друг на друга. Берк видел свое отражение в черных зрачках Дюваля. На него смотрел человек, похожий на загнанного зверя.

Берк ослабил хватку и отпихнул от себя Бардо.

– Пошел ты куда подальше, Дюваль. Адвокат улыбнулся еще шире.

– Вопрос остается открытым. Подумай хорошенько, Бейзил, и возвращайся.

– Ага. Я обязательно вернусь. – Только не так, как ты думаешь, поганый сукин сын. Берк взглянул на Бардо. – Не надо меня провожать. – Потом кивнул Дювалю. – Я знаю дорогу.

Глава 14

Ровно в два тридцать Реми Дюваль вошла в церковь. Время исповеди было с трех до пяти, но, поскольку Дюваль являлся щедрым пожертвователем, Реми обладала привилегией приходить на исповедь раньше. Пинки позаботился о том, чтобы к трем часам, когда начинают подходить остальные прихожане, Реми уже возвращалась домой в лимузине.

Эррол расположился в дальнем углу церкви, так, чтобы Реми постоянно находилась в поле его зрения. Идя по проходу, она на мгновение преклонила колени, потом села на дальний конец скамьи, достала из сумочки четки, опустилась на колени и начала молиться.

Даже окончив молиться, Реми не подняла головы и не открыла глаз. Эти полчаса, проводимые каждый день в церкви, она очень ценила. Пинки подсмеивался над ее чрезмерной набожностью; но, кроме католического воспитания, у Реми была еще одна веская причина аккуратно посещать церковь: только в эти полчаса она могла побыть совершенно одна.

Даже когда она уходила в беседку, присутствие людей постоянно ощущалось. С того самого дня, когда Реми вышла замуж за Пинки, она ни разу не оставалась дома одна. До этого, в школе монастыря Святого Сердца, она делила комнату в общежитии с другими девочками. А еще раньше жила в одной комнате с матерью. И оставалась одна на целую

ночь, когда Анджела уходила работать. Но тогда шум с улицы и крики из соседней квартиры пугали маленькую девочку и мешали ей оценить прелесть одиночества.

Здесь же, в соборе, Реми наслаждалась им. Она была одна, и ей ничто не угрожало. Ей нравилось разглядывать мозаичные оконные витражи, отбрасывавшие цветные тени на стены. Мерцание свечей и тихая органная музыка действовали умиротворяюще. Как хорошо хоть на миг ощутить себя свободной от постоянно наблюдающих глаз.

В сегодняшней молитве она просила у Господа мудрости и мужества. Мудрость нужна была, чтобы разработать план по защите Фларры, а мужество – чтобы его исполнить. Пока Фларра в безопасной тиши монастыря и пробудет там до окончания школы. А что потом? Реми переложила решение этой проблемы на плечи Господа, но все же беспокойство не оставляло ее.

Потом она попросила прощения. Вернее, попыталась это сделать, потому что не могла подобрать слов. Даже самой себе Реми отказывалась признаваться, что совершила страшный грех, отравляющий все ее существование. Подобный грех слишком тяжок, чтобы предъявлять его Господу. Если она сама себя не может простить, то почему Он простит ее?

Она заметила, что зажегся огонек исповедальни. Значит, священник уже ждет. Она зашла внутрь.

– Благословите меня, отец, ибо я грешна. Со дня моей последней исповеди прошла неделя.

Она перечислила свои мелкие грехи, но тянула время, собираясь с мужеством, чтобы признаться в главном грехе, хотя ей не хотелось делиться этим ни с кем, даже со священником. Но она чувствовала, что он терпеливо ждет, сидя по ту сторону тонкой металлической сетки.

В конце концов священник осторожно кашлянул.

– Что-то еще?

– Да, отец.

– Расскажите мне.

Может, если она расскажет, то наконец обретет некоторое спокойствие? Но при одной только мысли о признании сжалось горло и бешено заколотилось сердце. Из глаз полились слезы. Решившись, она заговорила:

– Несколько месяцев назад я зачала. Мужу я об этом не говорила.

– Это ложь путем умолчания.

– Я знаю, – тихо всхлипнула она. – Но я... я не могла. Я боролась сама с собой, отец.

– Из-за чего?

– Из-за ребенка.

– У церкви однозначное отношение к появлению ребенка: дитя – дар Божий. Вы не хотели этого ребенка?

Глядя на обручальное кольцо с огромным бриллиантом, она произнесла сквозь слезы:

– Ребенка больше нет.

Она надеялась, что, проговорив все это, испытает хотя

бы какое-то облегчение, но этого не произошло. Наоборот: сердце сдавило с новой силой. Шумные судорожные вздохи вырывались из ее груди.

Священник спокойно ответил:

– Вы знаете отношение церкви к абортам.

– Это был не аборт. На десятой неделе произошел выкидыш. Он подумал и спросил:

– Тогда в чем ваш грех?

– Я спровоцировала выкидыш, – прерывающимся голосом пояснила Реми, – своей неблагодарностью и неверием. И Бог наказал меня.

– Помыслы Господа не ведомы никому.

– Я хотела ребенка. – Она всхлипнула, потрогала свой живот. – Я его уже заранее полюбила. Но я боялась.

– Боялись? Чего?

Боялась, что Пинки сдержит слово и заставит меня сделать аборт.

В этом нельзя признаваться, даже священнику. Когда они поженились, Пинки недвусмысленно дал ей понять, что детей у нее не будет. И точка. Не обсуждается. Тема закрыта. Он не хотел делить ее ни с кем. Он заявил, что если у нее возникнет потребность о ком-то заботиться, то пусть ухаживает за ним, не уродуя при этом фигуру.

Поэтому, когда противозачаточные таблетки подвели, Реми ничего ему не сказала. Она боялась, что он заставит ее сделать аборт.

И в то же время боялась, что не заставит. Что, если он смягчился и передумал насчет детей? Что, если он обрадуется? Хочет ли она, Реми, чтобы ее ребенка воспитывал Пинки?

Пока она терзалась сомнениями, проблема разрешилась сама собой. В один ужасный день начались сильные боли и Реми увидела кровь, текущую по ногам; и тогда она поняла, что в глубине души желала именно этого. За трусость пришлось заплатить жизнью ребенка.

Священник снова спросил, чего же она боялась.

– Божьей кары, отец. Господь знал, что я сомневаюсь, иметь или не иметь ребенка, и отобрал его у меня.

– Вы предприняли какие-то действия, повлекшие за собой выкидыш?

– Нет, но я виновна в том, что колебалась. Отпустите мне мой грех, святой отец.

Отчаянно нуждаясь в прощении и утешении, Реми инстинктивно приложила ладони к металлической сетке, опустила голову и горько заплакала.

Вдруг ее пальцы и ладони ощутили теплоту человеческого тела, словно священник с другой стороны перегородки приложил свои руки к ее. Это было секундное прикосновение, и, когда Реми подняла голову, на полупрозрачной сетке была лишь ее рука.

Однако, коснулся он ее или нет, на Реми вдруг снизошло удивительное спокойствие, которого она давно не испытыва-

ла. Тяжкий обруч вины, сжимавший грудь, разжался.

Священник произнес слова утешения, дал отпущение грехов и наложил умеренную епитимью во искупление ее вины.

Реми медленно отняла руки от решетки, вытерла слезы и покинула исповедальню со словами:

– Спасибо, святой отец.

Реми ушла, оставив после себя аромат духов, а Берк продолжал сидеть в исповедальне.

Надо уходить. Нельзя больше оставаться в этой будке. Сейчас появится священник, начнут, собираться прихожане на исповедь. На счету каждая секунда.

И все же он с явной неохотой оставил исповедальню. Здесь он испытал странное чувство единения с женщиной его фантазий, женщиной из беседки, залитой лунным светом.

Которая неожиданно оказалась неверной женошкой Пинки Дюваль. А Пинки Дюваль был врагом, которого Берк поклялся уничтожить.

Эта мысль заставила Берка подняться и оставить исповедальню. Выйдя, он обшарил взглядом церковь в надежде еще раз увидеть Реми Дюваль, но ее нигде не было видно. Берк обернулся к выходу. Телохранилитель, сопровождавший ее тогда на Французский рынок, исчез со своего поста. Значит, она ушла.

Берк достал из бокового кармана черных брюк платок и вытер вспотевший лоб и верхнюю губу. Без усов он чувство-

вал себя непривычно. Сегодня утром из зеркала на него посмотрел незнакомец с гладко выбритой физиономией.

Бейзил торопливо покинул церковь через боковой вход. Грегори Джеймс уже ждал его в машине. Берк молча сел за руль и тронулся с места. В салоне было невыносимо жарко. Он включил кондиционер на полную мощность. Черная рубашка прилипла к спине. Воротник-стойка сдавливал горло. Берк резко, с раздражением его рванул.

– Как все прошло? – взволнованно спросил Грегори.

– Прекрасно.

– Леди появилась вовремя?

– Как по расписанию.

Бейзил следил за Реми Дюваль несколько дней и обнаружил, что она никогда не остается одна. Либо она дома – и потому совершенно недоступна, либо ее сопровождает муж или телохранитель. Она никогда и нигде не появляется без сопровождения. Единственное место, где она остается одна, – это церковь.

– Церковь? – ошарашенно переспросил он, когда Руби Бушери рассказала ему, где она встречает миссис Дюваль.

Мадам оскорбление подняла бровь.

– Что вас так удивляет, мистер Бейзил? Что в церковь ходит миссис Дюваль или что туда хожу я?

– Я никого не хотел оскорбить, – смущенно пробормотал Берк. – Просто...

– Достаточно. – Мадам подняла руку, давая понять, что ее не обидело его изумление. – Я изредка вижу Реми Дюваль в церкви. Я никогда с ней не заговариваю. И никто этого не делает. Она туда ходит не покрасоваться. Она очень набожна и всегда одной из первых приходит на исповедь.

Берк несколько дней подряд следил за женой Дюваля и убедился в точности сведений, полученных от Руби Бушери.

Прекрасно, решил он.

Если хочешь узнать что-то о человеке, нет ничего лучше, чем выслушать его исповедь. Она тоже принимает наркотики, как ее мать, Анджела? Или она расскажет о любовной связи с Бардо? В каких мерзких грехах признается она священнику? Это будет очень полезно узнать тому, кто собирается уничтожить ее мужа.

Словом, Берк твердо решил занять место священника в исповедальне, когда Реми Дюваль придет на исповедь. План был несколько подловатым, но блестящим. За исключением двух моментов: как задержать на время настоящего священника и как вести себя, чтобы она не догадалась о подмене.

В последний раз Бейзил был на исповеди на следующий день после похорон матери, да и то лишь в дань ее памяти. Он слегка подзабыл процедуру, хотя, конечно, тот, кто воспитан в католической семье, не сможет забыть все окончательно. Но даже если бы ему удалось сносно изобразить священника, оставалась проблема с настоящим.

Вот тут Берк и вспомнил о Грегори Джеймсе, который ко-

гда-то учился и на священника, и на актера.

– Ты все говорил правильно? – спросил его Грегори.

– Ты меня крепко натаскал, – ответил Берк, ругнулся на медлительного водителя и обогнал его. – Я все говорил правильно.

– Она не догадалась?

Ее голос дрожал от слез, такое искреннее раскаяние невозможно было изобразить.

– Она не догадалась.

– Хорошо, что она не видела твою ухмыляющуюся физиономию. На священника ты все же мало похож.

– Она не видела, так что успокойся.

– Я спокоен. Это с тебя пот льет градом, и машину ты ведешь как псих.

Грегори откинулся на сиденье, улыбнулся. Постучал пальцами по колену в такт какой-то мелодии.

– Я свою роль исполнил великолепно. Отвлекал священника, как ты велел. Я сказал ему, что разыскиваю отца Кевина, с которым вместе учился в семинарии. Естественно, он о нем никогда не слышал. «Вы уверены? – спросил я. – Его мать мне сообщила, что он приписан к церкви святого Михаила в Нью-Орлеане». Изобразил акцент, которому меня учили на уроках фонетики в Нью-Йорке, – пояснил он Берку. – Священник сказал, что наверняка отца Кевина хорошо знают в церкви святого Михаила, но здесь-то церковь святого Матфея.

Мы посмеялись. Я сказал, что, видимо, таксист перепутал церкви. «Или святых», – ответил отец. И мы еще посмеялись. Чтобы его задержать подольше, я поинтересовался: родился ли он сам в Нью-Орлеане. Он ответил, что живет тут десять лет. Но знает здесь все хорошие рестораны. Не то чтобы он может себе позволить туда ходить, поспешил добавить святой отец, но многие его прихожане – люди весьма щедрые и часто его приглашают. Слово за слово, так мы убили добрых десять минут. Как оказалось, достаточно?

– Вполне. А теперь не мог бы ты заткнуться?

Ему не хотелось болтать с Грегори. Хотелось поразмыслить о минутах, проведенных в исповедальне рядом с Реми Дюваль. Они находились так близко, что он ощущал запах ее духов, слышал ее тихие всхлипывания, когда она рассказывала ему о грехе, который поставил Берка в совершеннейший тупик.

Наркотики, пьянство, измена – ничто бы его не удивило. Но она винила себя в выкидыше. Этого он никак не ожидал и был крайне озадачен.

И все же он должен воспользоваться этим в своих целях. Ее духи чертовски кружат голову, и Берк от души порадовался, что не принял обет целомудрия; однако полицейский остается полицейским: голова Берка уже работала в другом направлении, он прикидывал, как использовать полученную информацию. В порыве вдохновения (отнюдь не божественного) созрела идея, как может ее грех помочь общему плану.

Но Берка его великолепная идея почему-то не радовала.

Он бы очень хотел забыть о том, что она потеряла ребенка.

Это делало ее более человеческой.

Он бы очень хотел забыть о том, что коснулся ее рук через решетку. Это делало более человеческим его.

– Эй, Бейзил, на тебя что, снизошло Божье озарение, или как?

Вопрос прервал его размышления, и Берк мрачно посмотрел на Грегори.

– Ты какой-то чудной. Когда ты выскочил из собора, у тебя было такое выражение лица, словно ты только что увидел Господа Бога.

Берк снова кинул на Джеймса суровый взгляд.

– Ладно, ладно. Наверное, мне просто непривычно видеть тебя без усов и с зализанными волосами. Тебя бы сейчас мать родная не узнала. С очками тоже здорово придумано.

Только сейчас до Берка дошло, что он забыл снять очки в квадратной роговой оправе. Он сорвал их и швырнул на приборную панель. Стекла были простые, но все равно странно, что он про них и не вспомнил. Из-за таких мелочей люди жизни лишаются. Неважно, полицейский ты или преступник, горят обычно именно на подобной ерунде.

Очнись, приказал он себе. Если начнешь колебаться, то пошатнется решимость отомстить за Кевина. А если отступишься – не сможешь жить дальше. Надо действовать или кончать с этой жизнью. Правая рука на руле автоматически

сжималась и разжималась.

У дома Джеймса Берк на полной скорости вдавил тормоз, машина дернулась и остановилась.

Грегори взялся за ручку двери.

– Неохота признаваться, но мне понравилось. Пока, Бейзил. Может, еще увидимся. Но только, если мне сильно не повезет.

Тут лицо Грегори выразило крайнюю степень замешательства: Берк вылез из машины и зашагал рядом с ним по дорожке, ведущей к дому.

– Рад, что ты получил удовольствие. Потому что мы еще не закончили, святой отец.

Глава 15

Пинки разрезал свой филе-миньон с кровью.

– Как это называется?

Реми отвела глаза от сочащегося кровью мяса.

– «Дом Дженни». Названо так в честь трехлетней девочки, которую бросила мать. Когда девочку нашли, она умирала от голода. Ее не удалось спасти.

– Кошмар какой! – воскликнула Фларра. – В Америке, где перекормленные богачи тратят бешеные деньги на диеты, ребенок умирает от голода!

– Ужасно, правда?

Реми специально выбрала для разговора с Пинки вечер, когда они ужинали вместе с Фларрой. Реми знала, что сестра встанет на ее сторону. Фларру всегда возмущала любая несправедливость.

Пинки покрутил коктейльную соломинку.

– Этот священник, отец...

– Грегори, – подсказала Реми. – Он позвонил и спросил, не могли бы мы встретиться и обсудить этот проект.

– Им, конечно, нужны деньги. Она кивнула.

– Он сказал, они собирают деньги, чтобы «Дом Дженни» как можно скорее открылся и начал функционировать.

– Вечно они кланчат деньги. Почему ты не ешь? – спросил он, взглянув на ее тарелку.

– Не хочу.

– У тебя испортился аппетит после этих разговоров о голодной девочке. У моей жены чувствительная натура. – Он потянулся через стол и взял ее за руку. – Если тебе от этого станет лучше, я завтра прикажу секретарше послать чек твоему отцу Грегори.

– Этого недостаточно, – возразила она, мягко отнимая руку. – Я хочу помогать им напрямую.

– У тебя нет времени.

Уверенный, что разговор на эту тему окончен, Пинки вернулся к своему миньону. Но Реми не собиралась отступать. Это было не упрямство и не желание чем-то себя развлечь, нет. Это была душевная потребность. Священник сказал: «Может быть, вы тоже сможете чем-то помочь бедным детям...»

Появление «Дома Дженни» было словно ответом на ее молитвы. Она молила о возможности искупить свой грех, и вот эта возможность появилась в виде утреннего звонка священника, отца Грегори. Если Господь хочет, чтобы Реми этим занялась, то даже Пинки Дюваль не сможет ее остановить.

С деланной небрежностью она произнесла:

– Я вполне могу выделить несколько часов в неделю, когда я ничем не занята.

– Я думаю, ей это будет полезно, Пинки, – включилась в разговор Фларра. – Реми в последнее время какая-то грустная.

– Вовсе нет, – возразила Реми.

– Ты тоже заметила? – игнорируя реплику Реми, обратился к Фларре Пинки.

Девочка кивнула, потрянув черными кудряшками.

– Вот уже несколько месяцев она ведет себя как жуткая зануда.

– Спасибо.

– Но это правда, Реми. Раз и я, и мой любимый зять это заметили. – Фларра похлопала ресницами и посмотрела на Пинки. – Можно мне еще вина?

– Нет, нельзя, – ответила за него Реми.

– Господи! Обычная школа – нельзя. Мальчики – нельзя. Вино – нельзя. Как будто я живу на Марсе!

– Да сестра Беатриса в обморок упадет, если ты вернешься в монастырь пьяная.

– Готова поспорить, что сестра Беатриса сама втихую выпивает. Давайте поговорим о Марди-Гра?

– Не сегодня. – Реми заметила, что Пинки не вмешивается в беседу между сестрами, только смотрит, но от этого взгляда Реми сделалось не по себе. – О чем ты думаешь, Пинки?

– Я думаю, что мне совсем не нравится желание моей жены общаться со всякой рванью.

– Я даже еще не знаю, что собирается предложить отец Грегори, – возразила она. – Он только попросил нас присоединиться к списку жертвователей и уговорить наших друзей тоже сделать взнос. Конечно, пока я с ним не встречусь,

я не могу ничего сказать, но мне бы очень хотелось принять участие в этом проекте. И уж в любом случае наш чек я хотела бы вручить ему сама.

– Где находится это новое заведение?

– Он не говорил о каком-то конкретном месте.

– А где он собирается с тобой встретиться?

– Он предложил мне самой выбрать. Пинки задумчиво потрогал указательным пальцем свой бокал.

– Почему для тебя это так важно, Реми? Наступил решающий момент. Все зависело от ее ответа. Чтобы Пинки согласился, он должен услышать нечто для него приятное.

– Для меня это важно, потому что в жизни маленькой Дженни не появился Пинки Дюваль, который бы ее спас. В отличие от меня и Фларры, ей не повезло.

– Ой, просто мороз по коже, – передернула плечиками Фларра.

Пинки расплылся в улыбке и сделал знак Ромену налить еще вина.

– Ладно, Реми, можешь с ним встретиться. Здесь, дома. Днем.

– Спасибо, Пинки.

– Здорово! – обрадованно воскликнула Фларра.

* * *

Отец Грегори повесил телефонную трубку и повернулся

к Берку.

– У нее дома завтра днем.

Во время их предыдущего разговора отец Грегори дал миссис Дюваль номер телефона мужского туалета в одном из стриптиз-клубов, принадлежащих ее мужу. От грохочущей в зале музыки в туалете вибрировали стены.

– У нее дома? – переспросил Берк, потирая шею. – Я думал, она назначит встречу где-нибудь в людном месте.

– Да, не повезло, – согласился Грегори. – Значит, не вышло. Придется тебе отказаться от этого плана.

Немного подумав, Берк сказал:

– Хотя, так, может, даже и лучше. Во сколько вы встречаетесь?

– Бейзил, ты разве не слышал, что я сказал?

– Слышал. Ты сказал: у нее дома. А я тебя спросил во сколько.

– Ничего не получится.

– Получится. Если ты сохранишь хладнокровие и сделаешь все, как я скажу, получится.

– Боюсь, Бейзил, ты меня переоцениваешь. По сути, я – трус. Я всегда прежде всего думаю о собственной шкуре.

– Хорошо. Очень даже хорошо. Вот и думай о ней хорошенько. Если ты меня кинешь или расколешься, подумай, каково тебе будет париться в тюрьме.

Грегори сдавленно простонал.

– Если дело по какой-либо причине сорвется, ты все равно

во всем обвинишь меня.

– Нет. Обещаю, – твердо сказал Берк. – Чем бы все ни кончилось, ты уйдешь свободный и незапятнанный.

– Свободный? Это от Дюваля-то? – скептически усмехнулся Грегори. – Да я чуть в штаны не наложил от страха, когда звонил по его домашнему телефону. Помню, как мои родичи говорили про него за обеденным столом – я еще в школе учился.

Дюваль – живая легенда, один из самых могущественных людей в городе, а может, и вообще самый могущественный.

– Я все о нем знаю.

– Тогда ты должен знать, что он – страшный человек. Ходят слухи, что, если люди встают у него на пути, он их убивает.

– Это не просто слухи. Грегори ошарашенно открыл рот.

– И ты серьезно думаешь, что я пойду с тобой к нему в дом, буду изображать из себя священника, разговаривать с его женой, просить у нее денег?

– Конечно, если ты не хочешь стать подружкой всей тюрьмы.

– Этот аргумент ты уже использовал. Я пошел с тобой в собор и исполнил свою роль. Блестяще исполнил, должен добавить. Значит, мы квиты.

– Я этого не говорил, – невозмутимо ответил Берк. – Я сказал, что, если ты согласишься сыграть отца Грегори, я от тебя отвязжусь.

– Но я думал, мне придется изображать священника один раз.

– Ты ошибался. Завтра в какое время?

– Ты спятил, Бейзил.

– Возможно.

Грегори совершенно прав. План безумный. Рискованный, нахальный, само собой. И абсолютно безумный.

После исповеди миссис Дюваль он всесторонне обдумал свой план. Разумеется, из-за какой-нибудь ерунды все может сорваться, но он постарался предусмотреть любую мелочь. Съехал с квартиры, поселился под вымышленным именем в такой же паршивой дыре. Поменял свою «Тойоту» на машину поплоше.

За рулем он теперь все время смотрел в зеркало заднего вида. Когда шел пешком, часто оглядывался, проверяя, не следит ли за ним Бардо или еще кто-нибудь. Он мог поклясться, что слежки нет.

Значит, Дюваль отозвал своих ищеек? Раз Берк отказался на него работать, Дюваль списал его со счетов? Так уверен в себе, что не боится мести униженного, сломленного, запятнанного полицейского по имени Берк Бейзил. А если все же понимает, что возмездие неотвратимо, то должен бы догадаться: прольется кровь.

Вот почему план может сработать.

– Почему священника не может изображать другой полицейский? – заныл Грегори. – Пусть какой-нибудь ваш агент

поработает отцом Грегори.

– Потому что ты настоящий актер, куда до тебя ребятам из отдела.

Грегори продолжал считать, что участвует в тайной операции, организованной полицией.

– Нет, я – пас, – уперся он. – Я больше не желаю быть отцом Грегори. Лучше уж сидеть в тюрьме, чем подставлять задницу Пинки Дювалю.

Берк приблизил к нему лицо.

– Если ты сейчас выйдешь из игры, твоя тощая задница станет добычей всех извращенцев нью-орлеанской тюрьмы. Я об этом позабочусь.

Грегори вжался в стенку мужского туалета.

Берк бросил сквозь зубы:

– В последний раз спрашиваю, отец Грегори, завтра в какое время?

* * *

– Безмерно рад вас видеть, миссис Дюваль. – Грегори Джеймс обезоруживающе улыбнулся и протянул руку хозяйке. – Спасибо, что согласились встретиться с нами.

Она взглянула на второго священника.

– Это отец Кевин, – пробормотал Грегори. – Мой коллега и один из основателей «Дома Дженни».

Берк так назвался в честь Кева Стюарта, решив, что это

наиболее подходящее имя.

– Спасибо, что пришли, – сказала она. – Я польщена, что вы обратились ко мне за помощью.

Дворецкий проводил их в солярий, выходящий на зеленую лужайку. Отсюда открывался вид на беседку. Поглядев на нее, Берк заметил:

– Ваш дом расположен в чудесном месте, миссис Дюваль.

Он не боялся, что Реми узнает его голос. В исповедальне он почти шептал и приглушенно кашлял, изображая простуду. И уж совсем невероятно, что она найдет сходство между лощеным отцом Кевином и небрежно одетым, усатым мужчиной в бейсбольной кепке, который в кафе отдал ей забытый пакет с апельсинами.

– Спасибо. Садитесь, пожалуйста. Они с Грегори сели рядом на плетеный диван. Она расположилась в кресле напротив и предложила кофе.

Отец Грегори улыбнулся дворецкому.

– Я выпью чашечку. Без кофеина.

– Я тоже, – сказал Берк.

Дворецкий ушел, оставив миссис Дюваль с двумя священниками. И ее телохранителем.

Плечи охранника были шире спинки кресла, а плетеное сиденье, казалось, вот-вот проломится под его тяжестью. Темный костюм совершенно не гармонировал с залитой солнцем комнатой. Телохранитель здесь смотрелся так же нелепо, как обезьяна на балетной сцене.

У Берка сердце екнуло, когда, войдя в солярий, он увидел знакомую рожу громилы. Миссис Дюваль его не узнала, но опытный охранник всегда должен быть начеку. Берк ласково улыбнулся телохранителю и приветливо кивнул. Тот буркнул нечто вроде приветствия, глаза равнодушно скользнули по гостю. Сколько бы Дюваль ни платил этому болвану, все равно – много.

Миссис Дюваль обратилась к Эрролу:

– Ты не обязан здесь сидеть. Вряд ли тебе будет интересна наша беседа.

Охранник немного подумал, окинул священников строгим, предупреждающим взглядом, потом встал.

– Ладно. Если понадобится, я – за дверью. Когда Эррол вышел, отец Грегори повернулся к хозяйке.

– Он всегда такой? Или на что-нибудь дуется? Она весело рассмеялась. Берк мысленно поблагодарил Грегори, обстановка разрядилась. Пока Джеймс вел себя безупречно. Они перебрасывались ничего не значащими фразами, потом дворецкий вкатил тележку с большим серебряным подносом. Миссис Дюваль сама налила им кофе и положила на тарелочки маленькие пирожные, покрытые глазурью. Ее движения были плавными, естественными. Тяжелый серебряный кофейник она держала так же грациозно, как чайную ложечку, которой размешивала сливки в чашке.

– Мне не терпится услышать о «Доме Дженни». Отец Грегори откашлялся и начал:

– Мне пришла в голову идея...

Берк отключился сразу, как только Грегори пустился цветисто описывать несуществующий приют для бездомных детей. Притворяясь, что внимательно слушает рассказ отца Грегори, он рассматривал Реми Дюваль. Она заинтересованно слушала, реагируя, как и ожидалось, на кодовые слова, которые Берк велел Грегори вставлять в свою речь. Вопросы, которые она задавала, были толковыми и вполне конкретными. Когда Грегори поведал о печальной судьбе неведомой Дженни, глаза Реми Дюваль наполнились слезами.

– Как это трагично.

Ее печаль казалась искренней, поэтому Берку стало не по себе, что он так грубо манипулирует ее чувствами. Но он напомнил себе славенькую сцену в беседке. Любая женщина, способная путаться с Бардо, не заслуживает ни малейшего сочувствия.

Берк поставил чашку с блюдцем на поднос и резко встал.

– Простите, что прерываю, отец Грегори, но, с вашего позволения, я выйду.

Грегори резко дернул головой. Он смотрел на Берка в явной панике. Это сценарием не предусматривалось. Берк намеренно опустил некоторые детали, чтобы не пугать и без того скованного страхами Грегори. Посчитав, что молодой человек уже вполне освоился в роли священника, Берк решил покинуть их с миссис Дюваль на несколько минут. Эти несколько минут были ему очень нужны.

– Туалет – за лестницей у входа, – сказала она ему.

– Спасибо.

– Может быть, позвать Эррола, чтобы он вас проводил?

– Нет, спасибо, я найду.

Берк вышел из солярия, но, как только оказался за дверью, замер на месте и огляделся: нет ли поблизости охранника. Эррол не караулил у входа, как обещал; вместо этого он уселся в соседней комнате и смотрел телевизор. Спиной к двери. Очевидно, отец Кевин и отец Грегори не внушали ему серьезных опасений.

Берк прошел в туалет, закрыл за собой дверь, но сразу же вышел и побежал по лестнице, перескакивая через две ступеньки и каждый раз морщась от скрипа. Первая дверь на следующей площадке вела в маленькую ванную. Максимум через три секунды Берк оттуда вышел.

Сколько слуг в доме? Он не знал, но уж наверняка не один дворецкий. В любой момент можно наткнуться на воинственную экономку, которая скорее всего поинтересуется, какого черта святой отец рыскает по дому мистера Дюваля. На шум примчится Эррол, он задержит «священника» до появления хозяина. А к завтрашнему утру тело Берка станет угощением для хищных рыб, плавающих в Мексиканском заливе.

Он открыл вторую дверь дальше по коридору и обнаружил то, что искал, – огромную спальню с двумя отдельными ванными комнатами и широким балконом, выходящим

на лужайку перед домом.

Берк ничего не понимал в антиквариате, но, похоже, все предметы мебели в этой комнате являлись подлинниками. Грязные деньги от продажи наркотиков неплохо котируются на шикарных аукционах. В углу стояло зеркало по меньшей мере футов двенадцати высотой; в нем отражался человек в очках с простыми стеклами и одежде священника.

– Тут ты, кажется, зарвался, Бейзил, – пробормотал он.

Берк заглянул в гардеробную Пинки, но после ухода хозяина там уже явно побывала горничная. Все было в идеальном порядке, ни одной забытой мелочи.

В спальне было очень легко определить, на какой кровати спит каждый из супругов. Пинки спал слева. На его ночном столике лежали очки для чтения, номер «Ньюсуик» и радиотелефон. Берк схватил трубку, но на пластиковой фабричной этикетке, где обычно пишут номер, ничего не было. Очевидно, номер сверхсекретный, не внесенный в телефонные справочники.

Берк выдвинул ящик в надежде отыскать записную книжку, ежедневник, чековую книжку. Но Пинки был слишком умен, чтобы держать в ночном столике что-либо, кроме бутылочки «Маалокса», ручки с высохшей пастой, еще одной пары очков и блокнота с девственно чистыми страницами.

На столике миссис Дюваль лежали четки, коробочка с леденцами и стоял хрустальный графин, вместо пробки на него был надет перевернутый стаканчик. В ящике – ничего, кро-

ме пустых открыток. Но книжки с адресами не было. Кому тогда она пишет?

Сколько времени он отсутствует? Не подозрительно ли долго для туалета? Что, если во время рекламы Эррол заглянул в солярий и, обнаружив там только одного священника, спросил, где второй?

Торопись.

Он прошел в гардеробную миссис Дюваль. Служанка еще не убиралась после того, как хозяйка одевалась для встречи со святыми отцами. На бархатной табуретке валялась блузка. Очевидно, ее примерили, но отложили для другого раза. Берк поднял блузку, пощупал материал пальцами. Шелк. Потом вернул блузку на место, положив точно так же, как она лежала прежде.

Заметив выступ в зеркальной стене, он нажал, и одна из секций отъехала в сторону. Аптечка. Зубная щетка, зубная паста, таблетки от стресса, тампоны, аспирин, противозачаточные таблетки. Никаких рецептов.

Берк задвинул дверцу обратно и уже повернулся уходить, когда заметил на мраморной поверхности туалетного столика белый порошок. Пудра была рассыпана вокруг хрустальной пудреницы с узорной серебряной крышкой. Рядом лежала пуховка, Берк поднес ее к носу и понюхал. Знакомый аромат. Он провел пальцами по нежнейшему пуху, который совсем недавно касался ее груди, плеч...

Какого черта, Бейзил? Ты с ума сошел? Вали отсюда ско-

рее!

Он положил пуховку рядом с хрустальной пудреницей и пулей выскочил из гардеробной. У двери спальни он замер, прислушиваясь. Тихо. Бесшумно открыв дверь, он выскользнул в холл.

Он был на середине лестницы, когда в дверях появился Эррол.

Глава 16

Эррол, очевидно направлявшийся в туалет, замер на месте, увидев спускавшегося по лестнице отца Кевина. Берк приветливо улыбнулся.

– Если вы в туалет, вам наверняка понадобится вот это. – Он бросил телохранителю рулон туалетной бумаги.

Эррол, явно ничего не понимая, едва успел его поймать.

– В туалете не оказалось бумаги, поэтому я воспользовался туалетом наверху.

Эррол рывком распахнул дверь туалета и уставился на держатель для бумаги, с которого Берк снял рулон перед тем, как подняться наверх. Берк принес его обратно, но выглядело все так, словно он захватил бумагу из другого туалета.

– Я подумал, раз уж я иду туда, захвачу бумагу для этого туалета. Всегда лучше иметь ее под рукой. – Он заговорщицки хмыкнул. – Конечно, все зависит от того, что собираешься делать.

– Да, – неуверенно промямлил Эррол. – Спасибо.

Берк двинулся к солярию, потом остановился и обернулся, словно ему только что пришла в голову мысль.

– Послушайте, если миссис Дюваль займется «Домом Дженни», может быть, вы тоже могли бы поучаствовать? Организовали бы с мальчиками подвижные игры, еще что-нибудь.

– Вряд ли. Работа на мистера Дюваля забирает у меня все время.

– Ну ладно. Просто пришло вдруг в голову.

Берк, уже не оборачиваясь, прошел в солярий, где заливался соловьем отец Грегори.

– Мы с отцом Кевином считаем, что для детей, которые будут жить в «Доме Дженни», очень важно иметь какое-нибудь дело. Чем меньше наше заведение будет похоже на благотворительное учреждение, тем больше дети будут ощущать, что живут в нормальном доме.

– Замечательная идея, отец Грегори. Грегори бросил на Берка взгляд, полный явного облегчения.

– Мы с отцом Кевином полагаем, что у детей необходимо развивать чувство ответственности, их надо хвалить даже за самый незначительный успех. Это будет первым шагом в задаче компенсации их прежнего негативного жизненного опыта и в воспитании самоуважения.

Миссис Дюваль посмотрела на отца Кевина, и тот утвердительно кивнул. В этот момент он согласился бы и с тем, что вместо луны на небе висит кусок сыра. Как трудно сохранять благостно-постную физиономию после того, как минуту назад держал в руках ее пуховку. Берк старался не смотреть на крестик, висевший у Реми на груди, но это была тяжелая борьба между гормонами и самоуважением.

– Сам Господь благословил наш визит, отец Кевин, – пролеял Грегори, протягивая Кевину чек на десять тысяч дол-

ларов.

– Вы очень щедры, миссис Дюваль. Благослови вас Бог.

– Бог благословил вашу миссию, отец Кевин. Берк встал.

– Нам не следует больше отнимать ваше время.

– Конечно, конечно. – Грегори радостно вскочил на ноги. – Знаете, я как начну говорить про «Дом Дженни», так меня не остановишь.

– Мне было очень приятно, – сказала она. – Может быть, вы дождетесь моего мужа? Он был бы рад с вами познакомиться.

– Нет, нет, нам пора идти, – заторопился Грегори. – Нам надо совершить еще некоторые визиты. В другой раз.

Берк протянул ей визитную карточку.

– Вам наверняка захочется получить отчет о расходовании денег. Пожалуйста, звоните в любое время.

– Спасибо.

– А может быть, вы пожелаете сами взглянуть, как у нас идут дела.

От подобного предложения отец Грегори онемел. Он ошарашенно уставился на отца Кевина. Миссис Дюваль, напротив, пришла в полный восторг.

– А это возможно?

– Нет!

– Конечно.

Грегори и Берк ответили одновременно, но голос Берка заглушил робкое возражение Грегори.

– Конечно, – испуганно закивал отец Грегори. – Отец Кевин прав. Я просто подумал, что надо дождаться официальной церемонии открытия. Пригласить сразу всех, кто оказал нам помощь, – промямлил он.

– Уверен, миссис Дюваль предпочтет индивидуальную экскурсию, – медленно проговорил Берк, глядя ей в глаза.

– Мне не нужно никаких особых привилегий, но я с удовольствием приеду посмотреть, как продвигается работа. Может быть, чем-то смогу помочь.

– Вашего пожертвования вполне достаточно, уверяю вас. – В голосе отца Грегори звучала легкая паника.

– Но мой благоприятный отзыв может побудить моего мужа сделать еще пожертвование. Берк улыбнулся.

– Вот видите, сколько у нас причин желать, чтобы вы нас навестили. Звоните в любое время. Мы приспособимся к вашему расписанию.

* * *

– «Приспособимся»? «К вашему расписанию»? Господи, да нас прикончат!

– Прекрати ныть. У меня от тебя голова разболелась.

– Во что ты меня втянул, Бейзил? Мне это не нравится. Я согласился помочь тебе, и я помог, так? И даже не один раз, а два. Но теперь все. Хватит. Аплодисменты. Занавес. Гаснет свет, и все расходятся по домам. Исполнения «на бис»

не будет. Я так больше не играю. Ты меняешь роль на ходу. Зачем ты выходил?

– Пописать.

– Ага, как же. Ты рыскал по дому, так я думаю.

– Вот в чем твоя главная проблема, Грегори. Ты слишком много думаешь. Ты лучше не утруждай мозги, плыви себе по течению.

– Если я буду плыть по течению, я непременно выплыву в Миссисипи мордой вниз. Не сказать, чтобы мне моя жизнь так уж нравилась, но умирать я не собираюсь. Ты на меня больше не рассчитывай. Все.

Спор продолжался всю дорогу до дома Грегори. Остановившись, Берк перегнулся через пассажира и открыл дверцу.

– Иди, ляг на диван, выпей вина, расслабься. Я тебе позвоню.

– Я выхожу из игры. Вы-хо-жу.

– В тюрьме не подают французского вина, Грегори.

– Перестань угрожать мне тюрьмой. У тебя на меня ничего нет.

– Сегодня, может, и нет. Но обязательно появится через недельку-другую. И я до тебя доберусь. Рано или поздно ты совершишь некие действия, которые, как ты сам признался, ты не в силах контролировать.

– Мой психоаналитик говорит, что у меня наметился прогресс.

– Нет, просто он выкачивает из тебя денежки. Ты – пол-

ный псих, так что остаться без работы ему не грозит.

Грегори безвольно опустил плечи.

– Ты скотина, Бейзил.

– Это мы уже обсуждали.

– У тебя сильная воля. Мне с тобой не справиться. Меня все обижают.

Берк схватил Джеймса за волосы и рывком пригнул к себе.

– Послушай меня ты, плаксивая испорченная дрянь. Хочешь – верь, хочешь – нет, но сейчас с тобой происходит, может быть, самое лучшее, что когда-либо было в твоей поганой жизни. Первый раз тебя заставили делать то, чего ты делать не хочешь. Я даю тебе возможность доказать, что ты лучше, чем о тебе думает весь свет. Я даю тебе шанс стать человеком.

Грегори судорожно всхлипнул.

– Мне кажется, ты зря стараешься, Бейзил. Я бы всей душой, но я тебе уже говорил: я безнадежен. На твоём месте я бы на меня не полагался.

– К несчастью, – проворчал Берк, – ты – все, что у меня есть.

Грегори поставил одну ногу на тротуар, но вылезать из машины не спешил. Чуть помедлив, он спросил:

– Это не полицейская операция, да?

– Да. – Берк в упор взглянул на него. – Не полицейская. Это личная месть. За моего друга, убитого в прошлом году.

– Я так и думал. Спасибо, что наконец ответил откровенно.

но.

– На здоровье.

Берк отвернулся и стал смотреть прямо перед собой. Подумав несколько секунд, он сказал:

– Ладно, Грегори. Мне и вправду не следовало втягивать тебя в это. Я тебе врал на каждом шагу, манипулировал тобой, а, как ты верно заметил, это нечестно. Сейчас я делаю нечто безумное и рискованное. Ты абсолютно прав: дело крайне опасное. Ты можешь запаниковать, испортишь все, да тебя еще могут и убить. Я не хочу иметь на своей совести еще одну смерть. Мне нужна была твоя помощь в этой хреновине со священниками, но дальше попробую справиться сам. Спасибо за помощь.

Помолчав, он добавил:

– Не могу я видеть, как ты портишь свою жизнь, Грегори. Если не поумнееешь, рано или поздно тебя засадят надолго. В один прекрасный день твой папочка не сможет выкупить тебя из того дерьма, в которое ты вляпаешься, и оно придется не по вкусу не только честным гражданам, но и честным зекам. И они превратят твою жизнь в ад, а скорее всего просто тебя прикончат. В следующий раз, когда захочется вытащить член и помахать им перед носом у кого-нибудь, особенно у детей, – подумай хорошенько о последствиях.

Криво улыбнувшись, он перекрестил Грегори.

– Иди с миром и не греши, сын мой. – Потом нажал на рычаг передач и дал задний ход.

– Погоди. – Хорошенькое личико Грегори исказилось, он лихорадочно соображал. Закусив губу, спросил: – Это опасно? Я могу пострадать?

– Безусловно, я постараюсь это предотвратить, но риск серьезный.

Несколько долгих мгновений показались Берку целой вечностью. Наконец Грегори сказал:

– А, была не была. Я остаюсь. Каковы наши дальнейшие действия?

Глава 17

– Что значит «исчез»? Бардо пожал плечами.

– То и значит, Пинки. Его никто не видел. Когда я вернулся в ту дыру, где он жил, его там уже не было. Я хорошенько потряс хозяина, но тот клялся, что Бейзил съехал среди ночи. Бросил деньги за квартиру и ключ в почтовый ящик. Это не то место, где оставляют новый адрес. Бейзил испарился. Наш человек из НОБН попытался кое-чего разнюхать, но и он говорит, что после того, как Бейзил сдал значок, его никто не видел.

– Ты должен был приставить к нему «хвост».

– Да кто же знал?

Неожиданное исчезновение Бейзила нервировало Пинки. Бейзил не сказал: «Большое спасибо, польщен, но вынужден отказаться от вашего лестного предложения». Нет, он повел себя так, что было ясно: торг здесь неуместен. И это тревожило Пинки по двум причинам.

Во-первых, его разозлило, что это ничтожество, жалкий бывший полицейский, в оскорбительной форме отверг предложение работать у самого Пинки Дюваля. Это была первая попытка переманить Бейзила, но Пинки уже давно подумывал, не кинуть ли наживку. Лучший способ избавиться от врага – перетянуть его в свой лагерь.

А Бейзил был врагом. Он был постоянной досадной по-

мехой, угнездившейся в отделе по наркотикам, требовал подробного разбирательства каждой операции, удачной или провальной, не важно. Он призывал наказывать за ошибки, искал причины провала, хотел, чтобы виновные несли ответственность за свои действия. Его можно было назвать большой совестью отдела, и полицейские в отделе старались работать честно. Правда, не все.

Хуже того, Бейзил был абсолютно неподкупным. Агенты Пинки пытались обнаружить у него какие-либо пороки или слабости, но тщетно. Ни букмекеры, ни наркоторговцы, ни женщины не могли его подловить.

Так что Бейзил уже давно мешал Дювалю. Он вступил в войну против наркобизнеса и, словно полководец, умудрялся воодушевлять свои войска на борьбу с врагом. Когда убили Кевина Стюарта, конфликт принял личный характер. Несмотря на приговор суда, Бейзил не собирался сдавать позиции. Он не успокоится, пока не отомстит. Уход из полиции – просто уловка.

Во-вторых, Пинки тревожился еще и вот почему: он все же надеялся, что Бейзил согласится на него работать. А тогда за ним будет легче следить. Пока Бейзил оставался в полиции, его действия контролировались. Но вот теперь он исчез, его местонахождение и его намерения никому не ведомы. Пинки это совсем не нравилось.

Любой человек, занимавший положение, подобное тому, которое занимал Дюваль, не мог бы вознестись на эту вер-

шину, не обзаведясь по дороге кучей врагов. Пинки даже не считал, сколько раз в жизни ему угрожали тайно или явно. Он щедро платил своим телохранителям и чувствовал себя в безопасности. Но при всем при этом он был достаточно умен, чтобы понимать: даже самые тщательные меры безопасности не смогут защитить его на сто процентов двадцать четыре часа в сутки. Даже президентов, и тех убивают.

Клокочущий от ненависти Бейзил исчез. Может быть, в этот самый момент он наводит свою пушку на него, Пинки. Только дурак не нервничал бы в подобной ситуации.

Система, в которую Бейзил верил, обманула его, поэтому он на нее плюнул и ушел. Отныне его действия не регулируются ни правилами, ни ограничениями, ни буквой закона. И это делает его вдвойне опасным.

Разумеется, тронув Дюваля, Бейзил запятнает свое доброе имя, но это мало утешало. Он ведь полный псих. На сколько далеко он пойдет в своем стремлении отомстить? Терять ему нечего. Ни карьеры, ни жены, ни семьи, ни денег. Даже от его незапятнанной репутации газеты не оставили камня на камне.

Это тревожило Пинки больше всего. По опыту он знал, что наиболее опасным становится человек, которому нечего терять.

– Я хочу, чтобы его нашли, – решительно произнес он.

– А что с ним сделать, когда я его найду? Пинки выразительно посмотрел на Бардо. Хмыкнув, тот кивнул.

– С превеликим удовольствием. Раздался стук, и в дверь просунула голову секретарша Пинки.

– Простите, что прерываю вашу беседу, мистер Дюваль, но вы просили сообщить немедленно, как только я раздобуду информацию.

Отпустив Бардо, Дюваль взял у секретарши распечатку с информацией о «Доме Дженни». Вчера вечером, когда он вернулся домой, Реми вела себя почти так же, как до этой дурацкой депрессии. Она взволнованно рассказывала об этой благотворительной акции и очень радовалась, что отец Грегори пригласил ее посмотреть, как продвигается устройство приюта. Пинки обещал подумать. Внешне все выглядит вполне безобидно, а если приют выведет ее из хандры, то и подавно.

Дюваль подробно расспросил Эррола о визите священника и с удивлением услышал, что приходили двое. Один постарше скажется более деловым. Другой, молодой, по мнению Эррола, был похож на голубого. Это он, отец Грегори, рта не закрывал.

Эррол сказал, что оставался в комнате во время всей беседы, и священники не говорили ни о чем, кроме детского приюта.

Повертев в руках визитную карточку, которую священник оставил Реми, Пинки спросил секретаршу, звонила ли она по этому номеру.

– Да, сэ-р. Ответила женщина.

– Что именно она сказала?

– «Дом Дженни, слушаю».

– Значит, все нормально?

– О да, мистер Дюваль. Я попросила к телефону отца Грегори. Она сказала, что ни его, ни отца Кевина нет на месте, но им можно оставить сообщение.

Тут секретарша хихикнула.

– Она решила, что я собираюсь внести пожертвование, и начала рассказывать о приюте со всеми подробностями. Я не все записывала, но вы можете видеть по распечатке, что рассказ был очень долгим.

* * *

– Отлично сработано, Дикси.

Берк взял у девушки телефонную трубку и повесил ее на рычаг. Телефон-автомат находился в загаженном коридоре дома, где сдавались квартиры внаем.

– За сороковник нормально.

Хотя он заплатил ей заранее, Дикси прошла за ним в комнату, которую Берк снял на днях на фальшивое имя. Она залезла на кровать, цепляясь острыми каблуками своих белых кожаных сапог за грязное покрывало, и широко улыбнулась. Берк заметил кусок жевательной резинки между зубами.

– Я действительно говорила как монашка?

– Я бы тебе поверил. Пить хочешь?

– Спрашиваешь!

Берк достал банку колы из морозилки – холодильника в комнате не имелось – и кинул девушке.

– Ты сказал «пить». Я-то подумала...

– Нет. Ты – несовершеннолетняя. Найдя его слова очень забавными, она расхохоталась, открыла банку и слизала пену.

– Ты правда так считаешь?

– Насчет чего?

– Ну, что я говорила как монашка. Может, я упустила свое настоящее призвание?

– Может быть.

– Хотя, если вдуматься, я и так вроде монашки.

Берк скептически поднял брови.

Она выпятила вперед локти, так что ее груди почти вываливались из черной кружевной майки-лифчика. Сверху на ней была надета джинсовая куртка.

– А чего, я серьезно.

– Монашки не носят красные кожаные мини-юбки и не выливают на себя по полфлакона духов, Дикси.

Запах гардений был своего рода ее профессиональной визитной карточкой. Когда ребята из полиции нравов искали Дикси, они ее вынюхивали в буквальном смысле слова. В этой маленькой комнате для коротких совокуплений аромат сладких духов казался тошнотворным.

– Монашки служат людям. Я тоже.

– Все дело в том, каким образом происходит это служение.

– Зачем углубляться в технические подробности... – Она отпила колы. – Ты католик, Бейзил?

– По воспитанию – да.

– Трудно представить, как ты молишься, и все такое.

– Я давно не молился, – пробурчал он. Он был уверен, что Пинки проверит «Дом Дженни», особенно если его жена захочет туда съездить. Разрабатывая эту свою гипотезу, Берк заплатил одному нищему художнику двадцать долларов, и тот набросал эмблему липового детского приюта. Потом Берк пошел в полиграфический салон и сделал десяток визитных карточек с этой эмблемой и номером телефона-автомата в коридоре напротив его комнаты. Одну карточку он оставил миссис Дюваль.

Сегодня рано утром он отправился искать «секретаршу» и наткнулся на Дикси. Она была неплохой проституткой и очень хорошей стукачкой. Как с проституткой Берк с ней дела не имел, зато ее информационными услугами пользовался не раз, и сведения всегда оказывались стоящими. Она работала на улице с тринадцати лет. Берку казалось чудом, что она дотянула до своих зрелых семнадцати и все еще жива.

– Знаешь, я тебя утром едва узнала, – заявила она, поднося к ярко-красным губам банку с колой. – Когда ты успел сбрить усы?

– На днях.

– Зачем?

– Захотелось.

– Работаешь под прикрытием?

– Можно и так сказать.

– Эта сучка по телефону сказала, что говорит из офиса Пинки Дюваля. Что за хреновину ты затеваешь?

– Тебе это знать необязательно.

– Ну, давай, Бейзил, колись.

– Я что-то не расположен разговаривать, Дикси. – Он растянулся рядом с ней на кровати и сунул под голову подушку.

Она мгновенно перекатилась и уселась на него верхом.

– Отлично, меня это устраивает, солнышко.

Зачем нам разговаривать.

Ее рука скользнула с его груди вниз и начала расстегивать пряжку ремня. Берк отвел ее руку.

– Я не это имел в виду. Ты уже заработала свои сорок долларов, а я стеснен в средствах.

Дикси подумала секунду-другую, погладила его по бритой верхней губе.

– Черт с тобой, обслужу тебя бесплатно.

– Спасибо, в другой раз.

– Чего это? Ты что, самый верный муж на свете?

– Уже нет.

– Уже неверный?

– Уже не муж.

– Тогда в чем дело? Не ломайся, Бейзил. Да знаешь, сколько у меня полицейских было? Ты один пока держишься, а

это вредит моей репутации. Ты в самом деле не собирался меня трахнуть? Берк улыбнулся.

– Дикси, ты сногшибательна. Я уверен, что потрахаться с тобой – одно из главных удовольствий в жизни. Но... У меня могла бы быть дочь твоего возраста.

– При чем тут возраст?

– При том при самом. Ладно. Я устал и хочу немного поспать.

– Днем?

– Я вчера поздно лег.

– Тем более тебе надо расслабиться и отдохнуть. Ты лежи спокойно, я сама все сделаю. – Она снова потянулась к пряжке.

Он остановил ее:

– В другой раз.

Дикси разочарованно выдула зеленый пузырь из жвачки.

– Ну и пожалуйста, – обиженно сказала она. – Можно, я хотя бы полежу рядом, пока ты отдыхаешь?

Он посмотрел на пухлые розовые губы и чуть ли не вываливающиеся из лифчика груди.

– Разве ты дашь спокойно отдохнуть? Она хихикнула.

– Ага, я все-таки тебе нравлюсь.

– Черт, Дикси, дай мне наконец поспать.

Он слегка отпихнул ее, и она слетела с кровати.

– Значит, я зря старалась? – Дикси встала у двери, вызывающе положила одну руку на бедро. – Слушай, если ты свя-

жешься с Пинки Дювалем, тебя ждут крупные неприятности.

– Знаю.

– Ты хороший парень, Бейзил, такие редко встречаются.

Береги себя, ладно?

– И ты тоже, Дикси.

Она открыла дверь, и тут зазвонил телефон. Берк пулей слетел с кровати.

– Возьми трубку, – приказал он Дикси и подтолкнул ее к аппарату. – Так же, как раньше.

После третьего звонка проститутка сняла трубку и произнесла голосом вышколенной секретарши:

– Добрый день, «Дом Дженни», слушаю вас. – Послушала, потом ответила: – Одну минуту, пожалуйста. – Прикрыв трубку ладонью, Дикси прошептала: – Она хочет поговорить с отцом Грегори.

– Она? Та же, которая звонила?

– Нет, кажется, другая.

– Скажи, что отца Грегори нет на месте. Спроси, не хочет ли она поговорить с отцом Кевином.

– А если...

– Дашь трубку мне.

Дикси подозрительно прищурилась, но сделала, как было введено. Потом передала трубку Берку:

– Соединяю, падре.

– Спасибо. Говорит отец Кевин.

– Здравствуйте, святой отец. Это Реми Дюваль.

Он на миг с облегчением прикрыл глаза. Сработало.

– Да-да. Здравствуйте. Как поживаете, миссис Дюваль?

– Спасибо, хорошо. Приглашение в «Дом Дженни» все еще остается в силе?

– Конечно. Когда вы сможете нас навестить?

– Как насчет послезавтра? Во второй половине дня.

Послезавтра. Во второй половине дня. Остается меньше сорока восьми часов. Успеет ли он все устроить?

– Прекрасно, – услышал он собственный голос. – В три часа?

– Замечательно. Скажите мне адрес.

– Видите ли, миссис Дюваль, нас не так-то легко найти. Вместо путаных объяснений давайте лучше мы с отцом Григори отвезем вас.

– М-м. Я не знаю...

Почувствовав, что она колеблется, он сказал:

– Ваше щедрое пожертвование было ответом на наши молитвы. На эти деньги мы приобрели микроавтобус. Нам бы хотелось вам его продемонстрировать.

Дикси, не переставая работать челюстями, смотрела на него в немом изумлении.

– Я очень рада, что вы нашли деньгам достойное применение, – отозвалась Реми Дюваль.

– Так, значит, мы вас отвезем?

– Ну ладно, – согласилась она и уже решительнее добавила: – Да, заезжайте за нами.

– За нами?

– За мной и Эрролом. Он будет меня сопровождать.

– Прекрасно.

– Итак, до послезавтра.

Он нажал на рычаг, но продолжал сжимать трубку в руке.

Глаза невидяще смотрели в пространство, но голова лихорадочно работала. Из ступора его вывел голос Дикси, стоявшей у стены и смотревшей на него с подозрением.

– Что с тобой, Бейзил?

– А что со мной?

– Ты похож на мальчишку, у которого назначено свидание с Мисс Вселенной. Он и от счастья обалдел, и в то же время боится до смерти.

– Какое там свидание, Дикси, – отсутствующе произнес он. Потом стряхнул с себя оцепенение и поблагодарил ее за помощь: – Без тебя у меня ничего бы не вышло.

– А чего ты такое сделал?

– Не важно. – Берк похлопал себя по карманам. – Слушай, я дам тебе один адрес, ты его, пожалуйста, сохрани. Если тебе понадобится безопасное место, иди туда.

Отыскав старый чек из магазина, он нацарапал на обороте адрес. Дикси, даже не взглянув, сунула бумажку в карман.

– Безопасное место? Да зачем мне оно?

– Не будь дурочкой. У девушек вроде тебя жизнь не очень-то долгая. – Он похлопал по карману ее куртки. – Не потеряй.

Берк откинул голову на спинку сиденья новой машины. Здесь было не так удобно, как в его «Тойоте». Глаза слипались, он с огромным трудом держал их открытыми. Если усталость возьмет свое, он нечаянно заснет и пропустит что-нибудь важное.

Он очень надеялся, что труды не пропали зря и чертов «жучок» будет работать.

Вполне возможно, что Дюваль каждый день проверяет свой дом на наличие подслушивающих устройств.

Поскольку подслушивающее оборудование стоит дорого, а ресурсы Берка были ограничены, он получил должок у одного знакомого полицейского из отдела вещественных доказательств. Несколько лет назад сын того парня попал в плохую компанию. Ребята из отдела наркотиков зацапали его с поличным. С благословения отца Берк вздул парня как следует да еще хорошенько припугнул, и мальчишку удалось вернуть на путь истинный. Родители твердили, что они в неоплатном долгу перед лейтенантом Бейзилом.

Дешевый «жучок» был конфискован во время рейда, никто его не хватился, и полицейский попросту свистнул его. Они с Бейзилом его проверили:

«жучок» работал, но качества был неважного.

До сегодняшнего вечера у Берка не было возможности его

опробовать. Он сидел уже полтора часа, но окна в спальне оставались темными. Берк посмотрел на часы. Двенадцать минут двенадцатого. Сколько еще ждать? Как же он устал. После разговора с миссис Дюваль он крутился как сумасшедший, ни разу не присел.

«Отец Кевин» без труда обналичил чек, выданный Дювалем. Берк заплатил наличными за микроавтобус, найденный им по объявлению в газете. Потом отправился прямо в автомастерскую и попросил перекрасить микроавтобус. В мастерской его заверили, что к завтрашнему дню все будет сделано. Берк вернулся к себе и вырезал трафарет, по которому собирался завтра нанести на дверцы микроавтобуса эмблему «Дома Дженни».

Мимо бесшумно проехал лимузин.

Только когда лимузин въехал в ворота, Бейзил сообразил, что это машина Дюваля. Затаив дыхание, он стал ждать. Вскоре в спальне зажегся свет.

Берк надел наушники и тут же услышал голоса.

– ...в оперу... чтобы только послушать ее... паршиво...

Это был голос Пинки. Берк поправил наушники.

– ...гордится ею. Она – их единственная дочь.

– Я жутко скучал. Здесь так жарко. Подкрути термостат.

Некоторое время ничего не было слышно. Берк предположил, что они переодеваются в своих роскошных гардеробных, готовятся ко сну. Заговорила миссис Дюваль:

– Я пошлю им завтра записку с благодарностью.

– Ради Бога. Да сними ты его.

Свет погас. Через наушники доносилось шуршание постельного белья: это, видимо, Пинки пристраивался к своей голой жене и ласкал ее тело, посыпанное пудрой из баночки с серебряной крышкой.

Берк закрыл глаза.

– Сегодня все мужчины облизывались на мою красавицу жену.

– Спасибо.

Хватит слушать, приказал себе Берк. Они вряд ли будут говорить о тайных делах Дюваля. Дальше подслушивать не имеет смысла, разговор стал сугубо интимным. Однако Берк продолжал слушать.

– Я видел, как старина Сэлли пялился на твои сиськи. Он заметил мой взгляд и покраснел до самых корней своего парика, – хохотнул Дюваль. – К окончанию ужина все мужики за столом пользовались салфеткой, чтобы прикрыть эрекцию.

– Что ты такое говоришь!

– А что? Это правда.

– Я тебе не верю.

– Точно тебе говорю. Когда мужик на тебя смотрит, он ни о чем не может думать, кроме вот этого. – Снова шорох, чмокающие звуки. – Понятно тебе?

Она в ответ пробормотала что-то невнятное. Дюваль самодовольно хихикнул.

– Ты знаешь, что надо делать, дорогуша. Через несколько мгновений Пинки сладострастно застонал.

Берк наклонил голову и потер глаза. Ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем Дюваль прохрипел:

– Детка, ты сводишь меня с ума. Еще, еще. – Потом: – Эй, что с тобой? Ты почему совсем сухая?

– Пусти, я чем-нибудь намажусь.

– Не важно. Расставь коленки... вот так. Как Пинки тебя учил.

Берк резко откинул голову на спинку сиденья. Он продолжал слушать. Слушал, как Дюваль нес всякую похабщину, его хрипы и стоны. Слушал, как Дюваль кончил, а потом еще долго довольно урчал.

Наконец в наушниках не осталось ничего, кроме тихого электронного шипения. Берк подождал еще некоторое время. У него вдруг заболели скулы, и он понял, что сидит, крепко стиснув зубы. Кончики пальцев побелели – так сильно он вцепился в руль. Берк медленно разжал руки, снял наушники, швырнул их на сиденье и рукавом вытер лоб, покрытый крупными каплями пота.

Наконец Берк завел мотор и тронул машину с места.

Глава 18

Бейзил припарковал свежевыкрашенный микроавтобус возле заброшенного склада в надежде, что отсюда его никто не уведет и завтра утром он будет на месте. У поворота Берк еще раз оглянулся на оставленную машину и остался доволен ее внешним видом. С такого расстояния эмблема «Дома Дженни» казалась сделанной совсем кустарно. Именно это Берку и было нужно.

Погруженный в размышления, он шагнул на тротуар и нос к носу столкнулся с Маком Макьюэном, загородившим ему дорогу.

– Берк! Господи, я ищу тебя по всему городу. Берк мысленно простонал. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось встречаться с Макьюэном. Но он изобразил улыбку и сделал вид, что рад встрече.

– Привет, Мак! Как поживаешь?

– Я тебя едва узнал. Что ты сотворил с волосами? А где твои усы?

– В последний раз я видел их в умывальнике.

– Сразу и не привыкнешь. – Тут Мак резко сменил тон и подозрительно спросил: – Ты что это задумал?

– Ничего такого. Как ты меня нашел?

– С большим трудом. Я тебя разыскиваю уже несколько дней, но о тебе никто ничего не слышал. А может, не хотели

говорить. Тогда я вспомнил про Дикси. А она тоже вспомнила, что тебя видела.

– Во сколько тебе это обошлось?

– Десятка.

– Я ей заплатил двадцать, чтобы она забыла о нашей встрече.

– Да, – философски пожал плечами Мак. – Шлюхи, они все такие.

Да, шлюхи все такие. Одних можно купить за десять долларов, других – за роскошные дома и лимузины.

Понимая, что от Мака так просто не отвяжешься, Берк запасся терпением и предложил пойти выпить пива. К его удивлению, Макьюэн отказался.

– Я тороплюсь. Но я тебя искал, потому что хотел пригласить к себе домой на ужин. Сегодня. Отметим твоё увольнение.

Вот уж некстати!

– Спасибо большое, Мак, но я не смогу.

– Да ты не волнуйся, народу не будет. Только ты, я и Тони. Она хочет поразить тебя своим кулинарным искусством.

– Звучит заманчиво, но...

Мак уперся указательным пальцем Берку в грудь и безапелляционно заявил:

– Отказ не принимается. Ставлю пятерку, что у тебя нет никаких планов на сегодняшний вечер. Так что приходи. В семь часов. Ты знаешь, где я живу? Я написал на обороте

адрес.

Он протянул Берку визитную карточку, и тот неохотно принял ее.

Даже для нахального Макьюэна приглашение было что-то уж слишком напористым. Мак уже повернулся уходить, но тут Берк схватил его за рукав.

– Ты меня раньше никогда не приглашал, Макьюэн. С чего это ты вдруг? В чем дело?

– В твоём будущем.

Берк вопросительно поглядел на бывшего сослуживца.

– Вечером поговорим, – бросил Мак, выдернул руку и быстро зашагал прочь.

Берк перевернул визитную карточку и прочитал, что написал Мак. Это был вовсе не адрес.

Бейзил бывал у Макьюэна лишь однажды, когда подвозил Мака после работы. Машина Мака тогда стояла на ремонте, он не хотел беспокоить жену, поэтому попросил Берка подвезти его до дома.

В тот вечер было уже темно, и Берк толком не рассмотрел жилища Макьюэна. Теперь же только начинало смеркаться. Берка поразило, до чего богато живут Макьюэны, куда как роскошнее, чем они с Барбарой или Стюарты. Дома на улице, где жил Мак, отделялись друг от друга живыми изгородями, перед каждым была ухоженная лужайка. Машины тут стояли очень дорогие, последних моделей.

Мак открыл дверь прежде, чем Берк успел постучать.

– Рад тебя видеть, Берк. Идем, познакомишься с моей женой.

Улыбаясь и похлопывая Берка по плечу, Мак повел его в широкую гостиную. Его вчерашней странной нервозности сейчас не было и в помине. Берк принес с собой упаковку пива и букет цветов. Маку он протянул пиво, а букет преподнес Тони Макьюэн, которой представил его Мак.

Она оказалась хорошенькой блондинкой, именно такой, как описывал ее хвастливый муж. Тони поблагодарила Берка за цветы, в голосе ее слышался явственный тягуче-медовый южный выговор.

– Я так давно хотела с вами познакомиться. Если верить Маку, Берк Бейзил – настоящая живая легенда.

– Скажете тоже. Очень приятно, Тони.

– Сегодня тепло. Может, пойдете пить свое пиво на веранду? А я вас позову, когда ужин будет готов. Уже скоро.

Во дворе Мак показал ему место, где они собирались устроить бассейн.

– Я предложил Тони на выбор – бассейн или ребенок. Она выбрала бассейн. – Мак подмигнул. – Но я не намерен отступать. Ставлю десять к одному, что, когда мы установим бассейн, она уже будет беременна.

Мебель, да и вообще обстановка впечатляла. Это была не какая-нибудь дешевка, которую купили, чтобы она простояла годик-другой. Мангал для шашлыка тоже – что твой «Ролле-Ройс». К тому времени, когда Тони позвала их к столу,

Берк окончательно пришел к выводу, что либо Макьюэн живет по уши в долгах, либо Тони получила солидное приданое, либо азартные игры дают весьма ощутимый доход.

Одно было очевидно: они живут явно не на зарплату полицейского.

После великолепного ужина – свиные отбивные с умопомрачительными соусами – Тони выставила мужчин из столовой, чтобы убрать со стола.

– Пошли на воздух? – спросил Мак.

– Ага.

Они вышли на веранду, прихватив с собой коньяк и сигары. Некоторое время молча сидели и курили. Берк все ждал, когда Мак начнет разговор, который он явно намеревался завести в отсутствие жены. Берк решил, что сам не будет напоминать Маку о его странной надписи на визитной карточке. Там было написано: «Гляди в оба. Тебя ищут». Максам его затащил сюда, вот пусть и объясняется.

Огня они не зажигали. Мак спросил:

– Почему ты уволился, Берк? Только не вешай мне на уши лапшу насчет разных там обид.

– Но это правда. После гибели Кевина перестала у меня душа лежать к работе.

– Ага, а еще ты обиделся, что меня произвели в сержанты и дали его отделение. Нет-нет, дай мне сказать, – перебил он, заметив, что Берк собирается возразить. – Я знаю, что тебе это не понравилось. Я прекрасно понимаю, какие отношения

были у вас с Кевом Стюартом.

– Ты так говоришь, будто мы были любовниками.

Мак коротко хохотнул.

– И все равно, я понимаю, что творилось у тебя на душе, когда он погиб.

Берк не нашелся, что ответить. Он не собирался обсуждать свои сокровенные чувства с Маком. Во-первых, потому, что это касается только его одного, а во-вторых, потому, что он не до конца доверял Макьюэну.

Этому не было какого-то разумного объяснения. Просто он инстинктивно чувствовал, что за бахвальством и дружелюбием Мака скрываются какие-то нехорошие, даже зловещие черты его натуры. И пока Берк не определит, что именно пытается спрятать от чужих глаз Макьюэн, он с этим человеком будет держаться настороже.

Мак продолжил:

– Я не считаю, что ты ушел из-за гибели Стюарта.

– Не только из-за этого.

– Я знаю, ты поссорился с женой.

– Быстро у нас слухи распространяются.

– Особенно когда речь идет о живой легенде. Берн чертыхнулся:

– Уже второй раз за вечер я слышу эту чушь. Хватит, а то я разозлюсь. Никакая я вам не легенда.

Мак рассмеялся, но смех прозвучал несколько натужно. Наклонившись вперед, Мак уперся локтями в колени и стал

смотреть на тлеющий в темноте кончик сигары.

– Кевин был единственным, Берк?

– Единственным кем?

Мак поднял глаза и посмотрел на Бейзила в упор.

– Предателем в отделе по наркотикам. Если бы Мак предложил Берку провести ночь с его очаровательной женой, Берк и то бы не так сильно удивился. И сразу же изумление сменилось яростью.

– Вот как, значит, ты думаешь?

– Это не я так думаю, – возразил Мак. – Люди так говорят.

– Какие люди?

– Сам знаешь, – пожал плечами Макьюэн. – Те, кто работает в отделе. А парни из ОСР задают разные вопросы.

Отдел служебных расследований? Неужели наконец началась проверка, которой Берк так давно добивался? Он доставал всех, от Дуга Пату до начальника полиции, требовал, чтобы была организована секретная операция по выявлению и разоблачению предателя. И вот, по иронии судьбы, они заподозрили Кевина.

– Я в это не верю, – быстро проговорил Мак, – но некоторые из наших считают, что ты обнаружил измену и, когда представился подходящий случай, кокнул его сам. Это правда?

– Нет! – рявкнул Берк.

– А еще...

Мак запнулся, и Берк исподлобья взглянул на него.

– Ну же, Мак, продолжай. Кого еще подозревают?

– Тебя.

Лицо Берка не отражало бушевавшей в его душе ярости, но Мак, очевидно, все понял и, не переводя дыхания, зататорил:

– Попробуй встать на их место, Бейзил. На днях мы провели удачный рейд.

– Я читал. Поздравляю.

– Вот и получается...

– ... что, как только я ушел, дела в отделе по наркотикам стали налаживаться.

– Все выглядело бы куда лучше, если бы ты вернулся.

– Не надейтесь.

– Тогда докажи мне, что они не правы, – повысил голос

Макьюэн.

– Слушай, я никогда не напрашивался в кумиры. Не собираюсь я ничего доказывать.

– Кто нас предает?

– Не знаю. Да мне, по правде, и наплевать, – соврал Берк.

– Неправда, тебе не наплевать. Ставлю задницу моей Тони, что тебе совсем даже не наплевать. А ее задницей я очень дорожу.

– Неудивительно. – Он попытался улыбнуться, но получилось так себе, а Мак продолжал требовательно смотреть, ожидая объяснений. – Ладно, Мак, мне действительно не наплевать. Потому что из-за этого сукиного сына убит Кевин.

Но чем активнее я старался вычислить эту гадину, тем хуже ко мне относились в НОБН. А после неудачи с Сэчелом и смерти Рэя Хана чаша моего терпения переполнилась. Я подумал: а идите вы все куда подальше. Вот я и ушел, и теперь ничуть об этом не жалею. Мак сделал затяжку.

– Это официальная версия. А как на самом деле?

– На самом деле? Когда я обнаружу предателя, я его убью.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Плечи Мака немного обмякли.

– Рад слышать. Могу я тебе помочь?

– Нет, – упрямо мотнул головой Бейзил. – Кев был моим напарником, моим другом. И погиб от моей пули. Это мое дело.

– О'кей, я тебя понимаю. Но вряд ли ты справишься один, тем более не будучи полицейским. Возвращайся в отдел и продолжай поиски.

– Нет.

– Бросать работу можно, когда у тебя все хорошо, – не сдавался Мак. – А у тебя кругом одни неприятности. Твой друг погиб. Брак дал трещину. На тебя катят бочку в отделе. Всем известно, что ты в нокдауне. Поэтому, если что-нибудь случится с полицейскими из отдела наркотиков или отдела нравов, кого будут подозревать в первую очередь?

Аргументы Макьюэна были вполне резонны, но Берк сказал:

– Ничего, как-нибудь переживу.

Он, прищурившись, посмотрел на свою сигару.

– Это Пату тебя послал прочитать мне лекцию?

– Нет. Но если бы он был здесь, то сказал бы тебе то же самое.

– Он мне все это уже говорил. И как раз сегодня.

Сегодня утром Берк впервые встретился с адвокатом, ведшим дело о разводе. Барбара не теряла времени даром, и Берка это вполне устраивало. Его только разозлило, что приходится тратить большие деньги на адвоката, хотя он уже сказал Барбаре, что она может поступать, как ей заблагорассудится.

– Пату созвонился с Барбарой, узнал имя моего адвоката и через него попросил меня перезвонить в отдел, – пояснил Берк Маку.

– И?

– Уговаривал меня вернуться, вот как ты сейчас. Но вы оба зря теряете время. Я своего решения не переменю.

– Ну ладно, – раздраженно отмахнулся Макьюэн. – Но тебе сейчас надо заботиться не просто о своей репутации, Бейзил. Речь идет о твоей шкуре.

– А, ты что-то такое написал на визитной карточке. Прямо как в детективе по телевизору.

– Может, я слегка переосторожничал, но раз ты крутишься вокруг Пинки Дюваля, тебе следует...

– С чего ты взял, что я кручусь вокруг Пинки Дюваля?

– В последнее время тобой стало интересоваться слишком

много людей. Где ты живешь? Чем занимаешься? И тому подобное. Многие, конечно, спрашивают просто из любопытства или из желания тебе помочь. Но один из тех типов, кто ко мне подкатывался, связан с Уэйном Бардо. А эта ниточка ведет к Дювалю. Я уверен, они планируют тебя убрать, тем более что ты больше не работаешь в полиции.

– У Дюваля действительно имеются в отношении меня некоторые планы, но это вовсе не убийство. Он предложил мне работать на него.

– Работать?

Берк пересказал Маку содержание их разговора с Дювалем.

– Работать на него, – задумчиво повторил Мак. – Что ж, по крайней мере, это означает, что убивать тебя они пока не намерены. Но мне это все равно не нравится. Если в отделе служебных расследований узнают, что ты имел какие-либо дела с Бардо или Дювалем, вряд ли им это понравится.

Берк загасил сигару.

– По-моему, причин для беспокойства нет. Я своего мнения о Дювале никогда не скрывал. – Он встал. – Уже поздно. Мне пора идти.

Мак тоже поднялся.

– Где ты сейчас живешь?

– Зачем тебе?

– А как я тебя найду, если что-нибудь узнаю?

– У меня сейчас нет постоянного жилья.

– Когда будет, дай мне знать.

– Конечно.

– Что ты собираешься делать?

– С чем?

– Со всем, о чем мы говорили, – нетерпеливо ответил

Мак. – Деньги у тебя есть? Поговаривают, что Барбара тебя обчистила до нитки.

– Ничего, пока нормально. Вообще-то я собираюсь на некоторое время уехать.

– Когда?

– Скоро.

– Надолго?

– Пока не знаю. Настолько, чтобы разобраться в своей жизни, принять какое-то решение.

– А куда ты поедешь?

– Еще не знаю.

– За границу?

– Еще не знаю, – раздраженно повторил Берк.

Если бы он сказал Макьюэну, что решил забыть обо всем, что связано с гибелью Кева Стюарта, Мак ему ни за что бы не поверил. Поэтому он постарался изобразить мстителя, что вполне соответствовало образу «живой легенды» и явно пришлось Маку по вкусу. Но этот шквал вопросов снова насторожил Берка. Был ли интерес Мака искренним и вполне невинным? Берку очень хотелось бы в это верить.

Он оглянулся на дом; в окно было видно, как хорошень-

кая Тони хлопочет на кухне. Такая куколка – прямо на обложку «Плейбоя» просится, – отлично готовит, обожает мужа и свой дом. Да, повезло парню.

Берка удивляла одна вещь: почему Макьюэн всегда кажется таким голодным? Он был похож на бродячего кота, беспокойного и вечно настороже, а не на домашнего баловня, у которого всегда имеется блюдечко, до краев наполненное сливками.

Словно почувствовав подозрительность Берка, Мак заразительно рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Что бы ты там ни задумал, я в тебя верю. Ты обязательно выиграешь. Ставлю сотню. Очень серьезно Берк ответил:

– Боюсь, что на этот раз ты проиграешь, Мак.

* * *

Заметно похолодало, но после ухода гостя Макьюэн снова уселся на веранде.

Когда Мак пришел в полицию, у Берка Бейзила уже была прочная репутация отличного полицейского. Бейзила, правда, не любили, потому что он не брал взяток, но уважали. Он предпочитал не стрелять, а думать, но назвать его трусом мог только полный дурак. Бейзилу больше нравилось, когда удавалось перехитрить торговцев наркотиками, а не пристрелить их. Самыми удачными рейдами он считал те, в которых никто не пострадал.

Тем не менее Мак сразу поверил, когда Берк пообещал убить предателя, если обнаружит.

– Мак? – На веранду босиком вышла Тони. – Тебе не холодно?

Он взял ее руку и поцеловал.

– На Бейзила произвела впечатление твоя стряпня.

– Спасибо. Пойдем в дом?

– Иди. Я сейчас.

– Не забудь запереть дверь. – Она отошла, но на пороге остановилась и, чуть поколебавшись, спросила: – Все в порядке?

– Конечно, дорогая. Все прекрасно.

– Бейзил мне нравится.

– Мне тоже.

– Он оказался лучше, чем я представляла. По твоему описанию, он казался мне каким-то жутким.

Берк и был жутким. Для его врагов. Да и будущее его сейчас представлялось довольно кошмарным.

Однако не кошмарнее, чем будущее самого Мака.

Глава 19

– Нам посчастливилось найти незанятое здание. Оно вдали от растленного влияния города, и это огромный плюс.

Так отвечал отец Грегори на вопрос миссис Дюваль о том, почему «Дом Дженни» расположен так далеко от города.

Берк вел машину. Сидящий рядом с ним Грегори, не умолкая ни на минуту, превозносил достоинства несуществующего приюта. Пассажиры сидели сзади. Эррол, живое воплощение скуки, лениво и тупо смотрел в окно. Реми Дюваль слушала с интересом и время от времени задавала вопросы.

Берк был рад болтовне Грегори. Сам он не умел трепаться ни о чем, а у Грегори к этому был настоящий талант. Берк даже не вышел из машины, когда они подъехали к дому, чтобы забрать миссис Дюваль и ее телохранителя. Дюваль наверняка в своем офисе, сказал себе Бейзил, подъезжая к воротам, но на тот случай, если он все же окажется дома, отцу Кевину лучше остаться в машине.

Грегори с благодатной физиономией подошел к дверям, ему открыл Эррол, и они вошли внутрь. Берк уже малодушно прикидывал, не плюнуть ли на всю эту затею и не унести ли ноги подобру-поздорову, пока он не совершил настоящее преступление. В пользу этого соображения были очень веские аргументы.

Но аргументы против тоже имелись. Их звали Питер и Дэвид Стюарты, и они были крайне весомыми. Эти два мальчика вырастут без отца, а ответственность за это лежит на Пинки Дювале.

Открылась дверь, и все трое появились на пороге. Женщина улыбалась каким-то словам Грегори. До слуха Берка донеслось: «агнец на заклание». Все, поздно. Берк запрятал поглубже угрызения совести. Раз она вышла замуж за Пинки Дюваля, значит, отдавала себе отчет, что быть женой преступника небезопасно.

Всю дорогу, милю за милей, Грегори болтал без умолку. Он чувствовал себя в этой роли как рыба в воде. Вряд ли он был бы так спокоен, если бы знал, чем должно кончиться их путешествие. Не желая его нервировать больше нужного, Берк ему ничего не сказал. Он лишь заверил Грегори, что ему лично никакая опасность не угрожает. Если все пройдет по плану, то свое обещание Берк сдержит. А план был безупречен.

– Извините, отец Грегори. – Реми удалось вклиниться в бесконечный треп. – Отец Кевин, по-моему, из-под капота идет дым.

Странно, что этого до сих пор никто не заметил – дым шел уже почти две мили. Отец Грегори живо обернулся:

– Дым?

– Это пар, – недовольным голосом произнес Берк. – Я проверил микроавтобус перед покупкой, но, очевидно, шланг

радиатора протекает.

– Что же делать? – забеспокоился отец Грегори. Неисправного радиатора в сценарии не было.

Берк изобразил растерянную улыбку и неуверенно заметил:

– Думаю, до места назначения мы доберемся.

– А это еще далеко? – спросила миссис Дюваль.

– Пара миль.

– Вряд ли мы протянем еще две мили, – разомкнул уста Эррол, молчавший от самого дома. Берк почувствовал у себя на затылке его дыхание. – Если вы будете так ехать, то сожжете мотор.

Грегори занервничал еще больше.

– Отец Кевин, может быть, тогда лучше отложить нашу экскурсию. Починим машину, и тогда уже съездим. Мы не должны доставлять неудобства миссис Дюваль.

– Не беспокойтесь за меня, – сказала Реми. – Но мне бы не хотелось, чтобы ваш только что купленный автомобиль сломался.

– Благослови вас Господь за вашу доброту и понимание, – автоматически отозвался Грегори. Потом повернулся к Берку: – Нам лучше развернуться и вернуться в город, я полагаю.

– Да он и назад не доедет, – сказал Эррол. – Тут впереди есть бензозаправка и ремонт. Вы там почините свою развалюху, а я позвоню Ромену, и он заберет нас с миссис Дюваль.

Грегори согласно закивал:

– Да, да, отец Кевин, другого выхода нет. Заправочная станция располагалась на перекрестке двух дорог, вокруг был пустырь, заросший сорной травой. Здесь имелось шесть бензоавтоматов и два ремонтных бокса. Рядом виднелось кафе, предлагавшее холодное пиво и разнообразные блюда из жареной рыбы. Над зданием развевался флаг конфедератов.

Берк затормозил. Дым из-под капота уже валил всюду. На землю капала кипящая вода и антифриз.

– Пойду поищу дежурного механика, – сказал Берк, вылезая из машины. – Отец Грегори, может, вы и миссис Дюваль выпьете чего-нибудь в кафе?

– С удовольствием, – с радостью ухватился за предложение Грегори.

– Я позвоню Ромену из кафе, – буркнул Эррол. – Она без меня никуда не пойдет.

Они отправились в кафе, а Берк пошел разыскивать механика. Тот был в гараже. Длинные, спутанные волосы свисали на широкие плечи из-под грязной кепки с огромным козырьком, на шее висели бусы. Одет был механик в промасленный комбинезон и сандалии.

При появлении Берка его тощее лицо изумленно вытянулось.

– Когда вы вчера здесь были, я не думал, что вы священник.

– На свете много чудес. – Берк сунул ему пятидесятидол-

ларовую купюру. – Сколько тебе понадобится времени, чтобы заделать протечку?

Механик кивнул на лежащий поодаль моток изоляции.

– Вот радиатор чуток подостынет, сразу и займусь. А хотите, заменю вам шланг? Минутное дело. А то ведь изоляция быстро отлипнет.

– Ничего, сойдет. Так, сколько? Минут десять?

Механик присвистнул, обнажив кривые желтые зубы.

– Ну, не знаю. Больно он горячий.

Берк протянул ему еще двадцать долларов.

– Надень перчатки. Ключи в машине. Когда сделаешь, подгони к выходу и оставь мотор включенным.

– Будет сделано. Только я чего-то не понимаю. На хрена было портить свой собственный шланг?

– Пути Господни неисповедимы. Берк вошел в переполненное кафе и с трудом протолкался к столику, где сидели его спутники.

– Мы заказали вам кофе.

– Спасибо, отец Грегори.

– Вы нашли механика? – поинтересовалась миссис Дюваль.

Широко улыбнувшись, отец Кевин радостно сообщил, что микроавтобус очень скоро починят. Официантка принесла кофе. Попивая кофе маленькими глотками, Берк с небрежным видом оглядывал помещение, однако его тревога нарастала.

Вчера днем он заглянул в это кафе после переговоров с механиком, который объяснил ему, что, если сделать в шланге системы охлаждения дырочку, мотор скоро задымится.

Место показалось ему идеально подходящим. Сельская местность, до ближайшего полицейского участка не менее четырех миль. Берк приехал сюда в послеобеденное время. За исключением двух официанток, томившихся от безделья – они смолили одну сигарету за другой и лениво смотрели очередную мыльную оперу по телевизору, и горстки вялых посетителей в углу, в кафе никого не было. Поэтому Берк и решил, что в обеденное время прибавится ну пара-тройка местных жителей. Или, в крайнем случае, в тихую, сонную забегаловку заскочат перекусить несколько водителей, пока заправляются их машины.

Но оказалось, он здорово просчитался. Теперь было ясно, что кафе на перекрестке служит местом для выпивки работягам, которые рано заканчивают работу и заходят сюда пропустить кружечку-другую перед тем, как идти домой.

Итак, народу в кафе было полным-полно. Грохотала музыка из музыкального автомата, которого вчера Берк даже не заметил. Все кабинки и столики были заняты так же, как и стулья у стойки бара. Еще одна проблема заключалась, так сказать, в демографическом составе посетителей. За исключением двух священников, молодой дамочки и телохранителя, публика состояла сплошь из здоровенных деревенских парней.

В центре их внимания находилась сейчас жена Пинки Дюваля.

Они облизывались, кто фигурально, а кто и буквально, глядя на нее, и на их лицах было написано недоумение: что такая киска делает в компании двух попов и облома?

Однако Эррол оказался не таким дураком, как можно было подумать.

– Мистеру Дювалю это не понравится, – пробурчал он, оглядываясь на зевак. – Я звонил Ромену. Он вышел, но должен скоро вернуться... – Эррол посмотрел на свои часы, – ...через двадцать минут.

– Наш микроавтобус сейчас будет как новенький.

Это заверение ничуть не ослабило ни напряженности Эррола, ни нервозности Грегори. Его нога под столом дергалась, как иголка швейной машины. Это дерганье отвлекало Берка, и он уже собрался попросить Грегори успокоиться, как вдруг тот встал и отодвинул свой стул.

– Прошу извинить. – Он вышел из-за стола и направился в сторону мужского туалета.

– Может, позвонить мистеру Дювалю? – полувопросительно-полуутвердительно сказал Эррол, обращаясь к миссис Дюваль. – Он бы прислал за нами Бардо или кого-нибудь еще.

– Мне бы не хотелось его беспокоить, – ответила она.

– Вам не о чем тревожиться, Эррол. – Берк изобразил глуповатую улыбку добродушного священника. – Механик обе-

щал через десять минут залатать нашу дырку. Миссис Дюваль не успеет выпить вторую чашку кофе, как мы уже сможем ехать дальше.

– Ладно, – проворчал телохранитель, – я знаю только, что мистеру Дювалю...

– Проклятый пидер!

Возглас сопровождался грохотом и звоном разбитого стекла. Как и все посетители кафе, Реми Дюваль и Эррол повернулись посмотреть, что это вызвало такой взрыв негодования.

Берк вскочил на ноги.

– Черт!

Грегори, хныча, лежал на полу. Весь облитый пивом, он вжал голову в плечи, а здоровенный мужчина сгреб его за шиворот и рывком поставил на ноги.

Грубым, хриплым басом он прогрохотал на весь зал:

– Стою себе, делаю свое дело, а этот извращенец подходит и машет мне своей хреновиной. – Он пнул Грегори в спину, и тот полетел прямо на соседний столик. – Я из этого ублюдка сейчас душу вышибу.

Трое парней, сидевших за столиком, на который упал Грегори, встали и стали осыпать его оплеухами, при этом грязно ругаясь. К ним тут же присоединились еще двое.

Берк, не оглядываясь, бросил Эрролу:

– Уведите ее отсюда. Встретимся у машины. Он растолкал локтями звереющую на глазах толпу. Все стояли (неко-

торые взобрались на стулья) и улюлюкали, подбадривая парней, молотивших Грегори. Когда Берк добрался до эпицентра, он расшвырял нападавших и очутился лицом к лицу с объектом вожделения Грегори. Любовь слепа, мимоходом пронеслось у него в голове. Этот сукин сын был мордатым, жирным и весь лоснился от праведного гнева.

Он кулаком двинул Берка в челюсть. Берк отлетел.

– Это что, еще один? Извращенцы чертовы! Прячутся за своими рясами, тошнит от вас!

Он наклонился, чтобы еще раз врезать Берку. Но, когда его красная, разъяренная рожа наклонилась над упавшим противником, всю его энергию как рукой сняло. Остановиться он уже не мог и всей тушей рухнул на Берка.

А остановил его пистолет, направленный дулом прямо в его мясистый лоб. Берк уже стоял на ногах.

– Назад, ублюдок.

– Что-о...

– Отзови своих дружков, иначе следующая служба в церкви, на которую ты попадешь, окажется твоим отпеванием.

Окружающие уже заметили, что у священника в руках пистолет, и остановились – не столько от страха, сколько от изумления. В следующее мгновение в зале все замерло, и слышна была только музыка из автомата да всхлипывания Грегори.

– Встань туда. – Деревенщина, спотыкаясь, подчинился. Глядя в устремленные на него со всех сторон враждебные

лица, Берк спокойно произнес: – Никаких глупостей. – Он подошел к Грегори, пнул его. – Вставай.

Грегори закрыл голову руками и зарыдал громче. У Берка возникло сильное искушение самому врезать по этой жалкой физиономии. Но он сжал зубы и сказал:

– Если ты немедленно не встанешь и не пойдешь к выходу, я оставлю тебя здесь на потеху этим психам, и тогда помоги тебе Бог. Прежде чем они с тобой закончат, ты десять раз попросишься в тюрьму.

Угроза подействовала. Судорожно всхлипывая, Грегори поднялся.

– Извини...

– Заткнись.

– Да, да, только не бросай меня здесь. Он вытер окровавленное лицо рукавом и заковылял к выходу.

Поводя рукой с пистолетом, Берк начал пятиться к двери.

– Мы сейчас уйдем. Нам не нужны неприятности. А вы пейте дальше свое пиво.

У дверей он пихнул вперед Грегори и вышел сам. И с облегчением увидел микроавтобус с включенным мотором.

– В машину, – рявкнул он и бросился к заправочной станции, где заметил Эррола, который разговаривал по телефону и оживленно жестикулировал.

Берк ворвался в контору, вырвал у телохранителя трубку и с размаху ударил его в висок. Удар был не особенно сильным, но он оглушил Эррола. Берк схватил Реми Дюваль за

руку и потащил за собой.

Она упиралась и вырывала руку.

– Что вы делаете?!

Женщина, платившая за бензин у кассы, издала душераздирающий крик. Один из служителей сунул руку под прилавок, где, как догадался Берк, у него было спрятано оружие.

– Не двигаться! – заорал Берк.

Служитель замер. Пожилой механик, вышедший из гаража, вытирал руки ветошью и все повторял:

– Ни фига себе!

Берк подтащил упирающуюся Реми к микроавтобусу, пихнул на сиденье, однако ей удалось несколько раз больно ткнуть его в ногу острыми каблуками и сильно расцарапать длинными ногтями запястье.

– Хватит! – рывкнул он и быстро проговорил: – Можете царапаться сколько угодно, но это ни к чему не приведет. Вы поедете со мной.

– Зачем вы это делаете? Отпустите меня!

– Замолчите.

– Мой муж вас убьет.

– Очень даже вероятно. Но не сегодня.

Он пропихнул ее поглубже в машину, захлопнул дверцу, сел на водительское место. Переключил передачу и рванул с места. Шины завизжали, и микроавтобус понесся вперед. Берк свернул направо и помчался по дороге прямо навстречу огромному автофургону. Они едва не столкнулись.

Грегори попеременно то визжал, то орал, то чертыхался. Берк велел ему заткнуться.

– Черт бы тебя побрал! Что ты там учудил?

Нас ведь могли убить!

– Это ты во всем виноват, – срывающимся голосом ответил Грегори. – Зачем тебе пистолет? Ты не говорил, что у тебя будет пистолет.

– Скажи спасибо, иначе бы я не смог уберечь твою задницу от этих очаровашек. Хотя зачем я это сделал, сам не понимаю.

Вдруг миссис Дюваль, сидевшая впереди между ними, подняла подлокотник, разделяющий два сиденья, нырнула вниз и ухватилась за ручку двери.

– Останови ее! – гаркнул Берк.

Грегори находился сейчас в плачевном состоянии, но он слишком боялся Берка, чтобы послушаться. Он рванулся за Реми и схватил ее за волосы.

– Ижвините, ижвините. – Нос его был расквашен, а распухшие губы мешали четкой артикуляции. – Я не хочу причинять вам боль. Но если я не исполню его приказание, он меня убьет.

– Понятно, – удивительно спокойно сказала она. – Тогда отпустите мои волосы. Берк полуобернулся к ней:

– Никто не причинит вам вреда, если вы будете слушаться. Ясно? – Она презрительно кивнула, но Берк сомневался в ее покладистости. – На такой скорости вы костей не себе-

рете, – добавил он, предупреждая ее намерение выпрыгнуть из машины.

– Я уже поняла.

– Очень хорошо. Грегори, отпусти ее и сядь на свое место. А вы, – обратился он к Реми, – сядьте на пол между нами.

Грегори плюхнулся на сиденье. Берк напряженно ждал, пока женщина исполнит его приказ.

– Кто вы? – спросила она.

Глаза расширились от страха, лицо ее было залито слезами и стало пепельно-бледным. Струйка крови в углу рта еще резче подчеркивала эту бледность. Неужели он разбил ей губы, когда тащил к машине?

Берку стало ужасно неловко, и он вперил взгляд в ветровое стекло. И правильно сделал, потому что в зеркале заднего вида увидел несущийся по дороге пикап.

– Черт!

Что может быть хуже? Грегори и миссис Дюваль все в крови, а пикап полон разъяренных деревенских придурков. Они прочно сели на хвост.

– Грегори, возьми пистолет.

– Что? Зачем?

– Оглянись.

Грегори глянул в зеркальце со своей стороны и заорал, увидев несущийся за ними пикап. Мордovorот из туалета стоял в кузове, на крышу кабины он положил ружье, нацеленное на микроавтобус. Он и его дружки в кузове крово-

жадно вопили, из кабины тоже раздавались крики: она была битком набита разъяренными ненавистниками гомосексуализма.

– О Господи, о Боже! – запричитал Грегори. – Я сейчас умру.

– Я сам тебя пришибу, если ты не возьмешь себя в руки! – закричал Берк. – Бери пистолет! – Он сунул пистолет в дрожащие руки Грегори.

– Я никогда раньше не стрелял.

– Ты просто наведи его на пикап и нажми на курок.

Берк надеялся, что эти идиотские гонки обойдутся без пальбы. А ему удастся оторваться. Микроавтобус, конечно, не гоночная машина, да и латка на шланге того и гляди полетит. Но в пикапе полно народу, он тоже сильно не разгонится.

Скоро придурки в пикапе устанут от погони и решат вернуться в кафе, где осталось недопитое пиво. Или же наступающая темнота поможет Берку скрыться.

Имелся и еще один вариант: погоня продолжится до тех пор, пока их не догонят и не убьют.

Пикап уже почти тыкался в бампер микроавтобуса. Берк вилял по дороге, чтобы преследователи не могли их обогнать. Теперь они с водителем пикапа состязались: кто кого перехитрит. Берк понимал: надо во что бы то ни стало оставаться впереди на этой узкой дороге. Малейшая ошибка – и они слетят в болото, тянувшееся по обеим сторонам.

Он целиком сосредоточился на дороге, поэтому заметил руку миссис Дюваль, подбирающуюся к ключу зажигания, в самый последний момент. Берк со всего маху хлопнул по ее руке. Реми вскрикнула от боли и неожиданности, когда ключ впился в ее ладонь.

– Отдайте! – прошипел Берк. Теперь он держал руль одной рукой, и машину тут же повело в сторону. Из-под колес брызнула щебенка. Грегори взвизгнул.

– Вы нас всех убьете! – крикнула миссис Дюваль. – Остановите машину. Наверняка с ними можно договориться.

– Вы с ума сошли, леди? Его и меня они пристрелят и бросят крокодилам. А вас не убьют, пока не пропустят через очередь. Отдайте этот чертов ключ, и тогда у нас, может быть, будет шанс выкарабкаться...

Выстрел из ружья разнес заднее стекло, дробь разлетелась по всей машине. Грегори с криком упал на пол, хотя высокие спинки сидений защищали от града рассыпавшегося стекла. К чести миссис Дюваль, она не закричала, но в ту же секунду выпустила ключ зажигания и нырнула на пол.

Берк вдавил ногу в акселератор, хотя микроавтобус и так мчался на предельной скорости. Машина быстрее не поехала, но, к его удивлению, пикап в зеркале заднего вида стал уменьшаться. Тут Берк понял, что преследователи замедляют ход. Выстрел из дробовика был последним залпом, деревенские придурки наконец устали от погони.

Скоро пикап превратился в точку, но Берк не снимал ногу

с акселератора. На повороте он проехал, не снижая скорости. Он еще несколько минут мчался, не отрывая глаз от зеркала заднего вида, но в конце концов стало ясно, что бешеная гонка окончена.

– Можете вылезать, – сказал он. – Они передумали нас убивать.

Грегори, кряхтя и охая, взгромоздился на сиденье. В нем сейчас с трудом можно было узнать хорошенького молодого человека, который сегодня ут ром изображал священника. Его распухшее избитое Лицо покрывали потеки черной запекшейся крови.

По контрасту, кровь на пиджаке миссис Дюваль была ярко-красной.

Глава 20

Пинки открыл дверцу машины, не дожидаясь полной остановки. Шериф со своими людьми уже прибыл. Это плохо, подумал Пинки, но ничего не поделаешь. Он заметил Эррола, стоявшего поодаль: плечи понуро опущены, руки засунуты в карманы брюк, лицо такое, будто из глаз вот-вот брызнут слезы.

Реми что-то было не видно. Очевидно, прячется в конторе. Немыслимо: жена Пинки Дюваля имеет отношение, хоть даже и косвенное, к драке в дорожном баре! То-то газеты обрадуются.

Он направился к Эрролу, а Бардо приказал найти Реми и усадить ее в машину.

– Чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше. Бардо пошел к заправочной станции, где шериф допрашивал свидетелей.

Пинки повернулся к Эрролу:

– Что случилось?

– Микроавтобус сломался. Я велел остановиться здесь...

– Кому велел?

– Отцу Кевину. Он сидел за рулем. Пинки кивнул и знаком велел продолжать. Эррол, заикаясь, излагал события, все время подчеркивая, что он ни на секунду не выпускал миссис Дюваль из виду, даже когда звонил Ромену, чтобы

тот их отсюда забрал.

– Ты должен был позвонить мне.

– Я хотел, но миссис Дюваль велела вас не беспокоить.

Мне это не понравилось, но она...

– Как началась драка?

Пинки слушал со все возрастающим недоумением.

– Это тот священник, что приходил к моей жене?

– Я же вам говорил, что он мне показался голубым, – слово в оправдание себе ответил Эррол.

– Ты мне не говорил, что он похож на человека, который может приставать в общественном туалете.

Господи!

– Я рассказываю, как было, босс.

– Ладно, что произошло потом?

– Эти парни начали бить отца Грегори. Я вывел миссис Дюваль из кафе сразу, как только началась драка. Мы пошли в контору бензозаправки, оттуда я позвонил в ваш офис. Я говорил с секретаршей, когда...

– Так, достаточно. Остальное доскажешь потом. Сейчас заберем Реми – и уезжаем отсюда.

– Но, мистер Дюваль...

– Пинки!

Это крикнул Бардо, бежавший к Дювалю со всех ног. Он был страшно возбужден.

– Твоей жены там нет. Они ее увезли.

– Что? Увезли? Люди шерифа? Куда?

– Это... это я и собирался вам сказать, сэр. Пинки резко обернулся к Эрролу. Телохранитель стоял ни жив ни мертв.

– Когда я во второй раз позвонил в ваш офис, вы уже поехали сюда. У Бардо телефона в машине нет. Ваша секретарша сказала, что вы не взяли с собой пейджер. Поэтому я никак не мог...

Пинки схватил его за лацканы пиджака и как следует встряхнул.

– У тебя есть две секунды, чтобы сказать, где моя жена.

– Я не знаю, мистер Дюваль, – проговорил телохранитель и заплакал. – Отец Кевин вынул пистолет...

– Пистолет?

– Да, сэр. Он... он ударил меня по голове и потащил миссис Дюваль в микроавтобус.

Пинки на мгновение ослеп, словно у него разорвалась артерия и глаза залило кровью. Он достал револьвер 38-го калибра, который всегда носил в кобуре на пояснице, и ткнул коротким стволом Эрролу под трясущийся подбородок.

* * *

Она очнулась оттого, что ее подняли. Спину и плечи жгло, словно их искусили осы. Реми открыла глаза.

Было темно, на небе сияли звезды. Миллион звезд. Она никогда не видела столько звезд. Их блеск поразил Реми. Значит, она не в городе. Небо чистое, и никаких искусствен-

ных огней. Воздух холодный и влажный.

– Дредд! Дредд!

Она узнала голос отца Кевина. Еще она слышала гулкие шаги по деревянным доскам и поняла, что он несет ее то ли через мост, то ли через пирс.

Показалось какое-то непонятное строение, состоящее из нескольких домиков, притулившихся друг к другу, словно случайно и безо всякого предварительного замысла.

За сетчатой дверью стоял человек. Тоже очень странный. Он держал у пояса дробовик, нацеленный прямо на них.

– Кто там?

– Мне нужна твоя помощь, Дредд.

– Господи Иисусе!

Сейчас они стояли в круге света, падавшего от лампы на крыльце. Мужчина, очевидно, только теперь узнал отца Кевина, ибо он опустил ружье и открыл дверь.

– Какого черта ты здесь делаешь? Что с ней?

– Пулевое ранение.

– Насмерть?

– Нет.

– Опасное?

– Достаточно опасное. Куда ее положить?

– У меня только одна кровать, и ты знаешь, где она стоит.

Отец Кевин со своей ношей прошел мимо Дредда, и Реми почувствовала запах дыма. Дым шел из бороды хозяина. Конечно же, у нее начался бред. На стенах висели животные с

оскаленными клыками и рептилии. На полках стояли банки с мутными растворами. В угрожающих позах застыли скелеты непонятного происхождения. Повсюду висели звериные шкуры. Реми увидела сидящую на шесте сову и не могла понять, чучело это или нет, пока сова не повернула голову и не уставилась на гостью огромными желтыми глазами; потом она удивленно взмахнула крыльями и отвернулась.

Отец Кевин наклонился и через низкую дверь протиснулся в маленькую комнату. С дощатого по толка свисала голая лампочка на шнуре, обернутая пожелтевшей газетой. От малейшего дуновения по: комнате начинали бегать жуткие тени.

Отец Кевин положил Реми на узкую кровать. Пахнувшую плесенью простыню, видимо, давно не стирали, если это вообще когда-нибудь случалось. Реми попыталась протестовать, но у нее совершенно не было сил.

– Я тебя едва узнал, – сказал Дредд отцу Кевину.

– Я сам себя в последнее время не узнаю.

– А он кто?

До Реми донеслись жалобные всхлипы отца Грегори.

– Потом, – отозвался отец Кевин.

– Он похож на дерево, по которому прошлись рубанком.

– Если я не убью его собственными руками, он выживет.

А вот за нее я серьезно беспокоюсь.

– Ну что ж, давай поглядим.

Отец Кевин отошел в сторону, и к кровати приблизился

странный хозяин дома. Реми так поразились, что даже не закричала. Его загорелая дочерна кожа скорее напоминала дубленые шкуры, висевшие в соседней комнате. Все лицо избороздили глубокие морщины. Мужчина был до пояса раздет, но половину голой груди прикрывала кудрявая седая борода, похожая на мох.

Сейчас борода не дымилась. В уголке рта свисала сигарета.

Мужчина протянул к ней мозолистые руки, и Реми испуганно дернулась. Однако его прикосновения оказались неожиданно мягкими. Он повернул к себе ее левое плечо, так что Реми очутилась почти на боку. Она застонала от боли и резко вскрикнула, когда он дотронулся до раны.

– Извини, милочка, – грубовато сказал он. – Больно, но ничего, Дредд тебя залатает.

Он осторожно положил ее на спину, повернулся к стоящему рядом отцу Кевину и оттолкнул его.

– Ты мне свет загораживаешь.

– Ну, что? Как она? Ты сможешь что-нибудь сделать?

– Ага, теперь он спрашивает. Ворвался сюда, на руках женщина без сознания и с пулей в плече, еще какой-то избитый священник. Моя постель залита кровью, а теперь ты спрашиваешь, могу ли я что-нибудь сделать.

– Так можешь?

– Конечно, могу. Если ты перестанешь меня дергать. Счастье, что это мелкая дробь, но все-таки несколько дробинок

бедняжка получила.

– Чем я могу помочь?

– Тем, что уйдешь с дороги.

Реми закрыла глаза. Она ранена?

Тут мозг заработал, и она все вспомнила: сломанный микроавтобус, кафе, драку, размахивающего пистолетом священника.

Она открыла глаза. Он стоял у края кровати и смотрел на Реми немигающим, как у совы, взглядом. Грубость, умение драться и весь его внешний вид наводили на мысль, что вряд ли этот мужчина может быть священником.

Как-то отстраненно Реми подумала, как же она могла быть такой наивной?! При ближайшем рассмотрении в этом человеке не было ни малейшего сходства со святыми отцами. Он излучал энергию, абсолютно несовместимую с благочестием тех, кто идет по пути Господа. Эти губы были предназначены не для молитвы, а для циничных слов и ругательств. Он казался человеком, которого обуревают чувства, но этими чувствами не могли быть ни любовь к Богу, ни любовь к ближнему. Хотя сейчас он стоял совершенно неподвижно, казалось, он весь вибрировал от внутреннего жара, пугавшего Реми.

Хозяин, которого он назвал Дреддом, вернулся со стаканом какой-то жидкости.

Отец Кевин взял стакан и подозрительно понюхал.

– Что это?

– Я лезу в твои дела? – огрызнулся Дредд, отбирая стакан.

– Слушай, Дредд, она...

– Она ранена. Я хочу, чтобы ей стало лучше. Но если ты мне не доверяешь, забирай ее и этого жалкого типа и уберите отсюда. Я в твои темные дела не напрашивался Ты меня вынудил. Итак, что будем делать?

Молчание отца Кевина он расценил как согласие.

– Что ж, приступим.

Переключив внимание на Реми, Дредд склонился и поднес к ее губам стакан.

– Выпей.

Пахло из стакана отвратительно. Реми попыталась отвернуться, но Дредд взял ее за подбородок и повернул обратно.

– Ну, давай же, пей. Тогда ты уснешь. И ничего не почувствуешь.

Он прижал стакан к ее губам, и Реми оставалось либо проглотить противную жидкость, заполнившую рот, либо выплюнуть, либо захлебнуться. Если она выплюнет, то он снова принесет эту гадость. Кроме того, ей пообещали блаженное забытье, которое было так необходимо. Реми выпила все до дна.

– Умница. Замерзла? – Он укутал одеялом ее ноги. – Я пойду приготовлю все необходимое. Когда я вернусь, ты уже будешь спать, но ты ни о чем не волнуйся. Я все сделаю, как надо. Когда проснешься, будешь чувствовать себя намного лучше. – Дредд похлопал ее по руке и отошел. Выходя, он

бросил отцу Кевину: – А ты займись чем-нибудь. Раздень ее и переверни на живот.

Хозяин вышел, и Реми осталась один на один со своим похитителем. Он присел на краешек узкой кровати и принялся расстегивать пуговицы ее пиджака. Она была не в силах помешать ему. Видимо, напиток подействовал сразу. Кончики пальцев похолодели. Почему-то стало трудно открывать глаза.

Когда он приподнял ее, чтобы снять пиджак, она бессильно уронила голову ему на плечо. Она не почувствовала, как он стянул рукава, и лишь поморщилась, когда он стал оттирать пропитанную кровью и прилипшую к телу блузку. Однако боль была уже не такая сильная, как несколько минут назад.

Она ощутила, как высвободилась грудь, и поняла, что он расстегнул лифчик. В обычной ситуации Реми бы страшно запаниковала. Сейчас она была слишком слаба, чтобы придавать этому значение.

Он положил ее на подушку, и Реми увидела крупные капли пота у него на лбу. Он вытер лоб тыльной стороной ладони, на которой ярко краснели следы, оставленные ее ногтями.

Он слегка коснулся уголка ее губ.

– Так больно?

– Кто вы?

Он взглянул ей прямо в глаза, немного поколебался и от-

ветил:

– Меня зовут Берк Бейзил. Он еще некоторое время смотрел на нее, потом протянул к ней руки и снял лифчик.

– Не надо. Пожалуйста.

– Вы же слышали, что он сказал. Надо снять с вас одежду и повернуть на живот, чтобы он смог заняться вашими ранами.

Реми все же попыталась протестующе помотать головой, но мускулы ее уже не слушались.

– Не надо, мистер Бейзил. – Из последних сил стараясь держать глаза открытыми, она глубоко вздохнула и прошептала: – Он вас убьет.

Глава 21

– Итак, теперь вам все ясно, шериф, – небрежно заметил Пинки. – Отец Кевин воспользовался револьвером моей жены, чтобы защитить ее. Смешно, в самом деле: неужели вы могли подумать, что священник разгуливает с оружием?

Шериф, казалось, не находил это столь забавным.

– А почему ваша жена носит с собой револьвер?

– За годы моей профессиональной деятельности я нажил себе немало врагов, что неудивительно. И хотя миссис Дюваль всегда сопровождает телохранитель, я убедил ее носить в сумочке оружие. И видите, какая удача, что сегодня он был у нее.

Шериф потер шею.

– Не знаю, мистер Дюваль. Свидетели утверждают, что она сопротивлялась.

Пинки снисходительно хмыкнул.

– Очень похоже на нее. Моя жена очень упряма и не любит, когда ей указывают, что делать. Отец Кевин старался увести ее, но ей хотелось остаться и защитить отца Грегори. Она так жалеет его из-за... не будем жестоки и назовем это слабостью. Она всегда так себя ведет: защищает слабых и ненавидит агрессоров. Честно говоря, я крайне признателен отцу Кевину, что он быстро сориентировался и уволок ее отсюда. Я поблагодарю его от всего сердца.

– Вы уверены, что они отправились домой?

– Конечно. – Пинки протянул руку. – Не могу сказать, что я получил удовольствие, но было приятно узнать, что здесь, в округе Джефферсон, полиция умеет быстро справляться с критическими ситуациями.

– Спасибо, мистер Дюваль. Стараемся.

– Спокойной ночи. – Пинки пошел к машине.

– Еще один момент, мистер Дюваль. Как получилось, что священник ударил по голове вашего человека?

– Наверняка отец Кевин разозлился, что тот не справился с ситуацией. – Потом жестко добавил – Я с ним еще разберусь. – Он помахал шерифу и сел в машину.

– Куда? – спросил Бардо.

Пинки испытывал сильное искушение пуститься в погоню за микроавтобусом, но ехать в темноте в неизвестном направлении – попросту терять время.

– В офис.

Бардо вырулил на дорогу, ведущую в город.

– Что ты сказал этому деревенщине?

– Навешал лапши на уши.

– И он проглотил?

– Я не дал ему шанса. Если бы я позволил ему расценить это как похищение, он бы немедленно вызвал ФБР.

– Только этого нам не хватало!

– Еще бы. Кроме того, эти федералы даже собственную задницу не найдут. Я уж лучше сам во всем разберусь.

Бардо бросил взгляд на заднее сиденье.

– Хорошо, что я вовремя тебя остановил. А то тебя бы уже арестовали за убийство.

Забившийся в угол, Эррол сжался. Он все еще не пришел в себя после того, как Пинки чуть было не спустил курок. Бардо подоспел в самый последний момент, вырвал из рук Пинки револьвер 38-го калибра и уговорил поумерить пыл до поры до времени.

– Я вовсе не передумал тебя убивать, – прошипел Пинки трясущемуся телохранителю. – Ты еще жив только потому, что мне понадобится твоя помощь, чтобы их найти.

Когда Эррол после пережитого потрясения блевал у стены, согнувшись в три погибели, к Пинки подошел шериф и представился. Он поделился тем, что успели узнать полицейские.

– Парень с бензоколонки был так перепуган, когда звонил по «911», что мои ребята не очень поняли, в чем тут дело. Но потом стало ясно – дело серьезное. Боюсь, мистер Дюваль, вашу жену похитили.

После часового разговора Пинки наконец удалось убедить шерифа, что свидетели растерялись и видели то, чего на самом деле не было. В чем, в чем, а в этом Пинки не было равных. Он отточил свое мастерство убеждения на бесчисленных судебных заседаниях. Свидетели, вначале клявшиеся в чем-то, после перекрестного допроса адвоката Дюваля полностью меняли свои показания.

– А как же механик? – спросил шериф. – Он говорит, что священник приезжал сюда вчера, одетый как обычный человек, и спрашивал, как подстроить поломку радиатора.

Пинки отвел шерифа в сторону и сделал жест, которым наркоманы держат косяк.

– Вам понятно?

Шерифу стало понятно, что на показания механика, известного наркомана, полагаться нельзя. Женщина, платившая за бензин и видевшая всю сцену похищения, сначала было заупрямилась, но и она в конце концов засомневалась в том, что видела собственными глазами и слышала собственными ушами. Служащий, окончательно запутанный Дювальем, признал, что священник просто убеждал миссис Дюваль уехать, а вовсе не пытался силой затолкать в машину. Что до деревенских парней, пустившихся в погоню, так они сразу вспомнили про ожидавшие их дела, как только вернулись к кафе и увидели машину шерифа. А оставшиеся в кафе ни сном ни духом не знали, что там раньше произошло.

Пинки Дюваль был живой легендой. Первыми словами шерифа были:

– Для меня это большая честь, мистер Дюваль. Я видел вас по телевизору.

Лицо с экрана в обычной жизни воздействует на людей невероятным образом. Пинки не преминул воспользоваться почтительным восхищением шерифа. Аналитические способности полицейского, его недоверчивость и чувство долга

померкли под блеском излучаемого Пинки Дювалем сияния.

Пинки добился того, чего хотел: ни погони, ни расследования не будет. Но на все эти разговоры и убеждения ушло много времени. Значит, похитители его жены сумели крепко оторваться.

Он обернулся к Эрролу:

– Кто они такие?

Эррол поднял голову и неуклюже пожал плечами.

– Священники.

– Не надо мне говорить, что они священники, – мягко и задушевно, отчего его голос казался еще более зловещим, сказал Пинки. – Неужели до твоих дерьмовых мозгов так и не дошло, что эти двое были не теми, за кого себя выдавали?

Пропустив мимо ушей оскорбление, Эррол старательно продолжил:

– Но это те же самые священники, которые приходили в дом несколько дней назад.

– Как они выглядели?

– Свя... – Телохраниль осекся под взглядом Пинки. – Я вам уже говорил, мистер Дюваль. Отец Грегори – молодой, смазливый. Худой. Темные глаза, темные волосы. Гомик. Не затыкается ни на минуту. Отец Кевин говорил немного, но главный у них – он. Это видно.

– Опиши его.

– Умный, ловкий. Он мне с самого начала не понравился. Я его застукал...

– Что?

Эррол испуганно посмотрел на Бардо. Облизнул сухие губы. Вцепился руками в ремень.

– Так на чем ты его застукал? – четко проговаривая каждое слово, спросил Дюваль.

– Ну... я шел в туалет. В тот, что возле приемной. А... а отец Кевин... спускался с лестницы.

– Он ходил наверх? Он ходил в верхние комнаты в моем доме и ты мне об этом не доложил? Бардо присвистнул.

– Он сказал, что ходил в туалет наверху, потому что в нижнем не было туалетной бумаги. Я проверил. Ее там и вправду не было.

– Тебе прямо частным сыщиком работать, – фыркнул Бардо. – Детектив хренов.

– Заткнись! – рявкнул Дюваль. – Как выглядел этот сукин сын? Опиши со всеми подробностями.

Эррол описал: выше среднего роста, худой, но мускулистый, лицо обыкновенное, ни шрамов, ни усов, ни бороды.

– Глаза?

– Трудно сказать. Он был в очках.

– Волосы?

– Темные. Прямые, зачесаны назад. Под это описание подходила добрая сотня мужчин из круга знакомых, друзей или врагов Пинки.

– Кто бы он ни был, жить ему осталось недолго.

Никому еще не удавалось взять что-то у Пинки Дюваля и

остаться безнаказанным. А этот ублюдок забрал самое ценное, что было у Пинки. Если он коснется ее... Если хоть пальцем... Пинки с наслаждением подумал, что будет убивать этого неизвестного голыми руками.

Бардо прервал разыгравшееся воображение Дюваля.

– Что-то не складывается. Два священника, один из них голубой, украли женщину. Зачем она им?

– Им нужна не Реми. Им нужен я.

У Пинки не было ни малейшего доказательства для подобного вывода. Но он был абсолютно уверен, что не ошибается.

* * *

– Толкай.

– Да я толкаю.

В этом деле Грегори был совершенно бесполезен, как, впрочем, и в любом другом. Берк понукал его как мог. Они пытались протолкнуть микроавтобус через раскисшую прибрежную грязь, чтобы он скрылся под водой. Наконец им это удалось. Но не успел Берк облегченно вздохнуть, как машина снова застряла, и теперь уже намертво. Она так и осталась торчать из воды.

– Что теперь?

– Мы его здесь оставим, – резко сказал Берк. – Рано или поздно микроавтобус найдут. Но к тому времени Дюваль уже

будет знать, кто украл его жену.

Пока они брели по болотистой почве к пикапу Дредда, Грегори не переставая ныл. Берк не обращал на него внимания. На пикапе приехал Берк, Грегори следовал за ним на микроавтобусе. По дороге сюда Берк то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. На повороте он каждый раз притормаживал, пока сзади не показывались фары микроавтобуса. Берк все время боялся, что Грегори струсит и удерет или выкинет что-нибудь в этом роде. Действия этого парня трудно было предугадать.

Они сели в пикап. Берк ехал по извилистой дороге, по обеим сторонам которой тянулось болото. Старые кипарисы с узловатыми стволами склоняли свои поросшие мхом ветви. Днем их кроны напоминали старинную красавицу, раскинувшую в реверансе окаймленные кружевами руки. Но ночью деревья стали похожи на восставшие из могилы скелеты. Время от времени свет фар выхватывал из тьмы эти таинственные ночные создания, а потом они вновь скрывались в мрачной дымке тумана, висевшего над болотом.

Берк вел машину быстро, но осторожно. Он беспокоился о раненой Реми.

Дредд дал ей снотворное из зелья, сваренного им собственноручно, одному Богу известно из чего. Но как бы то ни было, зелье подействовало. Женщина спала, пока Дредд аккуратно удалял дробинки, застрявшие в спине и левом плече. Также он вынул несколько кусочков стекла.

Маленькие ранки сильно кровоточили, но Дредд промокнул их тряпкой и обильно смазал каким-то бальзамом, заявив, что средство очень действенное. Во время операции Берк не отходил ни на шаг, чем раздражал Дредда больше обычного.

Он буквально вытолкал Берка из комнаты, ворча, что, если микроавтобус немедленно не спрятать, о нем завтра будет знать вся Южная Луизиана.

– А для бизнеса хуже нет, чем полицейские машины у входа.

Берк неохотно послушался, хоть и понимал, что его друг абсолютно прав – от микроавтобуса надо поскорее избавиться. Теперь, когда дело было сделано, он торопился поскорее вернуться и посмотреть, как там миссис Дюваль.

– Ты меня использовал.

– Что?

Грегори жалобным голосом повторил свое утверждение. Берк ответил:

– Ты знал, на что идешь, Грегори.

– Да, но, когда мы договаривались, ты мне не сказал, что будет пальба и похищение человека.

– А о чем ты думал, когда усаживал миссис Дюваль в машину? Думал, мы покатаемся и вернемся?

– Я думал, ты выудишь у нее еще денег на эту липовую благотворительность. Я думал, ты надуешь Дюваля – обведешь вокруг пальца, как в фильме «Афера». Мне в голову не

могло прийти, что ты похитишь его жену.

– Ты сам виноват, что участвуешь в похищении. Если бы ты не стал заигрывать с тем деревенским придурком, ты бы остался в кафе. По моему плану, тебя и Эррола я собирался оставить именно там. Но нет, тебе захотелось романтики. Можешь ныть сколько хочешь, но от меня ты сочувствия теперь не дождешься. Это из-за тебя, извращенца, ранена миссис Дюваль, а мы едва унесли ноги от озверелых кретинов, хотевших нас убить.

– Меня тоже ранили, – всхлипнул Грегори.

– Тем хуже. Не будь моя голова занята другими заботами, я придушил бы тебя собственными руками. А теперь заткнись, не то я выполню свою угрозу.

– Ты такой недобрый, Бейзил.

Берк, не сдержавшись, грубо хохотнул.

– Грегори, ты даже не представляешь себе, до какой степени я недобрый.

Молодой человек аж икнул от страха, и Берк почувствовал укол совести. Бедный Грегори напуган до смерти. То, что вначале выглядело как интересный сценарий, превратилось в самый настоящий кошмар. Берк решил, что завтра же переправит Джеймса в город. Если Грегори сумеет на время затаиться, пока подживет его физиономия, все будет в порядке. Никто ни о чем не догадается. Ему никогда больше не придется исполнять роль отца Грегори. Ни одна душа не заподозрит младшего сына почтенного семейства в соучастии

в дерзком похищении. Кроме того, Дюваль будет охотиться за ним, а не за Грегори Джеймсом. Так что с ним все будет в порядке.

Грегори ныл и жаловался, пока не уснул. Берк растолкал его, когда они подъехали к жилищу Дредда.

– Хочешь, Дредд обработает твое лицо?

– Ты серьезно? Пусть этот урод только попробует до меня дотронуться!

Грегори посмотрел на дом на краю пирса и брезгливо передернулся.

– Ну, как знаешь, – бросил Берк, вылезая из машины. – В передней комнате есть кресло. Думаю, тебе надо хорошенько отдохнуть.

Грегори, кряхтя и причитая, медленно выбрался из пикапа. Берк подумал, что, наверное, все же надо попросить Дредда осмотреть его. Самого хозяина он нашел у кровати миссис Дюваль.

– Как она?

– Спит, как младенец.

Берк поморщился. Он вспомнил ее исповедь и попытался себе представить ребенка, которого она потеряла.

Дредд выключил свет, но на деревянном некрашеном столе мерцала свеча. Реми лежала на животе, повернув голову набок, волосы разметались по подушке.

Дредд поработал на совесть. Кровь больше не сочилась, сами ранки были неглубокими. Интересно, останутся ли

шрамы, – подумал Берк. Жалко, если так, кожа у нее гладкая и почти прозрачная. Он вспомнил ту лунную ночь, когда впервые увидел эту женщину в беседке. Сейчас она была точно так же далека от него, как и тогда.

– C'est une belle femme.³

– Да, красивая.

– У этого видения есть имя?

Берк посмотрел в морщинистое лицо Дредда.

– Миссис Пинки Дюваль.

За этим сообщением не последовало ни недоверчивых восклицаний, ни вопросов, ни криков, что Берк совсем спятил, ни требований каких бы то ни было объяснений. Дредд просто молча смотрел какое-то время на Берка, потом кивнул.

– В шкафу есть бутылка виски. Угощайся. – И пошел к двери.

– Может, поглядишь того парня? По-моему, он тоже в этом нуждается.

Дредд отмахнулся, давая понять, что слышать-то он слышал, но не собирается ничего делать.

Берк достал бутылку, с радостью отметив, что это настоящее виски из магазина, а не самогон, изготовленный хозяином. Единственный имевшийся в комнате стул был шатким, деревянные ножки сплошь изгрызены мышами. Но Берк поставил стул у кровати и осторожно опустился на тростнико-

³ Красивая женщина (фр.)

вое сиденье.

Он не ел со вчерашнего завтрака. Надо бы пошарить у Дредда на кухне, но от усталости ноги сделались свинцовыми. Ладно, он просто посидит тут, посмотрит на спящую женщину, на плавный изгиб ее спины, послушает ее тихое дыхание. И некоторое время побудет полным идиотом, потому что думать он мог только об одном: о ее груди, придавленной тяжестью тела.

Он раздевал ее очень деликатно, проявляя вполне достойную сдержанность. Достойная сдержанность. Которая вовсе не означала, что он ничего не заметил. Господи, да разве мог он этого не заметить? Как и любой мужчина, которому довелось увидеть предмет своих ночных вожделений, он смотрел во все глаза. Он видел, что соски у нее твердые и светлые. Видел чулки на резинке. Очнись, Берк, попытался одернуть он себя, но не мог остановиться. А трусики такие прозрачные, словно их и вовсе нет!

Он сделал два больших глотка. Виски обожгло пустой желудок.

Ее правая рука лежала вдоль тела ладонью кверху. Он увидел красный след от ключа зажигания, впившегося в ее руку, когда Берк по ней ударил. Он не удержался и дотронулся до царапины кончиком пальца. Ее пальцы дрогнули и рефлексивно ответили на прикосновение. Берк тут же виновато отдернул руку.

Третий глоток был уже не таким обжигающим. Берк снова

стал смотреть на ее лицо. Ее веки не дрожали, губы были слегка приоткрыты. В уголке рта выступила слюна, розовая из-за крови на губах. Он коснулся ее губ, но не стал вытирать слюну.

Потом еще раз глотнул из бутылки.

Итак, он это сделал. Он совершил преступление федерального уровня. Его жизнь отныне изменилась окончательно и бесповоротно. Если даже он завтра отдаст миссис Дюваль мужу, все равно – к прежней жизни возврата нет. Путь назад отрезан.

Наверное, ему следовало бы чувствовать себя более виноватым и напуганным.

Может, это виски сделало его таким бесшабашно смелым? Или же он не до конца осознает последствия своего преступления? Как бы то ни было, Берк Бейзил заснул, слушая ровное дыхание Реми Дюваль, и на душе у него в этот момент было на удивление легко.

Глава 22

– Что значит «исчез»?

Проспав несколько часов на неудобном стуле, Берк встал весь разбитый. Шея затекла, по спине будто прошла рота солдат, от виски осталась лишь тупая головная боль. К тому же при свете дня как-то отчетливее была видна грань, отделяющая законность от беззакония.

– Не ори на меня! – рявкнул Дредд. Он переворачивал длинной вилкой шипящее на сковородке мясо. – Он твой знакомый, этот священник, не мой.

– Он не священник.

– Да что ты говоришь!

Берк нахмурился, услышав это саркастическое замечание.

– Его зовут Грегори Джеймс, – сообщил он, массируя виски, – он безработный актер. Кроме всего прочего.

– Кто бы он там ни был, – проворчал Дредд, – он подлый ворюга. Он украл мою лучшую пирогу. Берк опустил руки.

– Ты хочешь сказать, что он уплыл по болоту? Немыслимая вещь: Грегори Джеймс – в лодке посреди кишящего мерзкими тварями болота!

– Да он до вчерашнего дня болота в глаза не видел. Он оттуда не выберется.

– Может быть. – Дредд перекинул через плечо собранные в хвост длинные седые волосы.

Независимо от времени года он носил потрепанные обрванные джинсы и никогда не надевал ни рубашки, ни ботинок. Его мозолистые ступни постукивали, как копыта, когда он ходил по облезлому линолеуму. В городе, на улицах, на него бы оглядывались, но с этим обиталищем его странная внешность вполне гармонировала. На окне вместо занавески висел полинялый британский флаг. В конце прилавка, за которым он торговал табаком, пивом, наживкой для рыбы, примостилась покосившаяся плита, здесь же стоял стол, на котором Дредд делал чучела. Санитарный инспектор при виде всего этого пришел бы в ужас, но немногочисленным покупателям Дредда было наплевать на подобную ерунду.

– Если его сожрут звери, – философски рассуждал Дредд, – надеюсь, моя лодка приплывет обратно. Завтракать будешь?

– А что у тебя на завтрак?

– Ты голодный или будешь привередничать? – вопросом на вопрос ответил хозяин.

– Голодный, – неохотно признался Берк. Дредд положил на тарелки жареное мясо, полил его соусом. Поставил на стол белый хлеб, разлил крепкий кофе с цикорием.

– Пока ты умывался, я проведаль Реми. Берк перестал есть и пораженно уставился на него.

– Она сказала мне, как ее зовут, – пояснил Дредд.

– Она проснулась?

– Проснулась и снова заснула.

Берк подобрал корочкой хлеба остатки соуса и с удивлением заметил, что его тарелка пуста. Мясо непонятного происхождения оказалось невероятно вкусным, а соусы Дредд всегда готовил отлично – не хуже, чем бальзамы и отвары из корней. Берк отодвинул тарелку и взял чашку с кофе.

– Я думал, она отключилась на всю ночь.

– Действие снотворного кончилось, и я дал ей новую дозу. Ей надо побольше спать.

– Когда я смогу забрать ее отсюда? Дредд доел мясо и пошел за сигаретами. Нашел пачку, прикурил, сделал первую глубокую затяжку.

– Это, конечно, не мое дело, но на черта тебе жена Пинки Дюваля?

– Я ее похитил.

Дредд поперхнулся, сделал несколько затяжек, вынул из бороды хлебные крошки. По крайней мере, Берк надеялся, что это были именно крошки.

– А зачем?

– Я должен ему отомстить.

Берк рассказал Дредду всю историю, начав с той ночи, когда Уэйн Бардо прикрылся Кевином Стюартом как живым щитом, и закончив описанием погони, когда им еле-еле удалось унести ноги от озверелых деревенских придурков.

– Я заметил, что она ранена, и сразу подумал о тебе. Искать ближайшую больницу времени не было, а до тебя – рукой подать. Я знаю, ты не любишь, когда нарушают твою

уединение, Дредд. Извини, что пришлось тебя потревожить.

– Ничего.

– И еще я знаю, что могу тебе доверять.

– Да? Значит, ты мне доверяешь достаточно, чтобы выслушать от меня всю правду?

Берк знал, что последует дальше, но жестом пригласил Дредда продолжать.

– Ты совсем сдурел, Бейзил. Тебя могут посадить, но это ничто по сравнению с тем, что сделает с тобой Дюваль. Ты хоть понимаешь, против кого ты пошел?

– Не хуже тебя.

– Значит, тебе наплевать, что Пинки Дюваль выпотрошит тебя, как свинью, и бросит труп стервятникам?

Берк скривился.

– Ой, как страшно.

Однако Дредд ничего смешного в этом не видел. Он раздраженно потряс головой и закурил еще одну сигарету без фильтра.

– Один из вас – мертвец.

– Я знаю. – Берк уже не улыбался. – Не то чтобы я хотел им оказаться, но даже если... – он красноречиво пожал плечами.

– Тебе незачем жить. Ты это хотел сказать? Ты убил своего напарника, бросил работу, жена тебе изменила. Я ничего не забыл?! Действительно, ради чего тебе жить. Так?

– Ну, что-то вроде этого.

– Чушь... собачья. – В промежутке между словами Дредд сплюнул табачные крошки. – У каждого человека есть что-то такое, ради чего жить. Хотя бы ради того, чтобы увидеть завтрашний восход солнца. – Он перегнулся через стол и потряс у Берка перед носом сигаретой, как мать грозит непослушному ребенку. – Ты убил Стюарта случайно. Из НОБН ты ушел по собственной воле, тебя никто не выгонял. А насчет твоего неудачного брака... По-моему, тебе давно было пора избавиться от этой женщины. Она мне никогда не нравилась.

– Я не для того тебе все рассказал, чтобы выслушивать от тебя подобные речи.

– Ишь ты. Я, конечно, перехожу границы, но я заслужил это право в ту самую минуту, когда ты вломился в мой дом с окровавленной женщиной на руках. Кроме того, – ворчливо добавил Дредд, – ты мне небезразличен, и мне бы не хотелось узнать, что тебе открутили твою дурацкую башку. – Тут голос его смягчился, хотя сострадание как-то плохо сочеталось с его жутковатой внешностью. – Я знаю, о чем говорю, Бейзил. Поверь мне. Дела могут идти хреново, но жизнь есть жизнь, а смерть есть смерть. Никогда не поздно сорваться с крючка и уйти.

Дредд был одним из тех немногих людей, которых Берк по-настоящему уважал. И он знал, что Дредд относится к нему так же.

– Хороший совет, Дредд. Ты настоящий друг. Но что бы

там ни случилось, я должен наказать Уэйна Бардо и Пинки Дюваля. Или же я умру, пытаясь это сделать.

– Не понимаю. Почему?

– Я тебе уже объяснял. Это месть. Дредд поднял на него тяжелый взгляд.

– Я тебе не верю.

– Ну что ж.

Берк взял кружку с кофе, тем самым давая понять, что разговор окончен.

Дредд и сам понимал, что спорить бессмысленно. Он встал и начал убирать со стола, складывая посуду в металлическую раковину.

– А с ней ты что собираешься делать?

– Ничего. Клянусь. Это я виноват, что ее ранили, черт бы меня побрал. Я не собирался причинять ей никакого вреда. Ей-Богу.

Дредд повернул косматую голову и изучающе поглядел на Берка.

– В чем дело, Дредд?

– Уж больно длинно отвечаешь на простой вопрос.

Дредд хитро прищурился, и Берк нехотя ответил:

– Дело не в ней, дело в нем.

– Ладно, ладно, я тебе верю. Я просто хочу знать, где ты собираешься ее держать, пока будешь заманивать Дюваля? Ты ведь намерен использовать ее как наживку?

– До некоторой степени. Я отвезу ее в мою рыбацкую хи-

жину.

Берк пользовался хижиной раза два в год, если удавалось вырваться на несколько дней. Перед этим он всегда заезжал в лавку Дредда, чтобы закупить продуктов, пива и наживку для рыбы.

Магазинчик Дредда стоял вдали от дорог, но заядлые рыбаки и охотники добирались сюда и частенько назначали это место пунктом встречи. К дому вела только одна проселочная дорога. Покупатели добирались сюда главным образом на лодках.

Особого дохода лавка не приносила, но Дредду хватало. Основные деньги он зарабатывал в сезон охоты на крокодилов. Он ловил их и продавал шкуры. Еще иногда, ради приработка, делал чучела.

– Кто знает о твоей хижине? – спросил Дредд.

– Только Барбара, но она там никогда не была. Она со мной не ездила, ее от одной мысли об этом тошнило.

– Еще кто?

– Мой брат Джо. Мы с ним пару раз ездили порыбачить на выходные.

– Ты ему доверяешь? Берк рассмеялся.

– Своему брату? Конечно, я ему доверяю.

– Тебе видней. Теперь скажи: что за тип этот Грегори?

– Он безвредный.

– А ты – полный кретин, – резко сказал Дредд. – Предположим, ему удастся выбраться из болота и крокодил его

не сожрет. Предположим, он начнет трястись, как бы Пинки Дюваль его не вычислил. И наконец, предположим, что он решит: а пойду-ка я лучше сам к Дювалю и тем самым спасу свою шкуру.

– Вряд ли.

– Почему же?

– Потому что Грегори – трус.

– У него хватило храбрости стащить мою лодку и уплыть по болоту.

– Он сделал это только потому, что меня он боится куда больше, чем диких зверей. Он думал, я его убью из-за этого балагана в кафе. Я ему столько раз грозил, что он поверил в угрозу. Ладно, черт с ним. Он выкарабкается и снова заживет своей игрушечной жизнью. Выбравшись из болота, он помчится со всех ног куда-нибудь подальше. К Дювалю он не пойдет.

– Как ты собираешься с ним связаться?

– С кем, с Дювалем? Ты чего-то не понимаешь, Дредд. Это он будет искать встречи со мной.

– Как же он это сделает?

– А это его проблемы. Но я подвергаю опасности и тебя, и себя, оставаясь тут. Поэтому я снова хочу тебя спросить: когда я смогу забрать ее отсюда?

Дуг Пату медленно спустил ноги со стола. Кофе уже остыл. Дуг прочитал заметку уже три раза.

Это была короткая статейка из «Таймс пикейн», двадцатая страница. В ней рассказывалось о драке в придорожном кафе в Джефферсоне. Замешаны два католических священника, жена известного нью-орлеанского адвоката и ее телохранитель. Согласно заявлению шерифа, инцидент был улажен, арестов не производилось.

В этой заурядной, на первый взгляд ничем не примечательной заметке внимание Пату привлекли два момента: во-первых, сколько, интересно, в Нью-Орлеане адвокатов, жены которых ходят с телохранителями. И во-вторых, в заметке промелькнуло, что один из свидетелей упомянул про странную привычку одного из священников сжимать и разжимать пальцы правой руки.

Пату нажал кнопку интеркома.

– Можешь ко мне зайти?

Через минуту в комнату пружинистой походкой вошел Мак Макьюэн.

– Что?

– Прочти-ка.

Пату подвинул к нему газету, ткнул пальцем в статью. Прочитав, Мак спросил:

– Ну и что?

– Ты, часом, никого не знаешь, у кого была бы странная привычка сжимать и разжимать правый кулак?

Мак медленно опустился на стул. Еще раз пробежал глазами заметку.

– Да, но он-то, черт возьми, не священник.

– Когда ты его видел в последний раз?

– Я тебе уже говорил. Пару дней назад. Он приходил ко мне ужинать.

– Как он выглядел?

– Обычно, как всегда.

– И, как обычно, был зол на Дюваля? Макьюэн бросил взгляд на газету.

– О черт!

– То-то и оно. – Пату потер затылок, словно ощупывая растущую лысину. – Берк не говорил, что он собирается делать?

– Он вообще не очень много говорил. Как всегда. Он вечно скрытничает. Сказал только, что хочет уехать на время и подумать, как жить дальше.

– Один?

– Вроде да.

– А куда?

– Сказал, что сам еще не знает.

– Ты знаешь, как с ним связаться?

– Нет. – Макьюэн нервно рассмеялся. – Слушай, Пату, это

полная чушь. Священник тоже может сжимать и разжимать кулак. И вовсе не доказано, что эта женщина – жена Дювалья. Она просто не могла ею быть. С телохранителем или без, Дюваль на пушечный выстрел не подпустил бы к ней Берка Бейзила.

– Верно. Они заклятые враги.

– Да даже если бы они и не были врагами. Из того, что я слышал о ней, она – красотка и намного моложе Дюваля.

Пату поднял брови, ожидая пояснений.

– Ну как же! Берк – крепкий, стройный, молчаливый. Бабы таких обожают. Красавчиком его не назовешь, но Тони сказала, что он – очень привлекательный. Я всегда думал, что это усы делают его неотразимым, а он вот и без них – хоть куда. И чего...

– Он сбрил усы? – У Пату противно заныло в желудке.

– Я разве тебе не говорил?

Пату встал и снял с вешалки синий пиджак.

– Ты куда? – удивленно спросил Макьюэн.

– В округ Джефферсон, – уже в дверях, не оборачиваясь, бросил Пату.

* * *

Въехав прямо в грязную лужу, машина Бардо притормозила у обочины.

– Это здесь.

Пинки с отвращением посмотрел на дом. Он знал дома подобного сорта: именно в таком он когда-то подобрал Реми, жившую там с матерью и маленькой сестрой. «Мерзкая дыра» – это еще слишком мягко сказано.

Всю ночь Дюваль напряженно думал, стараясь сообразить, кто же эти похитители, притворявшиеся священниками. Его подпольные агенты сбились с ног, разыскивая хоть крупицу информации о похищении. Пинки объявил, что тот, кто первый добудет какие-либо сведения, получит огромное вознаграждение.

Чуть ли не в сотый раз пересказывая подробности случившегося, Эррол вспомнил кое-что, о чем раньше не говорил.

– Тот тип, ну, отец Кевин, сам хотел прибить второго. Я слышал, он ему чего-то такое говорил о тюрьме.

– О тюрьме?

– Да. Я точно не помню, потому что у меня голова была занята одним: надо было скорее увести оттуда миссис Дюваль. Но вроде выходило так, будто отец Грегори уже делал такие вещи раньше и за это попал в тюрьму.

Телохранитель изо всех сил старался вернуть былое расположение Пинки. Версия о том, что похищение – месть обиженного бывшего зека, была вполне вероятной; но вполне вероятно было и то, что Эррол все это выдумал, желая выслужиться перед хозяином. Все равно Пинки не должен был отмечать этот след, поэтому его человек в НОБН составлял список рецидивистов по сексуальным преступлениям.

Служащий телефонной компании, работавший на Пинки, отследил номер, написанный на визитной карточке с эмблемой «Дома Дженни». Пинки уже знал, что никакого «Дома Дженни» не существует и в помине. Хоть секретарша и проверяла, она тоже оказалась одураченной ловкими мошенниками.

Как только Пинки доложили, что номер принадлежит телефону-автомату, они с Бардо помчались по указанному адресу. Наскоро собранная команда из четырех человек следовала за ними в другой машине.

Пинки настоял, что войдет внутрь вместе с Бардо. Дюваль хотел видеть собственными глазами, как будут умирать эти «священники» – чертовы ублюдки. Багровый от ярости и возбуждения, он вошел в замусоренный подъезд. Бардо оставил двоих у входа, а двоих других послал на задний ход на тот случай, если похитители попытаются вывести Реми по черной лестнице.

Прямо посреди вестибюля дрыхла дворняжка. Пинки испытывал странное чувство, что его водят за нос, что он словно следует указаниям похитителей. Ловушка с телефонным номером была уж совсем примитивной. Злоумышленник, планирующий столь дерзкое похищение, придумал бы что-нибудь посложнее. Значит, это намеренная подставка?

С другой стороны, Дюваль знал по опыту, что даже самые ловкие преступники иногда прокалываются на самых элементарных вещах и совершают самые глупейшие ошибки.

Слева от входа была стойка консьержа, но за ней никто не сидел. Бардо проследовал через загаженный вестибюль к висевшему на стене телефону-автомату и проверил номер. Потом обернулся и покачал головой. Пинки сделал ему знак идти наверх.

Стараясь не шуметь, они поднялись на второй этаж и в узком закутке, испещренном похабными надписями, увидели телефон. Здесь было совсем темно, и Бардо пришлось зажечь зажигалку, чтобы разглядеть пластиковую табличку с номером. Хищно оскалившись, он показал Пинки большой палец.

Пинки затрясло от возбуждения. Он мотнул подбородком к двери в конце коридора. Бардо громко постучал, а когда никто не открыл, вышиб дверь ногой. В комнате на кровати валялся мужчина, видимо мертвецки пьяный. Реми здесь не было. Судя по состоянию спящего и количеству пустых бутылок, он вряд ли был тем, кто им нужен. Кроме того, он не подходил по описанию ни под одного священника: толстый, рыхлый, лет шестидесяти.

Вторая комната была пуста и, судя по всему, давно не имела постояльцев. В третьей обитала женщина, которая при виде ворвавшихся мужчин начала громко кричать и быстро говорить что-то по-испански. Бардо с размаху закатил ей оплеуху.

– Заткнись, сука! – приказал он свистящим шепотом.

Она немедленно замолчала и прижала к себе плачущих и,

похоже, голодных детей.

Четвертая, последняя, комната оказалась тоже незанятой. Однако на кровати белел конверт, на котором было напечатано: «Пинки Дювалю».

Он схватил конверт и разорвал. На потертый ковер упал листок. Пинки развернул бумагу и прочел.

И тут же издал яростный рев, от которого сотряслись оконные рамы.

Бардо взял у него из рук записку. Грязно выругался.

– Они не посмеют.

Пинки выбежал из комнаты и бросился вниз по лестнице. Бардо едва за ним поспевал. Приказав своим людям ехать следом, Бардо рванул машину с места.

Пинки дрожал от ярости. Глаза его горели бешеным огнем.

– Я их убью. Они – покойники. Покойники.

– Но кто они? – прокричал Бардо, едва увернувшись от грузовика – Кто мог сделать это с Реми?

Реми. Его Реми. Его собственность. У него украли его собственность. Кто бы ни были эти ублюдки, смелости им не занимать – надо отдать им должное. Жаль только, что их смелость недолго еще им понадобится. Они умрут. Медленно. Мучительно. Умоляя сначала о пощаде, потом – о смерти. А все потому, что они украли у него то, что он создал своими руками.

У кладбища Лафайет со скрежетом остановились две ма-

шины, оттуда выскочили шестеро мужчин. Дюваль и Бардо подошли к высоким железным воротам. Пинки зашагал вперед, не дожидаясь Бардо и его людей. Он искал ряд, петляя между могилами, пока наконец не нашел номер, указанный в записке. Башмаки хрустели по гравии, изо рта Пинки вырывался пар.

Он сам не знал, что сейчас увидит. Останки Реми в пластиковом мешке около одной из могил? Ее кровь на каменном алтаре? Коробку из-под обуви с пеплом? Обезображенное одним из ритуалов вуду тело?

Как-то Пинки приказал Бардо вырезать у одной женщины лицо, положить его в коробку из-под пиццы и послать ее мужу, который без должного внимания отнесся к предыдущим предупреждениям. Сейчас Дюваль ожидал получить кошмарное послание в том же роде.

Он недооценил своего неведомого врага. Это человек умный, хитрый и очень хорошо знающий Пинки Дюваля, знающий, как им управлять. Он специально придумал эти зловещие поиски, заставив Пинки страдать от неизвестности и страха найти нечто ужасное.

Поскользнувшись на гравии, Пинки вдруг остановился как вкопанный. И тут он все понял.

Здесь не было окровавленного тела, но послание оказалось еще более вызывающим, чем записка на кровати. Сжав руки в кулаки, Пинки Дюваль стоял перед надгробием, на котором было написано:

Кевин Майкл Стюарт.

Глава 23

– Он меня убьет?

Дредд кормил Реми с ложечки супом. Он дернулся, пролил немного и, охая, промокнул ей губы салфеткой. Невнятно обругал себя за неуклюжесть, но на вопрос так и не ответил.

– Не прикидывайтесь, что вы меня не слышали, Дредд, – сказала Реми, отводя его руку с новой порцией супа. – Я не впаду в истерику. Я просто хочу знать. Он меня убьет?

– Нет.

Она ни на минуту не усомнилась в правдивости его ответа и с облегчением откинулась на подушки, которые Дредд подложил ей под спину, чтобы было удобнее сидеть. Реми полагала, что вполне может держать ложку сама, но Дредд настоял на кормлении, и сейчас Реми была рада, что согласилась. Раны болели уже не так сильно, но голова была одурманена долгим наркотическим сном. У нее не достало бы сил поднести ко рту ложку с супом, а между тем она была зверски голодна. В горячий и ароматный суп, court-bouillon⁴ (так назвал его Дредд), были добавлены кусочки рыбы, помидоры, лук и рис.

– Значит, он хочет получить выкуп?

⁴ бульон (фр.)

– Нет. Бейзила не интересуют деньги. – Дредд оглядел комнату, обставленную мебелью, притащенной с помоек. Подмигнув, он добавил: – Мы с ним не из таковских.

– Тогда чего он хочет?

– Тебе известно о друге Бейзила, о процессе Уэйна Бардо и обо всем этом деле?

– Мечь?

Он произнес что-то на нью-орлеанском французском диалекте и выразительно пожал плечами.

– Мой муж его убьет.

– Бейзил это знает.

Реми вопросительно посмотрела на него.

– Бейзилу наплевать, что его убьют, если он утащит за собой в могилу Дюваля. Я старался сегодня утром его образумить, но Бейзил ничего не желает слушать. Сейчас им управляет дьявол.

Надеясь заручиться поддержкой Дредда, Реми взяла его руку и крепко сжала.

– Пожалуйста, дайте знать властям. Сделайте это, Дредд, не ради меня, а ради самого мистера Бейзила. Еще не поздно все уладить. Или лад но, забудем о полиции. Позвоните моему мужу. Бейзил успеет исчезнуть, прежде чем Пинки доберется сюда. Я уговорю мужа не преследовать его. Пожалуйста, Дредд.

– Мне искренне хотелось бы тебе помочь, Реми. Но Берк Бейзил мой друг. Я ни за что на свете не предаю его.

– Даже ради его собственного блага?

– Он не так смотрит на это, милая. – Дредд мягко высвободил руку. – Для Бейзила это нечто вроде... миссии. Он дал себе обет отомстить за смерть Кевина Стюарта. И никто не сможет отговорить или переубедить его.

– Вы хорошо его знаете.

– Не хуже и не лучше других, я думаю. К нему в душу трудно залезть.

– Что он за человек?

Дредд задумчиво поскреб густую бороду.

– Жил в Нью-Орлеане один парень. Жил себе, поколачивал жену и трех ребятишек. Когда напивался – бил их смертным боем, а напивался он постоянно. Но каждый раз после ареста родственнички и друзья вытаскивали его из тюрьмы.

Однажды в полицию поступил звонок от соседей: мол, семейный скандал, дети кричат на всю улицу, будто их убивают. Дежурный полицейский прибыл туда один, без поддержки, потому что, во-первых, дети в опасности, а во-вторых, он думал, что уж как-нибудь сумеет справиться с пьяным придурком. Так что он вошел в дом один.

Когда все было кончено, истязатель лежал мертвый на полу в кухне, а его жена и дети, кажется, совсем не были огорчены таким исходом дела. Но полицейским, застрелившим того сукиного сына, занялся отдел внутренних расследований.

Понимаешь, эти чинуши решили, что полицейскому на-

доело смотреть, как тот козел использует жену и детей вместо боксерской груши; вот он и застрелил мучителя, только обставил это как акт самообороны.

А то, что алкаш бросился на полицейского с мясницким ножом, в расчет не принималось. Для полиции, видите ли, очень плохая реклама, когда при аресте происходит убийство. И так газеты разоряются про зверства полицейских. В общем, никто не встал на сторону того полицейского.

Никто, кроме Бейзила. Бейзил встал рядом, когда другие даже не хотели с ним разговаривать. Бейзил при всех демонстративно протянул руку человеку, который в тот момент нуждался в друге больше всего на свете.

Закончив свой рассказ, Дредд снял с коленей Реми поднос и отнес его на стол.

– А что с тем полицейским было дальше? – спросила Реми.

– Его заставили уволиться из полиции.

– И он открыл магазинчик рыболовных принадлежностей?

Дредд обернулся.

– Это было восемь лет назад. С тех пор я перестал бриться. Густая борода не могла скрыть улыбку.

– Это была самооборона?

– Да, но не это главное. Главное, что Бейзил поверил лейтенанту Дредду Мишу. Бейзил принял мою сторону и не делал из этого секрета, хотя популярности ему это не прибавило.

вило, наоборот.

Он подошел к кровати с ярко-синей бутылкой в руках. Открыл пробку, налил жидкость в чашку с чаем, который настаивался на ночном столике.

– Выпей это Я утомил тебя своей болтовней. Пора тебе снова заснуть.

– Что это? – спросила Реми.

– Название тебе все равно ни о чем не скажет.

– Наверное, это просто аспирин, растворенный в воде. – В дверях стоял Бейзил. – Но загадочная бутылка – это неплохо придумано, – весело добавил он. – Так ты похож на настоящего алхимика, Дредд.

– Много ты понимаешь, – огрызнулся Дредд. – Один глоток из этой бутылки сшибет тебя с ног, а потом еще проваляешься неделю, как после тяжелой болезни.

Комната и без того была маленькой, а когда Бейзил протиснулся к кровати, словно совсем сжалась.

– Как она?

– Почему бы тебе не спросить у нее самой? На самом деле Реми была рада, что Бейзил обращается не прямо к ней. Она старалась его не замечать.

– Где вы научились ходить за больными, Дредд?

– У моей бабки. Вы когда-нибудь слышали о *traiteur*?

– Это по-французски «лекарь», «знахарь»?

– Вы знаете французский? Казалось, Бейзил был у дивлен.

– И испанский, – ровным голосом ответила Реми, по-

прежнему адресуясь к Дредду. – Нью-орлеанский диалект довольно сильно отличается от французского, которому учат в школе, правда?

– Да уж, – хмыкнул он. – Когда мы разговариваем между собой, другие ни слова не могут понять. А нам это нравится.

– Расскажите про вашу бабушку.

– Она была жуткая, как черт. Когда я родился, она уже была очень старая. Мой отец – ее младший сын. Неизвестно почему, но старуха меня полюбила. Брала с собой на болото, когда ходила собирать разные травы для своих отваров. Она их знала великое множество. Людей лечила от всего на свете: начиная с желтухи и кончая ревностью.

– Она, наверное, была необыкновенной женщиной.

Дредд закивал седой головой.

– Знахарки здесь жили с незапамятных времен. Многие считали их ведьмами. А на самом деле это были женщины, знающие свойства различных трав и обладающие кое-какими экстрасенсорными способностями.

– Женщины?

– Главным образом да. Я – исключение из правил, – с гордостью заявил Дредд. – Я, конечно, не владею всеми секретами бабули Мишу. Но с тех пор, как переехал сюда, я потихоньку начал готовить самые простые снадобья.

Берк сказал:

– В один прекрасный день ты кого-нибудь отравишь.

– Только не сегодня, – парировал Дредд и крепко прижал

чашку к губам Реми. – Пей до дна, милая.

А вдруг Бейзил прав? Чай оказался таким горьким, что Реми засомневалась: вот сейчас она заснет и не проснется. Но Реми чувствовала инстинктивное доверие к Дредду, поэтому послушно выпила весь чай. Дредд взял поднос и направился к двери. На пороге он остановился и прорычал Бейзилу:

– Не утомляй ее.

Они остались одни. Реми избегала смотреть на своего похитителя. Уж лучше разглядывать шкуру крокодила, висящую на стене, или шестифутовую змеиную кожу. И вообще Реми предпочла бы остаться в комнате одна. Уже начала накатывать сонливость, но глаза закрывать не хотелось, когда он стоял тут и смотрел на нее. Под простыней на ней ничего не было. Реми не помнила, как произошло, что она раздета. И не хотела помнить.

– Если бы я и вправду думал, что он может вас отравить, я не привез бы вас сюда.

Он говорил тихо, но в маленькой комнатке его голос оглушал. Или же зелье Дредда притупило ее мозг, но обострило чувства.

Реми боролась с желанием взглянуть на Бейзила, но глаза поневоле опускались к другому краю кровати, где он стоял, опираясь руками о железную перекладину. Он чуть не всем телом на нее навалился, словно боялся, что кровать взлетит.

– Мои раны как нельзя более кстати, не так ли, мистер

Бейзил? Теперь я никуда не убегу.

– Я сожалею. Это не входило в мои планы.

– Но тем не менее это произошло по вашей милости.

– Да.

Он замолчал, но Реми ничуть не удивилась, что никаких извинений не последовало.

– Вы очень хорошо маскировались.

– Спасибо.

– А отец Грегори настоящий?

– Нет. Он актер, я его заставил мне помочь. Это из-за него вас ранили. Предполагалось, что из кафе уедем только мы с вами.

– Что вы с ним сделали?

– Ничего я с ним не сделал! – зло рявкнул Бейзил. – Когда я проснулся утром, его уже не было. Он ушел перед рассветом.

Реми не знала, верить или нет, но потом рассудила, что, если бы Бейзил собирался навсегда избавиться от отца Грегори, он сделал бы это вчера, когда буквально кипел от злости.

– Вам не удастся избежать наказания, мистер Бейзил.

– Я и не собираюсь.

– Тогда чего же вы добиваетесь?

– Душевного спокойствия.

– И все?

– Это немало.

Она взглянула в его непроницаемое лицо.

– А я?

– Вы останетесь в живых.

– Пинки вас убьет.

Он вышел из-за спинки кровати и шагнул к изголовью.

Протянул руку, на которой алели четыре глубоких следа от ее ногтей.

– Нет! – крикнула она. Преодолевая слабость, она вцепилась в его запястье.

– Отпустите.

– Что вам нужно? Не прикасайтесь ко мне.

– Отпустите, – повторил он.

Она оттолкнула его руку еще и потому, что уже не было сил сжимать ее. С ненавистью Реми смотрела, как он поднял руку и дотронулся пальцами до ее волос.

Потом быстро отдернул руку, и Реми увидела зажатое между большим и указательным пальцами белое перышко из подушки. Он разжал пальцы, и перышко кружась, медленно стало фланировать на пол.

– Вы меня боитесь?

Она следила за парящим перышком как загипнотизированная. Медленно отвела глаза и посмотрела на Берка.

– Да.

Он не торопился убеждать ее, что у нее нет для этого причин, просто принял сообщение к сведению.

– Больно?

Словно вспомнив, что ей дали снотворное, Реми закрыла глаза.

– Нет.

– Нигде?

– Нет.

– В уголке рта не болит? Там губа поранена.

– Разве?

– Вчера текла кровь.

– Ах да. Теперь вспомнила. Нет, не болит.

– А живот не болит от всех этих снадобий Дредда?

– Нет.

– Просто я подумал, может, вам не следовало пить эту дрянь. Вдруг это вредно... Ну... может, надо сказать ему о вашем выкидыше? Что вы потеряли ребенка?

– Если бы я все еще была беременна, тогда... Но...

Она поражение запнулась, но глаза уже совсем не слушались, веки были тяжелыми как свинец.

Он продолжал стоять у кровати без движения, только сжимая и разжимая правый кулак, и не мигая смотрел на нее, словно старался заглянуть ей в душу.

– Откуда вы узнали про моего ребенка?

* * *

Вернувшись, Дуг Пату ничуть не удивился, когда увидел в своем кабинете ждавшего его Пинки Дюваля. Не успел Пату

закрывать за собой дверь, как Дюваль бросился в атаку:

– Где вы шляли весь день?

Пату, зная причину ярости своего посетителя, решил обойтись без обычных вежливостей. Снял пальто, повесил на вешалку и уселся за стол.

– В Джефферсоне. Знаете, за последние сутки маленькое кафе на перекрестке дорог стало весьма посещаемым местом. Вы сами, кажется, побывали там вчера вечером.

– Так вы все знаете?

– Да, знаю. А вот чего я не знаю, так это зачем вы устроили идиотский спектакль перед шерифом. Почему вы не дали полиции пуститься по горячему следу?

– Свои проблемы я решаю сам.

– Это дело выходит за рамки только вашей проблемы, Дюваль.

– В вашу юрисдикцию оно тоже не входит, Пату. Вряд ли вам удалось что-нибудь узнать.

– Так-то оно так, но зато я провел пару часов в тамошнем участке. И шериф из профессиональной солидарности дал мне ознакомиться с протоколами допроса свидетелей. Еще я побеседовал с полицейским, первым прибывшим на место. И хотя вам удалось убедить всех, что инцидент благополучно разрешен, мне, например, совершенно ясно: вашу жену похитили. – Он помолчал, потом резко спросил: – Вам не кажется, что следует сообщить об этом ФБР?

– Нет. Потому что, когда я поймаю Берка Бейзила, я хочу

сам его убить.

От подобной наглости Пату передернуло.

– Дерзости вам не занимать. Надо же: у меня в кабинете заявлять такое. – Он выдвинул ящик стола и достал бутылку «Джека Дэниэлса». Выплеснул остатки утреннего кофе в мусорную корзину и налил виски в пластиковый стаканчик. – Тут где-то есть еще один стакан.

– Нет, спасибо. С легавыми не пью.

– Дерзости и наглости вам не занимать! Пату приподнял стакан, словно чокаясь, выпил, налил еще. После этого спросил известнейшего в городе адвоката, который совершенно бесстыдно заявил, что убьет полицейского – бывшего полицейского – за похищение своей жены:

– Как миссис Дюваль познакомилась с этими так называемыми священниками?

Дюваль рассказал все, что знал об афере с «Домом Дженни», и признался, что его собственный детектив уже отыскал тот дом, где находился телефон с визитной карточки. Выслушав историю с кладбищем. Пату криво усмехнулся.

– Похоже на Бейзила. И объясняет его мотивы. – Грустно покачав головой, он пробормотал: – Господи, он с ума сошел.

– Нет, он не сошел с ума, – подхватил Дюваль. – Если бы он сошел с ума, я бы его пожалел и убил быстро. Но этот чертов ублюгодок прекрасно понимает, что делает, поэтому я из него живого кишки выпущу.

– Не забываетесь, Дюваль! Помните, где вы находитесь.

– Я знаю, где нахожусь, и мне на это наплевать. Что бы я тут ни сказал, дальше этого кабинета оно не выйдет. Вы не больше моего хотите, чтобы тупоумный шериф или фэб-ээровцы вникали в курс дела. Вы же хотите соблюсти честь мундира, для вас важна репутация НОБН и вашего дружка Бейзила.

– Он уволился. Он больше не имеет никакого отношения к отделу, и я не несу за него никакой ответственности.

– Официально – да. Но если он так быстро свихнулся после увольнения, начальство может начать интересоваться: неужели прежде не замечалось каких-либо признаков помешательства? Почему не была проведена психологическая экспертиза после убийства Стюарта? Почему глава отдела наркотиков не обращал внимания на психическое и моральное состояние своего подчиненного? Понимаете, к чему я веду, Пату? Если первой Бейзила отыщет полиция, а не я, то вы окажетесь в дерьме по самые уши.

– Вы мне, кажется, угрожаете, Дюваль? – Я просто говорю все как есть.

– Если Берк Бейзил нарушил закон, он понесет соответствующее наказание.

– Еще бы.

Дуг пожалел, что Берка сейчас здесь не было. Он бы с удовольствием посмотрел на доведенного до истерики Дюваля. Надо же, и Дювалю, значит, свойственно нечто человеческое. Дугу было крайне приятно наблюдать, как сходит

с катушек всегда уверенный в себе адвокат. Мысленно Дуг Пату показал другу большой палец в знак восхищения.

– Убить Бейзила будет не так легко, как вам кажется, – сказал он. – Разве вы до сих пор не поняли, с кем имеете дело? Он – крепкий орешек. Такого не согнешь.

– Неужели? – презрительно фыркнул Дюваль. – Боюсь, и вы недостаточно хорошо его знаете.

– Может, и так, – согласился Пату. – Я никогда не думал, что Бейзил совершит нечто подобное. Но он это сделал, и вы оказались в весьма опасной ситуации. На соглашение Бейзил не пойдет. Жене вашей он вреда не причинит. Так что ее безопасность мне не внушает опасений. А вот ваша...

– Жалкий неудачник, изображающий святошу, меня не испугает.

– Напрасно. Бейзил очень умен. Намного умнее меня, и даже умнее вас, Дюваль, хотя вы, конечно, такой возможности не допускаете. И им движет чувство мести. Сильный стимул. С вашей стороны крайне наивно не бояться его.

Дюваль исподлобья взглянул на Пату, но возражать не стал.

– Кто второй?

– Второй священник? Понятия не имею.

– С чего мне начать поиски Бейзила?

– Понятия не имею. Но вряд ли он мог далеко уехать на микроавтобусе. Судя по описанию, это развалюха.

– Микроавтобус уже найден. Новость сразила Пату.

– Где? Кто его нашел?

– Мои люди. Микроавтобус нашли два часа назад. Его бросили полузатонувшим в болоте неподалеку от Хумы.

– А где машина сейчас?

– Вы этого никогда не узнаете.

– Дюваль, вы обязаны передать властям микроавтобус, являющийся серьезной уликой. Я настаиваю.

– Настаиваете? – передразнил адвокат. – Бросьте, Пату. Можете настаивать сколько угодно, все равно вы его не увидите.

Пату посмотрел на Дюваля и безнадежно покачал головой.

– Вы такой же чокнутый, как Бейзил. Но я не позволю... – Он потянулся к телефону, но Дюваль вырвал трубку у него из рук.

Пату вскочил на ноги и стал разъяренно наступать на Дюваля.

– Это переходит все границы допустимого, Дюваль, даже для вас. Я намерен известить обо всем ФБР.

– Пинки Дюваль не нуждается в ФБР.

– Не нуждается или боится? – Пату ткнул указательным пальцем Дювалю в грудь. – Вы не хотите вовлекать в это дело ФБР, потому что вам есть что скрывать. Если они начнут расследование, они могут позабыть о похищении вашей жены и заняться кое-чем покруче.

Поистине, Дюваль – чудовище без чести и совести, поду-

мал Пату. Адвокат стоял и спокойно улыбался. Когда он заговорил, голос его звучал холодно, вкрадчиво и зловеще:

– Осторожно, Пату. Ведь вы не хотите меня рассердить, правда? – Он спокойно отвел от себя руку Пату. – Я знаю, как вы цените ваше нынешнее положение в НОБН. Мне также хорошо известно ваше горячее стремление стать заместителем суперинтенданта полиции. Поэтому, я полагаю, вы немедленно займетесь поисками Бейзила и не успокойтесь, пока его не найдете, иначе ваша карьера окажется под угрозой.

Смыслом жизни для Дуга Пату была карьера. Уже очень давно он решил, что его жизненные планы несовместимы с семьей, поэтому сознательно пожертвовал и женитьбой, и возможностью завести детей. Все его помыслы сосредоточились на работе, на служебном росте. Безо всяких сожалений он сделал службу главным делом своей жизни. Поэтому он ею очень и очень дорожил.

Зная связи Дюваля, можно было не сомневаться: эти угрозы не пустые слова. А еще Пату знал другое: каждая произнесенная угроза Дюваля подразумевала десяток произнесенных. И вот этих-то произнесенных угроз следовало опасаться больше всего.

– Если я его найду, – медленно проговорил Пату, – и если Бейзил согласится прекратить эту безумную вендетту, дайте мне слово, что не тронете его.

Дюваль подумал мгновение, потом через стол протянул

Пату руку, словно скрепляя сделку, и сказал:

– Черта с два, Пату. Этот ублюдок забрал мою жену. Он умрет.

Глава 24

– Все готово, – сказал Берк, делая вид, что не замечает обращенных на него полных упрека взглядов.

Реми Дюваль сидела на ржавом металлическом стуле на веранде. Дредд удил рыбу, в углу его рта свисала сигарета. Дым смешивался с поднимавшимся от болота туманом.

– Только идиот может решиться на такое, – пробурчал он и насадил наживку на крючок.

– Ты мне это говорил уже сто раз.

Берк махнул Реми рукой, чтобы она поднималась на пирс. Там стояла маленькая лодка, в которую Берк загружал припасы из магазинчика Дредда.

– Неужели ты не видишь: она слаба, как котенок?

Дредд положил удочку, подошел к Реми и помог ей подняться. Они обошли стоявший посреди веранды унитаз, который в летнее время использовался как садок для рыбы, а все остальное время служил в качестве мусорного ведра для окурков, и взошли на причал.

Берк первым ступил в лодку и протянул Реми руку. От него не укрылось ее мгновенное колебание, но она все же оперлась на его руку и осторожно шагнула в утлую лодку. Сев на грубую доску, Реми вцепилась в деревянные борта и с ужасом посмотрела на мутную от клубящегося тумана воду.

– Через денек-другой я приеду за продуктами, – сказал

Берк Дредду, разматывавшему конец с причальной тумбы.

– Ты уверен, что не заблудишься? – Уверен.

– Если ты все-таки...

– Я не заблужусь.

– Ладно, ладно. – Дредд посмотрел на Реми. – Он будет о тебе заботиться, милая. Если не будет, ему придется иметь дело со мной.

– Вы были так добры, Дредд. Спасибо. В ее голосе было столько нежности, что Берк почувствовал себя отъявленным негодяем.

– Если раны у нее откроются... – обратился к нему Дредд.

– Ты уже говорил мне, что надо делать, – нетерпеливо перебил Берк.

Ответа он не расслышал и решил, что так оно и лучше. Все он знал наизусть, от первого до последнего слова, проповеди Дредда у него уже в печенках сидели.

Собственно, Дредда можно было назвать настоящим отшельником. Никого из близких у него не было. Но к Реми Дюваль он прикипел всей душой. Поразительная вещь, и Берк от души бы порадовался, если бы его это так сильно не раздражало. Казалось, Реми производит впечатление на всех мужчин, с которыми ее сводит судьба. Впечатление разное, но эффект во всех случаях одинаково сильный.

Не желая оставлять Дредда в плохом настроении, Берк сказал:

– Спасибо за все, Дредд.

Тот сплюнул в воду в нескольких дюймах от Берка.

– Поосторожнее там. Для них еще рановато, но недели через две они проголодаются.

Берк знал, что Дредд говорит о двух старых крокодилах, которых слишком любил, чтобы убивать. Было ли это правдой или выдумкой, чтобы отпугивать чужаков, Берк не знал. Махнув на прощанье рукой, он отчалил.

Включил мотор, взялся обеими руками за руль и, прежде чем свернуть в протоку, оглянулся. Дредд сидел на краю пирса, опустив на грудь седую бороду, босые ноги утонули в тумане по самые лодыжки.

– Неужели ему не холодно? – спросила Реми Дюваль, тоже смотревшая на Дредда.

– У него шкура давно задубела. С тех пор, как он сюда перебрался, другой одежды я на нем не видел. Вам холодно?

– Нет.

– Скажите, если замерзнете. Я захватил одеяло.

Она была вся закутана в тряпье, которое нашлось у Дредда, поверх накинут пластиковый плащ, так что вряд ли она могла замерзнуть. Но что-то с ней было не так. Она сидела прямая как столб, вцепившись в края лодки так крепко, словно от этого зависела ее жизнь.

– Вы можете руки занозить.

– Что, простите?

– Если вы будете так крепко держаться за борта, вы занозите ладони. Расслабьтесь. Мы идем на хорошей скорости.

По такой протоке большая лодка бы не прошла.

– Я не понимаю разницы. Я в первый раз так плаваю.

– Первый раз на болоте?

– Первый раз в лодке.

Он недоверчиво рассмеялся.

– Вы живете в городе, который практически стоит на воде, и ни разу не сидели в лодке?

– Нет, – резко ответила она. – Я никогда не сидела в лодке.

Сколько раз надо повторить, чтобы вы это поняли?

Ее резкий голос вспугнул пеликана. Он взлетел над гнездом, шумно хлопая крыльями.

– Тише, – сказал Берк.

Огромная птица пролетела в ярде от них, но потом решила поохотиться еще где-нибудь. Поднявшись над туманом, словно сказочное чудовище, пеликан скрылся в верхушках деревьев.

Кому-то болото представляется убежищем, кому-то – кошмаром, как посмотреть. Берк знал о таящихся на болотах опасностях и все же любил бывать здесь. Участь в колледже, они с друзьями часто устраивали развеселые вылазки. Сейчас, оглядываясь назад, Берк удивлялся, как им, молодым дуракам, удалось избежать опасностей. Но ничего более серьезного, чем похмелье, солнечные ожоги и укусы насекомых, им испытать не довелось.

Тогда, много лет назад, он пообещал себе, что накопит денег и купит в здешних местах хижину. Получилось так, что

они с братом скинулись и приобрели рыбацкий домик. Джо с удовольствием приезжал сюда на выходные поудить рыбу, но он никогда не разделял почтительного, почти мистического отношения Берка к болоту и его обитателям.

Сегодня утром оно казалось особенно грозным, каким-то сюрреалистичным: серая вода, голые, обросшие мхом деревья с угловатыми ветками, похожими на умоляюще протянутые руки, устремленные в стального цвета небо.

Человеку, не способному оценить мрачной, величественной красоты болота, оно должно было казаться кошмаром. Особенно если находишься в одной лодке с тем, кого ненавидишь и боишься.

Берк взглянул на Реми и встревожился: она не отрываясь смотрела на него.

– Откуда вы узнали про моего ребенка?

Прошлой ночью ему удалось избежать ответа на этот вопрос. Слава Богу, быстро подействовало снотворное. Глаза ее закрылись, голова упала на подушку, и Реми провалилась в глубокий сон.

Вчера ему почему-то вдруг пришло в голову: не повредят ли ей снадобья Дредда сразу после выкидыша? Не спровоцируют ли они новое кровотечение? Что там происходит с организмом женщины после подобного потрясения? Долго ли ей надо приходиться в себя, каковы последствия? Берк понятия не имел.

С тех пор, как в шестнадцать лет Берк впервые имел сек-

суальный контакт с женщиной, он старательно изучал терра инкогнита – женское тело. И весьма преуспел в этом деле. Разумеется, женитьба способствовала расширению кругозора. Методом проб и ошибок он узнал о кое-каких секретах, освоил терминологию. Он вполне сносно ориентировался в таких понятиях, как менструальные циклы, придатки, гормоны, задержки и прочее.

А о большем ему знать и не хотелось. Мужчине, если только он не профессиональный гинеколог, и не нужно досконально знать устройство женского тела. В женщине всегда заключена тайна, будоражащая мужчину со времен Творения. В ее теле заключены целые галактики, будоражащие воображение, внушающие то восторг, то удивление, то ужас.

Тут важен покров тайны. По крайней мере, Берк Бейзил был в этом убежден. И он не желал, чтобы его иллюзии разрушались. Он не хотел рассеивать магию женственности, так много значившую для него.

Тем не менее он должен был вчера спросить Реми Дюваль о ее выкидыше. Ради собственного спокойствия. Ему необходимо было увериться, что отвары Дредда не причинят ей вреда.

– Отвечайте, – потребовала она. – Откуда вы узнали о моем ребенке? Об этом не знал никто, кроме моего врача. Я не говорила ни одной живой душе.

– Говорили.

Он увидел, как недоумение на ее лице сменилось ужасом.

Она тихо ахнула и посмотрела на него, как на Антихриста. Глаза ее наполнились слезами, одна покатилась по щеке. Он сразу вспомнил, как текла кровь из ее губы. Вид этой одинокой слезы был душераздирающим.

– Вы слышали мою исповедь? Он отвернулся. Он был не в силах посмотреть ей в глаза.

– Как вам это удалось?

– Разве сейчас это имеет значение?

– Нет. Вы это сделали, и теперь не важно – как именно. – Помолчав, она добавила: – Вы – дьявол, мистер Бейзил.

На душе у него было погано. Но, чувствуя себя кругом виноватым, он зло огрызнулся:

– В чужом глазу соринку видим, не так ли, миссис Дюваль? Забавно слышать подобные обвинения от женщины, которая продала себя за богатство.

– Что вы можете об этом знать? Что вы вообще обо мне знаете? Ничего!

– Тихо! – шикнул на нее Берк.

– Я не знаю, что вы обо мне думаете. Мне наплевать...

– Заткнитесь! – рявкнул он. Выключил мотор и прислушался.

Ошибиться было невозможно слышался отчетливый гул вертолета. Берк снова включил мотор и на полной скорости двинулся к прибрежным зарослям. Лодка ткнулась носом в ствол дерева, росшего из воды, как сталагмит.

Берк положил руку на голову Реми и заставил ее при-

гнуться, чтобы не удариться о низкие ветки. Как только они оказались в зарослях, он выключил мотор и схватился за толстую ветку, чтобы лодку не отнесло дальше. К счастью, туман был довольно густой.

Реми завозилась и попыталась выпрямиться.

– Тихо.

Он продолжал смотреть на небо, не убирая руки с ее затылка. Вертолет кружился довольно низко. Слишком маленький, чтобы его можно было принять за вертолет, перевозящий нефтяников на буровые в море; а на полицейском вертолете были бы опознавательные знаки. На дорожно-патрульный тоже не похоже – здесь на несколько миль вокруг никаких машин нет. Учебный полет? Какой, к черту, учебный полет в такой туман.

Вероятнее всего, вертолет нанял Пинки Дюваль для розысков своей жены и ее похитителя.

Миссис Дюваль снова попыталась скинуть его руку.

– Он уже улетел. Отпустите. Она старалась говорить громко, хотя голос ее звучал глухо – лицом она упиралась в колени.

– Не двигайтесь.

Он прислушался, не возвращается ли вертолет.

– Я не могу дышать. – Она начала сопротивляться всерьез.

– Я сказал: не двигайтесь.

– Отпустите!

Чувствуя, что она запаниковала, Берк убрал руку. Реми

резко выпрямилась, но тут же ударилась головой о ветку. Лодка зловеще покачнулась, Реми испуганно вцепилась в край борта, что еще больше увеличило опасность. Берк схватил ее за плечи.

– Успокойтесь, черт вас побери. Иначе мы перевернемся. А вам это вряд ли понравится.

Он мотнул головой, и Реми оглянулась. В десяти ярдах от лодки, бесшумно рассекая воду, скользил аллигатор. Его злобные глазки-щелочки поблескивали над мутной поверхностью болота.

Она замерла и стала ловить ртом воздух.

– Я не могла дышать.

– Извините.

– Отпустите мои руки.

Настороженно поглядывая на нее, Берк потихоньку отодвинулся. Реми прижала руки к груди, стараясь умерить тяжелое дыхание.

– Делайте со мной что угодно, только не душийте меня.

– Я не собирался вас душить. Я просто хотел, чтобы вы не ударились головой о ветки. Она презрительно покачала головой.

– Я не такая дура, мистер Бейзил. Вы просто не хотели, чтобы я подала знак тем, кто сидел в вертолете.

– Ладно, вы правы. Я не хотел, чтобы вы подали знак. Но больше так не дергайтесь. Вы чуть не перевернули лодку. В следующий раз нам может не повезти.

– Я не больше вашего хотела бы оказаться за бортом. Я не умею плавать.

Он с откровенным недоверием посмотрел на нее.

– Я не такой дурак, миссис Дюваль, чтобы верить вам.

* * *

– Это он! Точно! Отец Грегори. – Расплывшись в победной улыбке, Эррол тыкал пальцем в фотографию Грегори Джеймса. Он уже несколько часов просматривал нелегально добытые досье НОБН.

Пинки весьма скептически отнесся к этим возгласам. Он вполне допускал, что Эррол все выдумал, желая реабилитировать себя в глазах хозяина.

– Грегори Джеймс, – прочел Пинки надпись на папке. – Кличек нет. Аресты за непристойное поведение. Один срок – условный, один – отбыт. – Он обернулся к одному из своих подручных. – Узнай, где он сейчас.

– Он с Берком Бейзилом и миссис Дюваль, – убежденно заявил Эррол, когда служащий бросился выполнять приказ.

– Ты не узнал Бейзила, хотя видел его на процессе Бардо. Почему я должен верить, что ты узнал отца Грегори?

– Бейзила я видел только один раз, и то издалека. И с отцом Кевином у него нет ничего общего. А насчет этого я уверен. Он даже имя свое собственное использовал.

– Помотрим, – неопределенно сказал Пинки. С Эррола

пот катился градом, пока они ждали. Наконец посланный вернулся.

– Все сходится, мистер Дюваль. Грегори Джеймс несколько месяцев назад отбывал срок в тюрьме. Выпущен досрочно.

– Вот, я же говорил!

– Ну что ж, я должен перед тобой извиниться, Эррол. Благодаря тебе мы установили личность таинственного отца Грегори.

Эррол просиял улыбкой. Пинки отпустил его, но попросил быть неподалеку на случай, если в нем возникнет нужда. Эррол вышел, чуть ли не поминутно кланяясь. Но дверь тут же отворилась, и вошел Бардо.

– Меня достал Дел Рей. Он здесь уже целый час. Говорит, что имеет важную информацию, но скажет ее только лично тебе. Примешь его? Пинки без особого энтузиазма кивнул. Дел Рей Джонс считался преступником разносторонним, но главной его специальностью было ростовщичество. Когда в Нью-Орлеане развился игорный бизнес, дела Делы Рея процветали, отчего его самомнение, и без того гигантское сверх всякой меры, невероятно раздулось.

Этот злой, подлый тип, похожий на хорька, великолепно владел ножом. Однажды он несколько увлекся, вышибая из одного из клиентов долг, и перерезал бедняге горло. Это было его первое и – к тому времени – единственное убийство. Напугавшись по полусмерти, Дел помчался к своему адво-

кату.

Пинки посоветовал ему скрыться на некоторое время, уверив, что исчезновение какого-то мелкого игрока вряд ли вызовет много шума. Адвокат оказался прав. Преступление осталось нераскрытым. Зато Пинки теперь знал, где похоронена тайна Дела Рея. В буквальном смысле слова.

Теперь, когда у Пинки Дюваля возникли проблемы, Дел горел желанием отплатить долг и продемонстрировать свою преданность и незаменимость. Бардо провел его в комнату. Пинки резко сказал:

– Советую тебе не терять зря время. Дел Рей облизнул губы, обнажив при этом ряд мелких острых зубов.

– Нет, сэр. Мистер Дюваль, вам это придется по вкусу.

Пинки скептически поджал губы. Чего ждать от такого никчемного типа, жалкого паразита? Да он родную мать продаст за доллар!

Но, к большому удивлению самого Пинки, интерес его все больше возрастал по мере того, как он слушал историю Дела Рея, излагаемую противным, визгливым голосом. Выслушав до конца, Пинки взглянул на Бардо. Тот буркнул:

– Занятно.

– Еще как, мистер Дюваль.

– Так займись этим.

– Да, сэр. – Улыбаясь своей крысиной улыбкой, Дел выкатился из комнаты. Бардо вышел следом.

Оставшись один, Пинки встал и потянулся. Рано утром

он принял душ у себя в офисе. Ромен принес из дома смену одежды. Все это его немного освежило, но все равно Пинки чувствовал себя очень усталым. Глаза слипались после бессонной ночи.

Он налил себе выпить. Обжигая избалованное дорогими винами нёбо, он залпом выпил виски. Потом стал размеренно шагать из угла в угол.

Все ли он учел? Не упустил ли чего? Кого еще из должников можно было привлечь, чтобы отыскать Реми и убить того сукина сына, который ее похитил?

Пинки использовал все доступные ему средства. Он задействовал огромное количество людей. Действуя с точностью и тщательностью бойцов-коммандос, они прочесывали город и окрестности, задавали вопросы, слушали сплетни. Но пока ни одной зацепки так и не появилось. Другие занимались исключительно Берком Бейзиллом: изучали его интересы, слабости, привычки. Над болотом кружил вертолет, но ему удалось обнаружить лишь брошенный микроавтобус.

На обшивке сиденья там обнаружили кровь.

Чью? Грегори Джеймса? Возможно. Согласно показаниям свидетелей деревенские обломы как следует ему наkostenяляли. Но у микроавтобуса было разбито заднее стекло. В обшивке застряла дробь. Значит, Реми тоже могло ранить, и обнаруженная кровь могла принадлежать ей. Пинки не стал рисковать и проводить экспертизу. Поэтому микроавтобус пришлось уничтожить.

Если Реми жива, но ранена, и если ее держат на болоте, ей сейчас очень и очень плохо.

А если нет?

Эта мысль предательски мелькнула в сознании Пинки, и вначале он даже не принял ее во внимание. Так, ощутил некоторый дискомфорт, ощущение чего-то неприятного, легкое беспокойство и предчувствие, что сейчас это смутное ощущение перерастет в нечто конкретное. Но, по мере того как шли часы, а никакой информации о местонахождении Реми не появлялось, никаких звонков с требованием выкупа не поступало, та кошмарная мысль начала разъедать сознание Пинки, словно раковая опухоль.

А вдруг Реми не похитили? Что, если она сбежала вместе с Бейзилом?

Предположение было совершенно абсурдным. Пинки сам был потрясен, что его подсознание выдвинуло такую диковинную гипотезу. Было совершенно очевидно, что для подобных подозрений у него нет ни малейших оснований. У Реми не было причин покинуть его. Он носил ее на руках. Давал ей все, что она желала.

Нет, это не совсем так.

Она хотела, чтобы они обвенчались в церкви, а он отказался. Таинство брака очень много значило для религиозной Реми. Пинки же заявил, что это глупости, как и остальная церковная дребедень. Религия – прибежище для женщин и слабых мужчин. Поэтому они сочетались гражданским бра-

ком в мэрии, без всей это мишуры.

По мнению Реми, они жили в грехе.

А еще она хотела ребенка. Пинки бесила одна мысль о том, что она раздуется как пузырь. Девять кошмарных месяцев блевания по утрам, уродства, никакого секса, и ради чего? Ради ребенка. Чуть какая!

Еще эта младшая сестра. Их взаимная нежная привязанность постоянно служила источником его раздражения и причиняла массу неудобств. К семейным связям он относился так же, как к религии. Человек самодостаточный в них не нуждается.

Но в то же время любовь сестер друг к другу была ему на руку. Он пользовался ею как рычагом давления на Реми, когда она сбивалась с правильного, по его мнению, курса.

Вернувшись из Джефферсона, где его жену видели в последний раз, Дюваль немедленно позволил в монастырь Святого Сердца. Ни словом не упоминая о похищении Реми, он навел справки и с облегчением узнал, что Фларра по-прежнему пребывает за надежными монастырскими стенами.

Реми никуда бы не уехала без Фларры. Эта несомненная истина ставила крест на идиотском предположении, что она сбежала с Бейзиллом. Да и вообще, где она могла с ним познакомиться? Где и когда Они смогли бы разработать столь хитроумный план? Пинки отрицательно покачал головой. Глупости. Она не убежала, ее увезли силой и против ее воли.

И сделал это Берк Бейзил. Именно этот сукин сын, кото-

рый рассмеялся Пинки в лицо в ответ на выгодное предложение, похитил его жену. Это установлено. Но Дюваль не знал, что Бейзил намерен с ней сделать.

Хотя и мог предположить.

Распалившись от одной этой мысли, он швырнул стакан в стену, тот разбился на мелкие кусочки. В комнату на шум ворвался Эррол. – Пошел вон!

Телохранитель трусливо юркнул обратно, осторожно притворив за собой дверь.

Пинки метался по кабинету, не зная, на чем сорвать свою злость. С того дня, когда он сторговался с Анджелой, Реми принадлежала только ему. Он поместил ее в монастырскую школу, зная, что там она сохранит невинность. Образование, конечно, вещь необходимая, но, по мнению Пинки, едва ли не более важным делом было обучить Реми этикету и светским манерам с тем, чтобы в дальнейшем она придавала еще больше блеска своему мужу.

После женитьбы он научил ее всему, что должна уметь женщина, желающая доставить удовольствие мужчине. Пинки сам выбирал ей одежду, обувь, драгоценности. Он вылепил ее собственными руками, создал исключительно для личного пользования.

Жена Пинки Дюваля должна быть такой же совершенной, как его орхидеи, его вино, его карьера. Вот почему он так сердился. Прежней Реми больше не существует. Он никогда уже не сможет наслаждаться ею, как прежде.

Даже если Бейзил ее и пальцем не коснется...

Но он, конечно же, коснется.

Так вот, даже если он этого не сделает, все будут уверены в обратном. А этого уже достаточно.

Нет, он не вынесет, если все вокруг будут думать, что его заклятый враг трахнул его жену. Пинки Дюваль никогда не был и не будет посмешищем.

В тот самый момент, когда Реми похитили, она уже стала безнадежно запачканной и испорченной, а стало быть – ненужной.

Следовательно, как и Бейзил, она должна умереть.

Глава 25

Хижина стояла на сваях – этакий бревенчатый островок посреди воды и болотной жижи, похожей на гороховый суп.

– Это, конечно, не «Риц», – причаливая, бросил Берк. Он привязал лодку к пирсу, потом помог Реми вылезти.

– Пирс связывает дом с полуостровом, – объяснил он, – но зимой, когда уровень воды выше, пирс оказывается под водой. Скоро совсем развалится.

На другой стороне протоки начинались заросли высоких кустов и болотных трав. С того места, где стояла Реми, твердой земли не было видно. Казалось, что вся растительность, даже деревья, растет на воде.

– Здесь глубоко?

– Достаточно глубоко, – сухо ответил Берк и передал ей бумажный коричневый пакет с продуктами. – Дверь не заперта. Захватите это, когда пойдете в дом.

Реми оставила его разгружать лодку и складывать вещи на пирсе, который едва возвышался над водой. По гулким старым доскам она шла к строению, которое Бейзил именовал домом, хотя уместнее было бы употребить слово «лачуга».

Реми отодвинула засов и вошла внутрь. Там было темно из-за закрытых ставен. Пахло плесенью. Даже в самых богатых домах в Южной Луизиане не так-то просто было бороться с вездесущей сыростью, что уж говорить про эту развалю-

ху.

– Я предупреждал, что роскоши здесь маловато. – Бейзил чуть подтолкнул ее в спину. – Поставьте пока мешок на стол. Прежде чем выгружаться, надо проверить наличие тараканов.

Реми сделала, как было велено, потом огляделась повнимательней. Фактически домишко состоял из одной комнаты, в углу виднелась дверца с нарисованной на ней круглой лунной – очевидно, туалет.

– Есть смыв, иногда он даже работает. Водопровод тоже имеется. Хотя вы, наверное, пьете только воду из бутылок. У западной стены – бачок для умывания. Купаться в болоте не рекомендую.

Реми метнула в него презрительный взгляд и открыла створки окна. День был серый, но все же в комнате немного посветлело.

У стены стоял потрепанный диван – явный дар Армии спасения. В центре комнаты – допотопный кухонный стол с пластиковым покрытием и ржавыми железными ножками. Такие же ножки были у трех стульев с ярко-голубыми клеенчатыми сиденьями. Холодильник отсутствовал, зато имелась двухконфорочная газовая плита.

– Электричества здесь нет, – словно читая ее мысли, сказал Берк. – Но можно пользоваться обогревателем на бутане. Дредд дал нам целый баллон. Вы замерзли?

– Заледенела.

Берк стал возиться с обогревателем, а Реми продолжила осмотр. Кроме шкафа, нескольких полок и стола, в комнате находилась большая двуспальная кровать, из которой торчали ржавые пружины. Бело-голубой чехол матраса был чудовищно грязным. Над кроватью висела противомоскитная сетка. В этот момент на кровать шлепнулась набитая бельем наволочка.

– Пока я избавляюсь от насекомых и прибираюсь, может, вы разберете кровать?

Радуюсь, что ей нашлось хоть какое-то дело, Реми вынула содержимое наволочки и с облегчением увидела обычное постельное белье, в том числе чехол для матраса.

– Сколько мы здесь пробудем? – Пока вас не найдет ваш муж. – Он найдет. – Я на это рассчитываю. – Вам следует также рассчитывать на то, что он вас убьет.

Берк ловко расставлял консервные банки по полкам. При этих словах он остановился и медленно повернулся к Реми.

– Я думаю, вам надо это знать. Совсем недавно я вертел в руках пистолет и раздумывал, не вышибить ли себе мозги. Я не сделал этого по одной-единственной причине: решил убить человека, повинного в гибели моего друга. Так что на собственную жизнь мне наплевать.

– Это неправда. В тот момент, когда придется выбирать между жизнью и смертью, вы выберете жизнь.

– Думайте что хотите. – Он безразлично пожал плечами и вернулся к прерванному занятию.

– А ваша семья?

– У меня ее нет.

– У вас нет жены?

– Больше нет.

– Понятно.

– Ничего вам не понятно. – Берк скомкал бумажный пакет. – Я сказал вам это не для того, чтобы поддержать светскую беседу. Просто хотел избавить вас от иллюзий: ни запугать, ни уговорить меня не удастся. Я прекрасно знаю, какой негодяй ваш муж. Что бы он ни предпринял, это не отвратит меня от мести за Кевина.

Зашвырнув пакет в угол, Бейзил вышел и направился к лодке за следующей порцией снаряжения. От работавшего нагревателя стало значительно теплее. Реми сняла шерстяную, траченную молью кофту Дредда. С кроватью было уже почти закончено. В коробке под кроватью лежало сложенное одеяло. Реми выдвинула коробку, достала его. Слегка принюхалась и пришла к выводу, что одеяло чистое, но нужно его вытряхнуть.

В дверях она столкнулась с Берком, тащившим тяжелый рюкзак.

– Вы куда?

– Вытряхнуть одеяло. Он снял с плеча рюкзак.

– Я вытряхну.

Энергично встряхнув одеяло несколько раз и убедившись, что насекомых нет, Берк протянул его обратно Реми.

– Держите.

– Спасибо.

Повернувшись, она вдруг услышала, как он выругался.

– Положите одеяло.

– Зачем, что случилось?

– Делайте, что говорят.

Не дожидаясь, Берк вырвал у нее из рук одеяло и одновременно повернул ее к себе спиной. Резким движением выдернул из брюк ее фланелевую рубашку и, прежде чем Реми успела что-либо сообразить, оголил ей спину.

– Что вы делаете?

– Рубашка на спине вся пропиталась кровью. Видимо, открылись некоторые ранки. Дредд меня убьет, если туда попадет инфекция. Сядьте. – Он подвел ее к стулу, надавил на плечи, усаживая. Она не послушалась. – В чем дело? – Вы – человек, который меня похитил, собирается убить моего мужа. Если я вас побаиваюсь, согласитесь, это вполне естественно. Он чертыхнулся.

– Вам я никакого вреда не причиню. Это понятно? Перестаньте дергаться каждый раз, когда я к вам подхожу. А теперь сядьте и повернитесь. Она присела на самый краешек стула. Все необходимое Дредд положил в холщовый мешок, который вместе с прочими вещами лежал на столе. Берк обмотал Реми рубашку вокруг шеи, чтобы не мешала. Реми придерживала ее скрещенными на груди руками. Берк пропитал ватный томпон антисептиком и начал промокать ран-

ки.

– Щиплет?

– Нет, – солгала она. Щипало нестерпимо, но Реми решила стоически вынести всю процедуру.

Он работал методически, молча: сначала очищал ранки, потом мазал каждую бальзамом. Действовал он неуверенно и преувеличенно осторожно.

В отличие от Дредда, в его прикосновениях не было ничего облегчающего, и ласково-ободряющих слов он не приготавливал. Неловкое молчание было еще неприятнее жжения.

– Вы часто сюда приезжаете?

– Не так часто, чтобы кому-то пришло в голову искать меня здесь. Так что не думайте, никто из друзей сюда не заглянет.

– Я не думала.

– Все равно.

– Обычно вы приезжаете сюда один?

– Иногда с братом.

– Для двоих тут слишком тесно.

– Мы бросаем монетку, кому достанется кровать.

– И проигравший спит на диване?

– Угу. – Кажется, экзекуция была окончена. – Ранки открылись когда вы застилали постель. Вы сегодня больше не напрягайтесь.

– А со мной?

– Что, «с вами»?

– Со мной тоже будете бросать жребий? Он не ответил, и она недоумевающе обернулась. Руками она по-прежнему придерживала рубашку. Реми посмотрела на Бейзила поверх обнаженного плеча, и вдруг до нее дошло: ее вопросы он мог воспринять как провокацию, даже заигрывание.

– Как будем кидать жребий, миссис Дюваль? Решка – я на диване, орел – выигрываю и постель, и вас? – В голосе его звучала издевка. – Я, видимо, должен чувствовать себя польщенным:

Дювалю вы продавали себя подороже. И все же – спасибо, нет.

* * *

– Миссис Дюваль?

Дел Рей придвинул лицо вплотную к собеседнику. – Я что шепелявлю? – Нет, но у тебя отвратительная манера брызгать слюной при разговоре.

Крошечные глазки-бусинки злобно сверкнули. – Уверен, если ты как следует подумаешь и постарайся, то раздобудешь информацию о миссис Дюваль.

– Миссис Пинки Дюваль?

– Вот видишь, ты все-таки что-то знаешь. – Просто удачная догадка. – Собеседник поджигал плечами, словно разминаясь. – Если ты о жене Пинки, так знай: я ее в глаза не видел и потому понятия не имею, о чем ты меня спрашива-

ешь. Ростовщик вскинул голову и недоверчиво ухмыльнулся. – Ну же, парень. Не надо врать старому Рею.

Мы с тобой давние друзья.

– Друзья, как же. Ты не друг, ты – чума.

– Ты меня ранишь в самое сердце. – Дел Рей прижал руки к груди. – Так ты и вправду ничего не знаешь о жене мистера Дюваля?

– Да.

– И даже не знаешь, что она пропала?

– Пропала?

– Здорово. В самом деле здорово. Очень искренно получилось. Если бы я не знал тебя как облупленного, я и в самом деле поверил бы, что моя новость тебя удивила.

Плечи у собеседника слегка напряглись. Он насторожился.

– Ну, кое-какие слухи до меня дошли, но ничего конкретного. А теперь уйди с глаз моих. Мы договорились на пятницу. И до тех пор я не желаю видеть твою поганую рожу.

Он отвернулся, и тут в руке Дела Рея блеснул нож. Прижав острие к щеке мужчины и уже не улыбаясь (если его кривой оскал можно было назвать улыбкой), он процедил:

– Только тронь свою пушку, я успею тебе всю рожу расписать.

– Ты дал мне срок до пятницы, – проговорил мужчина, едва шевеля губами. – Тогда и получишь деньги.

– Ты мне это уже в прошлый раз обещал.

– На этот раз точно. Я их уже собираю.

– Не врешь?

– Богом клянусь.

– Знаешь, чего я тебе скажу. – Дел Рей отвел руки и хлопал рукояткой ножа б ладонь, словно обдумывая только что пришедшую в голову мысль. – Если ты пойдешь сейчас со мной, то я могу попросить кое-кого заплатить твой долг.

– Заплатить мой долг?

– А ты говоришь, я тебе не друг. Не стыдно? – Он кивнул головой в сторону «Кадиллака», припаркованного у тротуара. – С тобой хочет поговорить мистер Дюваль.

– Пинки Дюваль хочет со мной поговорить?

– Ага. Правда, любезно с его стороны передать приглашение через меня?

* * *

– Рад, что вы так быстро прибыли, мистер Макьюэн.

Мак вошел в роскошно обставленный кабинет.

Следом за ним появились Дел Рей Джонс и Уэйн Бардо. Похоже на ров со львами, подумал Мак. А кто здесь Даниил, догадаться и вовсе нетрудно. На чьей стороне сила – тоже можно голову не ломать.

Стараясь казаться беззаботным, он сел на указанный стул. Дел Рей и Бардо встали по бокам, точно стража. Мак посмотрел прямо в глаза адвокату.

– Итак, Дюваль, вот он я. Что вам нужно?

– Я хочу вернуть мою жену.

– Вернуть? – Мак изобразил смешок. – Вы ее потеряли?

У меня ее нет, можете хоть сейчас меня обыскать.

Дюваль явно не оценил шутку.

– Веселье здесь неуместно, Макьюэн. Ее похитили.

– Да что вы говорите? – воскликнул Мак.

Обернулся, посмотрел сначала на Дела Рея, потом на Бардо, поднял брови, всем своим видом показывая, какое сильное впечатление произвела на него эта новость. Потом снова посмотрел на Дюваля. – Похищение человека – федеральное преступление. А чего вы хотите от меня?

– Нетрудно догадаться. Я знаю, кто ее похитил. Берк Бейзил.

И хотя Мак давно уже сам обо всем догадывался и был готов к подобному сообщению – только слова Дюваля окончательно убедили его в том, что дело обстоит именно так.

Дуг Пату был какой-то дерганый с тех пор, как прочитал о происшествии в округе Джефферсон. Когда Мак начал его спрашивать, Дуг накинулся на него, как последний псих, в подробности вдаваться не стал и заявил лишь, что это дело не имеет никакого отношения к полиции. Официально, разумеется, было именно так, но Мак сразу понял, почему Пату так нервничал: Дуг боялся, что здесь замешан Бейзил.

У Бейзила имелась довольно веская причина мстить Дювалю. Но как-то он уж больно круто взялся. Может, здесь не

одна только месть, подумал Мак. Тогда совсем паршиво. Он решил, что лучший способ выведать у Дюваля побольше информации – прикинуться тупым.

– А почему вы решили, что это Бейзил похитил вашу жену? Зачем она ему понадобилась? А-а! Он хлопнул себя по лбу, изображая внезапное прозрение. – Это месть за Кева Стюарта.

Дюваль взглянул на Бардо и пожал плечами. Мак занервничал, ибо жест был понятен без слов: я хотел по-хорошему, но ничего не получается.

– Макьюун. Я устал, я зол. И потому без церемоний перехожу прямо к делу.

– Прекрасно. По-моему, это правильно: дело есть дело.

– Вы задолжали Делу Рейю около пятидесяти тысяч долларов, так?

Когда в банке пригрозили закрыть кредит в случае невыплаты ссуды, Мак почувствовал себя крепко зажатым в тиски. Он не мог признаться Тони, что вместо того, чтобы аккуратно выплачивать долг, он проигрывал эти деньги. Не мог сказать, что уже нельзя пользоваться перерасходованными кредитными карточками.

Отчаянно нуждаясь в деньгах, он искал помощи, каковая явилась в поганом образе Дела Рея Джонса. Дел Рей одолжил ему денег, которые Мак проиграл на Суперкубке. Отдать деньги в срок не получилось, и Дел Рей одолжил еще. Потом еще.

Макьюэн торжественно поклялся себе, что если он выйдет из этого здания собственными ногами, целый и невредимый, то больше в жизни не будет играть. Никогда и ни во что. Ни на скачках, ни в «блэк джек», ни в покер. Даже в домино. Господи, даже монетку бросать перестанет!

Поскольку Дювалю все было известно, не было смысла отпираться.

– Скорее все же тысяч тридцать пять.

– К завтрашнему дню долг составит пятьдесят тысяч, – проинформировал его Дюваль. – А к послезавтрашнему снова возрастет. Или же... – Он сделал паузу, желая подчеркнуть весомость дальнейших своих слов. – Или же ваш долг будет аннулирован. Как если бы вы заплатили сполна. Выберите.

Сердце Макьюэна отнюдь не затрепетало от радости. Слишком уж хорошо это звучало, чтобы оказаться правдой. Уж Маку ли не знать, какими методами пользуется Пинки Дюваль.

– А что взамен?

– Бейзил. Макьюэн невесело хмыкнул.

– Но я не знаю, где он!

– Пораскиньте мозгами, прикиньте.

– Он со мной ничем не делился, даже когда мы вместе работали. – Мак сам слышал, как дрожит его голос. – А после увольнения – тем более.

– Он приходил к вам ужинать за день до похищения.

Маку сдавило горло. Господи, они все знают.

– Просто приятельский ужин, в знак прощания. Вот и все.

– Он изложил вам план похищения?

– Господи Боже, нет! Мистер Дюваль, Бейзил никогда ни с кем не откровенничал. Особенно после гибели Кевина Стюарта. Всегда держал рот на замке. Даже с Пату. Правда. Бейзил всегда один.

– Да, – рявкнул Дюваль, – а сейчас он с моей женой!

– Мне ничего об этом не известно. Вы зря теряете время. – Мак встал, повернулся к двери, взглянул на Дела Рея. – Зря проездил, козел. Я же тебе говорил, что ничего не знаю об этом деле. А деньги свои получишь в пятницу, как я и говорил.

Мак пошел к выходу.

– Подумайте до завтра, Макьюэн, – сказал ему в спину Дюваль. – Поройтесь в памяти. Может, Бейзил говорил что-то такое, о чем вы сразу не вспомнили.

Мак повернул ручку двери.

– Я не знаю, где Берк Бейзил. Действительно не знаю. Не тратьте зря время.

– Мистер Макьюэн!

– Что? – Злость и страх душили Макьюэна. Где он возьмет эти чертовы пятьдесят тысяч? Да еще к пятнице? С Делом Реем еще можно было говорить об отсрочке, но Дюваль – совсем другое дело. Он обернулся и с вызовом – хотя на душе кошки скребли – глянул в лицо адвоката. – Что еще,

Дюваль?

– Передайте мои наилучшие пожелания вашей жене.

У Мака чуть сердце из груди не выпрыгнуло.

– Моей жене? – хрипло переспросил он.

– Тони – такая цыпочка.

Мак перевел взгляд на Бардо, который сопровождал свои слова похабным жестом. Дел Рей мерзко хихикнул.

Мак медленно закрыл дверь. Не снаружи – изнутри.

Глава 26

На мгновение Грегори показалось, что он снова на сцене, хотя луч прожектора был неярким, а свет – рассеянным. Слышались аплодисменты. Не овация, конечно, хлопки довольно сдержанные, но и на том спасибо.

Однако, поморгав и сфокусировав взгляд, Грегори обнаружил, что он вовсе не в театре, а луч прожектора оказался отражением луны в мутной воде. За аплодисменты он принял мерное постукивание лодки о какое-то твердое препятствие, корягу, что ли. Нет, это было дерево, растущее прямо из воды; оно походило на какое-то жуткое полузатонувшее чудище. Но Грегори было наплевать. Парадоксально, но кошмарность ситуации, в которой он очутился, притупила все чувства, даже страх.

Болото обладало свойством поглощать время, особенно в такие вот хмурые дни, когда, от рассвета до заката, из всех красок в природе существовали только различные оттенки серого. По прикидкам Грегори получалось, что прошло около тридцати шести часов с того момента, как он сбежал из дома Дредда, прошмыгнув мимо оглушительно храпящего косматого монстра.

Бейзил находился в другой комнате, спал на стуле у кровати миссис Дюваль, уронив голову на грудь. Это Грегори видел, уже когда крался мимо окна. Он боялся Бейзила, даже

когда тот спал, и не без оснований: на коленях спящего безвольно лежала рука с пистолетом, которым Бейзил размахивал во время похищения.

Едва не подвывая от ужаса, Грегори пробрался к скользкому причалу и шагнул в лодку, которую заметил накануне. Только отвязав веревку и оттолкнувшись, он вдруг заметил, какая лодка маленькая. В какой-то момент он запаниковал: вдруг в ней пробито дно и она потонет? Не выкинул ли Бейзил штуку вроде испанских конкистадоров, сжигавших корабли, чтобы их войско не сбежало обратно?

В первые кошмарные минуты он сотню раз порывался вернуться назад. Но нет: Бейзила он все же боялся больше, чем болота. Грегори предпочитал неизвестный страх возможности погибнуть от руки Бейзила; а этот псих убьет – не поморщится.

Примерно через полчаса плавания Грегори наконец убедился, что дырки в днище нет и можно не опасаться потонуть в этой мерзкой жиже. Мотора у лодки не было, поэтому он просто греб веслами куда глаза глядят, пока не заныли спина и плечи. Грегори пугался каждого звука. Каждая мотнувшаяся тень приводила его в ужас. Глаза наполнялись слезами отчаяния, но он греб вслепую, двигаясь по этому враждебному водному пространству безо всякого направления и убеждая себя, что сумеет сориентироваться, когда взойдет солнце.

Но появившееся солнце только увеличило его беспо-

койство. Дневной свет обнажил опасности, доселе щадяще скрываемые темнотой. Каждый всплеск воды теперь таил в себе ужасающую конкретность: то выброс ядовитого газа, то злобного крокодила, проплывавшего едва ли не рядом с лодкой. Со свирепым клекотом, почти касаясь поверхности воды, летали громадные птицы.

А еще сводила с ума монотонность окружающего пейзажа. Каждый раз Грегори надеялся, что вот за тем поворотом он наконец увидит перемены в этом адском единообразии. Но он плыл, плыл уже, кажется, много миль и видел только одно: тусклый свет и скользящие тени.

К полудню первого дня он понял, что безнадежно заблудился. Накатила невероятная усталость: ведь он не спал всю прошлую ночь. Избитое тело болело сильнее, чем накануне. Один глаз совершенно заплыл. Распухшие ноздри мешали дышать, и из носа то и дело текла кровь. Грегори осторожно ощупал кончиками пальцев губы – они вздулись и болели.

Болело, впрочем, все: и внутри, и снаружи. Он отдал бы сейчас миллион долларов за таблетку аспирина; но, даже если бы она у него вдруг оказалась – он не смог бы выпить ее без воды. Убегая, он был уверен, что скоро – ну, часа через два-три – выберется из болота, поест и уедет в Нью-Орлеан; поэтому не захватил с собой ничего из провизии, а главное – не взял воды.

Но отсутствие еды представлялось не таким страшным делом по сравнению с вероятностью за – гнуться здесь одному,

среди дикой, отторгающей его природы. Какой бесславный конец для мальчика, выросшего в довольстве и благополучии, отпрыска богатого американского семейства!

Но, когда Грегори оказывался у берега твердой земли, он не пытался выбраться на сушу. Самым ужасным периодом его жизни – не считая последней недели – было пребывание в летнем лагере, куда его отправили однажды, чтобы «закалить душу и тело». Бойскаута из Грегори не вышло. Через две недели отчаявшееся начальство позвонило родителям мальчика и пообещало вернуть деньги, уплаченные за путевку, если его отсюда заберут.

Даже опытные охотники и рыболовы часто становились жертвами болота и живущих на нем тварей. Грегори читал в газетах о подобных жутких случаях. Люди исчезали, и родные даже не ведали, какая горькая участь постигла их несчастные души. Если Грегори Джеймс не смог продержаться в летнем лагере, то уж где ему выжить на болоте: он не обладал для этого ни физическими, ни моральными, ни эмоциональными качествами. Поэтому для него брести через трясины пешком было равносильно самоубийству.

Пока он в лодке, у него остается хоть какой-то шанс. Это, конечно, не катер с мотором, но по крайней мере своего рода плавучий остров, относительная гарантия безопасности. Лодка защищает его от прямых контактов с крокодилами и ядовитыми змеями.

Но тянулись часы, и его надежды на спасение угасали.

Грегори не помнил уже, в какой момент он сдался, сложил весла, лег на дно зловонной лодки и стал ждать смерти. Может быть, это было вчера, но он очень смутно помнил прошедшую ночь. И когда хмурые облака разразились дождем, вчера или сегодня?

Сейчас снова наступила ночь. Из-за облаков изредка выплывала луна. Это было красиво. Мерцающий лунный свет придавал пейзажу некое подобие романтики. Если удастся заснуть, может, он снова увидит себя на бродвейской сцене в главной роли. Зрители будут восторженно хлопать и восхищаться его игрой.

Внезапно дремоту рассеял яркий свет, слепящий даже через закрытые веки. Грегори инстинктивно прикрыл глаза ладонью. Он услышал обращенные к нему слова, но не понял их смысла. Попытался что-то сказать сам, но не смог произнести ни звука.

В луче света появились огромные руки. Они вынули его из лодки и бесцеремонно бросили на сырую землю. Как мягко лежать на теплой грязи! Грегори свернулся калачиком, попробовал снова заснуть и увидеть тот же сон.

Но его перевернули на спину и усадили. Прижали что-то к губам, и Грегори вскрикнул от боли и страха. Потом начал жадно, захлебываясь, пить, резко закашлялся.

Откашлявшись, он попробовал заговорить:

– Сп... спасибо.

Губы едва слушались, словно после посещения зубного

врача. Грегори провел по ним языком и ощутил привкус крови.

Ослепивший его свет, к счастью, погасили, но было достаточно светло, чтобы разглядеть заляпанные грязью высокие сапоги его спасителей. Штанины засунуты в сапоги. Совершенно некстати Грегори подумалось, что он никогда в жизни не засовывал брючин в сапоги.

Он пытался произвести в голове сложное вычисление: четыре сапога – значит, два человека.

Они говорили между собой тихими голосами, и Грегори не разбирал слов. Он слегка запрокинул голову, желая снова поблагодарить их за спасение, но, когда увидел их лица, слова замерли на его распухших губах и он потерял сознание.

* * *

– Который час?

При звуке ее голоса Берк обернулся. Она сидела на кровати и терла глаза ладонями.

– Скоро шесть.

– Я спала так долго?

– Наверное, еще продолжают действовать снадобья Дреда.

Она вышла в туалет. Вернувшись, налила себе стакан воды и медленно выпила. Потом сказала:

– Вы слишком сильно растопили жир. Конечно, он не

шеф-повар, но он раньше уже жарил рыбу, и получалось вполне съедобно.

– Кто научил вас готовить? – спросил он.

– Я самоучка. Правда, мне не часто приходилось это делать, но я помню основные правила. И если вы немедленно не прикрутите газ, масло сторит прежде, чем поджарится рыба. Давайте лучше я сама.

– Ага, а потом возьмете и плеснете мне раскаленным маслом в физиономию и сбежите.

– Вообще-то, мистер Бейзил, я хочу есть. Мне надо подкрепиться перед побегом. Кроме того, я сомневаюсь, что смогу поднять эту тяжеленную сковороду, хотя бы даже обеими руками.

На сковороде, почти до середины наполненной кипящим маслом, жарились, вернее, подгорали куски рыбы. Берк критически поглядел на них и подумал, что у Реми вряд ли хватит сил воспользоваться сковородой в качестве оружия. Поэтому он отошел и позволил ей занять место у плиты.

– Вы ловили рыбу?

– Да, днем.

– Если не возражаете, я начну сначала. Снимите, пожалуйста, сковородку с плиты.

Он исполнил ее просьбу, она тем временем прикрутила газ и вынула из кипящего масла шумовкой обугленные куски рыбы. Положив их остывать, она потрогала пальчиками муку, смешанную с сухарями.

– Солили? – М-м, нет.

– Приправы какие-нибудь добавляли? Он помотал головой.

Над плитой на узкой деревянной полке стояли баночки со специями. Реми взяла кайенский перец. Берк поспешно отступил, и она рассмеялась.

– Полицейский сражен кайенским перцем, – Прорекламировала она и поперчила муку. – Так и вижу заголовки во всех газетах.

– Я уже не полицейский.

– Верно, вы теперь перешли на противоположную сторону и стали преступником.

– Я совершил только одно преступление. Пока.

– По-моему, похищение человека – слишком круто для дебюта.

– Вы что, издеваетесь, миссис Дюваль? Вам это кажется забавным? – Удивленная его тоном, она обернулась. – Вам представляется смешным, что Уэйн Бардо уже успел убить двоих человек, после того, как ваш муж добился его оправдания? То есть про двоих нам известно наверняка. Обхохочешься, правда? Что же вы не улыбаетесь? Кевин Стюарт погиб, и двое его сынишек теперь никогда не узнают, каким отличным парнем был их отец. В следующий раз, когда захочется посмеяться, вспомните о них.

– У Пинки такая работа: добиваться оправдания клиентов. Как и у любого другого адвоката.

– Я смотрю, он вас хорошо воспитал. Но, видимо, имел дело с хорошо подготовленной ученицей. Ведь вы очень рано усвоили уроки вашей матери-шлюхи, вот и зацапали богатенького да влиятельного мужа.

– Вы не имеете ни малейшего понятия о том, что говорите.

– Ошибаетесь, миссис Дюваль. Я все знаю об Анджеле, о ее работе танцовщицей в стриптиз-клубе, а также о том, что она подрабатывала проституцией – привычка к наркотикам съедала много денег.

Его слова явно подействовали на нее, но Берк не мог разобратся – как. Она удивлена, что он столько о ней знает? Рассержена, что он выкопал прошлое, которое она старалась забыть? Ей стыдно или она взбешена? Непонятно.

– Если вы все это знаете, то почему же не можете понять, что я хотела вырваться из такой жизни? – огрызнулась Реми. – Если бы не Пинки, я и Фларра...

– Фларра?

– Моя сестра.

Сестра? Как же он мог упустить это из виду? Потом вспомнил, что она ездила в привилегированную школу для девочек. – Сколько ей лет?

– Шестнадцать. Но она была совсем крошкой, тогда Пинки забрал нас от матери. – И Анджела просто так взяла и отдала вас ему?

– Не совсем так.

– А как?

Она попыталась отвернуться, но Берк встал прямо перед ней.

– Как вы связались с Дювалем?

– Я думала, вы сами все знаете, мистер Бейзил, – криво усмехнулась она.

– Во всяком случае, могу приблизительно описать, как это происходило.

– Валяйте.

– Анджела танцевала в одном из его клубов, но он платил ей не только за танцы. Он был одним из ее клиентов. В один прекрасный день он увидел вас и решил, что вы лучше, чем ваша мамочка. Анджела велела вам на практике использовать все то, чему она вас научила, и пообещала: если получится, у вас в капкане окажется очень богатый дяденька. Ну как, правильно?

Реми опустила голову, словно от стыда и раскаяния, но это продолжалось какую-то долю секунды. Она с вызовом посмотрела на Берка глазами, сверкающими от злых слез.

– Анджела действительно многому научила меня, мистер Бейзил. В шесть лет я уже воровала для нее сигареты. В восемь лет воровала еду, чтобы было чем поужинать. Но Анджеле этого показалось мало, и она попросила одного своего клиента обучить меня шарить по карманам. Он говорил, что у меня настоящий талант к этому делу. Пальцы у меня очень ловкие. Я превзошла своего учителя и была этому очень рада. Ибо к тому времени родилась Фларра, и деньги

были очень кстати: надо было покупать молоко и всякие другие вещи. Она помолчала, смахнула со щеки слезы.

– Но денег все равно не хватало. И иногда Анджела отбирала их у меня, чтобы потратить их на наркотики, прежде, чем я успевала купить еду. Приходилось рисковать, воровать больше, чем позволяла осторожность. Однажды на улице я залезла не в тот карман. Пинки Дюваль бежал за мной до самого дома, хотел схватить и отвести в полицию. Но когда он увидел, как мы живем, – передумал.

– И Дюваль предложил Анджеле сделку. Он забудет об украденном бумажнике в обмен на вас.

– В обмен на меня и Фларру. Мать согласилась, что он будет нашим опекуном.

– Еще бы она не согласилась! Она же видела, что представляет собой Дюваль. Видела, как горели у него глаза при взгляде на ее аппетитную дочку.

– Все было не так, – резко мотнула головой Реми.

– Ну да, Пинки Дюваль стал вашим опекуном по доброте сердечной, из христианского милосердия, – хохотнул Берк. – Даже вы сами в это не верите. Почему же вы думаете, что поверю я?

– А зачем тогда ему понадобилась Фларра?

– Он хотел сохранить видимость приличий. Вряд ли судья проглотил бы историю с опекуном хорошенькой молодой девочки-подростка, а две несчастные сиротки – это совсем другое дело.

Может быть, оттого, что он вспомнил, как семья Кева Стюарта отвергла его дружбу, может быть, оттого, что в душе вдруг шевельнулась жалость к Реми и маленькой Фларре, а может быть, из-за внезапно нахлынувшего чувства собственной вины, – но Берк вдруг ужасно разозлился. Ярость захлестнула его жаркой волной. Ему захотелось обрушить на голову Реми Дюваль самые страшные оскорбления. Захотелось, чтобы хоть кто-нибудь на этой земле испытал настоящую боль, когда сердце сжато словно колючей проволокой. Пусть кто-то еще помучается так же, как он не переставал мучиться с тех пор, как убил своего друга.

Он шагнул ближе, так, что мог видеть свое отражение в ее темных зрачках.

– Вы приукрасили это для себя, но и тогда, и теперь вы прекрасно знали, чего хотел Дюваль. Он хотел заполучить молодую шлюшку, обученную старой профессионалкой.

– За что вы меня ненавидите?

– Ручаюсь, ваша девственность была обговорена заранее. Дюваль вернул бы дочку обратно, не окажись она невинной, как утверждала Анджела.

– Не смейте со мной разговаривать в таком тоне!

– Интересно, он подождал денек-другой, или попробовал вас в первую же ночь?

Реми швырнула горячую шумовку ему прямо в лицо и бросилась к выходу.

Капли раскаленного жира попали ему в глаза. Закрыв ли-

цо руками, Берк пошатнулся, но все же ему удалось добратъся до двери. Когда он ее от – крыл, на голову ему обрушилось что-то тяжелое, и Берк рухнул на колени. Страшный удар повторился.

Он рухнул на пирс лицом вниз и потерял сознание.

* * *

– Нэнси?

Нэнси Стюарт загоняла расшалившихся сыновей в машину. Услышав свое имя, она оглянулась и удивленно воскликнула:

– Дуг! Ты что здесь делаешь?

– Да вот, пришел посмотреть на тренировку твоих подрастающих чемпионов.

– Лично мне кажется, что для бейсбола еще холодновато, но тренеры любят начинать сезон пораньше.

– У тебя найдется минутка? Она слегка замялась.

– Вообще-то мы вместе со всей бейсбольной командой едем на пикник.

– А-а. – Он оглянулся, ковырнул щебенку носком ботинка. – Ты извини, что я так неожиданно на тебя набросился, но мне не хотелось обсуждать это по телефону.

На хорошеньком лице Нэнси появилось беспокойство.

– Что такое?

– Это насчет Бейзила. Он сорвался. И мне необходимо его

разыскать.

Мальчики заныли, что пора ехать. Нэнси открыла дверцу и приказала:

– Ну-ка, бегите, вы поедете вместе с Хэйли.

Скажите миссис Хэйли, что я вас догоню. И угомонитесь!

Проигнорировав последнее приказание, Питер и Дэвид опрометью бросились через паркинг к микроавтобусу, полному галдящих мальчишек. Сидящая за рулем женщина запустила братьев внутрь и помахала Нэнси рукой.

Обернувшись к Пату, Нэнси сказала:

– Мальчики скучают по Берку. Постоянно о нем спрашивают. Я специально их отослала.

– Скучают? – удивился он. – Мне казалось, он частый гость в вашем доме.

– Был раньше, пока я не попросила его больше не приходить.

Она объяснила Пату, почему была вынуждена так поступить.

– Я знаю, что сделала ему больно, Дуг, но мне невольно было видеть его так часто. Каждый раз я заново переживала гибель Кевина. Я хотела оставить эту боль в прошлом. А Берк возвращал ее в мое настоящее.

Пату спросил, когда Бейзил приходил в последний раз, и нахмурился, услышав ответ.

– Это случилось накануне его увольнения.

– Он уволился? Ушел из отдела? Пату рассказал Нэнси

о том, как Берк все больше замыкался в себе, о его прочих неприятностях.

– Я не знала об истории с Барбарой, – сказала огорченная Нэнси. – Он мне ни слова не говорил.

– Он воспринимал это не так серьезно, как гибель Кева. Та история грызла его изнутри. Я даже не понимал – до какой степени, пока не случилось...

– Что? Что случилось, Дуг? Что значит «он сорвался»? В том смысле, что исчез?

– Ну, в общем, да.

Нэнси охнула, прижала к губам трясущиеся пальцы.

– Не мог же он... сделать что-нибудь с собой?

– Нет. Совсем нет. Но если я скажу тебе еще хоть что-то, то это будет нечестно по отношению к Берку. Детали пока неизвестны.

– Детали? Он... совершил...

– Я не могу об этом говорить, Нэнси, – замялся Пату. – Кое-что произошло, хотя официально никаких заявлений нет, потому что пострадавшая сторона не намерена разглашать случившееся. Но ситуация сложная. Если мне повезет и я смогу быстро найти Берка, то, возможно, удастся предотвратить настоящую катастрофу. Если же нет – а скорее всего у меня ничего не получится, – его жизнь повиснет на волоске.

Заломив руки, Нэнси воскликнула:

– Это я во всем виновата!

– Нет. Он давно был на грани срыва, так что ваш разрыв ничего не прибавил.

Сокрушенно качая головой, она спросила, может ли чем-то помочь.

– По-твоему, где он может быть? – спросил Пату. – Он никогда не говорил тебе о каком-нибудь убежище или о чем-то в этом роде?

– Нет. Может быть, хижина для рыбной ловли, но... – Нэнси потеряла виски, пытаюсь вспомнить. – Если он и говорил когда-то об этом, то я не помню. Барбара должна знать.

Пату скривился, как от зубной боли:

– Я все никак не заставал ее дома, поэтому пошел в школу. Там мне сказали, что она и ее дружок взяли отпуск и отправились на Ямайку. Они уехали еще до исчезновения Бейзила. Уверен, она ничего о нем не знает.

Нэнси расстроено кивнула.

– Я так хочу помочь. Я люблю Берка. Он был отличным другом. У меня сердце чуть не разорвалось, когда я просила его больше не приходить. Но ведь ты меня понимаешь?

– Понимаю. И, уверен, он тоже все правильно понял. – Пату махнул рукой на прощание и извинился, что задержал отъезд на пикник. – Если что-нибудь вспомнишь, позвони.

– Почему бы тебе не поговорить с его братом? Пату замер.

– С братом?

Глава 27

Берк лежал без сознания минуты две, но даже за такой короткий промежуток времени Реми Дюваль удалось отплыть на лодке ярдов на двадцать, а то и тридцать. Она тщетно пыталась завести мотор.

Берк подполз к краю пирса и позвал ее. В голове будто взрывались бомбы, ослепительно резало глаза. Интересно, чем это она его ударила? Невероятно, что такая хрупкая женщина нанесла удар этакой чудовищной силы.

Она гребла к берегу, в том направлении, которое Берк ей вчера указал. Он нарочно обманул ее, сказав, что там земля.

– Миссис Дюваль, даже если вы доберетесь до твердой земли, вы погибнете. Вы потеряетесь и не найдете дорогу назад.

Отчаявшись завести мотор, она взяла весло и снова начала грести. Берк подумал, не прыгнуть ли в воду. Кое-где болото было ему по колено, но в этом месте вода накрыла бы его с головой. В обычной ситуации это не представляло бы для него проблемы, он доплыл бы до лодки в считанные секунды. Но сейчас его тошнило так, что он боялся потерять сознание в воде и утонуть. Тогда им обоим конец. Черт, он же предупреждал ее: на болоте опасно, тем более человеку неопытному!

Оставался только один выход, довольно поганый.

Но, понимая, что сама она не остановится, Берк заставил себя встать. Покачнулся, на мгновение закрыл глаза, открыл – ага, горизонт снова на месте. Стало чуть получше, и Берк заковылял к домику, покачиваясь, как раненый ковбой в исполнении Джона Уэйна.

Пистолет лежал там, где он его спрятал.

Стараясь двигаться быстро, насколько позволяло его состояние, Берк вернулся обратно на пирс, встал на самый край, взял пистолет обеими руками и прицелился в лодчонку.

– Поворачивайте и гребите обратно, миссис Дюваль. – Она даже не оглянулась. – Иначе я прострелю в лодке дырку, и она пойдет ко дну.

На этот раз Реми оглянулась, увидела пистолет, но тем не менее не остановилась.

– Вы не сделаете этого, мистер Бейзил.

– Почему же?

– Потому что выстрелы может кто-нибудь услышать, а вы этого не хотите.

– А про глушитель вам слышать не приходилось?

Это возымело действие. Она опустила весла.

– Вы не убийца. Если лодка пойдет ко дну, я утону.

– Берите весла и гребите обратно. Она не шелохнулась.

– Я же вам сказала: я не умею плавать.

– А я вам сказал: я не такой дурак. Берк взвел курок, прицелился пониже ватерлинии и выстрелил.

Позже он вспомнил, что она не закричала, как можно было ожидать. А может, он просто не услышал ее из-за крика вспугнутых птиц, уже устроившихся спать в своих гнездах. Птицы резко и шумно выражали свое возмущение, ибо короткий, чмокнувший звук выстрела разорвал тишину опускавшейся на болото ночи.

В лодку хлынула вода, и Реми страшно запаниковала. Она пыталась зажать руками пробойну и закрыть течь, но, конечно же, безуспешно.

– Прыгайте и плывите назад, миссис Дюваль. А лодку тяните за собой.

– Я не могу.

– Можете, можете. Просто держитесь за чал, никаких особых усилий не требуется.

Она казалась жутко перепуганной, на расстоянии это выглядело довольно убедительно. Но Берк подозревал, что она прикидывается. Ну да, внешне – безобидная, как бабочка, однако дурачила его уже не раз! Пыталась вынуть ключ из зажигания, жахнула горячей шумовкой по глазам, чуть не вышибла мозги. Все, больше он не купиться на эту невинность и хрупкость.

Хотя, следовало признать, играла она довольно убедительно. Казалось, она совсем потеряла голову: встала в лодке, которая тут же опасно закачалась.

– Пожалуйста, мистер Бейзил. Я утону.

– Не утонете.

– Пожалуйста!

Это случилось, когда она протянула руку, словно надеясь схватиться за что-нибудь. Лодка накренилась и перевернулась, выкинув пассажирку в грязную воду. Реми отчаянно забарахталась, но тут же исчезла под водой. И больше не появлялась. Затаив дыхание, Берк ждал. Наконец ее голова показалась на поверхности.

Он с облегчением выдохнул. Еще один трюк. Но это продолжалось не больше секунды, а потом она снова пошла ко дну, захлебываясь и барахтаясь. Больше она не появлялась.

– Черт! – прошептал Берк. Потом заорал: – Черт!

Забыв о рези в глазах, о болевой голове, о темноте, он бросил пистолет и, как был – в ботинках, бросился в воду.

Он плыл будто в густом супе. Как в ночном кошмаре, когда чем сильнее гребешь, тем медленнее двигаешься. Когда он подплыл к перевернутой лодке, мускулы горели огнем. Обхватив руками днище, он сделал несколько судорожных вдохов и стал обшаривать глазами поверхность.

Наконец он увидел ярдах в десяти от лодки пузырьки воздуха на воде. Еще раз глубоко вздохнув, он нырнул и поплыл в том направлении.

Он нащупал ее волосы, мягкие, как водоросли, но в ту же секунду в руке не осталось ничего, кроме воды. Вытянув вперед руки, он судорожно пытался найти ее и наконец нашел. Легкие горели огнем.

Берк крепко обхватил ее и оттолкнулся от скользкого дна.

Было неглубоко, но доли секунды, когда он проталкивался сквозь эту густую жижу, показались Берку вечностью.

Он глотал ртом воздух, чтобы восстановить дыхание, и плыл к пирсу, таща Реми Дюваль за собой. Она не барахта-лась, не отбивалась, как это обычно делают тонущие, и Берк боялся даже думать – почему. Он заставил себя посмотреть на ее лицо: оно было спокойным и мертвенно-бледным под налипшей грязью.

У пирса он столкнулся с новой проблемой: как залезть на-верх, при этом не выпуская из рук Реми? Нужно торопить-ся. Она безжизненно повисла на его левой руке. Сколько же точно времени она пробыла под водой?

Он изо всех сил подтянулся, стараясь ухватиться правой рукой за край доски. С третьей попытки ему это удалось, и он закинул на деревянный настил правую ногу, зацепился каблуком, замер на несколько секунд, собираясь с силами и убеждая себя, что сейчас все получится.

Наконец, используя правую ногу как рычаг и опираясь на колено и локоть, Берк вскарабкался на пирс. Плюхнувшись животом на доски, он издал победный клич.

Подтянул и осторожно положил на спину Реми. К ее губам прилипли пряди волос. Берк отбросил пряди и начал делать ей искусственное дыхание. Руки – туда-сюда. Раз-два, раз-два. Закрывать ноздри, вдвухать воздух через рот. Раз-два. Раз-два.

Сколько времени она пролежала на дне? До того, как он

прыгнул в воду, – не более двадцати секунд. Ну ладно, пусть тридцать. Плюс секунд сорок пять, пока он плыл. Еще минуту под водой. Сколько всего получается?

Раз-два, раз-два, раз...

Она закашлялась. Берк быстро повернул ей голову набок, чтобы снова не захлебнулась. Прошло еще несколько минут, и дыхание наконец восстановилось, с губ исчезла жутковатая синева.

Реми открыла глаза и сразу увидела нагнувшегося над ней Берка. Она не успела отвернуться, и он прочел в ее взгляде осуждение.

– Простите. Я вам не поверил. Думал, вы меня обманываете. – Он не знал, что еще сказать, и повторил: – Простите.

Он с трудом поднялся на ноги и посмотрел на воду. Лодка плавала вверх дном. Если ее не подогнуть обратно, им грозят серьезные неприятности. Надо решить эту проблему немедленно, пока на тело не успели навалиться усталость и изнеможение. Берк прыгнул в воду во второй раз.

* * *

Любезными их не назовешь, но по крайней мере они его не убили. Пока.

Грегори старался казаться безобидным, что было нетрудно: он был не просто безобидным, он был совершенно беспомощным. Да таких не больно-то напугаешь. Они если и

перережут глотку, то не от страха, а для забавы.

У самого Грегори поджилки тряслись от ужаса. В комнате стоял кошмарный запах от какого-то варева, кипящего на плите. Хозяйка дома принесла наполненную миску, громко шмякнув ее на стол перед Грегори.

Ничуть не вежливее вели себя мужчины – очевидно, ее муж и сын. Они буквально проволокли Грегори через лес к своему жилищу, где женщина и две девочки с подозрением оглядели гостя. Но все равно Грегори был им благодарен за спасение: ведь его мог сожрать крокодил, он мог умереть от жажды, голода, холода.

Эти люди спасли его от страшного болота, но их поведение было трудно назвать гостеприимным. Их подозрительность в любой момент может перерасти в нечто более угрожающее. От таких всего можно ожидать. Какие-то болотные монстры.

Стараясь казаться как можно более дружелюбным, Грегори улыбнулся хозяйке.

– Как аппетитно пахнет. Спасибо, мэ.

Она открыла рот с редкими зубами и прорычала нечто нечленораздельное. Потом обратилась к мужу на нью-орлеанском французском диалекте. Он буркнул что-то в ответ. Дети были также немногословны. Они стояли и смотрели, как Грегори подносит ложку ко рту.

Умиравший от голода Грегори набросился на еду, но после первых же ложек чуть не задохнулся. Это странное варе-

во из рачков, томатов, риса и лука, обильно сдобренное жгучим перцем, обжигало до слез.

Жадно залив огонь во рту водой, Грегори стал есть осторожнее. За последние два дня его желудок сжался, и половины порции оказалось более чем достаточно.

– Большое спасибо, – сказал Грегори и похлопал себя по животу. – Очень вкусно, но я уже сыт.

Женщина молча забрала миску и ложку, но стакан с водой оставила. Напротив Грегори сидел хозяин. Он был весь косматый, волосы росли из ноздрей, из ушей, даже пальцы казались черными от волос. Он сидел в низко надвинутой кепке, густая борода закрывала грудь.

– Как вас зовут?

Это были первые слова, произнесенные по-английски. Грегори вздрогнул и пробормотал:

– Грегори.

– Отец Грегори?

Только тут он сообразил, что одет как священник.

– А, да. Да. Отец Грегори.

К священнику они отнесутся с большим уважением. К примеру, убьют быстро и безболезненно, вместо того чтобы долго пытаться.

Его надежды в какой-то степени оправдались. На них явно произвело впечатление, что среди них находится служитель Господа. Они возбужденно затарахтели между собой, но тут глава семьи коротко свистнул, и снова воцарилось молчание.

Хозяин уставился на Грегори с явным недоверием.

– А что с вашим лицом?

– Оцарапался о ветки.

Густые брови, похожие на приклеенных ко лбу жирных гусениц, подозрительно задвигались.

– Понимаете, я заблудился, – заторопился Грегори. Их лица остались неподвижными. Он пояснил: – Мы с другом приехали порыбачить. Он с вещами поехал вперед на машине. А я должен был взять лодку и встретиться с ним в назначенном месте. Но я заблудился. Наткнулся в темноте на дерево, весь расшибся. Даже не знаю, сколько времени я плыл в лодке, пока вы меня не нашли. – Он осенил их широким крестным знаменем. – Благослови вас Господь, дети мои. – И добавил: – Мой друг, тоже священник, наверное, очень беспокоится. Может быть, уже ведутся поиски.

Косматый хозяин поглядел на жену и пробурчал что-то неразборчивое; она скривила рот, обнажив редкие зубы.

Грегори не понравилась их реакция. Он едва сдерживался, чтобы не заплакать. Он достиг крайнего предела, и теперь ему осталось только одно – уповать на милость родных. Они хоть и бросили его на произвол судьбы, но в самых отчаянных ситуациях все-таки приходили на помощь. А Грегори не представлял себе ситуацию хуже, чем нынешняя.

Он постарается все объяснить так, чтобы пробудить их родительские чувства или, по крайней мере, чувство долга. В конце концов, это же они произвели его на свет! Пусть

отправят сына в какое-нибудь дальнейшее путешествие. Может, в Европу или даже на Восток. Далеко-далеко, подальше от неприятностей, которые ожидают его в Нью-Орлеане.

Он уедет прямо завтра. Папочка сможет это устроить. И через несколько часов он окажется на безопасном расстоянии и от Берка Бейзила, и от Пинки Дюваля, и от всей этой чертовой истории. Грегори проклинал тот день, когда в нее ввязался; и сейчас ему нужно было только одно – телефонный звонок.

– Я вам так благодарен. Если вы позволите воспользоваться вашим телефоном...

– Телефона нет, – рявкнул мужчина.

– О! Что ж. – Прямо перед ним на стене висел аппарат, но Грегори счел благоразумным не обращать их внимание на это обстоятельство. А тем вре – менем разгорелась новая семейная дискуссия. Грегори немного говорил по-французски, но этот диалект он не знал и лишь крутил головой до тех пор, пока хозяин не сделал знак всем замолчать.

– Вы пожените мальчика.

Грегори непонимающе уставился на него.

– Что, простите?

Мужчина ткнул пальцем в стоящего поодаль коренастого парня, который участвовал в спасении.

– Он хочет жениться. Вы его пожените, oui? Вареве снова забурлило, но на этот раз в животе Грегори. Наверное, он слишком много съел после вынужденного поста. Он вспотел

не меньше, чем хозяйка, которая то и дело вытирала верхнюю губу полотенцем, висевшим на плече.

Обстановка накалялась с каждой минутой. Ему понадобятся все его актерские способности, чтобы выжить. Мальчишке было лет восемнадцать, и он обещал в скором времени стать таким же волосатым, как папаша. Грегори милостиво ему улыбнулся.

– Ты хочешь жениться, сын мой? Парень не ответил и вопросительно посмотрел на отца.

Тот что-то рявкнул так, что Грегори вздрогнул от испуга.

В глубине комнаты отворилась дверь, и вошла молоденькая девушка, скорее даже девочка. Тем более странно было видеть ее огромный живот, очевидно, она была на последнем месяце беременности.

– О Господи, – простонал Грегори, но это вовсе не было молитвой.

Глава 28

Берк тянул лодку к пирсу, плывя вполне резво для человека, у которого на шее чугунная гиря. Голова болела так, словно ее как следует отбили на бифштекс. Из последних сил он втащил лодку на берег, подобрал пистолет, которым продырявил борт. Осмотреть, насколько она повреждена, он решил потом. Сейчас его больше заботила миссис Дюваль.

Она лежала там, где он ее оставил. Повернувшись на бок, Реми подтянула колени к подбородку, очевидно, чтобы согреться. Он наклонился над ней, с его одежды закапала вода. Женщина не шелохнулась. Он пощупал пульс у нее на шее.

– Почему вы не дали мне утонуть? Всем было бы легче, а вам в первую очередь. Она открыла глаза.

– Зачем вы мне нужны мертвая? – хрипло спросил он. Только теперь он осознал, как близка она была к смерти, и почувствовал резкую слабость.

– Разве моя смерть не была бы хорошей мстью? – Мне не нужно, чтобы Дюваль скорбел о вас.

Мне нужно, чтобы он пришел за вами.

И тут она сделала то, чего он меньше всего ожидал, – она засмеялась.

Он сердито отдернул руку, встал и ушел. Раз она способна веселиться, значит, купание в болоте не было для нее таким уж большим потрясением. А он – полный идиот, что так

распсиховался.

В хлюпающих ботинках он перешагнул через валявшийся на пирсе лом – без сомнения, ее оружие – и направился к задней стене хижины.

Там Берк, невзирая на холод, разделся догола и начал энергично мыться, намыливаясь куском грубого мыла и поливаясь дождевой водой из большого ведра. Несколько раз вымыл волосы шампунем, как следует промыл ушные каналы, надеясь, что микроорганизмы не успели проникнуть глубоко. Удовлетворенный результатом, Берк прошел в хижину и растерся полотенцем.

От шампуня защипало рану. Голова разламывалась, но ни зрение, ни память, кажется, не пострадали; значит, это не сотрясение. Берк выпил две таблетки аспирина, чтобы заглушить боль, и вышел наружу.

Миссис Дюваль уже перестала хихикать. Кажется, она вознамерилась поспать.

– Эй! – Он коснулся носком ботинка ее колена. – Вам надо помыться.

Она замычала и крепче прижала колени к груди.

– В болотной воде множество паразитов. Я не хочу, чтобы вы у меня тут умерли от какой-нибудь заразы.

Он попытался ее поднять, но она не двинулась с места. Выругавшись сквозь зубы, он силой заставил ее сесть.

– Послушайте, леди, я тоже устал. Это все произошло по вашей милости. Вы повели себя крайне глупо, и теперь при-

ходится расхлебывать.

Он приподнял ее и поволок к хижине. Там наполнил ведро свежей водой, сунул Реми в руку мыло.

– Мойтесь как следует, – инструктировал он. – Уши, нос, все. Скребитесь получше. Вы должны стать розовой, как попка младенца. Когда закончите, я займусь ранами на спине.

Это его больше всего беспокоило. Он очень опасался инфекции. В открытые раны так легко проникнуть бактериям, а болото – просто рассадник для этих одноклеточных убийц.

Он вернулся в хижину, где оставался несъеденный ужин. Берк собрал куски рыбы, сложил их в пластиковый пакет и сунул в мусорное ведро. У него больше не было аппетита, у нее, наверное, тоже. Впрочем, надо бы спросить.

Захватив два полотенца и сдернув с кровати одеяло, он пошел проведать, как идет мытье.

– Миссис Дюваль, – позвал он. Она не отозвалась. Он прислушался, но не услышал плеска воды. И вообще никаких звуков. – Миссис Дюваль?

Она снова не ответила, и он осторожно заглянул за угол. Но можно было не беспокоиться, что его обвинят в подглядывании: она сидела одетая, опустив голову на грудь, в безжизненно повисшей руке – кусок мыла.

– В чем дело? – Он осторожно приблизился.

Ее кажущаяся вялость и безучастность могли оказаться новым трюком. – Я понимаю, сейчас холодно, но вам обяза-

тельно надо смыть с себя эту дрянь. И чем скорее, тем лучше.

– Я хотела умереть.

– Что?

– Я хотела...

– Я слышал, что вы сказали, – резко перебил он. – Но это скверная смерть – утонуть в болотной моче.

– Нет. – Она потрясла головой, с ее мокрых волос свисали водоросли. – Когда я была маленькой, я каждую ночь молилась, чтобы во сне ко мне спустились ангелы и забрали меня на небеса.

Теперь до него дошло, что смех на пирсе был началом истерики. Теперь вот наступила вторая фаза. Испугалась болота, страшной смерти, его – Берка. Что с ней теперь надо делать? Надавать пощечин? Или, наоборот, постараться утешить? Он выбрал второе.

– Такое бывает почти у всех детей. Разозлятся на родителей, вот и мечтают преподать им урок.

– Мне было стыдно.

– Из-за этого желания?

– Нет, из-за тех вещей, которые Анджела заставляла меня делать.

Если это притворство, чтобы вызвать к себе жалость, то она – хорошая актриса. Она говорила тихо – наверное, вот так же ребенком, спрятавшись под одеялом, она звала к себе ангелов.

– Наверное, поэтому Господь забрал у меня моего ребен-

ка. Чтобы наказать за неправильные молитвы.

Так, хватит.

– Вставайте.

Он сдернул ее со стула и расстегнул пряжку на ремне. Если бы ткань была сухая, огромные штаны Дредда просто сами бы упали вниз. Но они тяжелой массой повисли на ее бедрах.

Он опустился на колени и стал стягивать брюки.

– Все это глупости. – Он взял ее за щиколотку и стянул штанину. Повторил ту же процедуру с другой ногой. – У Бога слишком много разных дел, чтобы за каждым приглядывать.

Покончив с брюками, Берк принялся за рубашку. Он старался побольше говорить, чтобы поменьше отвлекаться на ее гладкий живот.

– Если отдался чувству вины, оно может вас сожрать с потрохами. Поверьте, уж я-то знаю. Перестаньте терзаться из-за вашего ребенка, иначе превратитесь в такого же психа, как я. Таков закон жизни.

– Вы не должны этого делать.

Он поднял голову и увидел, что Реми абсолютно спокойна. Очевидно, истерика прошла. Он встал, но его руки продолжали держать ее за талию.

– Вы были не в себе.

– Теперь я в порядке.

– Точно?

– Вы боитесь оставить меня одну, потому что я сказала,

что хочу умереть?

– Возможно.

– Если бы я хотела умереть, я бы пошла ко дну.

А я не хотела.

– Я тоже не хотел. Если бы вы утонули, я был бы виноват.

Я не поверил, что вы не умеете плавать.

– У вас такое в голове не укладывается?

– Ну, в общем, да.

Берк не замечал, как летят секунды, ибо сейчас впервые он безраздельно овладел ее вниманием – она смотрела прямо ему в глаза, не отводила взгляда; и еще он чувствовал, как ее кожа нагревается под его ладонями.

Она вдруг тоже это почувствовала и посмотрела на его руки. Он в ту же секунду отпустил ее и сделал шаг назад.

– Грязь начинает подсыхать, – пробормотал он. – Так ее труднее будет отмыть. Наклонитесь над перилами, я помогу вам помыть голову. Она медлила. Берк разозлился.

– Ведро тяжелое, самой вам его не поднять.

Больше не возражая, она подошла к перилам и наклонила голову. Берк вылил ей на голову почти целое ведро воды и начал деловито намыливать волосы шампунем. Смыв основную грязь, он провел процедуру по второму разу, теперь тщательно промывая корни волос и кожу головы.

Руки его были по локоть в пене. Голова Реми была покрыта шапкой из мыльной пены, ручейки стекали за воротник и в вырез Дреддовой рубашки, на роскошную – Берк это знал

– грудь.

Потом он вновь наполнил ведро чистой водой. За все это время они не произнесли ни слова, разговор сейчас казался неуместным. Поэтому Берк молча взял ее за подбородок, пригнул голову ниже и стал осторожно поливать ей на волосы.

Наконец ведро снова опустело. Берк какое-то мгновение постоял, глядя на ее склоненную спину, потом принес еще воды и поставил ведро к ее ногам.

– Сзади вас, на стуле, – полотенце. Когда помоемся и оботрёмся, завернитесь получше в одеяло, а то замерзнете.

И ушел.

В хижине он остановился посреди комнаты и, тяжело дыша, прижал ладони к глазам. Поднимавшаяся из области затылка головная боль пульсировала уже в ритме рэпа. Берк весь покрылся потом, словно сейчас стоял июль, а не февраль.

Он неуклюже вывалил на стол содержимое аптечки и придвинул стол и стул поближе к обогревателю. В дверях появилась Реми, завернутая в одеяло наподобие индийского сари и с тюрбаном из полотенца на голове.

– Я оставила одежду отмокать в ведре. Утром прополощу.

Он показал ей на стул.

– Сделаем это, пока вы не оделись.

– Хорошо.

Она села к нему спиной. Берк сдвинул с ее плеч одеяло,

обнажил спину. Тщательно осмотрел ранки и с облегчением убедился, что все они затянулись и ни одна не кровоточит. Стараясь действовать как бесчувственный автомат, Берк аккуратно обработал ранки антисептиком и смазал бальзамом.

Все происходило в молчании. Не было даже никаких посторонних звуков – ни включенного телевизора, ни шума машин. Ничто не нарушало тишины – кроме их дыхания.

Он закончил и неловко постарался укутать ее одеялом.

– Вам тепло?

– Да.

– Я... э... захватил кое-какие вещи. Подумал, они вам тут могут понадобиться. Поглядите в сумке, она в ванной комнате.

Несколько дней назад, уезжая из Нью-Орлеана, он знал, что надо взять с собой. Она – не знала.

– Спасибо.

– Ага.

Она ушла в ванную и закрыла дверь. Берк достал бутылку воды и выпил ее почти всю залпом. Руки и ноги у него тряслись, в ушах звенело, к горлу подступала тошнота. Свое головокружение он объяснял тем, что принял аспирин на голодный желудок; тем, что перенапрягся, вытаскивая из воды заложенницу, а потом и лодку; тем, что получил сильный удар по голове. Берк готов был найти объяснение своему состоянию в чем угодно, только не в истинной причине.

Реми вышла из ванной. Полотенце она сняла, влажные во-

лосы зачесала назад. На ней был серый свитер. Один из тех, что он купил для нее в Нью-Орлеане.

– Я еще в то утро собирался отдать вам одежду, но Дредд уже успел вас экипировать. Он всегда все делает по-своему.

Она смотрела на него в упор, но он не мог понять, что выражает этот взгляд. Сначала решил, что Реми снова впала в ступор, но тут же понял, почему в ее глазах застыл безмолвный ужас.

Коробочка, которую она держала в протянутой руке, была проще той, что стояла на туалетном столике в гардеробной Реми: ни хрусталя, ни массивной серебряной крышки. Но это был тот самый тальк для тела, аромат которого Берк хорошо запомнил.

Отвечая на незаданный вопрос, он пробормотал:

– Когда мы с отцом Грегори приходили к вам, я порыскал по дому.

Она поставила коробочку на стол, провела пальцем по этикетке.

– Как я могла принять вас за священника? Что он мог ответить? Ничего. Не отрывая глаз от коробочки с тальком, она сказала:

– В тот день, на исповеди... – М-м-м?

Она чуть дернула плечом.

– Нет, ничего.

– Что?

– Неважно.

– Говорите же. Что?

– Вы... – Она запнулась, слегка вздохнула. – Вы касались моей руки?

Время словно остановилось. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она подняла глаза. Последнее слово еще звучало в воздухе, словно последний аккорд уже умолкнувшей скрипки, и наступила тягостная, гнетущая тишина.

Сердце Берка колотилось как сумасшедшее. Происходило нечто странное, и он никак не мог дать этому название. Расстояние между ними каким-то чудодейственным образом сократилось, хотя он не сдвинулся с места. Реми тоже не шевелилась. Ее рука все еще лежала на коробочке с тальком, другая безвольно висела вдоль тела.

Ее-то он и коснулся. Чуть-чуть. И сразу отдернул руку. Помедлил. Снова дотронулся, и теперь их руки одновременно прижались ладонями друг к другу. Пальцы медленно переплелись.

Берк поднес ее руку к глазам, посмотрел на запястье, дивясь ее тонкой коже, изяществу длинных пальцев.

– Обручальное кольцо исчезло, – заметил он.

– Соскользнуло в воде.

Ее обручальное кольцо исчезло. Но она по-прежнему оставалась женой другого человека. И не просто другого человека, а его злейшего врага. Дюваль мог с полным правом целовать это место на нежной шее, где под золотой цепочкой пульсирует голубая жилка. Мог касаться ее, трахать ее.

Волна жгучей ненависти охватила Берка, и он отыгрался на Реми.

– Ничего, купите себе другой бриллиант. На страховку за жизнь Дюваля.

– Господи, да вы просто чудовище! – воскликнула она и выдернула руку.

– Будь я чудовище, я вел бы себя по-другому. Надо отдать ей должное: она не отпрянула в страхе. Напротив, с вызовом вздернула подбородок.

– Я должна сказать «спасибо», что вы меня не изнасиловали?

– Ничего вы не должны. К вам это вообще не имеет никакого отношения. Это наши дела – мои и Дюваля. А вы – наживка, чтобы его выманить.

– Вы просчитались, мистер Бейзил. – Реми покачала головой и печально улыбнулась. – Мне понятен ваш план, но он не сработает. У вас ничего не выйдет. На эту наживку он не клюнет. Он за мной не придет. После того как я провела несколько дней наедине с вами, мой муж не захочет взять меня обратно.

Он хмыкнул.

– Неплохо придумано.

Одной рукой он крепко взял ее за руку, другой полез в задний карман.

– Что вы делаете?

– Надеваю наручники.

Он защелкнул браслет у нее на запястье.

– И к чему вы меня прикуете?

– К себе.

Глава 29

Пинки бросил недоеденный бутерброд на стол и подошел к окну. Сквозь жалюзи было видно ночное небо.

– Почему, черт побери, никто не может их найти? Будто сквозь землю провалились!

– Похоже на то, – пробурчал Бардо с набитым ртом.

После обнаружения брошенного микроавтобуса о Реми и Бейзиле не было известно ничего нового. Люди Дюваля, следившие за общественным транспортом в Нью-Орлеане, их не видели. Пилот вертолета не заметил ничего подозрительного. Ни от одного из множества информаторов Дюваля во всей Южной Луизиане не поступало никаких сообщений.

– Ты уверен, что та шлюшка все тебе рассказала? Может, она что-то утаила? Бардо рыгнул.

– Дикси? Когда я узнал, что она помогала Бейзилу, я хорошенько с ней поработал. – Пинки обернулся от окна и многозначительно взглянул на Бардо. – Нет-нет, все в порядке. Может, она когда-нибудь сможет и дальше работать на улице. Но я вышиб из нее все, что она знала.

Пинки снова стал смотреть в окно. Огни города рассеянно мерцали в тумане, но он их все равно не видел. Голова Пинки была занята одним. С того момента, когда Эррол позвонил ему из пригородного кафе, его прекрасно налаженная, упорядоченная жизнь полетела кувырком. Клиенты были вре-

менно отставлены. Суды предоставили отсрочку «по семейным обстоятельствам». Все деловые встречи и светские визиты отменены. Телефонные разговоры мгновенно заканчивались, если они не имели отношения к основной проблеме.

Чертов Берк Бейзил превратил его запрограммированную жизнь в хаос.

Сукин сын за это заплатит, и дорого заплатит.

Но где же он, в конце концов? Пинки нагнал страху на Дуга Пату, но от него немногого удалось добиться: разве только, что жена Бейзила укатила за границу с любовником, а Пинки и без него об этом знал.

Интуиция подсказывала Пинки: Пату не врал, когда говорил, что не знает, где сейчас Бейзил. Да, маловероятно, что он покрывает своего дружка. Дюваль знал: свое положение Пату ценит больше, чем любого из подчиненных, даже своего дружка Бейзила. Цель жизни Пату заключалась в том, чтобы занять хорошее место в верхушке НОБН. Он, конечно, звезд с неба не хватает, но и дураком Пату не назовешь. Он прекрасно знает, как опасно сердить Пинки Дюваля.

Макьюэна тоже удалось как следует запугать.

Пинки рассчитывал, что теперь тот будет работать на него. Хотя, кто знает? Возьмет, да окажется таким же верным другом Бейзила, каким был сам Бейзил по отношению к Стюарту.

– Чертовы полицейские, – выругался Пинки.

– А? – переспросил Бардо.

– Ничего.

Бардо помолчал, потом заговорил:

– Знаешь, я вот тут все думаю...

– О чем?

– Много ли миссис Дюваль известно о наших делах?

Пинки медленно повернулся.

– Ты о чем?

– О том, что Бейзил умеет убеждать. Если захочет. Особенно женщин.

Сам того не зная, Уэйн Бардо невольно наступил боссу на больную мозоль. Дюваль никогда не обсуждал с Реми свои тайные дела, но даже из обрывков сведений, собранных воедино, можно было сплести веревку, на которой его спокойно можно было вздернуть. Возможно, Реми сама не подзревала, как много она знает. А для Бейзила, обладавшего мертвой хваткой, которую только обострили годы работы в полиции, эти случайные сведения были на вес золота. Одному Богу известно, сколько всего вспомнит Реми, если ее жизнь окажется под угрозой. О негласных делах своего мужа, о компрометирующих связях. Еще одна причина, почему надо ее найти и заставить замолчать.

– Если Бейзил начнет ее уговаривать, будет гладить по шерстке, она, может, и развяжет язык, – размышлял вслух Бардо. – А ты как думаешь?

– Я думаю, – ровным голосом ответил Дюваль, – если ты еще раз в таком тоне заговоришь о моей жене, я вырву твой

поганый язык.

Сам он мог сколько угодно сомневаться в верности Реми, но не хватало еще, чтобы в ней сомневался кто-то другой!

– Да ладно, Пинки, не обижайся. Я ничего такого...

– Мне надо уйти, – резко перебил Дюваль.

– Куда?

– Не твое дело.

– Я пойду с тобой.

– Ты останешься здесь. У тебя есть задание. Надеюсь, не забыл?

Пинки злобно пихнул дверь, стремительно вышел в вестибюль. Дремавший в кресле Эррол лениво поднял голову и тут же вскочил.

– Вы куда, мистер Дюваль?

– Погулять. Я пойду один.

Он спустился на лифте вниз, прошел, не взглянув, мимо охраны и распахнул стеклянную дверь, электронный замок которой открыл нажатием кнопки у себя на пульте озадаченный охранник.

Пинки прошел два квартала пешком, прежде чем остановил такси. Когда он назвал женщине-шоферу адрес, она кокетливо посмотрела на него в зеркальце заднего вида.

* * *

Дни перед праздником Марди-Гра были для девочек Руби

Бушери самыми горячими. В полночь вторника – Дня греха – заканчивалось время веселья и начинался Великий пост. В эти дни джентльменов ограничивали одним часом, а если кто желал продлить время – брали плату сверху. Руби постоянно напоминала девочкам: чем быстрее товарооборот, тем больше прибыль, а следовательно – и заработок каждой.

Неделя перед Великим постом всегда приносила колоссальный доход. К ночи в дом набивались клиенты, желающие расслабиться после светских балов и приемов и отдохнуть от собственных жен. Приезжих в эти дни тоже было немало больше, чем обычно. Мужчины от восемнадцати до восьмидесяти стремились попасть в лучший бордель самого веселого города страны.

В эти вечера Руби обычно стояла на галерее над главным салоном. Со своего идеального наблюдательного пункта она следила за тем, как вышколенный персонал работал без устали. Попыхивая сигарой и потягивая коньяк, Руби мысленно прикидывала, какова сегодняшняя прибыль, и, довольная подсчетами, удовлетворенно улыбалась.

Улыбка сползла с ее лица, когда она увидела входящего в зал Пинки Дюваля.

Ни с кем не заговаривая, он подошел к бару, заказал выпить, опрокинул рюмку одним махом и сразу заказал вторую. Ну и потеха, усмехнулась про себя Руби, а еще считается тонким знатоком вин. Но Пинки, очевидно, было наплевать на репутацию гурмана: он хлестал виски рюмку за рюм-

кой, будто матрос, сошедший на берег после полугодичного плавания.

Руби сделала знак одной из девушек. Эта пышная блондинка была одной из самых шикарных у Руби. Дочь американского дипломата, она много путешествовала со своими родителями, училась в престижнейших школах самых разных стран. Она свободно говорила на нескольких языках, причем на любую тему. Могла изобразить из себя чопорную ученую даму или разудалую кокетку. Ее фантазии в работе с клиентами не имели пределов, за исключением садомазохизма. Для нее не существовало никаких предрассудков, к сексу она относилась как к искусству, оттачивая способности, изученные ею в те времена, когда она постигала иностранные науки (правда, на свой лад).

Однажды в Бирме – когда эта страна еще так называлась – произошел неприятный инцидент, в котором оказались замешаны девушка и один из высших правительственных чинов. В результате ее отца уволили с дипломатической службы. Он, в свою очередь, отрекся от дочери. Без денег и со скандальной репутацией, она выбрала единственно возможную для себя карьеру и ни разу не пожалела о своем выборе. Клиенты платили за нее очень дорого. Даже после вычета полагающегося хозяйке процента, у девушки оставалось более чем достаточно. Она выглядела намного моложе своих тридцати лет и могла заткнуть за пояс молоденьких товарок. В доме Руби она жила под именем Исобель.

Сегодня вечером Пинки был легкой добычей. Переговоры у стойки бара заняли не больше минуты. Он и блондинка стали подниматься по широкой лестнице. На площадке их перехватила Руби.

– Добрый вечер, Пинки. – Руби ненавидела и презирала Дюваля, но тем не менее послала ему обезоруживающую улыбку.

Он относился к ней не лучше, а сейчас еще был явно раздражен тем, что приходится разговаривать.

– Руби.

– Ты не был у нас с тех пор, как Бардо изуродовал мою девушку. Мы польщены тем, что ты почтил нас своим присутствием.

Он пропустил выпад мимо ушей.

– Твой бизнес процветает. Впрочем, на шлюх всегда будет спрос.

Глаза Руби злобно блеснули, губы презрительно скривились.

– Конечно. Потому что всегда найдутся мужчины, которые могут получить женщину только за деньги. Тем более удивительно видеть здесь сегодня тебя. Твоя жена не в настроении? Реми не желает одарить тебя сегодня ночью своим вниманием?

Ее язвительность была сполна вознаграждена. У Пинки на виске забилась голубая набухшая вена, он резко отвернулся и дернул за собой Исобель.

В бытность холостяком Пинки заходил в заведение Руби Бушера несколько раз в неделю. Женившись, стал появляться реже, но все же был здесь постоянным гостем. Иногда ему хотелось оттянуться, расслабиться; но никогда еще Руби не видела его таким дерганым, как сегодня. Интересно.

– Мисс Руби.

Она обернулась. Рядом стояла служанка, служившая в доме еще с тех пор, как Руби была маленькой девочкой.

– Вы велели позвать вас, когда бедный ягненок проснется, – мягким, певучим вест-индским говорком сказала женщина.

Они прошли по галерее, свернули направо и оказались в задней части дома, у двери небольшой, скрытой от посторонних глаз комнаты.

– Как она? – спросила Руби, поворачивая ручку.

– Она очень напугана.

Комната хоть и была хорошо обставлена, для приема посетителей не годилась. Обычно ее использовали для заболевших девушек, чтобы другие не заразились; или же сюда помещали новеньких, которые спали здесь, пока их обучали правилам поведения в доме.

Руби приблизилась к кровати и склонилась над девушкой с участливостью любящей матери.

– Как ты себя чувствуешь?

Дикси коснулась пальцем уголка рта, где запеклась кровь.

– Этот ублюдок здорово меня отделал, да?

– Врач сказал, что лицевые кости не сломаны.

– Чудеса, да и только. А я думала, он мне сломал все, что только можно было сломать. – Из ее глаз потекли слезы. – Я, наверное, похожа на козью какашку?

– Нет, ты выглядишь намного лучше, – улыбнулась Руби и ласково погладила девушку по руке. – Ничего, поправишься, придешь в норму. Не хнычь. Доктор оставил болеутоляющее. Ты останешься здесь до полного выздоровления. Недели две-три, я думаю.

– Две-три недели? – Дикси сделала попытку засмеяться, но тут же сморщилась от боли. Она обвела глазами комнату, посмотрела на Руби, потом на заботливую служанку. – Если я не работаю, мне не на что еду купить. Как же я с вами-то расплачусь?

– Когда ты пришла сюда, ты сказала, что тебя направил Берк Бейзил. Он твой клиент?

– Вы в том смысле, трахал ли он меня? Нет. Хотя я была и не прочь. – Дикси покачала головой. – Он мне платил, но только за информацию. Больше ничего. В последний раз, когда мы виделись, он сказал: если будут неприятности, иди по этому адресу. Вы его подружка?

– Скажем так: нас с Бейзилом объединяет совместная цель и взаимное уважение.

– А-а. Ну что ж, если платить будет он, то так ему и надо. Это из-за него Бардо...

– Уэйн Бардо? – Руби крепче сжала руку девушки. – Это

он тебя избил? Дикси кивнула.

– Сначала заставил меня отсосать. А потом, когда я не захотела рассказывать о Бейзиле, стал колошматить меня по морде почему зря.

Руби села на краешек кровати и изучающе посмотрела на девушку. Наметанным глазом она сразу определила, что, хотя сейчас лицо Дикси представляет сплошной кровоподтек, вообще-то она прехорошенькая. Фигурка тоже аппетитная, это Руби видела, когда девушку раздевали. Обычно Руби с пренебрежением относилась к уличным шлюхам, но эту, очевидно, Бейзил считал уровнем повыше, иначе не направил бы сюда.

Девуцу надо как следует обработать. Дать какое-нибудь необычное, экзотическое имя. И хватит ей душиться цветочным одеколоном. О перламутровых ногтях и кожаных юбочках тоже придется забыть.

Конечно, придется серьезно ее обтесать, но в девушке имеется потенциал. Усилия будут не напрасны.

Руби откинула волосы со лба девушки, едва коснувшись громадных лиловых синяков, оставленных Бардо.

– Почему Бардо расспрашивал тебя о мистере Бейзиле?

– Он его ищет.

– Он говорил почему?

– Нет. Но мне кажется, это связано... Ой, нет. Наверное, мне не следует болтать. Бейзил заплатил мне, чтобы я помалкивала.

– Но мне можно рассказать. Вспомни, ведь он сам прислал тебя ко мне.

– Ну ладно. В общем, я думаю, это связано с женой Пинки Дюваля.

– Неужели? – Всем своим видом изображая полное безразличие, Руби внимательно выслушала рассказ Дикси. – Священник?

Дикси фыркнула.

– Представляете? Если бы Бейзил был священником, бабы в церкви кончали бы прямо во время мессы. Послушайте, если мне это ничего не будет стоить, можно мне выпить?

– Конечно. – Руби обернулась к служанке и велела принести чаю.

– Вообще-то я не чай имела в виду, – заметила Дикси, когда служанка вышла.

Руби снисходительно улыбнулась.

– Ты будешь пить чай, принимать лекарства и выздоравливать. Если ты будешь меня слушаться, то эти побои станут самым худшим, что до сих пор случалось с тобой в жизни. Но об этом мы поговорим позже, когда ты окончательно выздоровеешь.

Руби поручила девушку заботам служанки, вернулась на свой наблюдательный пост на галерее и принялась размышлять над тем, что узнала от Дикси. Так это Берк Бейзил повинен в дурном настроении Пинки? А вендетта Бейзила каким-то образом распространяется на молодую красивую же-

ну Дюваля? Так вот почему Бейзил с таким интересом слушал то, что она, Руби, рассказывала о Реми.

– Вы невероятно умны, мистер Бейзил, – хихикнула Руби и подняла бокал, словно провозглашая тост за бывшего полицейского.

Жаль только, что жить ему осталось совсем недолго.

А как же иначе, раз он покусился на жену Пинки Дюваля.

* * *

Мак уехал на работу раньше, чем обычно, сказав Тони, что у него накопилось много бумажной работы. Он надеялся успеть проскочить до часа пик, но на шоссе № 10 машины еле ползли, на этот раз из-за непогоды. Область низкого давления двигалась с Мексиканского залива, неся с собой проливные дожди.

Он припарковался у здания управления, но внутрь не пошел. Наоборот, открыл зонтик и прошел пешком несколько кварталов до небольшого кафе, где заказал чашку кофе. Попробовал кофе и сильно обжег язык. Встал, подошел к телефону-автомату и набрал номер, который вчера вечером списал из досье Бейзила.

– Алло?

– Джо Бейзил?

– Да.

Мак мысленно присвистнул от радости и от всей души

возблагодарил Бога за удачу. Много лет назад в графу, кому звонить при несчастном случае, Берк вписал не жену, а своего брата, живущего в Шривпорте. С тех пор брат мог переехать, телефон мог измениться. Маку крупно повезло, что он сразу же попал куда надо.

– Меня зовут Мак Макьюэн. – Он старался говорить дружелюбно, самым естественным то – ном. – Я работаю с вашим братом. Вернее, работал. Пока он не уволился.

– В отделе по наркотикам?

– Именно. Берк говорил обо мне?

– Вы возглавили подразделение после гибели Кевина Стюарта.

– Совершенно верно. – Интересно, как Берк о нем отзывался? Ругал? Хвалил? У Мака не хватило смелости спросить. – Я многому научился у вашего брата, и меня ужасно расстроило, что он сорвался и ушел вот так внезапно.

– Ему надоело. Во всяком случае, так он мне сказал. Еще сказал, что поставил крест на полицейской работе, но меня не удивит, если он возьмет и вернется в полицию. Может, не в Нью-Орлеане, а где-нибудь еще.

– Всем от этого будет только лучше. – Не желая давить и вызывать подозрение, Мак осторожно начал: – Берк на днях говорил, что хочет поехать куда-нибудь на время, расслабиться. А к моей жене тут приезжает подружка, вот я и подумал, почему бы и мне с ним вместе не махнуть? Поболтаем, попьем пивка, вспомним старые времена. Ну, сами по-

нимаєте.

– М-м-м, – неопределенно промычал Джо.

– Только я не знаю, где его найти.

– А с чего вы взяли, что он хочет, чтобы его нашли?

Очевидно, проницательность была фамильной чертой Бейзилов. Джо не служил в полиции, но соображал неплохо.

– Перед тем, как уехать, он говорил, мол, жалко, что ты со мной не можешь оторваться. А я, оказывается, могу, вот и решил, что он будет рад компании.

Последовала долгая пауза, Мак закусил губу. В течение всего разговора он шарил глазами по кафе, пытаясь угадать, кто из посетителей шпионит за ним по поручению Пинки Дюваля или Дела Рея Джонса. Но вроде бы никто не проявлял никакого интереса к нервному человеку, вцепившемуся в трубку телефона-автомата.

Наконец Джо Бейзил сказал:

– Боюсь, ничем не смогу вам помочь, мистер Макьюэн. Когда я в последний раз говорил с Берк-ком, он был в очень плохом настроении. Сказал, что намерен отдохнуть, и, честно говоря, у меня осталось ощущение, что он хочет побыть один.

Позабыв благодарственные молитвы, Мак чертыхнулся про себя.

– Понятно.

– Я вам вот что скажу. Если Берк вдруг мне позвонит, я передам ему ваши слова. И если ему захочется вас пригла-

силь, он перезвонит. Хорошо? Это все, что я могу для вас сделать.

Мак лихорадочно обдумывал: не сказать ли Джо, что его брат совершил федеральное преступление? Может, тогда он будет поговорчивее? Но тут же отказался от этой идеи. Дюваль не желал разглашать информацию о том, что его жена похищена. Если он узнает, что утечка происходит от полицейского Макьюэна, то Мак точно покойник.

– Мистер Макьюэн, мне надо идти, – сказал Джо Бейзил. – Был рад побеседовать с вами. Если Берк объявится, я скажу ему, что вы звонили. Всего хорошего.

И повесил трубку. А Мак все стоял у телефона – автомата, не в силах двинуться с места. Потом наконец очнулся, вернулся к стойке, заказал еще кофе и уныло уставился в стенку.

Господи, как же случилось, что его жизнь так внезапно рухнула?

Каких-нибудь пару недель назад он был полностью всем доволен. Ну, сильно задолжал Делу Рею Джонсу. Но ведь и раньше были долги. Деньги всегда можно достать, даже самые большие, надо только знать, как к этому делу подступиться. Правда, сумма долга на этот раз была уж слишком велика, но что за ерунда – пара лишних нулей? Конечно, дурак он, что связался с Делом Реем – этот урод позорит профессию ростовщика, – но все это казалось временными трудностями, которые должны были вот-вот разрешиться. Мак не сомневался, что скоро все наладится.

А теперь его жизнь полетела в тартарары. Бейзил сорвался, оставив после себя полную неразбериху. Отдел по борьбе с наркотиками лихорадило. Отдел внутренних расследований затеял новую проверку; на этот раз проверяли всех, в том числе и Мака. Это тоже действовало на нервы. Пату ходил сам не свой из-за внезапного ухода Бейзила и этой идиотской истории с похищением. Угрозы поганого Дела Рея Джонса приобретали реальную силу, поскольку теперь Мак знал: за ними стоит Пинки Дюваль.

Единственной надеждой Мака было найти Дювалю Бейзила, и эта единственная надежда только что сделала ему ручкой.

– Как бы не так, – пробормотал он, расплатился с кассиршей и вышел из кафе.

Пинки дал ему двадцать четыре часа. К ночи Мак должен узнать, где прячется Бейзил с женой адвоката. Или найти того, кто это знает. Однако шансов у Мака было немного.

Джо Бейзил повесил трубку и задумался. Странный звонок. Но долго думать было некогда, потому что в кухне за столом сидел гость и Линда поила его кофе. Жена явно не была готова к приему гостей так рано утром. На неожиданный звонок в дверь она выскочила в старом, потрепанном халате. Глаза припухли со сна.

Она вопросительно посмотрела на входящего в кухню мужа.

– Кто звонил?

– С работы. Спрашивали, во сколько я приду. Линда бросила на него странный взгляд, но ничего не сказала и предложила гостю позавтракать.

* * *

– Нет, спасибо, миссис Бейзил, – ответил Дуг Пату. – Я перекусил в кафе по дороге. Вы меня извините за столь ранний визит.

– Ничего страшного.

– Вы приехали на машине из Нью-Орлеана? – спросил Джо.

– Да, и собираюсь сразу же вернуться назад.

– А почему вы просто не позвонили?

– Понимаете, мне хотелось переговорить с вами лично.

– Это так важно?

– Да. За время работы в полиции ваш брат приобрел немало врагов не только среди преступников, но и в самой полиции. Я подумал, не стоит обсуждать это по телефону.

– Вы нас пугаете, мистер Пату, – нахмурилась Линда. – С Берком что-то случилось?

– Я сам этого не знаю и очень хочу узнать. Он уволился из НОБН, а через несколько дней исчез при таинственных обстоятельствах.

– Он мне звонил. Сказал, что хочет на время уехать, разобратся в себе, – задумчиво проговорил Джо. – Его разрыв с

Барбарой и уход из полиции – разве это можно назвать «таинственными обстоятельствами»?

– Вы не знаете о многом другом.

– Например, о чем?

– Извините, Джо, но я не имею права говорить об этом. Это секретная полицейская информация. – Пату положил руки на стол и обратился к супругам: – Пожалуйста. Если у вас есть хоть малейшая идея, где сейчас может находиться Берк, – скажите мне. Крайне важно, чтобы я обнаружил его раньше, чем кто-то еще. Даже не могу передать, до какой степени это важно.

– Вы хотите сказать, что его жизнь в опасности? – встревоженно спросила Линда.

– Возможно.

Что означает «да», подумал Джо. Он понял, что дело нешуточное. Они со старшим братом виделись не чаще двух раз в год, но это ровным счетом ничего не значило. Они были по-настоящему близкими людьми и крепко любили друг друга.

Джо готов был землю перевернуть, чтобы помочь брату. Но проблема заключалась вот в чем:

Джо не знал, хочет Берк, чтобы его нашли, или нет. Желающих было достаточно: и Макьюэн, и Пату.

Если Берк исчез, никому ничего не сказав, значит – он хотел исчезнуть. Раз он ушел из полиции, значит – плевал на эту «секретную полицейскую информацию». И вообще,

почему это Макьюэн и Пату ищут его по отдельности? Ни один из них не упомянул про другого. Если положение такое критическое, почему они не действуют слаженно, в одной команде?

– Извините, мистер Пату, ничем не смогу вам помочь, – повторил Джо то же, что только что сказал Макьюэну. – Берк не говорил мне, куда он поедет.

– И у вас нет никаких соображений на этот счет?

– Нет.

– А если бы вы знали, где он, вы бы мне сказали?

Джо ответил честно:

– Нет, не сказал бы.

Пату вздохнул. Он взглянул на Линду и понял, что она целиком на стороне мужа. Пату криво улыбнулся.

– Вы очень похожи на брата, Джо.

– Спасибо. Я считаю это комплиментом. Пату положил на кухонный стол визитную карточку и встал.

– Если передумаете, позвоните мне. В любое время дня и ночи. Миссис Бейзил, еще раз простите, что ворвался к вам без звонка. Спасибо за кофе.

Бейзилы проводили его до двери, посмотрели, как он садится в машину. Линда повернулась к Джо.

– Тебе никогда в жизни не звонили с работы узнать, когда ты придешь.

– Это был Мак Макьюэн, еще один полицейский. Догадайся, чего он хотел?

– Узнать, где Берк?

– Именно. А Пату специально примчался в Шривпорт, чтобы повидаться с нами.

– Что все это значит, Джо? Что случилось?

– Хотел бы я знать. Но я попробую выяснить. Он вернулся в кухню и стал листать телефонную книжку в поисках номера лавки Дредда.

* * *

Не обращая никакого внимания на дождь, Дредд закончил проверять свои лески. Он сидел на краю пирса, потрошил рыбу и швырял внутренности в воду, когда услышал телефонный звонок.

Чертыхаясь на непрошенный звонок, он зашлепал по мокрым доскам к дому.

– Погоди, погоди, уже иду, – бормотал он. Запыхавшись, открыл дверь, схватил трубку и гаркнул: – Да?

Короткие гудки. Дредд в сердцах бухнул трубку на место.

– Черт тебя подери!

Дредд терпеть не мог телефон и никогда не расстраивался, что не успел вовремя подойти. Если кому-то очень надо, перезвонит еще.

Взглянув в окно, он окончательно разозлился: наглый пеликан стащил всю выпотрошенную рыбу.

Невзирая на дождь, туристы толпились у пристани, чтобы взойти на старинный пароход «Креольская королева», который отправлялся на экскурсию по старинным плантациям, расположенным вверх по реке. Обвешанные фотоаппаратами и видеокамерами, кто под зонтиком, кто в прозрачном пластиковом плаще, пассажиры поднимались по трапу.

Посадка задерживалась из-за плохой погоды и группы пожилых туристов, многим из которых требовалась специальная помощь при входе на пароход.

Вдруг раздался душераздирающий крик.

Это кричала одна из пассажирок. Она прижималась к мужу, потрясенному не меньше жены, и указывала трясущимся пальцем куда-то за борт. Там, в грязной воде Миссисипи, что-то медленно двигалось, и именно на это «что-то» смотрела перепуганная женщина.

К перилам подбежали другие пассажиры, пытаясь понять, что привело бедняжку в такой ужас. Многие тут же с отвращением отвернулись, кое-кто прижал ко рту руку, желая справиться с приступом тошноты. Туристы с более крепкими желудками защелкали фотоаппаратами и видеокамерами. Некоторые начали шепотом читать молитву.

По реке лицом кверху медленно плыл Эррол, глядя в небо уже подернутыми мутной пеленой глазами. При жизни он

никогда не привлекал к себе столько внимания.

Глава 30

Берк стоял у открытой двери хижины, пил кофе из кружки и смотрел на дождь, когда услышал сзади шаги. Он оглянулся через плечо, ожидая увидеть Реми с поднятой железной сковородкой или еще с чем-нибудь, замахнувшуюся для удара.

Вчера она никак не могла смириться с наручниками – сопротивлялась изо всех сил, и ему пришлось повозиться, чтобы не причинить ей никакого вреда.

– В этом не было бы необходимости, если бы вы не пытались сбежать, – сказал он ей. – Я не могу рисковать. Вы возьмете и убьете меня, пока я сплю.

– Мне бы такое и в голову не пришло.

– А мне пришло. – Он растянулся на кровати, и она была вынуждена последовать его примеру. – У меня был долгий, трудный день. Я хочу спать. Да и вам не мешало бы.

Она демонстративно отодвинулась на самый край кровати, вся кипит от возмущения. Он же закрыл глаза, больше не обращая на нее внимания. Скоро Реми уступила усталости, легла и быстро заснула. А утром он встал и, постаравшись ее не разбудить, расстегнул наручники. Сейчас он видел, что она по-прежнему дуется, но все-таки занесенной сковородки у нее в руках не было.

– Кофе на плите, – сообщил Берк. Больше не оборачива-

сь, он продолжал наблюдать за погодой. Все небо заволочло тучами, над болотом стояла плотная пелена дождя, и не похоже было, что он скоро кончится. Берк порадовался, что захватил с собой достаточно припасов. Сегодня он все равно не смог бы сплавить к Дредду, даже если бы лодка не была продырявлена.

Из-за дождя они вынуждены были находиться в хижине. Не разумно ли предположить, что и все другие сидят по домам? Все, кроме Дюваля? Интересно, скоро ли он здесь появится? Через десять минут? На следующей неделе?

Чем скорее, тем лучше, подумал Берк. Ему было невозможно находиться с Реми в одном помещении. Хижина буквально давила на него; очевидно, сказывалось напряжение последних дней. Лежа вчера рядом с Реми, Берк почти не спал. Он слышал каждый ее вздох, ощущал малейшее движение. Стоило ей вздохнуть чуть глубже, и он тут же просыпался. Даже сейчас, стоя к Реми спиной, он знал, где она и что делает.

В Нью-Орлеане она одевалась, совершенно намеренно подчеркивая свою сексуальность. Тряпки у нее были очень дорогие, но так могла одеваться и роскошная шлюха.

Сейчас, в этом сером шерстяном спортивном костюме, она выглядела еще более эротичной, чем тогда в беседке в черном платье с низким вырезом. Без косметики, с припухлыми после сна щеками, спутанными волосами она казалась уютной и невинной, как котенок. И чертовски соблазнитель-

ной.

Берку становилось все труднее прикидываться перед самим собой, что он ничего к ней не испытывает. Он хотел ее с той самой минуты, когда впервые увидел. С той самой ночи, когда обнаружил, что роскошная небожительница в беседке – жена Пинки Дюваля.

Господи, почему он тогда же не нашел покладистую женщину, чтобы снять напряжение? Последние несколько месяцев они с Барбарой не занимались сексом, и в Берке накопился мощный заряд, не находивший выхода. Надо было соглашаться на бесплатное угощение Дикси. Или принять предложение Руби Бушера. Всего один час с любой из ее девиц вернул бы ему спокойствие и равновесие. Но нет, он отказался. Псих, иначе не скажешь.

Хотя, если честно, он опасался, что даже профессионалка самого высокого класса, имеющая в своем арсенале все возможные и невозможные трюки, не сумеет загасить пылающий в нем костер.

Ну где этот чертов Дюваль?

Может быть, всеилие, которым похвалялся адвокат, – фикция? Может, армия наемников – выдумка для устрашения противников? Если же они в самом деле существуют, то это – безмозглая куча идиотов. Неужели Берк Бейзил, новоиспеченный похититель людей, так ловко замел следы? Может, в нем талант пропадает?

Но факт оставался фактом: он находился наедине со сво-

ей заложницей вот уже четвертый день, и сдерживаться становилось все труднее.

Берк выплеснул остатки кофе на мокрые доски.

– Хотите есть?

– Да. Мы ведь вчера так и не поужинали. Он метнул в нее выразительный взгляд, в котором читалось: а кто виноват? Но вслух сказал:

– Сейчас погляжу, что там у нас имеется. Он подошел к полке, на которой разложил привезенные припасы.

– Хлеб, крекеры, сардины, орешки к пиву, бобы, чили, томатный суп, консервированное мясо и тунец, спагетти, ананасный компот, еще бобы, ореховое масло.

– Я съем бутерброд с ореховым маслом и немного ананасного компота.

Во время еды он спросил про ранки на спине.

– Я посмотрела в зеркале над раковиной, – сказала она. – Кажется, они заживают. Вы считаете, их надо снова обрабатывать?

– Дредд меня убьет, если туда попадет инфекция. Лучше все-таки смазывать их бальзамом, хотя бы через день.

– Я и сама могла бы это делать.

Он потянулся за пустой бумажной тарелкой, но при этих словах отдернул руку и раздраженно помотал головой.

– А, я понял. Дело не в лекарстве. Вы просто не хотите, чтобы я до вас дотрагивался.

– Я этого не говорила...

– У меня руки почище, чем у Бардо, а вы не больно-то возражали, когда он вас лапал. Так что, не надо мне вешать лапшу на уши.

– Бардо? – воскликнула она.

– Да. Я наблюдал за вашими играми в беседке. Дюваль устроил праздник по случаю оправдания своего дружка, но вы решили отметить его по-своему.

– Не знаю, что вы там видели, мистер Бейзил, но вы глупо заблуждаетесь.

– Я видел достаточно. И ушел, пока не началось самое интересное. – Берк скрипнул зубами и резко встал. – Вы тут руками прикрывались, чтобы я не подглядывал за вашими сиськами. Так я уже видел, как они чуть не вываливались из платья. И на ваши внезапные приступы скромности мне наплевать. Из-за них я к вам лучше относиться не стану. Наоборот, меня от них тошнит. Проговорив все это, он вышел наружу. Черт с ним, с дождем, надо чинить лодку.

* * *

Прежде чем открыть глаза, Грегори сказал себе, что ему приснился кошмарный сон. Вчера он слишком много выпил или травки накурился, вот подсознание и изобрело дурацкое приключение, в котором участвовали Берк Бейзил, Пинки Дюваль, болотный отшельник, крокодилы и красивая женщина. Странный ансамбль. В довершение нелепости сам он,

Грегори, почему-то исполнял роль священника.

Теперь, благодарение Господу, кошмар кончился.

Но, когда Грегори открыл глаза, он не увидел опущенных жалюзи, висевших на окнах в его квартире. Вместо этого взору предстали замызганные занавески, висевшие на покосившемся медном карнизе. Слышно было, как тяжелые дождевые капли ударяют по стеклу и кровле дома, в котором он провел ночь.

Он благословил своих спасителей. Поблагодарил за щедрое гостеприимство. Они же в свою очередь попросили его благословить на брак их сына и его беременную троюродную сестру. У отца Грегори не было другого выхода, пришлось согласиться на проведение свадебной церемонии.

Она была запланирована на сегодня. Грегори очень надеялся, что сумеет вспомнить все необходимые слова. Он учился в семинарии, но это было сто лет назад. Да и вся его прошлая жизнь – до той ночи, когда он встретил Бейзила в туалете в парке, – казалась ему далекой-далекой. Грегори выругался сквозь зубы. И что его понесло в тот вечер в парк? Почему было не пойти в кино?

Не важно, мрачно подумал он, натягивая на себя грязную одежду. Рано или поздно Бейзил все равно бы его нашел. Не в парке, так еще где-нибудь. В войне против Пинки Дюваля Бейзилу нужен был именно Грегори, с его уникальными знаниями и способностями.

Оглядев себя в мутном зеркале, он вышел из комнаты. Вся

семья собралась в большой комнате, которую отделяла от кухни высокая стойка. Жених лениво посасывал пиво, невеста накручивала волосы на бигуди.

Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Грегори сунули в руки чашку кофе и представили бабушкам, теткам и племянницам, добровольно вызвавшимся помочь все приготовить к приходу гостей. Добродушно поругивая дождь, женщины попросили Грегори замолвить у Господа словечко: пусть устроит солнышко ради такого праздника. Грегори, криво улыбнувшись, пообещал.

В комнате витали соблазнительные ароматы готовящихся кушаний. Крепкие мужчины притаскивали все новые ящики с пивом. Стараясь казаться незаметным, Грегори смотрел в окно и думал: как бы сбежать. Вчера вечером он решил, что дом стоит на острове. Сегодня Грегори с облегчением понял, что его спасители живут на самом конце полуострова: ярдах в пятидесяти от дома виднелась покрытая щебнем дорога, ведущая на большую землю.

К полудню начали собираться друзья и родственники, и все несли еду: жареную рыбу, кастрюли с густым супом, копченые и вяленые колбасы, жаренные по-креольски креветки, красные бобы с рисом, запеченный окорок и даже многоярусный кокосовый торт с фигурками жениха и невесты на верхушке.

Грегори понимал из их оживленных разговоров только отдельные слова. Он ощущал себя чужаком в этой тесной,

сплоченной компании. Каждый вновь прибывший смотрел на него с подозрением. Грегори ангельски улыбался, стараясь рассеять эту неприязнь; но с лицом, по которому будто табун проскакал, это неважно удавалось. Никто из гостей или родственников жениха и невесты не спросил у него, почему он согласился провести свадебную церемонию, хотя другие священники отказались это сделать по моральным соображениям. Когда Грегори подписал брачное свидетельство, отец буркнул неразборчивое «спасибо».

Насколько неприязненно эти люди относились к чужакам, настолько же радостно и открыто приветствовали они своих. Стены их дома сотрясались от дружественных воплей. Вскоре к крикам присоединились звуки настраиваемых инструментов: это музыканты готовились к танцам.

В два часа дня невеста робко вошла в комнату. На ней было длинное белое воздушное платье. Родственницы потрудились на славу: под пышными юбками живот был почти незаметен. Мужчины подтолкнули шатающегося жениха, и он занял место рядом с засмущавшейся невестой.

Они встали перед отцом Грегори, и тот начал свадебную церемонию, призывая Господа благословить это чудесное собрание родственников и друзей. Если он и путал слова обряда, то гости были уже не настолько трезвы, чтобы это заметить.

Через пять минут процедура завершилась, счастливая пара скрепила поцелуем свой липовый брак.

А отец Грегори мечтал только об одном: как бы поскорей унести отсюда ноги, пока его не разоблачили.

Он ел с ними. Пил пиво. Они не отличались воздержанностью и поглощали пищу в невероятных количествах. Чем больше они пили, тем громче звучала музыка и тем веселее танцевали гости. Уже разгорелись две драки, но спорщиков быстро урезонили, и обошлось без большого кровопролития. Смеркалось, в комнатах стало душно от испарений вспотевших тел и дымящихся на плите кушаний. Кто-то открыл дверь, чтобы проветрить помещение.

Через эту-то приоткрытую дверь и выскользнул отец Грегори, прихватив по дороге чью-то куртку и шапку.

В лицо ему хлестал дождь. По ведущей от дома дорожке Грегори быстро добежал до сарая, возле которого лежала лодка, которую он украл у Дредда и из которой его вытащили вчера вечером. Грегори на нее даже не взглянул. Никакого болота, хватит. Большое спасибо. Теперь он будет передвигаться только по твердой земле. Она, конечно, тоже изобиловала опасностями, но все-таки не внушала такого ужаса, как болотная жижа.

Воровато оглянувшись на дом, Грегори не заметил каких-либо признаков суматохи. Вроде пока не хватились. Он пригнул голову и побежал прочь от сарая. Никогда раньше не бегал он так быстро, легкие словно охватило огнем. Добежав до конца дорожки, он чуть не вскрикнул от радости.

Дорожка вывела его к шоссе. Тяжело дыша, Грегори оста-

новился. Немного подождав, пока восстановится дыхание, он торопливо зашагал по шоссе, от души надеясь, что движется по направлению к ближайшему городу.

Далеко пешком ему не уйти. Единственная надежда на то, что его подберет какая-нибудь машина, прежде чем свадебные гости обнаружат, что отец Грегори исчез, и ринутся его искать. Хотя, с другой стороны, зачем им теперь священник?

Когда он увидел огни приближающейся машины, сердце его учащенно забилося. Это могла быть погоня. Или полицейские, разыскивающие похитителей миссис Дюваль. Или люди самого Дюваля, рыщущие в поисках его жены.

Или же это мог быть путь назад, в цивилизацию.

Господи, пожалуйста, взмолился Грегори, обернулся и поднял руку. Пикап замедлил ход, водитель пригляделся к голосующему и... проехал мимо, обдав Грегори грязной водой из лужи. Грегори разрыдался от разочарования. Он все еще продолжал плакать, когда, минут пять спустя, показался следующий автомобиль. Должно быть, одинокий пешеход выглядел таким несчастным, что сидящие в машине пожалели его и остановились.

Грегори подбежал и заглянул внутрь. Две совсем молоденькие девушки, одна – за рулем, другая – рядом. Они с интересом глядели на Грегори. Одна спросила:

– А где ваша машина, мистер?

– Я утопил ее в болоте, потому что прикинулся священником и похитил жену знаменитого и богатого человека.

Девчонки захихикали, услышав смешную шутку.

– Класс! – сказала другая. Потом кивнула на заднее сиденье: – Залезайте.

– Куда вы едете? – поинтересовался Грегори.

– В Нью-Орлеан. На праздник.

– Класс! – повторил вслед за ней Грегори.

Девушка за рулем нажала на акселератор, и машина помчалась в темноту по мокрому от дождя асфальту.

Девчонкам – лет по пятнадцать, не больше, а одеты так, что покраснела бы Мадонна. Прозрачные блузки, вызывающе короткие юбки. Везде сережки – в ушах, в носу, в губах. И по килограмму косметики на каждой.

У французского квартала он попросил остановиться, хотя они изо всех сил уговаривали его остаться.

– Отлично проведем время, – сказала одна.

– Ты не думай, мы много чего умеем, – похвасталась вторая.

– В том-то и штука. – Грегори изобразил обольстительную улыбку. – Вы, девочки, для меня слишком опытные.

Лесть сработала. Машина остановилась у перекрестка, и Грегори вышел. Девчонки послали ему воздушный поцелуй и умчались. Грегори потрясла их беспечность. Неужели родители не предупреждали их, что нельзя сажать голосующих на дороге? Они что, вечерние новости не смотрят? А вдруг бы он оказался каким-нибудь извращением?

Хотя, хмуро напомнил себе Грегори, он и есть самый на-

стоящий извращенец.

Пробираясь сквозь толпу людей, невзирая на погоду, вышедших на улицу отметить начало праздника Марди-Гра, Грегори старался ни с кем не встречаться глазами. Он прошел пешком несколько кварталов и свернул на свою улицу. Настроение не – медленно улучшилось. Он бегом добежал до подъезда. Ключ лежал на том самом месте, где Грегори его оставил, уходя в то кошмарное утро на встречу с Бейзиллом, чтобы отвезти миссис Дюваль на экскурсию в «Дом Дженни».

– Черт меня дернул за язык с этими девчонками, – с досадой пробормотал он.

Наверняка его фото имеется у каждого полицейского. Его разыскивают. Объявлено вознаграждение за его поимку. У папочки, наверное, скачет давление; Грегори давно проклят и лишен наследства.

Итак, что делать? Первым делом – бутылка вина из холодильника и долгий, горячий душ. Ночь придется провести тут. Утром – упаковать вещи и дернуть отсюда к чертовой матери.

Он пока не очень себе представлял, как будет путешествовать без денег. Может, в последний раз бухнуться в ножки папаше, старому хрычу? Только сначала лучше поговорить с матерью, воззвать к ее материнским чувствам, если у этой ведьмы они когда-нибудь имелись.

Решив, что так и поступит, он включил свет.

– Привет, Грегори.

Он вскрикнул. На диване развалились двое полицейских. Словно гигантские пауки, они сидели здесь в засаде, поджидая, когда прилетит муха.

– Заждались мы тебя, – лениво потянулся один. – Уже два дня тут торчим. Господи, – он пристальнее всмотрелся в лицо Грегори. – На кого ты похож? Тебя теперь трудно назвать красавчиком.

– Что, не пришлась по вкусу жизнь беглеца? – включился в разговор второй. – Все, отбегался. Оборвалась твоя криминальная карьера, Грегори.

Подавлена в зародыше. – Он щелкнул пальцами в миллиметре от носа Грегори.

Бедняга прислонился к стене, закрыл глаза и застонал, качая головой из стороны в сторону. Ночной кошмар продолжался.

Глава 31

Дождь кончился, но над болотом по-прежнему висели мрачные свинцовые тучи. Реми стояла в дверях хижины и смотрела, как Берк спускал лодку на воду.

Он заделал дырки от пуль каким-то смолистым веществом, которое обнаружил в ящике с инструментами. Реми видела, как он долго возился и чертыхался, но, очевидно, работа все же получилась: лодка на воде держалась. Он привязал ее к пирсу.

– Не пропускает воду? – спросила Реми, когда Берк подошел ближе.

– Надеюсь, не утону.

– А куда вы поплывете?

– К Дредду.

– Когда?

– Завтра утром. Если прояснится. Не могли бы вы подать мне полотенце? А то с меня течет, как с утки. Я весь пол закапаю.

Он провозился под проливным дождем почти целый день. Джинсы и рубашка были – хоть выжимай. Берк взял протянутое полотенце, коротко буркнул: «Спасибо» – и пошел умываться. Через несколько минут он вернулся в хижину с полотенцем, обвязанным вокруг бедер. Молча сгреб в охапку сухую одежду и прошел в ванную.

А плечи у него покрыты веснушками, заметила Реми.

Уже одетый, Берк подошел к столу, спросил:

– Это что?

– Ужин.

Всеми доступными средствами Реми постаралась сервировать стол. Она даже нашла свечку в одном из ящичков. Свечка стояла в лужице воска на треснутом блюде и даже делала хижину немного уютней.

– Это всего лишь бобы в чили-соусе, но вы все равно, наверное, есть хотите. Вы же не завтракали.

– Да. Все замечательно.

Он сел за стол, и она разложила еду по тарелкам. Меню дополняли коробка сухого печенья и бутылка воды. Трапеза проходила в молчании. Берк заговорил первым:

– Вы, поди, привыкли к другому.

Она положила ложку и обвела взглядом комнату. Старая мебель, допотопный обогреватель, мерцающая керосиновая лампа. Зато здесь сухо и тепло – настоящее убежище от враждебного окружающего мира.

– Я действительно к такому не привыкла, но мне нравится. Может быть, именно потому, что так не похоже на все, что я видела прежде.

– Разве ваш ухажер не возил вас порыбачить?

– Я никогда не ходила на свидания, и у меня никогда не было ухажера. – Она отломилла кусочек печенья, положила его на край тарелки. Налила себе воды. Заметив его удивлен-

ный взгляд, она спросила: – Что?

– Вы никогда не ходили на свидание?

– Если не считать Пинки. Из дома моей матери я перешла в школу при монастыре Святого Сердца, потом – в дом Пинки. У меня просто не было возможности завести приятеля. Я даже никогда не ходила на танцы.

– Как это?

– Мы жили в одной комнате с Анджелой, – спокойно объяснила Реми. – И я была не высокого мнения о мужчинах вообще. Меня не тянуло на танцы. А если бы даже и тянуло, Пинки бы все равно не позволил.

Они снова замолчали, слышен был лишь стук ложек о тарелки. Наконец он спросил:

– А вам никогда не хотелось стать монахиней? Вопрос удивил ее, она тихо рассмеялась.

– Нет. У Пинки были другие планы.

– Расплата.

– Можете называть это так. Мы поженились на следующий день после моего выпуска.

– А колледж?

– Я хотела поступить в колледж, но Пинки не разрешил.

– Пинки бы не позволил. У Пинки были другие планы.

Пинки не разрешил.

Обиженная его издевательским тоном, она огрызнулась:

– Вы не понимаете.

– Не понимаю.

– Не считайте меня невежественной дурой. Я окончила колледж заочно.

– Я и не считал вас невежественной.

– Еще как считали. У вас на лице написано, что вы обо мне думаете, мистер Бейзил.

Он открыл рот, чтобы возразить, но передумал, пожал плечами и заметил:

– Это не мое дело. Просто я не понимаю, как может человек, мужчина или женщина, взять и сказать кому-то: «Эй, вот тебе моя жизнь, распорядись ею, как хочешь!» Неужели вы никогда не пытались повести себя независимо?

– Почему же, пыталась. Однажды я, проигнорировав желания Пинки, тайком устроилась на работу в художественную галерею. Я изучала искусство, люблю живопись и на собеседовании продемонстрировала свои знания и способности владельцу галереи. Он нанял меня. Я проработала два дня.

– А что произошло?

– Галерея сгорела дотла. Картины погибли. – Она многозначительно взглянула на Берка. – Поджигателей не нашли, но я больше не пыталась устроиться на работу.

Забыв о еде, он сидел, поставив локти на стол, и смотрел на Реми. На щеках у него тоже россыпь веснушек, заметила она. А глаза не карие, как она думала, а зеленые, темно-зеленые, это можно увидеть, только если внимательно приглядеться.

– Хотите еще?

Он не сразу понял вопрос, потом взглянул на пустую тарелку.

– Да, спасибо.

Добавку он съел молча.

Когда он закончил, она принялась убирать со стола. Он предложил помыть посуду, Реми взяла полотенце, чтобы вытирать.

– Я еще не встречал таких, как вы, – сказал Берк. – Вы меня умоляли отпустить вас к вашему мужу, а ведь он вас просто истязает. Вы – пленница в собственном доме. Никакой самостоятельности. Вашего мнения не спрашивают, даже когда дело касается вашего будущего. Вы – собственность Пинки Дюваля, собственность, которую он демонстрирует окружающим.

– Как его орхидеи.

– Орхидеи?

– Он может часами находиться в оранжерее, ухаживая за орхидеями.

– Вышутите.

– Нет. Но это не важно. Пожалуйста, закончите вашу мысль.

– Мою мысль? Очевидно, вам не противно ваше положение, ведь вы много получаете взамен. Роскошная одежда. Драгоценности. Лимузин с шофером. Какова мать, такова и дочь. Только вы продались дороже, чем Анджела, вот и все.

Он не смог бы сделать ей больнее, даже если бы нахлестал по щекам. Реми бросила полотенце и рванулась прочь, но он мокрой рукой схватил ее за запястье.

– Оставьте меня.

– Вы продали тело и душу Пинки Дювалю и считаете, что это решение оправдывает то, что ваша мать была шлюхой и наркоманкой. Нет, миссис Дюваль, не оправдывает. Конечно, дети родителей не выбирают, но, став взрослыми, мы властны сами распоряжаться своей судьбой. Мы имеем право выбора.

– Неужели?

– Вы не согласны?

– Очевидно, вам было проще делать свой выбор, мистер Бейзил.

– Я думаю, вам тоже не пришлось сильно голову ломать. Красивая, соблазнительная женщина может продать себя очень дорого.

– Вы правда так думаете?

– Конечно, может.

– Нет, я о другом. Вы действительно считаете меня красивой и соблазнительной?

Дернувшись, как от удара, он тут же выпустил ее руку. Но глаз не отвел. Помолчав, он сказал:

– Да, считаю. Вы и сами это знаете. Ваша сексуальность – товар, и каждый мужчина, с которым вы имеете дело, хочет этот товар купить. Каждый – от старого уроды Дредда

до несчастного заики, который продавал вам апельсины на Французском рынке.

Она пораженно смотрела на него.

– Тот парень в бейсбольной кепке, который побежал за вами, чтобы отдать забытый пакет с апельсинами. Это был я, – сердито пояснил он. – Я следил за вами тогда. И в ту ночь, когда у вас было свидание с Бардо в беседке, – тоже.

– У меня не было свидания с Бардо! Ни в ту ночь, ни в другую. У меня от этого типа мурашки бегут по коже.

– А мне так не показалось.

– Вы слишком самоуверенны и склонны к скоропалительным выводам, и меня это удивляет. Уж вам-то должно быть известно, что вещи не всегда таковы, какими кажутся. Иногда ваши собственные глаза могут вас обмануть.

Он шагнул вперед.

– Вы о чем?

– Вы убили вашего напарника. Сами в него выстрелили. Технически все произошло именно так. Но разве можно обвинять вас, основываясь на этом? Имеются дополнительные обстоятельства. И они вас оправдывают.

– Так. И что?

– А то, что вам неизвестны обстоятельства моей жизни. Как же вы смеете поучать меня и рассуждать о свободе выбора!

– Миссис Дюваль?

– Что?

– Вы когда-нибудь орали вот так на вашего мужа? – Неожиданный вопрос и спокойный тон собеседника смутили ее. – Нет? А следовало бы. Может, он перестал бы поджигать картинные галереи, если бы вы ему сказали: «Как ты смеешь!» – и пригрозили уйти.

– Уйти? – горько усмехнулась Реми. – Блестящая идея, мистер Бейзил. Почему она раньше не приходила мне в голову? Почему...

– Ш-ш-ш! – Он бесцеремонно зажал ей рот ладонью. Она попыталась высвободиться, но он только крепче сжал ее. – Тихо.

Теперь она тоже услышала звук тарахтящего мотора.

– Пока мы не узнали, кто это, – прошептал он, – советую вам вести себя тихо.

Реми вспомнила парней из кафе, гнавшихся за ними на грузовике, и понимающе кивнула. Берк отпустил ее.

– Погасите свечу. – Она дунула на свечку, а он прикрутил лампу, чтобы едва мерцала. – И не высовывайтесь.

Берк пригнул ее голову так же, как тогда в лодке, когда над ними летал вертолет, и знаком велел заползти под стол. Реми повиновалась.

Двигаясь бесшумно, Берк подошел к шкафу и достал с верхней полки пистолет. Это было единственное место, где Реми его не искала сегодня днем, когда Бейзил чинил лодку. Он сунул пистолет за пояс, вышел на пирс и встал, подпирая плечом дверь.

Звук мотора становился все громче. Вскоре показались огни приближающейся лодки. Реми разглядела, что лодка примерно такая же, на какой они с Бейзилом сюда приплыли.

Мужчина крикнул что-то на нью-орлеанском французском диалекте. Бейзил коротко отозвался:

– Здорово, ребята.

Хижина завибрировала, и Реми поняла, что лодка подрулила к пирсу и ткнулась в шину, выполнявшую роль буфера. На четвереньках Реми выбралась из-под стола, подползла к окну. Стараясь не высовываться, она выглянула из-за подоконника. В лодке сидели трое мужчин.

Реми ломала голову: показаться ли ей, дать понять, что она – пленница, либо сидеть тихо. Ей крайне необходимо было вернуться в Нью-Орлеан, но кто знает, будет ли она с этими мужчинами в безопасности? Может, лучше пока оставаться с Бейзилом?

Пока ее терзали сомнения, Бейзил спросил, как идет рыбалка. Значит, они не полицейские. Или Бейзил так специально говорит, чтобы обмануть свою заложницу?

Она снова украдкой выглянула. В сумрачном тумане мужчин было почти не видно, но полицейской эмблемы на лодке точно не было. Да и мало они походили на представителей закона.

Старший по-английски ответил, что они не рыбаки.

– Мы кое-кого ищем. Священника.

– Вообще священника или какого-то конкретного? – ве-

село отозвался Бейзил, но Реми знала, что его дружелюбие – показное.

– Священника, отца Грегори. Он пропал. – Мужчина в лодке чисто галльским жестом пожал плечами. – Если у него имеются враги, мы не хотим, чтобы у нас с ними были проблемы.

– С чего вы взяли, что у него есть враги? Мужчина принялся рассказывать, Берк слушал не перебивая. Потом спросил:

– Заблудился на болоте? Бедняга. Но я здесь уже несколько дней и никого не видел.

Мужчины в лодке шепотом посоветовались, потом старший поблагодарил Берка, пожелал спокойной ночи, и они отчалили.

Реми лихорадочно соображала: броситься к двери, позвать их или же это опасно? Ведь чем-то они напугали Грегори, раз он сбежал от них? Должно быть, у него была серьезная причина не доверять этим людям.

Или же он боялся, что его отдадут в руки властей?

Реми вскочила и бросилась к двери, но налетела прямо на Бейзила.

– Вы можете закричать, и они вернутся, – тихим угрожающим голосом сказал он. – Но где гарантия, что они не причинят вам вреда? – А где гарантия, что мне не причините вреда – вы?

– До сих пор я вас и пальцем не тронул.

Она не смотрела ему в глаза, но понимала, что он прав. Лучше известное зло, чем неизвестное.

Без слов поняв, к какому решению она пришла, Берк отошел и погасил лампу. Хижина оказалась в крошечной темноте.

На случай, если они оглянутся, – пояснил он.

– А как вы думаете, что случилось с отцом Грегори после того, как он сбежал со свадьбы? – спросила она.

– Кто знает. Но, раз он попал к этим людям, мы знаем по крайней мере, что из болота он все же сумел выбраться.

* * *

Грегори смирился с мыслью, что скоро умрет. Конечно, ему не грозил смертный приговор за участие в похищении, но долгий срок в тюрьме был обеспечен. А там он станет лакомой добычей и продержится от силы месяца два. И тогда смерть будет казаться облегчением.

Он вжался в сиденье полицейской машины безо всяких опознавательных знаков, сердце его отчаянно колотилось. Но, к его удивлению, они проехали мимо полицейского участка.

– Вы везете меня в центр?

Офицеры, словно не слыша, продолжали беседу о том, где и как будут отмечать праздник Марди-Гра.

Когда же они, не сбрасывая скорость, промчались мимо

центрального управления, Грегори закоченел от ужаса.

– Куда вы меня везете?

Один из полицейских обернулся:

– А ну заткнись. Не мешай разговаривать.

– Вы из федеральной службы? Они рассмеялись, и шофер сказал:

– Ага, точно. Из федеральной.

Грегори их ответ совсем не понравился, и он захныкал:

– Меня заставили. Этот Бейзил, он кошмарный тип. Он угрожал меня убить, если я ему не помогу. Он бы точно меня убил. Я... я даже не знал, что он задумал похищение.

Кажется, эти доводы их не убедили, и тогда Грегори выбрал другую тактику.

– Мой отец очень богат. Если вы отвезете меня к нему, он заплатит вам много денег без разговоров. Просто скажете ему, сколько вам надо, и он даст. Клянусь, у него полно денег.

– Мы все про тебя знаем, Грегори, – сказал тот, что сидел на переднем кресле. – А пока заткнись, иначе я рассержусь.

Грегори тихо заплакал. Теперь он понял, что это не полицейские. Все сомнения окончательно рассеялись, когда машина въехала в подземный гараж большого здания. Сейчас, ночью, в гараже стояло всего несколько машин.

В кино жертву часто убивали в подземном гараже; эти кошмарные сцены калейдоскопом пронеслись в голове Грегори. Вот сейчас они поставят его лицом к бетонной стене

и выстрелят в голову. А завтра утром клерк, приехавший на работу пораньше, обнаружит его тело с кровавым месивом вместо лица.

– Пожалуйста, – пролепетал он, когда открылась дверца машины. – Прошу вас, не надо.

Но мнимый полицейский выволочек его наружу. Грегори бухнулся на колени, умоляя сохранить ему жизнь, но его рывком поставили на ноги и поволокли к лифту.

А, значит, они не будут убивать его в гараже. Наверное, не хотят, чтобы кровь попала на их одежду. Просто вытащат на крышу и сбросят оттуда, имитируя самоубийство. Соучастник похищения Грегори Джеймс не выдержал угрызений совести и перешел через край. В буквальном смысле слова.

Но, прежде чем подняться на крышу, лифт остановился на каком-то этаже. Грегори выпихнули из кабины, и он с удивлением увидел длинный, устланный ковром коридор. В конце коридора располагалась массивная двойная дверь красного дерева с медной табличкой.

Когда Грегори прочитал имя на табличке, у него подкосились ноги и он рухнул прямо перед дверью.

– Вставай, – скомандовал один из сопровождающих.

– Давай, давай, подымайся.

Грегори свернулся калачиком и заскулил на одной ноте.

Двойные двери распахнулись, и раздался громкий властный голос:

– В чем дело?

– Да вот, вставать не хочет. Что прикажете с ним сделать, мистер Дюваль?

Услышать это имя было еще кошмарнее, чем прочесть его на табличке. Грегори зажал уши. Но он видел, как по густому зеленому ковру приближаются сверкающие туфли из змеиной кожи. В нескольких дюймах от его лица туфли остановились.

– Мы ничего ему не сделаем, джентльмены, – сказал Пинки Дюваль. – Мистер Джеймс сам решит свою судьбу.

Глава 32

– Мистер Дюваль? Извините, что отрываю. Это звонит мисс Фларра. Она очень взволнована.

– Спасибо, Ромен. Я поговорю с ней.

Ромен закрыл за собой дверь, и Пинки поднял трубку.

– Фларра? Как ты поживаешь, дорогая?

– Я с ума схожу от беспокойства, вот как я поживаю! Что происходит? Почему я должна умолять Ромена, чтобы он позвонил тебе к телефону? Ему, видите ли, ведено никого с тобой не соединять. Где Реми? Почему она не приехала? И не звонит уже несколько дней. Произошло что-то ужасное, я знаю.

– Успокойся. Ничего ужасного не произошло.

– Тогда в чем дело? Реми не была у меня целую неделю, а она никогда не пропускает наши свидания. Каждый раз, когда я звоню вам домой, мне дают от ворот поворот.

– У твоей сестры что-то с горлом. Может быть, это сильная ангина, а может быть, что-то и посерьезнее.

Фларра встревожилась:

– Она так серьезно заболела?

– Еще несколько дней, и она поправится.

– А почему мне ничего не говорили?

– Реми не хотела тебя понапрасну беспокоить, поэтому она велела прислуге молчать. Она принимает антибиотики,

и ей уже намного лучше, но горло еще болит. Ей трудно разговаривать. А я сейчас веду дело, которое поглощает все мое время и внимание. Прости, что не позвонил. Это было непростительной ошибкой.

На другом конце провода воцарилось молчание.

Пинки пытался понять, как восприняла его ложь Фларра. Если бы он сказал ей правду, разразилась бы истерика, а это ему сейчас ни к чему. Фларра импульсивна и непредсказуема. Не хватало еще ломать голову над тем, как она воспримет исчезновение сестры. В скором времени ему придется сообщить ей о смерти Реми, но – проблемы надо решать по порядку.

– Можно мне навесить ее завтра? – спросила девочка.

– Боюсь, нет, солнышко. Болезнь может быть заразна. Меньше всего Реми бы хотела, чтобы ты тоже заболела. Сестра Беатриса не простит, если по нашей вине в школе начнется настоящая эпидемия.

– А доктор Карут знает о том, что Реми принимает лекарства?

– При чем тут доктор Карут?

– Не знаю. Пинки... Реми в последнее время ходила такая грустная...

– Ну и что?

– Ну, я просто подумала... Это, конечно, только мое предположение... но, может, Реми беременна?

Пинки смотрел на стоящее на столе хрустальное пресс-

папье, но не видел его. Совершенно абсурдное предположение его юной свояченицы вдруг показалось ему не таким уж абсурдным.

Не ведая о том, какую реакцию произвели ее слова, Фларра продолжала допытываться:

– Так вот, если она беременна, можно ли давать ей антибиотики?

– Она не беременна.

– Ты уверен?

– Как ты думаешь, если бы моя жена была беременна, неужели я бы об этом не знал? – не в силах сдержать ярость, заорал Пинки.

– Хорошо-хорошо, не надо на меня кричать. Я не собираюсь совать нос не в свое дело. Просто мне кажется, что Реми всегда очень хотела ребенка и сожалеет, что не может его зачать. Вот и ходит кислая. Я даже у нее спросила недавно.

– И что она сказала?

– Что она не беременна.

– Ну вот, видишь. Зачем бы она стала лгать?

– Наверное, ты прав, – согласилась Фларра. – Так, просто пришло в голову. А ты не мог бы приложить трубку к ее уху? Пусть не разговаривает, я только с ней поздороваюсь.

– Она спит.

– Ладно, тогда не буди ее, – расстроено отозвалась Фларра.

– Я скажу ей, что ты звонила и беспокоилась о ее здоровье.

– Я еще по одной причине беспокоилась, – нерешительно проговорила Фларра. – Реми очень переживала из-за Эррола?

– Ты знаешь об этом?

– Прочитала в газете. Реми, наверное, здорово напугалась.

– Вообще-то она пока не знает об этом. Я решил, что не стоит тревожить ее в таком состоянии.

– А у полиции есть какие-нибудь версии?

– Кажется, нет. Боюсь, он оказался случайной жертвой, а такие дела обычно не раскрываются.

– Эррол был силен как бык, – рассуждала вслух Фларра. – Неужели обычный грабитель смог с ним справиться?

– О мертвых не принято говорить плохо, но физическая сила Эррола значительно превосходила его умственные способности. Зачем его понесло среди ночи гулять в одиночку по набережной?

– Да, но все равно странно... Пинки нетерпеливо перебил:

– Фларра, солнышко, ты должна меня извинить, мне пора.

– Ты уже подумал насчет Марди-Гра? Ну что я приду к вам на прием?

– Да, я подумал. Но пока еще не принял решения. Детка, я действительно больше не могу с тобой разговаривать. Я жду важного звонка, это касается дела, которое я сейчас веду. Я передам Реми твой привет.

– Ладно, – упавшим голосом отозвалась Фларра. – Пусть позвонит мне, когда поправится. Пока.

Повесив трубку, Дюваль велел Ромену позвать Бардо. Протягивая ему визитную карточку, Пинки сказал:

– Пошли кого-нибудь посообразительнее из своих парней. Пусть будет осторожен, но я должен знать все, что она делает.

Бардо кивнул и сунул карточку в карман. Пинки спросил:

– Как там наш лжесвященник? Согласился сотрудничать?

Бардо хмыкнул.

– Мы дали ему немного времени подумать.

– А что слышно от Макьюэна? На условленную встречу Макьюэн вчера не явился. Люди Дюваля направились к нему домой.

Там они никого не нашли, в доме царил полнейший беспорядок, словно собирались в большой спешке.

– Его ищут. Да объявится, куда денется, – со своей обычной наглой усмешкой заявил Бардо. Потом, уже менее уверенно, спросил: – А если ни от Макьюэна, ни от этого пидера толку не будет?

Пинки взглянул на телефон и вспомнил только что состоявшуюся беседу. Поглаживая пальцем телефонную трубку, он улыбнулся, словно игрок, имеющий козырного туза в рукаве.

– Тогда попробуем кое-что другое.

* * *

– Господи, кто там еще?

Джо Бейзил подумал, что у его жены были все причины так сердиться. Сначала ни свет ни заря появился Дуг Пату. Теперь вот – телефонный звонок среди ночи. Он схватил трубку после пятого звонка.

– Мистер Бейзил, это снова Макьюэн. Пожалуйста, не вешайте трубку, выслушайте меня.

– Что вам нужно, мистер Макьюэн? – раздраженно спросил Джо.

– Я обманул вас сегодня утром. Джо сел в кровати.

– Да?

– Я сказал, что Бейзил звал меня с собой. Он не звал. Но я обязательно должен с ним связаться. Я солгал, потому что не хотел вас впутывать. К несчастью, у меня теперь нет выбора.

– Во что впутывать?

– Ваш брат по уши в дерьме. Изложено грубо, но, судя по поведению Пату, дела обстоят именно так.

– Вы хотите сказать, ему угрожает опасность?

– И очень серьезная. Если вы знаете, где он, пожалуйста, скажите мне. Я должен найти его прежде, чем это сделает кто-то другой.

Это тоже, почти дословно, повторяло то, что говорил Пату. Джо два раза звонил Дредду, но никто не поднял трубку, и больше он не пытался. Но теперь решил, что обязательно попробует дозвониться. Если Берк хотел скрыться, он наверняка поехал в рыбацью хижину. А если Берк на болоте, то Дредд уж точно будет об этом знать.

Вообще-то при одной мысли о седом чучельнике и его жутком жилище у Джо начинали мурашки бегать по спине. Но он знал, что между Дреддом и Берком – давняя тесная связь. Джо также знал, что, если отшельнику что-то известно о Берке – он расскажет Джо. Вот только беда – ему никак не дозвониться.

– Мистер Бейзил, пожалуйста, помогите мне, – умолял Макьюэн. – Вы ведь знаете, где Берк?

– Я уже сказал вам утром, что не знаю.

– Да, вы так сказали, но это действительно так?

Это Джо совсем не понравилось.

– Извините, мистер Макьюэн, но у меня складывается впечатление, что это вы по уши в дерьме, а не Берк.

На другом конце провода долго молчали. Наконец Макьюэн сказал:

– Извините. Мне не следовало обвинять вас во лжи. Я сам на вашем месте не сказал бы правды. Я очень уважаю вашу преданность Берку. Но вы должны мне поверить: если вы не скажете мне, где его найти, ему будет хуже.

– Не хочу повторяться, но я не знаю, где он, – отчеканил Джо.

– Ну хоть какие-то предположения у вас должны быть, – настаивал Макьюэн. Джо заколебался на какую-то долю секунды, но Мак почувствовал это и вцепился мертвой хваткой: – Что мне вам сказать, как убедить, чтобы вы мне помогли? Что мне сказать?

Берк спал очень чутко. Поэтому он очень удивился, что не проснулся до тех пор, пока она не начала размахивать руками. Она старалась поднять правую руку, но не могла, потому что та была прикована к левой руке Берка. В запястье резко впилося железо наручников, вырвав Берка из глубокого сна.

Спросонья он не понял, в чем дело.

– Эй! Хватит дергаться!

Но тут же понял, что она вовсе не старается освободиться. Москитная сетка, свисавшая с потолка, упала прямо Реми на лицо, и она отчаянно старалась скинуть ее с себя.

Ее неловкие попытки привели к тому, что ткань запутывала ее все больше. Реми хотела закричать, но сетка попала в рот, что еще больше увеличило панику.

– Подождите. Сейчас я ее сниму. Глаза Реми были открыты, но, то ли она еще не вышла из ночного кошмара, то ли еще почему, когда Берк наклонился над ней и стал снимать сетку, Реми начала сопротивляться и бороться с ним, вертеть головой; ударила Берка левой рукой, а правую упрямо дергала из крепкого металлического браслета. Берк закинул правую ногу, прижал Реми к кровати, чтобы она не смогла пинать его. Она снова закричала, но вместо крика сквозь сетку вырвался лишь хрип.

– Да успокойтесь же, ради Бога! – рявкнул он. – Я хочу

помочь.

Наконец ему удалось сдернуть с нее сетку, но порванные куски остались на теле и лице Реми, как паутина. Реми стала стряхивать их с себя. Дышала она тяжело и прерывисто.

– Все в порядке, – мягко сказал он. – Все прошло.

Он потянулся, чтобы убрать волосы, упавшие ей на лицо, но она отпихнула его руку.

– Не трогайте меня!

– Успокойтесь. На вас упала москитная сетка. Вот и все. – Она отупело смотрела на него, стараясь успокоиться. – Дать попить?

Она кивнула. Накануне она поставила стакан с водой на шаткий трехногий столик у кровати. Берк перегнулся через нее.

– Сесть можете?

Она приподнялась на локте и залпом выпила воду.

По жестяной крыше по-прежнему молотил дождь, в окна лился грязноватый лунный свет.

Когда трое мужчин в лодке уплыли, он еще с полчаса стоял у двери, настороженно вглядываясь в даль. Не то чтобы они внушили ему какие-то опасения, нет. Кажется, они действительно всего лишь разыскивали священника, которого спасли от смерти на болоте, а он возьми да исчезни со свадебной церемонии. Но Берк предпочел переосторожничать: не стал снова зажигать лампу. Он стоял на своем посту до тех пор, пока не убедился, что они больше не вернуться.

Наконец он решил, что можно укладываться спать. Снова пристегнул ее к себе наручниками, и снова это вызвало взрыв возмущения. Он хмуро заявил ей, что она снова может попытаться убежать, раз лодка починена. Сейчас, после ее ночного кошмара, Берк ощущал себя последней скотиной за то, что сковал ее, особенно потому, что чувствовал: он хотел спать с ней рядом не только из осторожности.

Реми пила так жадно, что из уголков рта стекала вода. Он поставил пустой стакан обратно на столик.

– Теперь лучше?

Она снова молча кивнула.

Он смотрел на ее брови, скулы, нос, губы. Поколебавшись мгновение, провел пальцем по ее подбородку, нижней губе. Палец стал мокрым.

– Я больше не собираюсь пинать вас ногами, Бейзил.

Очевидно, от сжигавшего его желания, он слегка отупел.

– А?

Реми неловко повернулась, и он понял, что его нога по-прежнему прижимает ее к кровати. Ее бедра были плотно притиснуты к его паху. Лежим, как любовники, мелькнуло у него в голове. Берк не отрывал глаз от ее губ. Снова коснулся их пальцем. Губы были влажными и невероятно мягкими.

– Нет, Бейзил. Пожалуйста.

Глава 33

Она прошептала эти слова очень тихо, но от этого они не стали менее понятными. Ее просьба удержала его по крайней мере от шести смертных грехов. Правда, он проявил столько выдержки, сколько иному хватило бы на всю жизнь. Берк убрал ногу. На мгновение отчаяние буквально парализовало его. Но тут он заметил, что Реми растирает левой рукой правое запястье.

– Больно?

– Немного.

– Вы слишком сильно дергали. Я из-за этого проснулся. Достать из аптечки какое-нибудь растирание?

Вот он какой положительный. Послушался, отодвинулся, так еще и медицинскую помощь готов оказать. Вполне может претендовать на медаль «За доблесть» и на премию «Душка года».

– Если вас беспокоит мое запястье, лучше расстегните наручник.

– Нет.

– Пожалуйста.

– Нет. Даже не просите.

Нет, не видать ему премии.

Они лежали так близко, что он слышал ее дыхание. Желание не хотело подчиняться рассудку. Однако между ни-

ми были непреодолимые барьеры, прочнее стальной двери. И едва ли не главным препятствием Берк считал ее слова: «Нет, Бейзил». Он хоть и похититель, но не насильник.

К тому же она была чужой женой. Конечно, сейчас супружеская измена грехом вроде не считается. Если бы за это забивали камнями, как в прежние времена, то на всех бы камней не хватило. Так что, какой там грех – грешок.

Но даже если оставить в стороне религиозный аспект, остается еще и моральный. Берк не хотел опускаться до уровня Барбары и ее футбольного тренера. И в любом случае: женщина сказала «нет», о чем еще можно рассуждать? Берк решительно приказал себе выбросить эти мысли из головы и спать.

Он лежал очень долго, сна не было ни в одном глазу. Она, кажется, тоже не могла уснуть. Берк не расположен был сейчас болтать, но он боялся, что, если не нарушит напряженного молчания, у него челюсть треснет от натуги.

– Вам приснился кошмар?

– Не совсем, – ответила она. – Скорее... Хотя, пожалуй, да, это можно назвать кошмаром.

– Страх задохнуться?

Он почувствовал, как она кивнула.

Догадаться об этом было нетрудно.

– Чем это вызвано?

Она молчала очень долго, он решил, что ответа не дожидается. И вдруг она заговорила, слегка запинаясь:

– Мне было двенадцать лет. Он был одним из постоянных клиентов Анджелы. Я с раннего возраста знала, что, когда в дом приходят мужчины, я должна сидеть тихо. Не плакать. Не капризничать. Ни о чем не просить и не привлекать к себе внимания. Я старалась быть по возможности незаметной, сначала – боясь наказания, потом – боясь быть замеченной. Я искренне мечтала стать невидимкой.

Но этот не давал мне прохода. Он дразнил меня, отпускал замечания, которых я сначала не понимала, а потом стала понимать слишком хорошо.

Однажды ночью она привела его с собой. Было очень поздно, я уже спала, но их смех меня разбудил. Они были, конечно же, накачаны, и продолжали свои игрища, не обращая на меня внимания. Через какое-то время они утихли, и я снова заснула.

Не знаю, сколько прошло времени. Проснись я хоть чуточку раньше, я сумела бы убежать от него. Но, когда я открыла глаза, он уже был на мне и закинул мне руки за голову. На мне были трусики и маечка. Рубашку он задрал мне на лицо.

Берк закрыл глаза. Он не шевелился.

Помолчав, она продолжала тем же отстраненным голосом: – Я к тому времени уже начала развиваться. Грудь и все такое... Он шептал ужасные вещи. Из рта у него отвратительно пахло, он меня щипал, я не могла дышать. Он полез мне под... В общем, мне было очень больно. Я старалась вы-

свободиться, но лицо было закрыто, и я не могла дышать.

Она тяжело задышала и положила левую руку на грудь. Вновь накатившая паника скоро утихла.

– Проснулась Анджела и увидела, что он делает. Она подняла крик и выгнала его.

– Она сообщила в полицию? Его арестовали? Они одновременно повернули головы. Реми как-то странно посмотрела на него.

– Анджела рассердилась не на него. На меня. И отлупила за то, что я заманила ее дружка к себе в кровать.

– О Господи.

– Мне повезло, что она проснулась прежде, чем он сделал что-то ужасное. Но этот случай натолкнул ее на мысль, что мне уже пора работать. Я думаю, она полагала, что проституцией ребенок мог бы заработать больше, чем воровством. Мне она этого никогда не говорила, но я уверена, что она считала именно так. Я ловила на себе ее задумчивые взгляды.

После той ночи я стала ложиться в кровать с кухонным ножом. Двух ее приятелей я как следует полоснула, другим хватило одного вида ножа. Но я знала: кто-нибудь из них обязательно меня изнасилует, это вопрос времени.

А потом Анджела забеременела. Она была в дикой ярости: она сообразила только тогда, когда поздно было делать аборт. Она стала больше торговать наркотиками, ведь теперь не было заработка от танцев и от... другого. Когда родилась

Фларра, она поручила мне заботиться о ребенке, а сама вернулась к работе. Таким образом, ее планам насчет меня не суждено было сбыться. Я была счастлива.

– Но неужели никто не вмешался? Существует же Общество по защите детей?

– К нам регулярно приходила женщина из социальной службы, – сухо подтвердила Реми. – Она покупала у Анджелы наркотики до тех пор, пока на службе не узнали и не выгнали ее. Замены так и не нашлось.

Берк прикрыл глаза рукой. Почти все его детство прошло без отца, но, насколько он помнил, проблемы в его жизни были такие: вовремя сделать уроки и содержать в относительном порядке свою половину комнаты, которую он делил с братом. Мать у них была ласковая и добрая, хотя ей, конечно, приходилось одной нелегко.

Реми же каждый день приходилось бороться за выживание. Ублюдок, пристававший к двенадцатилетней девочке, оставил ей в наследство ночной кошмар, патологический страх перед удушьем, вечную неуверенность в себе. Эта история объяснила Берку, почему она прикрывала руками грудь.

Хотя нет, не сходится. Она надевает платье с низким вырезом и наряды, подчеркивающие ее пышный бюст.

Опустив руку, он сел и посмотрел на Реми.

– Зачем вы рассказали мне все это? Хотели, чтобы я вас пожалел?

– Да. Но мне все равно, верите вы мне или нет.

– Главное, чтобы не приставал, верно?

– Идите к черту, – сердито буркнула она. В первый раз он услышал от нее ругательство, и его это отрезвило. Он верил ее рассказу. Он три раза видел, как она начинала психовать, если дело касалось ее груди. Да и вообще, разве такое выдумаете? Слишком уж кошмарная история. Немного смягчившись, он спросил:

– Ну хорошо, зачем вы все-таки мне это рассказали?

– Потому что вы мужчина, сковавший меня наручниками, – парировала она. – Я уже была жертвой. И мне это не нравилось. Я не хочу быть вашей жертвой, мистер Бейзил.

– Я вас обидел?

– Обидел? – Она недоверчиво рассмеялась. – Вы что, ничего не понимаете? Для опытного полицейского вы что-то не больно сообразительны. Да, вы меня не били, не насиловали, не морили голодом. Но неужели вы всерьез думаете, что такой брезгливый человек, как Пинки, возьмет меня назад?

– А почему, черт побери, вы хотите, чтобы он взял вас назад? – заорал он, разозлившись. – Вы у него в самом настоящем рабстве! Я и не знал, что такое существует в современном мире. Господи Боже, почему вы так хотите остаться с этим сукиным сыном?

– Вы думаете, я не пыталась убежать? – воскликнула она. – Пыталась. Один раз. Я накопила денег на автобусный билет. Да, мистер Бейзил, не смотрите на меня так. У меня

нет собственных денег. Я получаю на мелкие расходы. Могу позволить себе купить апельсины на базаре, но не более того.

Я копила деньги несколько месяцев. Несколько раз таскала из бумажника Пинки, он не заметил. Моего тогдашнего телохранителя звали Лют Диски. Мне удалось ускользнуть от него в большом магазине.

Я добралась до Галвестона в Техасе. Нашла себе работу – ухаживать за растениями. Нашла недорогую комнату. Я совершала долгие прогулки по пляжу, наслаждаясь свободой, и строила планы, как вызову к себе Фларру и мы начнем новую жизнь. Это продолжалось четыре дня.

На пятый я увидела Пинки. Он шел мне навстречу по проходу между грядок с бегониями. Никогда не забуду выражения его лица. Он улыбался. Пинки похвалил меня за хитрость. Немногим, сказал он, удавалось обвести его вокруг пальца. Сказал, что я могу собой гордиться.

Я же была потрясена. Я ожидала вспышки ярости, а он спокойно сказал, что, если я больше не хочу быть его женой, он не станет меня удерживать. Если бы я только заикнулась, он отпустил бы меня. Раз мне нужна свобода, я могу ее получить.

– Был какой-то подвох.

– Да. Подвох был, – хрипловато подтвердила она. – Он попросил меня пойти с ним к машине. Мне достаточно было заглянуть за темное стекло лимузина, чтобы понять, какую цену я должна заплатить за свою свободу. Фларра.

Он привез ее с собой. Ей тогда было столько лет, сколько мне, когда ко мне начали приставать материны клиенты. Я могу идти куда угодно, заявил Пинки, но Фларра останется с ним. – Встретившись с ним глазами, Реми спросила: – Вы говорили о свободе выбора, мистер Бейзил. Скажите, что мне следовало выбрать?

Берк выругался.

– Она должна была заменить вас.

– Это еще лучшее, на что я могла надеяться для нее.

– Лучшее?

– Став моим опекуном, Пинки меня баловал, потому что, как ему казалось, он любил меня. К Фларре он таких чувств не испытывал. Он добр и щедр по отношению к ней, но его доброта проявляется только ради того, чтобы умиротворить меня. А к ней он совершенно равнодушен.

Пинки знает, что я очень люблю свою сестру. Если бы я сбежала от него, он наказал бы меня, используя при этом Фларру. И, боюсь, за то, что я дала себя похитить, мне тоже придется заплатить немалую цену.

Да, и еще одно. На обратной дороге из Галвестона мы остановились перекусить. Пинки и Фларра пошли в кафе, а меня он попросил помочь Эрролу, заменившему Люта Диски. Эррол достал из багажника несколько тяжелых пластиковых мешков и бросил их в мусорный бак позади ресторана. Я больше никогда не видела мистера Диски. – Она помолчала и с жалостью посмотрела на Берка. – Лучшее, на что вы

можете надеяться, мистер Бейзил, – что ваша смерть будет быстрой.

Ну и ночка выдалась, сплошные сюрпризы. Реми вдруг заплакала. До сих пор она не проронила слезинки. Он видел несколько раз, как глаза ее наполнялись слезами, но ни одна еще не скатилась по щеке. И вот, пожалуйста.

Он протянул руку, желая успокоить, но тут же отдернул, словно обжегшись. Но, когда он увидел, как слезы покатились из уголков глаз, он осторожно, едва касаясь, смахнул их пальцами. Она не отодвинулась, и Берк снова вытер слезы.

– Я не могу допустить, чтобы Фларра пострадала по моей вине, – прошептала Реми. – Я люблю ее. С того самого дня, как она родилась, я любила ее и старалась оберегать. Она – все, что у меня есть. У меня даже моего ребенка отняли.

Внезапно Берк ронял, что в ту ночь, глядя на женщину в беседке, он ошибся, приняв за проявление чувственности то, что было выражением невыносимой утраты. Реми повторила сейчас этот жест: прижала руку к животу.

Действуя импульсивно, не дав себе времени подумать, он накрыл ее руку своей рукой. Она так удивилась, что немедленно перестала плакать. Берк сам был поражен не меньше ее. Он посмотрел на их сцепленные руки, желая убедиться, что ему это не примерещилось.

Они не двигались. Каждый прислушивался к ударам собственного сердца, бьющегося в такт с другим.

Берк поднял голову и взглянул ей в глаза.

– Вы любили вашу жену? Он едва расслышал ее шепот сквозь грохот собственного сердца.

– Барбару?

– Вы ее любили?

Барбара до недавнего времени волновала Берка больше всех других женщин. Она действовала на него возбуждающе. С ней ему было лучше, чем без нее. Но никогда – ни до женитьбы, ни после, ни в лучшие их времена, ни в худшие – Берк не испытывал того, что испытывал сейчас. Сейчас его сжигала всепоглощающая, ни с чем не сравнимая страсть.

– Я думал, что любил, – ответил он, смущаясь от собственного заблуждения. – А получается, что, наверное, нет.

Он медленно повернулся, навис над Реми, обхватил обеими руками ее лицо. Он чувствовал, как вздымается ее грудь, ощущал легкий аромат ее дыхания.

Он прижался к ней щекой, потерся носом о ее висок, вдохнул ее запах. На мгновение представил себе, как приникает губами к ее рту, как сжимает в объятиях ее тело.

Сцена, нарисованная в воображении, казалась такой реальной, что он застонал. Но тут же отодвинулся. Она открыла глаза, в них блестели слезы. А еще там читалось удивление.

– Бейзил?

– Одному Богу известно, как я хочу тебя, – хрипло проговорил он. – Но я не возьму тебя. Я не хочу, чтобы у тебя появился повод меня ненавидеть.

Глава 34

Дредд хмуро смотрел, как Берк вылезает из лодки.

– Давно пора. Я уж думал, ты квакнулся.

– Да нет, вот живой, пока. Из-за дождя не приезжал.

Заметив следы неуклюжего ремонта, Дредд спросил:

– А что случилось с моей лодкой?

– Я же приплыл на ней, так? – огрызнулся Берк.

Настроение у него было отвратительное, и чем скорее Дредд поймет это, тем лучше. Надо сразу задать тон разговора, чтобы потом не было никаких обид.

А какое еще может быть настроение после такой ночи? Он пролежал до рассвета, твердо подчиняясь собственному решению не касаться Реми. То, что он ей вчера сказал, было только частью правды. Если бы он занялся с ней любовью, она бы его возненавидела. Он стал бы таким же, как все остальные мужчины, включая ее собственного мужа, которым от нее нужно было только одно.

Но существовало и еще одно немаловажное обстоятельство: если бы он занялся с ней любовью, он сам бы себя возненавидел.

Каких-нибудь пять дней назад он презирал эту женщину за то, что она связалась с таким ублюдком, как Пинки Дюваль. Этим презрением он пытался замаскировать собственную страсть. Но теперь, узнав обстоятельства ее жизни, Берк

переменил мнение. Самым кардинальным образом. И теперь он не мог больше полагаться на то, что презрение будет нейтрализовывать его чувства к Реми.

– Что происходит?

Привязывая лодку, Берк коротко бросил:

– Не спрашивай.

Дредд передвинул сигарету из одного угла рта в другой.

– Так-так. А чего спрашивать, я и так могу догадаться.

Красотка тебя околдовала? Берк кисло глянул на приятеля.

– С чего ты взял?

– Я не вчера на свет родился. Если бы она была уродиной, я бы не стал высказывать подобное предположение. Но поскольку она...

– Я тебя понял, – раздраженно перебил Берк. Дредд фыркнул:

– Судя по злобной роже «отца Кевина», обет целомудрия пока не нарушен. Но бес искушения силен.

Берк притворился, что не слышал насмешки, и пошел к магазину.

– Кофе дашь?

– А ты как думаешь?

– От тебя всего можно ожидать.

– Где Реми?

– Я оставил ее в хижине.

– Одну?

– С ней все в порядке.

Дредд недоверчиво посмотрел на Берка, но тот и сам чувствовал себя очень неудобно оттого, что оставил Реми одну.

– Когда вы вернетесь? – спросила она перед тем, как он уехал.

– Только возьму у Дредда продукты, и сразу назад.

– Значит, через несколько часов.

– Все будет в порядке.

– Возьмите меня с собой.

– Дурацкая идея.

– Почему?

– Я еще не знаю, что там у Дредда. Мало ли что... Надо быть готовым ко всему; еще не хватало, чтобы с вами что-нибудь случилось.

– Со мной и здесь может что-нибудь случиться.

– Если появится чужая лодка, спрячьтесь.

Я вернусь как можно скорее.

– А если вас арестуют и я окажусь тут одна?

– Я скажу им, где вы.

– А если вас убьют?

– Дредд знает, как вас найти.

Спор продолжался полчаса, но Берк оставался непреклонным. Сейчас, прихлебывая крепкий кофе, приготовленный Дреддом, он вспоминал, как она стояла в дверях хижины и махала ему на прощание. У него из головы не шло ее потерянное выражение лица, как у маленькой обиженной девочки. Да, он сможет вздохнуть с облегчением только тогда,

когда вернется и найдет Реми в целости и сохранности. Он вспомнил про мужчин, искавших вчера вечером отца Грегори.

Берк рассказал о них Дредду.

– Сюда он, случайно, не вернется?

– После того, как украл мою лодку? Черта с два. Да я его пристрелю на месте.

Берк поведал Дредду рассказ тех мужчин.

– Разрази меня гром! – хмыкнул Дредд. – Свадебная церемония?

– Так они сказали.

Берк махнул рукой на допотопный черно-белый телевизор и вопросительно глянул на приятеля. Дредд не любил общаться с внешним миром и включал телевизор, чтобы послушать прогноз погоды, только если с Мексиканского залива шел ураган. Но Берка интересовали последние новости.

– О нас что-нибудь было?

– Ни слова.

– Я так и думал. Дюваль не желает распространяться о похищении его жены. Плохая реклама для адвоката.

– Конечно. Но сколько можно тянуть? Рано или поздно ее отсутствие заметят.

– Слугам в доме Дюваль прикажет помалкивать. Но у Реми есть сестра. Она наверняка уже начала беспокоиться.

– О, она у нас теперь уже «Реми»? Пропустив шпильку мимо ушей, Берк вынул из кармана джинсов список и поло-

жил на прилавок.

– Мне нужны вот эти продукты. И еще. Есть у тебя что-нибудь свежее?

– Например?

– Овощи. Фрукты. Она любит апельсины.

– Любит апельсины, – повторил Дредд, сделал последнюю затяжку и раздавил окурочек в керамической пепельнице в виде крокодила. – Берк, если бы я был молодым сильным мужчиной, если бы не любил тебя так сильно, я повалил бы тебя на пол, связал и не позволил бы тебе довести это дело до конца. Но я старый, я уже не такой сильный, как прежде, и я люблю тебя. Поэтому единственное, что я могу сделать, это постараться предостеречь тебя. Я терпеть не могу вмешиваться в чужие дела, но...

– Началось.

– Да. Началось. – Дредд насупился. – Почему бы тебе не взять эту красотку и не уехать? Она тебе нравится, ты ей тоже небезразличен, так почему бы вам не исчезнуть? Бегите, пока возможно.

Оставь это дело и начни новую жизнь.

– Она никуда со мной не поедет, Дредд. А если бы даже поехала, я не могу оставить это дело, как ты выражаешься.

– Ну и чем же все это кончится?

– Не знаю.

– Зато ты знаешь, чем это не кончится. – Дредд ткнул мозолистым пальцем в грудь Берка. – Это не кончится ничем

хорошим.

– Верно.

Дредд в отчаянии вцепился в свою бороду.

– Ты уже отомстил Дювалю, – громко и отчетливо произнес он. – Ты украл его жену. Трахнул ты ее или нет, ты уже выиграл. Все, Берк, забудь.

– Я забуду, когда Дюваль будет мертв.

– Но почему ты это делаешь? Почему?

– Потому что я должен! – заорал он. Потом, уже тише, раздраженно сказал: – Собери мне все по списку, и я поеду обратно.

Ворча себе под нос, Дредд начал снимать продукты с полок и укладывать их в коричневый бумажный пакет. Берк подошел к телефону, опустил монетку и набрал номер.

Трубку сняли после второго звонка.

– Доброе утро, Дюваль, – сказал он. – Я так и думал, что застаю тебя утром.

– Бейзил.

В устах Дюваля его имя прозвучало, как грязное ругательство. Это хорошо. Берк надеялся, что адвокат о нем ни на минуту не забывает.

– Ты совершил огромную ошибку, Бейзил. Страшную, самоубийственную ошибку. Даже хуже, чем Стюарт, когда он полез на склад.

– Кевин не знал, что его ждет. Я знаю.

– Тогда ты понимаешь, что я убью тебя.

– Убьешь? Ты найди меня сначала, поганый ублюдок.

Берк швырнул трубку, но продолжал стоять на месте, уставившись в пространство. У человека похитили жену. Вот уже несколько дней она в руках того, кто жаждет мести. А Дюваль даже не поинтересовался, что с ней, как она себя чувствует.

– Поганый ублюдок, – с чувством повторил Берк.

Снова затрезвонил телефон.

– Слишком короткий разговор, мистер Дюваль. Мы не успели засечь, откуда звонили. – Это был помощник из соседнего кабинета. – Извините. Можно попробовать отследить через центральную станцию, но на это потребуется время.

– Не имеет значения.

К великому удивлению помощника, Дюваль начал смеяться. Смех, сначала тихий, скоро превратился в зловещий хохот. Посмотрев на Уэйна Бардо, который тоже заулыбался, Пинки сказал:

– Бейзил говорил с таким апломбом. Этот сукин сын не подозревает, что мы уже нашли его.

Бардо, ухмыляясь, бросил на стол большой конверт.

– Вот. Это тебе понравится. Пинки прочел надпись на конверте и высыпал содержимое на стол.

– Так скоро? Хорошая работа.

Он просмотрел черно-белые фотографии. Они были неважного качества, так как их снимали на большом рассто-

янии, но вполне отчетливые.

– Ай-ай-ай, доктор Карут, – зацокал языком Пинки. Потом обратился к Бардо: – Скажи новому парню, чтоб подогнал машину. Мне надо нанести один визит.

Когда Берк вышел на причал, Дредд уже сложил припасы в лодку.

– Нашел тебе пару апельсинов, – хмуро пробурчал он.

– Спасибо.

– Этих продуктов вам хватит на несколько дней.

Берк кивнул, но сейчас голова его была занята другим.

– Дредд, я крепко распалил Дюваля. Так что будь поосторожней. При первых же признаках опасности уходи и прячься в болоте.

– Я смогу за себя постоять, сынок. Может, я старый и седой, но не беспомощный.

– Послушай, – очень серьезно сказал Берк. – С людьми Дюваля дурака не валяют. Обещай мне, что исчезнешь отсюда, если появится Кто-нибудь подозрительный. Будь начеку.

– Хорошо, хорошо... Черт, снова этот телефон.

– Я приеду через пару дней, а то и раньше.

Дредд пошел к дому, ругаясь себе под нос то ли на телефон, то ли на предостережение Берка.

Берк его очень любил. Если с Дреддом что-нибудь случится, он никогда себе этого не простит. – Берк!

Он отплыл уже ярдов на двадцать, когда сквозь шум мотора услышал крик. Обернулся: Дредд знаками звал его об-

ратно. Берк выключил мотор, крикнул:

– Чего?

– Тебя к телефону.

Он вздрогнул. Неужели просчитался? Неужели Дювалю удалось отследить звонок? Значит, он уже едет сюда? Кровь бросилась ему в голову. Он выскочил на причал еще до полной остановки лодки.

– Кто?

– Твой брат. Берк замер.

– Джо?

– А сколько у тебя братьев?

– Что ему нужно? Как он узнал, где я?

– Может, ты сам его об этом спросишь? Берк вбежал в магазин и схватил трубку.

– Джо?

– Привет. Даже не верится, что я тебя поймал. Я собирался оставить Дредду сообщение для тебя на случай, если ты у него появишься.

– Ты в порядке?

– Да, братишка, я-то в порядке. А вот у тебя, кажется, большие неприятности. По крайней мере, так выглядит со стороны.

– Ты о чем?

– Ну, например, вчера утром, чуть ли не на рассвете, к нам появился Дуг Пату. Он, оказывается, провел ночь в дороге. Я еще никогда не видал его таким мрачным.

– И что же его так огорчило?

– Твое таинственное исчезновение. Он ходил вокруг да около, потом наконец соизволил сообщить, что ты попал в беду. Спрашивал меня, не знаю ли я, где ты можешь быть?

– И ты ему сказал...

– Правду. Я не знал. У меня, конечно, имелись догадки, но я сказал, что не стану ими делиться из семейной солидарности.

– Отлично. Спасибо, Джо.

– Погоди. Это еще не все. Пока Линда развлекала гостя на кухне, я имел еще один разговор о тебе – по телефону. Это был Макьюэн.

– Господи. Что ему было нужно?

– То же самое. Он напирал понастойчивей...

– Да уж.

– Но я сказал ему то же, что Пату – ничем не могу помочь.

Когда Пату ушел, я два раза пытался дозвониться до Дредда: ведь, если ты отправился в рыбачью хижину, он бы об этом знал. Но на звонки никто не отвечал. Я напугался и подумал, может, ты и в самом деле попал в беду.

– Нет.

– Тогда почему Пату и этот парень, Макьюэн, так в этом убеждены?

– Откуда я знаю!

– Макьюэн снова позвонил мне среди ночи, голос у него был очень напряженный. Я послал его куда подальше.

– Хорошо.

– Но, Берк, он и утром позвонил. Линда уже начала с ума сходить от страха за тебя. Макьюэн умолял, клялся, что желает тебе добра, что если я не скажу, где тебя искать, то лучше уж сразу готовиться к похоронам. Он сказал, что, если я не проясню твое местонахождение, тебе угрожает смертельная опасность. И я это сделал.

– Что сделал?

– Прояснил.

Берк в отчаянии прислонился к стене.

– Что происходит, Берк? Я правильно сделал? Он не мог винить брата за то, что тот выдал его Макьюэну. Мак умеет быть настойчивым и убедительным. А у Джо сердце не каменное.

– Ничего, не волнуйся.

– Что происходит? Я могу тебе помочь? Пату сказал, что это секретная полицейская информация.

– Ну, в общем, что-то вроде этого.

– Берк, если ты в опасности...

– Послушай меня, Джо. Извини, но у меня нет больше времени. – Мозг лихорадочно работал. Берк быстро заговорил: – Не перебивай, пожалуйста. Просто сделай, как я тебе скажу. Уезжай из города на несколько дней. Возьми своих и уезжай. Никакого общественного транспорта, только на машине. Плати наличными, никаких кредитных карточек.

– Какого черта...

– Делай, как я говорю! – крикнул Берк. – Поцелуй от меня Линду и детей. И не медли, уезжай как можно скорее.

Помолчав, Джо неохотно сказал:

– Ну, ладно. А надолго?

– Я позвоню тебе на работу и оставлю сообщение на автоответчике. Смени код автоответчика. И никому не говори, куда уезжаешь. Ясно?

– Ясно.

– И еще, Джо. Позвони Нэнси Стюарт.

– Вдове Кева?

– Да. Скажи ей, пусть возьмет мальчиков и поскорее куда-нибудь уедет. Меры предосторожности – те же, что я тебе уже сказал. Сделаешь?

– Да.

– Спасибо, Джо. Во сколько звонил Мак?

– Около часа назад.

– Из Нью-Орлеана?

– Кажется, да.

– Ты отправил его к Дредду?

– Нет. Он попросил объяснить, как добраться до рыбачьей хижины. Черт!

– Теперь мне и вправду пора. Береги себя, Джо.

Он повесил трубку и рванулся с места. В дверях стоял Дредд, загораживая дорогу. Берк отпихнул его и помчался к лодке.

– Джо объяснил Макьюэну, как добраться до моей хижи-

ны, – на ходу бросил он.

– Дьявол! А на кого этот Макьюэн работает?

– Не знаю. Это-то меня и тревожит.

– Он приедет не один?

– Меня бы это не удивило. В любом случае я должен его опередить.

– Хочешь, я поеду с тобой?

– Это мои проблемы, Дредд. Отвяжи, пожалуйста, веревку, – попросил Берк и спрыгнул в лодку.

– Однажды у меня тоже возникла проблема. И ты помог мне.

– Ты и так мне уже помог. Я перед тобой в неоплатном долгу. – Он завел мотор. – Да, забыл тебе сказать. Тебе будет приятно услышать: ранки зажили, твое снадобье помогло. Если со мной что-нибудь случится, скажи Реми... ну, что... Скажи ей, пусть простит меня за все.

Глава 35

Макьюэн мысленно прикинул, какие у него шансы потеться. Получалось, что большие.

Он нанял лодку у одного парня, у которого бородавок было больше, чем зубов. Парень божился, что знать не знает ни братьев Бейзилов, ни их рыбацкой хижины. Макьюэн подозревал, что негодяй врет. Но, слава Богу, Джо Бейзил нарисовал на бумажке маршрут. Местные жители считали болото своей собственной территорией и не любили, когда сюда совались чужаки.

Чтоб им провалиться с этой их территорией! Макьюэн никогда не мог понять, почему воспеваются красота лесов и болот его родного штата. Леса и болота кишели насекомыми, змеями, крокодилами, дикими кошками, кабанами и другой нечистью, и Макьюэну вовсе не улыбалось стать их добычей. Даже ребенком он терпеть не мог выбираться на природу. Прогулка верхом – еще куда ни шло. На собственном дворе.

За мыслями о доме пришла мысль о Тони. Господи, что она должна думать? Прошлой ночью, примерно в то время, когда он должен был встретиться с Делом Реем Джонсом и Уэйном Бардо, Макьюэн отправлял свою хорошенькую женушку к ее маме в Джексон, штат Миссисипи. Когда он запикивал ее вещи в чемоданы, она, естественно, малость встревожилась и потребовала объяснить, что случилось.

Он на ходу сочинил леденящую душу историю о сбежавшем из тюрьмы торговце наркотиками, который поклялся отомстить всем, кто принимал участие в его аресте. Особенно грозился расправиться с семьями.

– Может, конечно, опасность не так велика, но Пату посоветовал принять необходимые меры предосторожности.

Тони поверила. Но, даже если бы не поверила, деваться ей было некуда – все равно пришлось бы подчиниться. Ничего, побудет у матери, пока тут все стихнет Срок, назначенный Дювалем, истек, значит, скоро запахнет жареным. Армия Дюваля начнет на него охоту.

Упоминание о Тони подействовало на Макьюэна именно так, как и хотел Дюваль. Мак знал, что способен сделать с женщиной Уэйн Бардо. Он видел фотографии жертв убийств, которые совершил Бардо, но за которые его никогда не могли арестовать.

Итак, Тони отправлена к матери, и она пробудет там до тех пор, пока не разрешится конфликт между Берком Бейзиллом и Пинки Дювалем. Так или иначе.

Господи, как же он сам умудрился угодить между двух огней?

Но что перед самим собой кривить душой – Мак знал как. Игра. Во всем виноват этот его порок. Все ошибки проистекали из его пагубной страсти. Он проигрывал, а долги все росли. И о долгах не знал никто – ни родители, ни жена, ни сослуживцы. Но он сам знал. И мучился угрызениями сове-

сти.

Мак поклялся Богу, что, если они с Тони выйдут из этой передраги живыми и невредимыми, он в жизни не сделает ни одной ставки. Но в следующую же секунду поймал себя на мысли: ставлю сто к одному, что нарушу клятву.

И вдруг он увидел хижину.

Мак чуть не рассмеялся вслух. Когда он сел в лодку, он не верил, что найдет это место. Но он следовал указаниям Джо Бейзила во всех деталях, и вот вам, пожалуйста, – рыбачий домик, именно такой, как описывал Джо, даже шины, привязанные к пирсу.

Соблюдать осторожность было уже поздно. В мрачной тишине Берк, наверное, уже давно слышал шум мотора. Может быть, прямо сейчас он смотрит из окна на непрошеного гостя. У Мака сердце замерло в груди, словно он оказался под прицелом.

Возле пирса Мак заглушил мотор.

– Я один, Бейзил, мне надо с тобой поговорить.

Он неуклюже вскарабкался на пирс и непослушными руками привязал лодку к столбу.

Хотя день выдался холодный, с него градом лился пот. Здесь, на болоте, все казалось ему враждебным и страшным, но больше всего он боялся Бейзила.

Шаги гулко отдавались, когда он шел по грубым доскам к домику. Мак был натренирован реагировать на опасность, но сейчас полицейские навыки вдруг разом оставили его. Он

на чужой территории, каждое движение, каждый звук казались угрожающими. Мак чувствовал себя неуклюжим и тупым. Не так должен идти на рискованную операцию опытный офицер полиции. Он подошел к двери.

– Нехорошо, дружище. Пусти меня, и давай поговорим. А?

Стараясь держать руки на виду, он толкнул деревянную дверь. Она оказалась не заперта. Мак поколебался мгновение, потом зашел внутрь.

Он быстро обвел глазами комнату.

– Сукин сын!

Он ощущал себя полнейшим дураком и чуть не взвыл от злости. Здесь никого нет, и совершенно очевидно, что давным-давно не было. Никаких признаков присутствия человека. Сиденье одного стула изгрызли мыши. Повсюду тараканы. На потолке паутина, и с нее свисает огромный паук. В заляпанную раковину громко капает вода из крана.

Джо Бейзил ошибся. Или он так же хитер, как его старший братец. Почувствовал грозящую Берку опасность и отправил настырного коллегу прогуляться на болото.

Что же теперь? Что, черт возьми, ему теперь делать? Нельзя ему возвращаться без Бейзила. Без Бейзила... Он даже думать об этом не хотел: зловонное, жуткое болото – сущие пустяки по сравнению с тем, что ждало Мака в Нью-Орлеане, если он вернется туда без Бейзила.

Мак повернулся к выходу и вдруг замер. В дверном про-

еме стоял человек.

* * *

Дредд тянул леску, когда услышал шум подъезжающей машины. Машина остановилась, и водитель вышел. Увидев Дредда, он помахал рукой.

– Привет, Дредд. – На пирс осторожно ступил Грегори Джеймс. Он неуверенно улыбнулся. – Как поживаете?

– Ты, чурбан, – зарычал Дредд. – Где моя лодка? Я тебя сейчас выпотрошу, не сходя с места. – Он взмахнул ножом, которым разрезал наживку.

Грегори в страхе поднял кверху руки.

– Извините, пожалуйста, за лодку. Я заплачу. У моего папаши есть деньги.

– А что ты вообще здесь делаешь? Жалко, что ты поздно пришел. Разминулся со своим другом Берком Бейзиллом.

– Где он?

– Хотелось бы знать, а?

– Мы можем войти внутрь и поговорить? Дредд глянул на него через плечо.

– У меня есть дела поважнее.

– Дредд, пожалуйста. Посмотрите на меня. Дредд внимательно взгляделся в лицо молодого человека. Оно по-прежнему было распухшим и обезображенным. На скулах – кровоподтеки. Но при всем том Грегори был бледен, в глазах его

застыла невыразимая тоска.

Проклиная себя за мягкотелость, Дредд поплелся в дом. Когда они вошли, Грегори торопливо, глотая слоги, зашептал:

– У меня всего десять минут.

– А потом что?

– А потом они придут сюда за вами. Они собираются вас бить, пытать, не знаю. Но они не вернуться без Реми Дюваль и Берка Бейзила. Они хотят, чтобы вы показали, где те прячутся.

– Ага, разбежался показывать.

– Тогда они вас убьют.

– Кто «они»?

– Люди Дюваля.

– Бардо?

Грегори покачал головой.

– Бардо остался в городе. Это двое других, те, что ждали в моей квартире, когда я вернулся домой.

– Продолжай, я слушаю.

– Вчера ночью Дюваль предоставил мне выбирать: или я отправляюсь в тюрьму и меня помещают в камеру с садистами, которые будут надо мной измываться, пока я не сдохну, или я веду этих убийц туда, где в последний раз видел Бейзила и жену Дюваля.

Дредд презрительно фыркнул.

– Хорошенькую сделку ты заключил, пидер трусливый.

– Если бы я в самом деле работал на Дюваля, разве я предупредил бы вас? – с отчаянием в голосе проговорил Грегори. – После того, как я им стану не нужен, они и меня прикончат.

– Так вот почему ты меня предупреждаешь?

Хочешь, чтобы я тебя защитил?

– Наверное, поэтому... Но я не знаю... – Грегори закусил нижнюю губу. – Это я испортил план Бейзила. Это по моей вине ранили миссис Дюваль. А может, потому, что я всегда выбираю путь труса, а в этот раз решил искупить свою вину.

– Прибереги это для исповеди, – насмешливо бросил Дредд. – Через два дня, после Обжорного вторника, наступит Чистая среда, вот и покаешься.

– Я вас не виню, что вы мне не верите. Но у нас осталось всего семь минут. Они ждут на главной дороге. Если я не вернусь и не скажу, что в лавке нет других покупателей, они придут сюда, прикинувшись рыболовами, и схватят вас.

Дредд задумчиво поскреб подбородок.

– Если ты не виляешь, то почему ты вообще привел их сюда?

– Я хотел оставить себе хоть какой-то шанс выбраться отсюда живым.

– Откуда я знаю, что ты меня не обманываешь? Откуда я знаю, может, ты только прикидываешься, что предаешь сейчас Дюваля?

– Вы думаете, я такой умный? Дредд посмотрел на него

долгим, оценивающим взглядом.

– Резонно.

– Так вы мне верите?

– Можешь считать меня круглым дураком, – пробурчал Дредд, – но верю.

– Что мы будем делать?

– Еще не знаю. Но для начала ты сядь, тебя, вон, ноги не держат. Дрожишь, как шлюха в церкви. Пить хочешь? Сейчас дам тебе баночку «Доктор Пеппер».

Краешком глаза Дредд видел, как Грегори облегченно вздохнул и сел за стол, отшатнувшись от маленьких аллигаторов, лежавших там. Дредд сегодня их выпотрошил и оставил сохнуть.

– На, – он протянул Грегори открытую банку.

Грегори жадно выпил ее до дна.

– Каков наш план? – поинтересовался он.

– Я пойду на пирс ловить рыбу.

– Ага, – согласился Грегори. – А я? Дредд наклонился и заглянул молодому человеку прямо в глаза.

– А?

– Я сказал... я сказал... Что это? Отключившись, Грегори упал головой на стол прямо рядом с раскрытыми крокодильими пастьями.

– Мальчик не привык к «Доктору Пепперу».

Дредд подхватил обмякшее тело, оттащил в соседнюю комнату и положил на пол между кроватью и стеной. Не иде-

альное место, но на время сойдет.

Грегори проснется с головной болью – но это от удара об стол, а не из-за усыпляющего зелья, которое Дредд добавил в напиток. Доза была совсем маленькая, просто чтобы вырубить парня на то время, пока старина Дредд разберется с гориллами Дюваля.

Предстоящее дело вызвало приток адреналина в крови и вообще подействовало на Дредда благотворно. Нет, он не тосковал по своей прошлой полицейской работе с ее дермовыми правилами и ограничениями, с ее несвободой. Но ему не хватало вот этого приподнятого чувства, когда предвкушаешь схватку. До сегодняшнего дня он даже не подозревал, до какой степени истосковался по этому чувству. Он буквально рвался в бой.

Если Грегори сказал правду и если его расчеты правильны, «рыбаки» должны показаться через четыре минуты. Надо успеть.

* * *

– Эй, Мак, ты что здесь делаешь?

– Как ты меня напугал! Берк шагнул в хижину.

– А кого ты ожидал увидеть?

– Никого. Вернее, я думал, что здесь ты с миссис Дюваль.

– Неужели?

– Да, твой брат...

– Я знаю. Я говорил с Джо утром. Он рассказал мне о твоих отчаянных звонках. Мне очень не понравилось, что ты применил на моем брате тактику запугивания, Мак.

– У меня не было выбора.

– А что случилось?

– Черт возьми, Берк, кончай! – воскликнул Макьюэн. – Ты совсем спятил. Ты похитил жену Пинки Дюваля и прячешь ее в этой рыбацкой хижине, вот что случилось!

– Это только наполовину правда, – невозмутимо ответил Берк. – Я действительно спятил, я действительно похитил миссис Дюваль, но у меня осталось еще немного мозгов, чтобы не привозить ее сюда.

Дредд предупредил его, что если он отвезет Реми в свой рыбацкий домик, то вполне вероятно, что рано или поздно туда придут. Вместо этого он предложил Берку поехать в его хижину, которой он очень редко пользовался. Она была расположена на дальнем участке болота, куда очень редко заплывали чужие. Берк воспользовался советом. О местонахождении хижины знали только он и Дредд.

– Если ты ищешь здесь миссис Дюваль, то напрасно, Мак. У тебя ничего не вышло. Убирайся.

– Берк, пожалуйста, выслушай меня. Я знаю, ты никогда не был обо мне высокого мнения. Ладно. Я тебя раздражал, и ты, наверное, считал меня плохим полицейским. Тоже ладно. Думай обо мне, что хочешь, но поверь: сейчас я знаю, что говорю. Он убьет тебя.

– Это ты о Дювале?

– Сам он руки пачкать не намерен, но он или получит твою голову на золотом блюде, или умрет, стараясь ее получить.

– На это-то я и рассчитываю. Что умрет.

– А ты проведешь остаток своих дней в тюрьме.

– Мне известны законы штата Луизиана, но все равно спасибо и за хлопоты, и за предупреждение. А теперь до свидания, Мак. У меня много дел.

Макьюэн шагнул вперед и встал между ним и открытой дверью.

– С ней все в порядке?

– Да, черт возьми, с ней все в порядке, – сердито ответил Берк. – Ты что, думаешь, я воюю с женщинами?

– Нет, но раньше мне казалось, что ты не похищаешь людей! – повысил голос Макьюэн. Потом взял себя в руки и продолжил более спокойным тоном: – Я не могу допустить, чтобы ты разрушил свою жизнь. Ты по уши в дерьме, но еще не поздно изменить ситуацию. Верни миссис Дюваль ее мужу. Тогда мы попытаемся уладить это дело.

Берк рассмеялся.

– Дюваль никогда не простит похитителя своей жены. Ты что, Мак, с луны свалился?

– Да, конечно, но ты отпустишь ее, и она вернется домой. А ты исчезнешь. И все – конец.

– Конец наступит тогда, когда умрут Дюваль и Бардо. Но прежде они мне расскажут, кто из нашего отдела оказался

продажной тварью, и я его тоже убью.

– Ты стал убийцей?

– Преступника убивает палач, а не убийца.

– Но не тебе решать, как наказывать преступника!

– Думай что хочешь.

– Предоставь это отделу внутренних расследований.

Берк снова рассмеялся, смех его был горьким.

– Они тоже все куплены, как и остальные. Даже если они обнаружат предателя, неужели ты думаешь, его отдадут прокурору? Черта с два. НОБН покроет его, и все останется как было.

– Но в нашем отделе есть и честные полицейские, Бейзил.

Правда, после твоего увольнения их стало на одного меньше.

– Они не могут изменить порядок вещей.

– Разве новые убийства вернут назад Кевина Стюарта?

Берк никогда еще не видел своего сослуживца таким серьезным. Мак так нервничал, что у него аж щека дергалась.

– Что ты здесь делаешь, Мак?

– Разговариваю с тобой.

– Не пори чушь. Ты не стал бы рисковать своей шеей ради «живой легенды». Мы с тобой не кровные братья. Что-то здесь не так. В чем дело?

Мак отвел глаза, потом снова взглянул на Берка.

– Я задолжал пятьдесят кусков.

– Понятно. – Вот теперь Берку действительно все было ясно. – Понятно. Дюваль узнал о твоих долгах и предложил

их заплатить, если ты доставишь ему его жену и меня. Теперь ясно, почему ты принимаешь эту историю так близко к сердцу.

– Что мне было делать, Берк? Они угрожали расправиться с Тони.

Берк обеими руками сгреб его за рубашку и как следует тряхнул.

– Ты привел их сюда?

– Нет, нет. – Мак резко высвободился. – Я должен был встретиться с ними прошлой ночью, но я сбежал. Надеялся, что тебя они найдут прежде, чем меня. Они не знают, где я.

– Значит, скоро узнают. Пока, Мак. Удачи тебе.

Берк хотел пройти мимо, но Макьюэн загородил ему дорогу.

– Бейзил, клянусь, я не стал бы так рисковать и не сунулся бы в это поганое болото, если бы речь шла только о деньгах. Стоит мне попросить, и родители Тони покроют долг. Дело не только в этом.

– Да-да, все это очень интересно, но у меня время поджигает. – Берк беспокоился, как там Реми одна. Он отсутствовал куда дольше, чем намеревался.

Кроме того, что бы Мак ни сказал, Берка ничто бы не поколебало в его решении. Этот парень не заслуживал доверия. Где гарантия, что Мак не привел сюда Бардо с его шайкой убийц? Надо поскорее убираться отсюда. Берка не беспокоило, что Мак может его выследить. На болоте, в лабиринте

проток легко оторваться.

Мак схватил его за руку.

– Я могу помочь тебе, Берк. Мы можем помочь друг другу.

– Ты трясешься только за свою шкуру. Уйди с дороги!

– Я не хочу, чтобы ты действовал в одиночку.

– Все равно тебе меня не остановить. Берк попытался оттолкнуть Мака, и тот сунул руку за спину.

– Господи, Мак, нет!

Но Берк напрасно кричал. Прежде, чем Мак выхватил пистолет, Берк услышал выстрел. Мак с тупым удивлением посмотрел на Берка, потом глаза его закатились, и он повалился вперед.

Глава 36

Дредд услышал, как подъехала машина.

– Сколько посетителей на этой неделе, – сказал он себе. –

Так я скоро процветать начну.

Грегори сказал правду: люди Дюваля прибыли по расписанию. Может, парень все же заслужил отпущение грехов?

Хлопнули дверцы машины, потом по гравию захрустели шаги.

– Доброе утро, – раздался голос.

– И тебе того же, задница, – пробурчал Дредд, но не громко, чтобы визитеры не слышали.

– Клюет сегодня?

Это сказал второй. На этот раз Дредд ничего не ответил. Он устроил все так, чтобы громилы Дюваля видели: сидит себе старичок на пирсе, ноги болтаются над водой, держит в руках удочку. Пусть считают, что старикан туговат на ухо.

В магазин они не вошли. Они знали, что там трясется от страха Грегори, ожидая начала. Они направились прямо к пирсу. По звуку шагов Дредд слышал, что один намного тяжелее другого.

– Вы, должно быть, Дредд. Дредд не шелохнулся.

– На что ловите?

Вроде они сейчас шагах в десяти от края пирса.

Близко, но еще недостаточно.

– Он глухой, что ли? – спросил один другого, понизив голос.

– Эй, старик. – Это снова первый. – Мы хотим порыбачить. Нам нужны наживки и все прочее.

Дредд молчал, не двигался и ждал.

– Сукин сын глух как пень.

– Или хочет поиграть у нас на нервах. Эй, ты!

С тобой разговаривают!

За время работы в полиции Дредд понял, что человеческая природа сделает за него половину работы. Хомо сапиенс действуют, повинуюсь древним инстинктам, многие из которых легко предсказуемы. Дредд строил свои расчеты на том, что хам никогда не упустит случая нахамить.

– Может, ему слегка уши прочистить, – предложил один.

– Ага, – хмыкнул тот, что потяжелее. – Обязательно надо прочистить.

Носком ботинка он ткнул старого глухого рыболова в спину, чуть пониже хвоста из седых волос.

Пинок был не сильным, но, к изумлению облома, рыбак рухнул в воду.

Шапочка свалилась с головы, следом за ней седой парик. Отлепилась длинная борода. Из воды на них смотрела карнавальная маска с прорезями для глаз.

Наклонившись пониже, чтобы рассмотреть, громила воскликнул:

– Что за...

Прятавшийся под причалом Дредд схватил его за лодыжку и сильно дернул. Потеряв равновесие, тот замахал руками, но не удержался и плюхнулся в воду. Нож Дредда нарисовал длинную дугу на его шее. Громила умер, даже не успев вымокнуть.

У Дредда имелось твердое убеждение, что некоторым людям жить ни к чему. Тот ублюдок, что постоянно бил свою жену, надоел ему хуже горькой редьки. В тот вечер чаша его терпения переполнилась, когда он увидел кровь на лицах жены и детей этого негодяя. Сукин сын постоянно клялся, что исправится. Он уже привык, что его подержат немного в камере, а потом отпустят. Он понял, что ему всегда это будет сходиться с рук.

Сделай всем благо и ухлопай его, – эта мысль пронеслась тогда в голове Дредда, и он достал оружие. Несмотря на тяжкие последствия, Дредд ни разу не пожалел, что убил негодяя. Повторись ситуация снова, он не задумываясь поступил бы точно так же.

Этот тип, чье обмякшее тело плавало рядом, убивал раньше и убил бы их с Грегори, не поморщившись. И Дредд не угрызался, что напал первым. Кошмары ночью его мучить не будут.

Если он доживет до ночи.

Глубоко вздохнув, он нырнул вместе с трупом и привязал его к столбу под водой. Потом осторожно высунул голову на поверхность, чтобы дышать носом.

– Чарли? Чарли?

Правильно, дубина, подай голос, чтобы я знал, где ты стоишь. Дредд потихоньку подплыл к тому месту.

– Чарли? – И сразу. – О Господи!

Дредду не надо было ломать голову, почему голос из удивленного стал испуганным. Старый охотник давно общался со зверушками и знал их как облупленных. Изучал их привычки, наблюдал, как они ведут себя в естественной среде обитания.

Аллигаторы.

Его любимчики зиму проводили в полуспячке, на глаза не показывались, не ели, ничего не делали. Только ждали, когда наступит первый теплый и солнечный денек, и тогда потихоньку начинали просыпаться после нескольких месяцев лентаргии. Сегодня был именно такой день. Свежая кровь Чарли звала их к себе, они хищно устремились сюда.

Дредд не торопился. Надо ждать. Ждать.

– Чарли?

В голосе второго звучала паника. Дредд словно читал его мысли. Второму убийце хотелось дернуть подальше от этого жуткого места и послать ко всем чертям и Дюваля, и его жену. Но они с Чарли давно работали вместе. Чарли – самый крутой после него самого. А тут вдруг Чарли исчез буквально у него на глазах. Человеческая природа требовала узнать, куда делся дружок. Человеческая природа.

Он наклонился над водой. Дредд, словно болотный

монстр, выскочил из воды. Парень был значительно тяжелее, но преимущество Дредда заключалось в стремительности и неожиданности. Он схватил противника за шею и потащил в воду. Тот упал вперед, и нож Дредда угодил ему прямо в адамово яблоко.

* * *

Грегори пришел в себя и огляделся. Он лежал лицом к лицу с двенадцатифутовым крокодилом.

Заорав, Грегори вскочил на ноги, больно стукнувшись головой о железную перекладину кровати. Сердце колотилось как сумасшедшее, воздуха не хватало. В дикой панике он перекатился через кровать, на которой недавно Дредд лечил миссис Дюваль.

Оказавшись в дальнем углу комнаты, Грегори все же заглянул под кровать, чтобы убедиться, что крокодил – это чу-чело, а не живой экземпляр. Хотя от Дредда всего можно ожидать. Он что угодно может держать у себя под кроватью.

Кровожадные глазки хищника, так напугавшие Грегори, оказались стеклянными. Немного успокоившись, Грегори торопливо покинул комнату. На столе, за которым Дредд обычно ел, лежали лакированные головы крокодилов, и они вызвали в памяти какое-то неприятное воспоминание, хоть и неотчетливое. Снаружи Дредд поливал пирс водой из садового шланга.

Услышав шаги Грегори, он обернулся. С бороды и джинсовых шорт капала вода.

– Подрых? – дружелюбно спросил он.

– Что случилось? Как я очутился на полу под кроватью? Я не помню... Нет, погодите. Вспомнил. Туман в голове начал понемногу рассеиваться.

– Вы дали мне «Доктор Пеппер». Вы туда подсыпали снотворное? – Память вернулась окончательно. Грегори оглянулся и увидел вторую машину, припаркованную неподалеку. – Они здесь? – в панике взвизгнул он. – Где они? Что вы им сказали? Зачем усыпили меня?

– Расслабься, сынок. Ты не много пропустил.

Их здесь нет.

– А как вы от них избавились? Что вы им сказали?

– Вообще-то я не имел счастья с ними беседовать. Они поговорили с моим дружком.

Дредд мотнул головой в сторону веранды. Грегори глянул в том направлении и с удивлением уставился на сидевшее в кресле-качалке чучело в вязаной шапочке, в надетом набекрень парике и с карнавальной маской на голове, к которой была прицеплена седая борода.

– Я его сделал пару лет назад, чтобы поймать вора, – объяснил Дредд. – Поганец повадился таскать мой товар каждый раз, когда я уходил на рыбалку или на охоту.

Поэтому я соорудил эту куклу и посадил ее поплавать в моей лодке. А сам поймал вора на месте преступления и из-

бил до полусмерти. Больше он в мой магазин не лазил. – Дредд хмыкнул. – А к этому приятелю я привязался. Если мне нужна компания, он меня внимательно слушает. Красотой, правда, не отличается, сукин сын, но ведь не уродливее меня, а? Сегодня он пришелся очень кстати.

Грегори медленно огляделся. Посмотрел на только что вымытый пирс, с отвращением глянул на воду, потом на противоположный берег, где грелись на солнышке два огромных крокодила, снова посмотрел на Дредда, который ответил ему взглядом, полным вызова и спокойного удовлетворения.

Нетрудно было догадаться о судьбе его провожатых. Грегори судорожно вздохнул, но понял, что обязан жизнью старому отшельнику. Однако тут же вспомнил дышащее злобой лицо Дюваля – возмездие неотвратимо.

– Дюваль пришлет кого-нибудь еще.

– Очень вероятно, – философски пожал плечами Дредд. – Вот почему тебе лучше убраться отсюда подобра-поздорову.

– А их машина?

– Я о ней позабочусь.

Он не стал вдаваться в подробности, но Грегори знал, что от машины и следов не останется.

– Я... Спасибо, Дредд.

Дредд выпустил облачко серого дыма.

– Ты поступил хорошо, парень. Когда я увижу Бейзила, я ему расскажу, что ты искупил все свои прошлые прегрешения.

Тронутый похвалой, Григори смутился. На глаза его навернулись слезы. Дредд, должно быть, это заметил и начал ворчать:

– Ну, нечего тебе тут стоять. Ты и так уже столько всего перенес, что Бейзил разозлится, если я дам тебе помереть или попасть за решетку. Давай-давай, иди отсюда. Брысь.

* * *

Берк импульсивно бросился к падающему Макьюэну.

– Мак!

Мак не отвечал, он был мертв. Но, даже понимая это, Берк продолжал звать его, склонившись над телом.

Раздались шаги, и Берк увидел Дуга Пату.

– Он мертв?

– Черт тебя побери, Дуг! – сердито заорал Берк. – Что ты натворил!

– Если бы я промедлил, с пулей валялся бы ты. Пату опустился на колени и пощупал у Мака сонную артерию. Потом медленно встал, опустил плечи. Тихо выругался и провел рукой по усталому лицу. Потом положил руку на плечо Берку и с тревогой спросил:

– Ты в порядке?

– В порядке? Господи, Дуг, я совсем не в порядке. Только что у меня на глазах убили человека, моего коллегу.

– Мак полез за пистолетом. Тут – или ты, или он.

Да, Мак действительно выхватил из кобуры пистолет, он валялся рядом с безжизненным телом. Но, несмотря на этот неопровержимый факт, Берку как-то трудно было представить, что Мак смог бы хладнокровно его застрелить.

– Ты не сильно о нем переживай, – сказал Пату. – Он спутался с Дювалем.

– Да, он мне в этом признался.

– А условия он тебе сообщил?

– Ему простят долг в пятьдесят тысяч в обмен на меня.

– Это только часть сделки. Кроме погашения долга ему еще обещали большой гонорар за твою голову.

– Гонорар?

Пату кивнул в сторону Мака.

– Это тот самый предатель, которого ты искал. Мы получили неопровержимые доказательства, что Мак работал на Дюваля.

Берк недоверчиво посмотрел на Пату.

– Мак – болтун, игрок, человек несерьезный.

– Он намеренно создавал такой образ. Он был намного умнее, чем казался. Обаятельный, добросовестный, но звезд с неба не хватает. Упорно добивался перевода в НОБН. Это было частью их плана. Он с самого начала был человеком Дюваля.

– С ним и в самом деле было что-то не так, – размышлял вслух Берк. – Жил он явно не на зарплату. Сначала я решил, что либо он шулер, либо самый крупный везунок, каких я

встречал в жизни.

– Сегодня удача ему изменила.

– Так ты говоришь, есть доказательства его связи с Дювалем?

– Отдел внутренних расследований несколько месяцев проводил служебное расследование. Из всего отдела только я знал о нем. Я знал, как тебе хочется найти предателя, но не имел права выдавать служебную тайну. Хотя, – усмехнулся он, – у меня было сильное искушение рассказать тебе о расследовании, чтобы ты не уходил. Ну вот. После долгих утомительных месяцев, после разбора провалов удалось выйти на Макьюэна. – Он мягко добавил: – Включая тот провал, когда был убит Кевин.

Глаза Берка сверкнули. Пату кивнул.

– Да. Ты же хотел знать, кто виновен в смерти Кевина. Вот он, лежит перед тобой.

Не веря своим ушам, Берк смотрел на Пату. Внезапно ноги его подкосились, он оперся рукой о стену и медленно сполз на пол. Пату помолчал немного и спросил:

– Ну, ты как? Пришел в себя?

– Да. – Берк с трудом подбирал слова. – Я думал... я думал, что буду чувствовать себя по-другому, когда узнаю, кто предатель.

– А что ты чувствуешь?

– Пустоту.

Берк заметил, что лужа крови под телом Мака уже не рас-

текается. Скоро она засохнет. Как много крови. Из Мака. Из Кевина.

Он взглянул на Пату.

– Если Мак был таким ценным агентом, то почему Дюваль послал его за мной? Это слишком рискованно.

– Видимо, Дюваль решил, что сейчас ты для него важнее. Вы с Маком приятели; может, ты ему доверишься. А без Мака можно и обойтись.

– Да, у Дюваля неограниченные возможности. Может, на него уже работает другой полицейский, вместо Мака.

Пату угрюмо кивнул.

– Возможная вещь.

Берк смотрел на Мака и думал, что многое его в Маке раздражало, но все же парень он был обаятельный. И жена такая симпатичная. На душе у Берка стало совсем паршиво.

Он спросил:

– Откуда ты узнал, что Мак приедет сюда сегодня?

– Мы следили за каждым его шагом. Недавно стало известно, что он задолжал ростовщику по имени Дел Рей Джонс.

– Знаю такого.

– Прошлой ночью Дел Рей повез Мака на встречу с Дювалем. Нам сразу все стало ясно. Берк встал.

– Довольно хилые улики, Дуг. Откуда ты знаешь, вдруг Мак пришел предупредить меня или передать послание от Дюваля? Он мне сказал именно это.

– Он потянулся за пистолетом, ты что, забыл? Мне что, надо было стоять и ждать, пока он прихлопнет тебя?

Берк не стал спорить.

– И вообще, – не унимался Пату, – я знаю, зачем Мака сюда послали, я разговаривал с Дювалем. Я позвонил ему утром и сообщил, что Мак раскрыт. Тогда Дюваль осторожненько, в своей хитрой адвокатской манере, так, что за руку его не схватишь, намекнул, каково задание Мака. Потом вышел из себя и заорал, что не важно, получится у Мака или нет, – у него есть запасной план.

– Дюваль блефует. Я говорил с ним сегодня утром. Он стораает от нетерпения схватить меня. Каковы бы ни были его запасные планы, я к ним готов. Я жду Дюваля с нетерпением.

– Господи, да ты слышишь, что ты говоришь? – закричал Пату. – Вы с Дювалем сцепились, как школьники. Очнись, Берк, посмотри на вещи трезво. Один человек уже мертв из-за этой истории, и я особенно поганю чувствую себя, потому что сам его убил. Предатель он или нет, но Мак был моим подчиненным.

Успокоившись, он продолжил уже тише:

– Очень тебя прошу, брось ты это дело. Прямо сейчас. Ты своего злодея нашел: вот он, истинный убийца Кевина. Давай, поедem заберем миссис Дюваль и спокойно доставим ее домой.

– Это произойдет не раньше, чем я прикончу Дюваля.

– Ладно, предположим, ты убьешь Дюваля и Бардо. Но

ведь ты остаток дней проведешь за решеткой! Кому от этого будет лучше?

– Я не отдам ее назад.

– Час от часу не легче. А представь себе, что Дюваль выживет, а ты отправишься в тюрьму? Думаешь, он все забудет? Как бы не так. Он будет мстить тебе до последнего вздоха. Помнишь Сэчела и его сына? Дюваль безжалостен. Возьмет и пошлет Бардо к Нэнси Стюарт. Что скажешь? Он будет мучить близких тебе людей, чтобы заставить тебя страдать. Я видел твоего брата, отличный мужик. Ты не сможешь их всех защитить, Берк, сидя в тюрьме.

– Тем более мне необходимо прикончить этих ублюдков раз и навсегда.

– Черт тебя возьми, Берк, да послушай же меня!

– Нет, это ты меня послушай! – заорал в ответ Берк. – Я начал это дело и доведу его до конца.

– Я тебя арестую.

– За что?

– За похищение человека.

– А я разве требовал выкуп? С чего ты взял, что я увез миссис Дюваль силой? Может, мы с ней сговорились, и она сбежала от мужа-тирана. Пату устало посмотрел на него.

– Слишком поздно, никто в это не поверит. Дюваль приходил ко мне на следующий день после похищения и сказал, что намерен убить тебя. Если ты будешь продолжать упрямиться, останешься один. А если пойдешь сейчас со мной –

тебе гарантирована защита.

– Нет уж, спасибо. Защита...

Он даже не увидел, как Пату ударил его пистолетом в висок. Глаза ослепила яркая вспышка, комната зашаталась, предметы стали уменьшаться, словно на них смотрели в перевернутый бинокль. Затем наступила полная темнота.

Его последняя мысль была о Реми. Она там одна, ждет его возвращения.

Глава 37

Берк пришел в себя от гудения голосов, слов он пока не различал. Сознание медленно возвращалось, и постепенно он немного сориентировался: лежит на боку в комнате на полу, руки за спиной в наручниках, голова раскалывается от чудовищной головной боли.

Где бы он ни находился, вокруг было много суеты. Даже через закрытые веки резал глаза яркий свет проблесковых огней. Берк пока решил не обнаруживать себя и прикинуться, что продолжает находиться без сознания.

Раздался знакомый голос:

– У меня сегодня прямо как на центральном вокзале, – проворчал Дредд. – Шляется кто попало. Теперь рыба неделю клевать не будет.

– Кто? – спросил Дуг Пату.

– Что «кто»?

Хотя Берк еще не до конца пришел в себя, он сразу понял, что Дредд прикидывается, идиотом. Странно, что Пату этого не замечает.

– Кто приходил к тебе сегодня?

– Ну, сначала утром заявили двое парней, спрашивали Берка Бейзила.

– Какие двое парней?

– Первый раз их видел, но знаешь, не имею желания с ни-

ми еще встречаться. Так себе ребята.

– Откуда ты знаешь? Что они такого сделали?

– Да ничего особенного. Просто не понравились они мне, и все. Я давно уже ушел из полиции, Пату, но чутье меня еще ни разу не подводило. – Дредд замолчал, и Берк понял, что он прикуривает. – Они были одеты как рыболовы, но, если эти двое когда-нибудь в жизни ловили рыбу, я готов съесть вон того аллигатора.

– Ты их и так жрешь. Дредд хмыкнул.

– Это точно, Пату, но ты же понял, о чем я. Во всяком случае, я выдал им их пиво и не сильно жалел, что они ушли.

– Что ты им сказал о Берке?

– То же, что и тебе. Берк заезжал сюда несколько дней назад.

– Когда?

– Точно не помню. Я мало внимания обращаю на календарь. Но то, что завтра праздник Марди-Гра, – это я знаю. В городе, наверное, красотища...

– Ты говорил о Берке.

– А, да. Мы с Бейзилом чуток поболтали, но ты ведь знаешь, он не то чтобы сильно разговорчивый. Он купил кое-чего и уехал.

– С ним была женщина?

– Женщина – это мягко сказано. Ого-го! Дух захватывает!

Кто она, ты говоришь?

Пату коротко изложил факты, которые, разумеется, и без

того были известны Дредду. Выслушав Пату, он сказал:

– Да-а. Ни за что бы не поверил, что Бейзил ее похитил. Не похоже было, что ее насильно заставляли. Сама преспокойно села в его машину...

– Они уехали на машине?

Дредд начал во всех подробностях описывать модель и цвет несуществующей машины. Если бы ситуация не была такой опасной, Берк не удержался бы и расхохотался вслух.

– Главную дорогу отсюда не видно, так что я не знаю, в каком направлении они уехали.

Пату спросил, не было ли с ними еще одного человека, возможно, священника. Дредд рассмеялся и ответил отрицательно. Сам он избегает якшаться с церковниками, да и Бейзил не производит впечатления человека религиозного.

– Что-то мне не верится, что Бейзил совершил похищение.

– Мне тоже, но факт остается фактом.

– Скажи-ка еще раз, Пату, как звали парня, которого ты шлепнул?

– Детектив Мак Макьюэн.

– Один из твоих ребят.

– Да, – с горечью подтвердил Пату. – По заданию Дюваля он разыскивал Берка и миссис Дюваль. Я следил за Маком до самой рыбацкой хижины. И слава Богу. Иначе он убил бы Берка. – Пату коротко рассказал Дредду о двойной игре Макьюэна.

– Ты когда-нибудь раньше убивал человека, Пату?

– Один раз. На дежурстве. Не могу назвать это ощущение приятным.

– Все зависит от того, насколько поганым был тот, кого ты убил, – заметил бывший полицейский. Берк так и видел, как Дредд пожал обожженными на солнце плечами. – Ты избавил отдел от предателя, этого Макьюэна. Значит, ты сэкономил время и нервы остальных полицейских.

– Меня с души воротит, что пришлось убить человека. Я надеялся, что все разрешится мирно. Но, по крайней мере, я уберег Берка от ошибки, за которую ему пришлось бы платить всю оставшуюся жизнь. Что бы он там ни думал, потом мне «спасибо» скажет.

Дредд скептически хмыкнул.

– Вряд ли человек скажет «спасибо» за то, что его оглушили и заковали в наручники. Ух., и достанется тебе, когда он очнется.

– Конечно, он разозлится, – согласился Пату, – но все равно, я сделал это ради его же блага. Он упрям как осел. – И добавил уже другим тоном: – А вот и «Скорая».

Берк услышал скрип стульев, звук шагов.

– Пойду прослежу, чтобы отправили тело Макьюэна, и заполню бумаги. Как только отправлю «Скорую», вернусь за Бейзилом.

– А где жена Дюваля?

– Это будет первый вопрос, который я задам Бейзилу, ко-

гда он очнется. Женщину надо немедленно доставить домой.

Берк подождал, пока стихнут шаги Пату, и только тогда открыл глаза. Как он уже успел догадаться, он лежал на кровати в комнате Дредда.

– Давно очнулся? – шепотом спросил Дредд. Он не смотрел на Берка, а стоял у окна, преспокойно курил и наблюдал через мутное стекло за возней на улице. Уже в который раз Берк поразился, неужели Дредд и в самом деле немножко колдун? Глаза у него, что ли, на затылке?

– Ага. Успел послушать рассказ Пату.

– Все так и было, как он рассказывал?

– В точности. Я добрался до своей хижины на несколько минут раньше Макьюэна и спрятал лодку в высокой траве. Он признался мне, что заключил сделку с Дювалем. Мак надеялся, что ему удастся со мной договориться.

– Черта с два.

– Я ему примерно то же сказал. Но поскольку на карту было поставлено будущее самого Макьюэна, его такой мой ответ не устроил. Он потянулся за пистолетом. Пату за ним следил и, увидев движение Мака, выстрелил. Пуля попала Маку прямо в сердце. Сейчас Пату намерен все оформить по закону.

– Пату – только часть твоей проблемы, сынок. Дюваль пустился во все тяжкие. Он дышит тебе в затылок.

Не меняя позы, не отводя глаз от окна, за которым в машину «Скорой помощи» загружали тело Макьюэна, Дредд

рассказал Берку о том, как к нему приехал Грегори и предупредил, что с ним люди Дюваля.

– Значит, ты не наврал Пату про этих «рыболовов».

– Ну, в общем, нет, – ответил Дредд. – Они здесь были, но они отсюда не ушли.

Зловещий тон, которым были произнесены эти слова, пресекал дальнейшие расспросы. Берк решил, что лучше ему ничего не знать о судьбе «рыболовов».

– А что с Грегори?

– Парень он не совсем пропащий.хлопот нам, конечно, доставил, но теперь исправился. Я посоветовал ему уносить отсюда ноги, и он меня послушался.

– Хорошо. – Берк шевельнулся и тут же сморщился от боли. – Помоги мне избавиться от этих браслетов.

Дредд повернул голову.

– Тело погрузили в машину, Пату разговаривает с шерифом. У нас есть минутки полторы, чтобы ты отсюда убрался.

– Где мой пистолет?

– Его забрал Пату. Но ты можешь взять мой. Дредд достал из ящика стола «магнум-357», проверил барабан, вынул коробку с патронами и помог Берку подняться. Ноги были как ватные, в голове гулко звенело, но Берк, собрав все силы, пошел за Дреддом к задней двери.

В мастерской у Дредда хранились всевозможные инструменты. Он выбрал пару кусачек и перекусил наручники. Протянул Берку пистолет и коробку с патронами и кивнул

на привязанную к заднему пирсу лодку.

– Ты переводишь мои лодки, как созревший юнец пачку презервативов. Если они и дальше будут исчезать в таком темпе, я скоро без работы останусь.

– Я тебе все возьму, Дредд.

– Да уж возмести. И постарайся выйти живым из всей этой передраги. Бензину достаточно, но не заводи мотор, пока не отъедешь хотя бы на полмили. Хватит сил догрести?

– У меня все равно нет выбора. Реми там одна.

– Бейзил? Тебе нравится эта девочка? Двое мужчин долго молча смотрели друг на друга. Потом Берк сказал:

– Спасибо тебе за все, Дредд.

– Не бери в голову. Удачи тебе. Давай уж, ладно... Черт! Эта часть спектакля мне не очень нравится.

Берк крепко врезал Дредду кулаком в челюсть, и даже косматая борода не смягчила удара. Дредд упал, и Берк ударил его снова, искренне сожалея, что приходится изображать, будто преступник Берк Бейзил напал на старого отшельника и сбежал. Но бить он старался так, чтобы потом у Дредда ничего не болело.

Берк прыгнул в лодку и отчалил.

Едва он схватился за весло, раздались громкие крики и топот шагов.

К черту весло! Он взревел мотором И дал полный газ.

К полудню Реми начала поглядывать в окно, ожидая его возвращения. Она даже не стала обедать; он наверняка придет голодный, и они поедят вместе. Но время шло, а Берка все не было.

Она осмелилась выбраться наружу и попыталась порадоваться первому солнечному дню, но тревога мешала любоваться экзотической красотой болотного пейзажа. Все мысли Реми были сосредоточены на Бейзиле: где он может быть, почему так долго не возвращается?

К заходу солнца она уже места себе не находила от беспокойства. Она мерила шагами пирс, как часовой на посту, прислушивалась, стараясь уловить звук работающего мотора в ночной тиши болота, которая в первые дни пугала ее, а теперь казалась привычной и даже умиротворяющей.

С наступлением сумерек Реми вернулась в дом. Из соображений безопасности лампу она не зажигала и поэтому сидела в кромешной темноте. Реми ничего не ела с самого утра, но голода она не чувствовала.

Что могло случиться, когда Бейзил приехал в лавку Дредда?

Вдруг на него напали те трое мужчин, которые приезжали вчера и якобы искали отца Григори?

Вдруг в доме Дредда сидели в засаде люди Пинки и под-

жидали появления Бейзила?

Вдруг Бейзила и Дредда убили, и теперь никто не знает, где Реми находится?

Мрачные предположения роились в голове, перед глазами беспрестанно рисовались кошмарные картины одна другой хуже. Устав от страшных мыслей, Реми легла на кровать и закрыла глаза. Она была уверена, что в таком взвинченном состоянии ни за что не сможет уснуть, поэтому, когда она внезапно очнулась, первой ее мыслью было: неужели она спала?

Второй мыслью было: а что ее разбудило? Как в детстве, когда ее будили Анджела и ее многочисленные клиенты, Реми, проснувшись, лежала неподвижно с бешено колотящимся сердцем.

Так что же ее разбудило? Звук? Зловещее движение в темноте? Предчувствие опасности?

Реми напряженно вслушивалась, но было очень тихо. Может быть, ее разбудил удар лодки о пирс?

Что же делать? Лежать тихонько, стараясь оставаться невидимой, как в своем кошмарном детстве? Но ведь она уже не ребенок. Она же сказала Берку, что не желает больше быть чьей-то жертвой. Да и чего ей бояться после двенадцати лет жизни с человеком, унижавшим ее тело и душу?

Выскользнув из кровати, Реми, крадучись, пересекла комнату и взяла со стола кухонный нож. Нож, конечно, тупой, но это ее единственное оружие, пистолет забрал Берк. Немного подумав, она прихватила еще лампу и спички, потом подо-

шла к окну и вгляделась в темноту.

По пирсу двигалась тень. Больше Реми ничего не могла разглядеть. Тень на секунду остановилась, прислушалась и снова двинулась к дому.

Реми присела на корточки и сжала нож. Интересно, можно ли будет воспользоваться лампой в качестве оружия?

Заскрипели ржавые петли двери, человек замер на пороге, словно раздумывая. Потом осторожно прикрыл за собой дверь.

– Реми?

Из ее груди вырвался вздох облегчения.

– Берк!

Она вскочила на ноги и бросилась к нему, но ахнула и замерла на месте, увидев направленный на нее пистолет.

* * *

Несказанно обрадовавшись, что с Реми все в порядке, Берк готов был схватить ее и прижать к себе, но тут заметил, что она в одной руке держит нож, а в другой – лампу.

За милю до хижины он выключил мотор, зная, как далеко на болоте разносится звук. Ему не хотелось приводить к своему тайному убежищу тех, кто за ним гнался. Берк так рвался сюда, что ему как-то в голову не приходило, что от Реми тоже может исходить угроза.

Но нож выпал из ее руки, лампа уже стояла на столе.

Берк поставил пистолет на предохранитель и положил рядом с лампой.

Берк и Реми смотрели друг на друга. Он заговорил первым:

– С тобой все в порядке?

Она энергично тряхнула головой.

– Да. Только испугалась.

– Чего?

– Не сразу поняла, кто пришел.

– Я боялся тебя здесь не найти.

– Куда же я могла деться? А почему ты крался на цыпочках?

– Опасался засады.

– Засады?

– На меня тут снова охоту объявили.

– Почему?

– Долго рассказывать.

– У тебя рубашка мокрая от пота.

– Я греб.

– А-а.

Они стояли в темноте. Не отрывая глаз друг от друга.

Реми сказала:

– Тебя так долго не было.

– Да. Извини. Я не мог прийти раньше.

– Да нет, я так, просто...

– Я никак не мог. Если бы...

– Что-то случилось?

– Кто-нибудь приезжал сюда?

– Нет.

– Ты кого-нибудь видела?

– Нет. Я с ума сходила...

– От страха?

– От беспокойства.

– От беспокойства?

– Я боялась, что с тобой что-то случилось.

Расстояние между ними сократилось. Впоследствии Берк сам не мог припомнить, как он приблизился и обнял Реми. Это произошло само собой. Только что он стоял в полуметре от нее, и вдруг – они слились в объятии.

Он крепко прижал ее к себе. Зарылся лицом в ее волосы и замер.

Реми прошептала:

– Я боялась, что ты ко мне не вернешься.

– Меня бы ничто не остановило.

– Но я же этого не знала.

– Знала, Реми.

– Откуда?

– Я же обещал тебе, что вернусь.

Его губы нашли ее губы. Он впился в них поцелуем. Берк вел себя неуклюже, но умирающему от голода не до этикета. Он хрипло застонал от наслаждения и сжигающего его желания.

Он вплеп пальцы в ее волосы и заглянул ей в глаза, страшась увидеть в них отказ. Но выражение ее лица успокоило его.

Реми смущенно коснулась его губ кончиками пальцев.

Берк закрыл глаза и крепко прижался к ней всем телом. Не отрываясь от ее губ, он повлек Реми к кровати. Сел, посадил ее к себе на колени и стал нетерпеливо снимать с нее одежду. Он лихорадочно касался руками ее обнаженного тела, словно боясь что-то упустить.

Прижав пылающие щеки к ее плоскому животу, он на секунду замер. Потерся лицом о просвечивающий сквозь трусики треугольник волос.

Затем Берк положил Реми на кровать, любуясь ее изумительным телом. Провел рукой по обнаженному бедру. Реми выдохнула его имя. В одну секунду скинув с себя джинсы и рубашку, он накрыл ее своим телом. Войдя в нее, Берк всхлипнул от наслаждения. Он не хотел торопиться, но желание переполняло его – ведь он так долго мечтал об этом.

Все произошло слишком быстро. Берк поднял голову, он хотел попросить прощения за свою стремительность. Но лицо Реми было искажено от страсти, глаза закрыты, на губах – капельки пота. Грудь вздымалась, соски затвердели. Он слегка стиснул их и увидел, как она закусил губу от удовольствия.

Он снова ритмично задвигался. Затем, перекатившись через нее, он лег рядом, положил ее голову себе на грудь и при-

жал Реми к себе. Они лежали так очень долго, и ему хотелось, чтобы они лежали так вечно. Но он должен был обязательно сказать ей одну вещь.

– Я знаю, как ты религиозна. Для тебя, наверное, супружеская измена – страшный грех. Так ты считай, что я тебя заставил. Только... только не терзайся из-за этого, ладно? Я не хочу, чтобы ты мучилась... мучилась из-за меня.

Она приподнялась на локте и посмотрела на него. Погладила по щеке ладонью.

– Не беспокойся. Я ведь не по-настоящему замужем.

Глава 38

Из окна своего кабинета Пинки смотрел на бурлящую толпу. Праздничный парад закончился, начало веселья было положено: все намеревались от души погрешить, до Великого поста оставалось двадцать четыре часа.

Пинки обернулся на звук открывшейся двери. В комнате стоял непривычно тихий Бардо.

– Мои люди отказываются туда идти. Говорят, там пока опасно: полиция, власти, шериф, прокурор.

– Макьюэн точно мертв?

– Мертвее не бывает. Получается, что Пату шлепнул его, желая защитить Бейзила.

– А что с Бейзилом? – спросил Пинки.

– Ты не поверишь. Пату сказал, что Бейзил сбежал с наружниками на руках Дюваль злобно выругался.

– Бейзил избил этого старого козла, хозяина лавчонки.

– Как бы не так! – заорал Дюваль. – И Пату это проглотил?

– Не знаю.

– Разве этот тип, Грегори, не говорил нам, что Бейзил и Дредд – или как его там? – дружки не разлей вода? Если там столько легавых, как ты расписал, оттуда без посторонней помощи не сбежишь. А куда делся Грегори и двое твоих парней? Есть от них что-нибудь?

Бардо покачал головой.

– Ничего.

– Значит, они туда просто не поехали. Предали нас твои ребятки.

– Эти двое у меня самые надежные, – возразил Бардо. – Если я им приказываю, они выполняют приказ, не задавая лишних вопросов.

– У родителей Грегори Джеймса полно денег. Они просто подкупили твоих «самых надежных». Поди, развлекаются сейчас в Вегасе, трахают девок по две зараз.

– Их нельзя подкупить, – продолжал настаивать Бардо.

– Тогда объясни мне, где они.

Бардо пожал плечами, и Пинки снова выругался.

Давно уже он не чувствовал себя так паршиво. У него было два блестящих шанса заполучить Бейзила, и оба провалились. А начиналось все неплохо. Было совершенно очевидно, что Макьюэн собирается обмануть Дела Рея и действовать самостоятельно. Что ж, Дюваля это вполне устраивало. Он даже приветствовал инициативу Макьюэна. Но этот придурок проиграл и позволил себя убить. Большое спасибо, Дуг Пату, скрипнул зубами Пинки. С тобой я еще разберусь.

Тем временем умудрился исчезнуть Грегори Джеймс, трусливый педик, прихватив с собой двух опытных боевиков Бардо. Как ему это удалось? Бейзил, поди, со смеху помирает, наблюдая эти жалкие попытки Пинки Дюваля разыскать похитителя его жены. При одной мысли об этом у Пинки кровь прилила к голове.

Бардо прервал его раздумья:

– Не сердись, Пинки, но мне надо тебе кое-что сказать.

Дюваль обернулся, но Бардо продолжал, не страшаясь холодно-вопросительного взгляда адвоката:

– Бейзил мог убить миссис Дюваль и кинуть тело в болото в первый же день. Может, она уже давно мертва. Или же...

– Или же? Что?

– Черт возьми, Пинки, ты сам знаешь «что»! Если она провела с Бейзилом почти неделю, то она... может быть... Может, она ему так понравилась, что ему теперь наплевать на месть. Или же он мстит тебе на другой манер.

Глаза Пинки засверкали ледяным опасным блеском.

– Значит, ты полагаешь, что моя жена либо мертва, либо сутками напролет трахается с Бейзилом?

Бардо красноречиво развел руками.

– Ты же знаешь баб. Они как собаки. Пока ты их кормишь и ласкаешь, они тебя любят. Почему, ты думаешь, баб называют суками?

– Я об этом как-то не задумывался.

Казалось, Бардо не замечал, что его босс едва сдерживается, и продолжал:

– Уж больно паршивое дело. Все с самого начала складывалось против нас.

– Ты не ходи вокруг да около. Говори прямо. Бардо сунул руку в карман, позвякал мелочью. Нагло усмехнулся и слегка пожал плечами.

– Я выхожу из игры, Пинки.

– Черта с два.

– Я не желаю, чтобы меня прикончили из-за шлюхи, да еще не моей.

Побагровевший Пинки бросился вперед и схватил Бардо за лацканы его двухтысячедолларового костюма. Возможно, Реми заслужила оскорбление, но Дюваль не мог позволить, чтобы оскорбляли его самого. Никто не смеет выходить из игры по собственному желанию. Только он, Пинки, будет это решать. С чего это Бардо так обнаглел?

– Ты будешь делать то, что я тебе скажу, иначе я шепну кое-что на ушко окружному прокурору Литреллу о делишках Уэйна Бардо.

– Ты мой адвокат. Ты не можешь оговаривать своего клиента, тебя дисквалифицируют.

– Конечно, – вкрадчиво подтвердил Пинки. Таким голосом он обычно задавал вопросы тем свидетелям, которых намеревался запутать и сбить с толку. Один восхищенный местный журналист назвал этот голос «бархатной дубиной».

– Я не могу разглашать конфиденциальные сведения о моих клиентах, но я могу попросить кого-нибудь сделать это для меня. Масса людей с превеликим удовольствием окажет мне подобную услугу. Ты и моргнуть не успеешь. А если это произойдет, тебе – крышка, Уэйн. Баб в тюрьме не будет. У тебя отнимут твои золотые побрякушки, твою шикарную машину, твои нарядные одежды. Будешь сидеть в полном дерь-

ме, а раз в месяц тебе позволят побриться и принять душ. – Не давая Бардо возможности огрызнуться, Пинки приблизил к нему лицо. – Это «паршивое дело», как ты выразился, закончится только тогда, когда сдохнет Бейзил. Тебе ясно?

Свои планы относительно Реми Пинки решил держать при себе. Если требовалось убить женщину, Бардо не проявлял особого чистоплюйства, однако Пинки не хотелось, чтобы этот ублюдок начал раньше времени ронять слюни.

– У меня есть для тебя задание. – Дюваль разжал руки, разгладил лацканы пиджака и дружелюбно похлопал Бардо по щеке. – Оно тебе понравится.

– Пинки отказался венчаться в церкви. А если наш брак не признан церковью, то я могу считать себя свободной. – И Реми шепотом добавила: – Получается, ты был прав, когда обозвал меня шлюхой.

Берк погладил ее по щеке.

– Ты не шлюха.

Они крепко сжимали друг друга, никак не решаясь разжать объятия. Реми прижалась щекой к его волосатой груди.

– Что с нами теперь будет, Бейзил? Он блаженно улыбался, но ее вопрос его отрезвил. Берк вздохнул.

– Не знаю.

– Ты должен отпустить меня. Я вернусь обратно.

Он покачал головой.

– Но...

Он откинул голову, посмотрел на Реми.

– Нет.

И впился властным поцелуем в ее губы.

Потом она спросила о его браке с Барбарой.

– Почему вы разошлись?

– Я не мог сделать ее счастливой.

– А она сделала тебя счастливым?

– Нет, – ответил он, только сейчас сообразив, что в их неудачной семейной жизни был виноват не он один. Барбара тоже не сильно старалась. – У нас были вполне сносные отношения. Я думал, все так живут.

– Но люди не должны так жить.

– Не должны. – Он взгляделся в ее лицо. – Скажи, кем бы ты хотела стать, если бы была свободна?

– Ты имеешь в виду, если бы Пинки не держал меня взаперти? Он кивнул.

– Я бы хотела работать в художественной галерее, – ни минуты не колеблясь, ответила Реми. – Я изучала живопись, я хорошо разбираюсь в современном искусстве, знаю многих художников. Я бы была хорошим работником.

– Не сомневаюсь, – уверенно кивнул он. Она положила ладонь под щеку и мечтательно заговорила:

– Интересно, что бы было, если бы мы с тобой встретились в другом месте и при других обстоятельствах? Давай представим, что я работаю в какой-нибудь модной художественной галерее на Ройял-стрит, а ты заглянул на выставку и увидел меня.

– Ну, во-первых, я бы никогда в жизни не заглянул ни в одну галерею на Ройял-стрит.

– Мы же мечтаем, Бейзил. Мечтать можно обо всем на свете.

– О'кей. Я зашел и увидел тебя, да? Она кивнула.

– Ну, сначала бы я облизнулся, потом бы набрался наглости и заговорил с тобой. Реми рассмеялась.

– Заговорил бы. Хорошо. Что потом?

– А ничего. Ты бы сразу увидела, какой я безнадежный невежа.

– Почему?

– «Мону Лизу» я, может, еще и опознаю, но это предел моих художественных познаний. Ты бы прогнала меня взащей.

– Сомневаюсь. – Она застенчиво улыбнулась и тихо прибавила: – Отец Кевин произвел на меня довольно сильное впечатление.

– Этот кислый священник? – фыркнул Берк.

– Он действительно показался мне довольно мрачным, но я о нем много думала.

– А что ты о нем думала?

– Разные нехорошие вещи.

– Ну да?

– Угу. Я думала, что женщины в его приходе подвергаются сильному искушению.

– Продолжай, продолжай.

– Правда, – улыбнулась Реми. – Отец Кевин показался мне слишком привлекательным для святоши.

– Я не святоша.

– Тогда-то я этого не знала. И думала, что святой отец невероятно сексапилен.

– Правда?

– Ага. А ведь я еще не знала, что у него на плечах веснушки.

Он рассмеялся. Ему нравилось ее кокетство, ее внимание.

– Нет у меня никаких веснушек. Реми тоже засмеялась.

– Есть, есть.

Они лежали так несколько часов, ласкали друг друга, целовались, изучали тела друг друга с пылким любопытством новых любовников, радуясь каждому открытию.

И еще они фантазировали. Что встретились в другом месте и в другое время и что совершенно свободны. Они много смеялись, но были моменты, когда они просто молча лежали, прижавшись друг к другу и думали.

– Ты так прекрасна, – сказал Берк. – Я не могу поверить, что обнимаю тебя.

– Мне нравится твое лицо, – прошептала она. – Оно очень честное, но...

– Что «но»?

– В глубине твоих глаз что-то скрывается, Бейзил. – Реми вопросительно взглянула на него. – Что ты там прячешь?

– Все мои грехи и недостатки.

– Их не может быть так много.

– О, ты бы удивилась, если бы знала сколько. Или, может, совсем бы не удивилась, – хмыкнул он.

Она провела кончиками пальцев по его губам.

– Ты улыбаешься, но твои глаза остаются серьезными. Почему? Что делает тебя несчастным?

Берку было не по себе оттого, что она так глубоко проникла в его душу, но в то же время его трогало ее желание знать все о нем. Он хотел, чтобы Реми знала, как много значит для него ее участие.

– Реми...

Он посмотрел ей в глаза, и слова сразу куда-то подевались. Берк страстно ее поцеловал, прижал к себе и неохотно сказал, что, наверное, им надо постараться хотя бы немного поспать.

Повернув ее к себе спиной и обняв за талию, Берк в самом деле честно думал, что сможет уснуть. Но не прошло минуты, как страсть разгорелась в нем с новой силой.

Он поцеловал Реми в шею, коснулся сосков – они затвердели. Берк прошептал ее имя и прижался теснее. Реми тихонько вскрикнула, и Берк тут же отодвинулся.

Он повернул ее к себе. Реми плакала. Он смахнул слезы с ее щеки.

– Прости, Реми. Я не буду. Все нормально.

– Я не хотела, чтобы ты останавливался. Он сглотнул.

– Тогда что?

Она обхватила его лицо обеими руками.

– Ты знаешь, как я жила с Пинки? Ты знаешь, почему он взял меня к себе, что он со мной делал и чем я была для него все эти годы?

Он понимал, о чем она говорит, и хмуро кивнул.

– Я выполняла все его прихоти, – продолжала она, желая, чтобы он понял ее до конца.

– Я знаю.

Реми судорожно вздохнула.

– И ты по-прежнему хочешь меня?

– Хочу тебя? – обескураженно повторил он. – Хочу тебя?

Он обнял ее, вплел пальцы в ее волосы и заговорил низким, срывающимся голосом:

– Прежде чем все закончится, я могу погибнуть. Или же проведу остаток дней за решеткой. Мне все равно. Но я не перенесу, если ты вернешься к нему. Все, что угодно, стерплю, но только не это. – Он зажмурился и уткнулся лбом в ее плечо. – Но ты не вернешься к Дювалю. Не сможешь. Все, что угодно, только не это.

Глава 39

– Мистер Дюваль?

– Кто говорит?

– Дуг Пату. Вашу жену нашли. Ромен принес Пинки, завтракавшему в столовой, радиотелефон.

– Где она? – резко спросил Дюваль.

– В охотничьей лавке Дредда. С ней сейчас помощники шерифа, я тоже туда еду.

– А Бейзил?

Пату ответил не сразу:

– Он оставил там миссис Дюваль, а сам скрылся.

– В каком она состоянии?

– Мистер Мишу сказал мне, что с ней все в порядке. Ей не терпится вернуться домой.

– Пату, я хочу, чтобы Бейзила нашли. Переверните всю Луизиану вверх дном, но разыщите мне его. Он должен предстать перед правосудием.

– Вряд ли вас заботит правосудие, – невозмутимо ответил Пату. – Вы же утверждали, что никакого похищения не было. Иначе вы давно уже притащили бы сюда самого директора ФБР, чтобы он разыскал вашу жену. Впрочем, если вы настаиваете, я сообщу федеральным властям, что им следует допросить миссис Дюваль.

Пинки вцепился в телефонную трубку так сильно, что по-

белели костяшки пальцев, а кольцо с бриллиантом впилося в мизинец. Возразить полицейскому было нечего, и Пату прекрасно это понимал.

– Позвольте говорить откровенно? – И, не дождавшись разрешения, Пату продолжил: – Судя по всему, это чисто семейное дело. Представителям закона вмешиваться в него ни к чему. Разберитесь со своей женой сами. Если хотите, можете подключить к дискуссии Бейзила. Одним словом, полиция здесь ни при чем.

Пинки и сам не знал, как ему удалось в этот момент сдержаться и не взорваться. Наглость Пату превзошла все мыслимые пределы.

– Спасибо за совет, Пату, но я как-нибудь сам разберусь, что мне делать с моей женой. Вам-то, конечно, хотелось бы, чтобы в этой истории была поставлена точка. Вы с самого начала защищали своего любимчика, и теперь вас заботит только одно: чтобы он вышел сухим из воды.

Пинки все время боялся, что его телефонные разговоры прослушивают, поэтому никаких прямых угроз в его словах не звучало. Ведь он однажды уже сказал Пату, что Бейзил – не жилец на белом свете. Зачем же повторяться еще раз?

Однако Пинки не удержался и дал понять собеседнику, что будет мстить.

– Можете попрощаться с вашими честолюбивыми планами, Пату, – сказал он. – Карьеры в нью-орлеанской полиции вы не сделаете. С этой минуты на вас со всех сторон будут

сыпаться сплошные неприятности. Это я вам гарантирую.

Надо отдать Пату должное – он не утратил хладнокровия.

– Полицейский вертолет доставит меня в округ Джефферсон, – сказал полицейский. – Я лично привезу вам миссис Дюваль. Думаю, это произойдет часа через два.

И связь разъединилась. Подошел Ромен, осторожно спросил:

– Миссис Дюваль возвращается домой, сэр?

– Да, Ромен.

– Слава Иисусу.

– Да-да, несомненно. – Пинки рассеянно барабанил пальцами по столу. Потом взглянул на дворецкого и улыбнулся. – Пожалуй, это стоит отметить, а?

– Значит, сэр, вы не забыли, что сегодня Марди-Гра? Наконец-то мы устроим праздник.

– Нет, Ромен, я не забыл. Правда, в последнее время у меня было слишком много дел, но вечеринку мы обязательно устроим. Сегодня же. Ты позаботишься о том, чтобы все было готово?

– Все уже готово, сэр.

И Ромен вышел, торопясь порадовать всех остальных приятным известием. Пинки же набрал телефон Бардо.

– Ее нашли.

– Где?

– Подробности после. Пату сам привезет ее.

– А Бейзил?

– Местонахождение неизвестно.

– Что я должен делать?

– То, о чем договорились.

– Несмотря на то, что миссис Дюваль возвращается?

Пинки посмотрел на стул, на котором обычно сидела Реми.

– Именно потому, что она возвращается.

* * *

Губы сестры Беатрисы были недовольно поджаты.

– Это противоречит нашим правилам.

– Да, конечно, но мистер Дюваль отдал распоряжение, и оно будет выполнено.

По наглой физиономии Уэйна Бардо было видно, что ему наплевать и на монашеское облачение собеседницы, и на монастырские стены. С его точки зрения, она была обычная баба, бессильная встать у него на пути. Раз Дюваль приказал доставить девчонку – значит, это будет исполнено.

– Я позвоню мистеру Дювалю и сама поговорю с ним.

– Валяйте. Только поживей, сестра. Он снял телефонную трубку, протянул ей и, не дожидаясь приглашения, уселся, закинув ногу на ногу. Пока сестра Беатриса набирала номер, Бардо беззаботно насвистывал.

– Я бы хотела поговорить с мистером Дювалем. Это сестра Беатриса из монастыря Святого Сердца. Мне срочно нужно

с ним поговорить.

Криво улыбаясь, Уэйн Бардо прислушивался к разговору. Судя по всему, Дюваль подтвердил директрисе свое решение.

– А миссис Дюваль об этом знает? – спросила Беатриса. – Понятно. Хорошо, мистер Дюваль. Извините, что доставила вам беспокойство, но я ведь отвечаю за Фларру.

Она неодобрительно покосилась на Бардо, и тот одарил ее лучезарной улыбкой.

– Ну как, порядочек? – спросил он, когда директриса повесила трубку.

– Да, – холодно ответила она. – Порядочек. Медленно поднявшись, она обошла вокруг стола.

– Я скажу Фларре, чтобы она собрала вещи. Придется немного подождать.

«Немного» растянулось на двадцать минут. Бардо уже извертелся на стуле. Больше всего его раздражал укоризненный взгляд распятого Христа, взиравшего на него со стены. Картина в золоченой раме изображала святых и ангелов, примостившихся на розовых облачках – небожители тоже смотрели на чужака с явной неприязнью. В углу же торчала статуя какого-то святого, грозившего острым мечом. От всего этого религиозного дерьма просто мурашки бежали по коже, ей-Богу.

Наконец дверь распахнулась, и Бардо потрясенно воскликнул:

– Матерь Божья!

Директриса грозно нахмурилась, сочтя восклицание богохульством, но Уэйну было наплевать. Пинки обещал ему, что на сей раз задание будет приятным, однако реальность превзошла все ожидания.

Это не задание, а настоящий праздник! Бардо глядел на малютку Фларру, и в его воображении возникали картины одна соблазнительней другой. Раскрасневшись от возбуждения, она бросилась к нему и протянула руку.

– Здравствуйте, мистер Бардо. Как я рада вас видеть!

– А уж я-то как рад, мисс Ламбет.

Впервые в жизни Бардо обменивался рукопожатием с женщиной, и, надо сказать, пощупать малютку за пальчики было приятно. Уж больно она хороша!

– Сестра Беатриса сказала мне, что я еду на бал? Это правда?

– Сущяя правда. Мистер Дюваль считает, что вы тут совсем закисли. Не обижайтесь, сестра, – обернулся он к директрисе. – Едемте, мисс Ламбет, вас сегодня ждут настоящие чудеса. Можно сказать, первый бал.

– И Реми не возражает?

– Еще бы! Она-то и хотела, чтобы вы приехали. Сама для вас платье подобрала.

Малютка приложила руку к круглой сисечке и воскликнула:

– Я не могу в это поверить! Неужели меня правда забира-

ют из школы?

– Так оно и есть, – уверил ее Бардо, подхватив чемодан и галантно предложив барышне руку.

Пинки ждал у парадной двери и распахнул створки, не дожидаясь, пока Пату позвонит. До этой самой минуты еще оставался крошечный шанс, что Дюваль переменит свое решение, и они с Реми заживут по-старому.

Но достаточно ему было взглянуть в ее глаза, и шанс этот улетучился. Реми слабо улыбнулась и произнесла его имя дрожащим голосом, но Пинки уже знал: она изменила ему с Бейзилом.

Этот сукин сын с тем же успехом мог бы растоптать его любимые орхидеи или помочиться в бутылку дорогого шампанского. Все, Реми запятнана и испорчена раз и навсегда. Чудо-девочка, из которой он воспитал само совершенство, теперь годится только на свалку.

Дюваль прижал ее к себе, тщательно скрывая охватившее его отвращение.

– Милая, слава Богу, ты вернулась. Бедняжка, сколько тебе пришлось вынести. – Он помолчал, делая вид, что борется с волнением. – Ты цела, с тобой все в порядке?

Молча он выслушал ее рассказ о том, как в нее стреляли дробью.

– Но раны уже заживают. Я в полном порядке, только смертельно устала.

– А Бейзил?

Она поспешно покачала головой:

– Он хотел таким образом сквитаться с тобой. Ничего дурного он мне не сделал. Дуг Пату шагнул вперед и сказал:

– Миссис Дюваль не желала обсуждать со мной подробности своего приключения. Однако теперь, если вы не возражаете, я бы все же хотел ее допросить.

– Возражаю, – отрезал Пинки. – По-моему, вы сами мне объяснили, что это чисто семейное дело. Я подумал и решил, что вы правы.

Он захлопнул дверь у полицейского перед носом.

– Мистер Пату боится, что ты собираешься мстить Бейзилу, – сказала Реми, поднимаясь по лестнице. – Но ведь это не так?

Он молча улыбнулся и заботливо погладил ее по плечу.

Наверху, в спальне, уже стоял поднос с едой, однако Реми ни к чему не притронулась. Когда они остались наедине, Пинки стал выспрашивать ее о подробностях похищения.

– Мне хотелось бы взглянуть на рыбацкую хижину, где он тебя прятал. Ты сможешь ее найти?

– Вряд ли. Я совершенно не ориентируюсь на болоте.

– Почему он тебя отпустил?

– Не знаю, – пробормотала Реми. – Сегодня рано утром он внезапно объявил, что я ему больше не нужна. А раньше все твердил, что я – наживка, на которую он хочет тебя поймать. Говорил, что времени у него сколько угодно и торопиться ему некуда. Я не знаю, почему он изменил свое ре-

шение. Кажется, это связано с тем, что вчера убили какого-то полицейского. И еще с Дреддом. Бейзил не хочет, чтобы Патту, Дредд или еще кто-то из его коллег оказались замешанными в эту историю. «Не хочу, чтобы еще кого-то убили», – так он сказал.

– Надо было раньше думать. А теперь уже поздно.

– В каком смысле?

– Не важно. Ты хоть пыталась сбежать?

– Конечно! – воскликнула она и рассказала ему, как тонула в болоте. – После этого он надевал на меня наручники.

Она заглянула ему в глаза, взяла за руку.

– Но теперь я снова с тобой, дома, в безопасности. Остальное не имеет значения. Это было как кошмарный сон. Скоро мы обо всем забудем. – Она обхватила его за шею. – Пожалуйста, послушайся мистера Патту. Перестань враждовать с этим Бейзилом. Это бессмысленно. Он всего лишь хотел потрепать тебе нервы. Больше ты о нем не услышишь. Если он способен забыть о своих обидах, так и мы должны ответить тем же. Согласен?

Пинки крепко поцеловал ее в губы. Ему невыносимо было слушать, как Реми выклянчивает у него пощаду для своего любовника. Судя по выражению ее лица, она была удивлена, что он не тащит ее в постель. Неужели эта сука действительно думала, что после всего случившегося он станет иметь с ней дело? Дюваль чуть не расхохотался ей в лицо, однако сдержался: ничего, всему свое время.

– Ложись, поспи. – Он похлопал ее по щеке. – Хочу, чтобы сегодня вечером ты была во всем блеске.

– А что будет вечером?

– Бал.

– Какой бал?

– Послушай, ты там со своим Бейзилом забыла обо всем на свете.

– Извини, сегодня ведь...

– Да, праздник Марди-Гра. Надеюсь, ты ведь не забыла? Завтра будем каяться в своих прегрешениях, зато сегодня можно творить что угодно. Именно так мы и поступим.

– Но я не могу быть сегодня на балу!

– Я смотрю, у тебя появилась скверная привычка: перебивать меня, когда я говорю, – поморщился Дюваль.

Она открыла было рот, но промолчала. Справившись со своими чувствами, сказала едва слышно:

– Просто я поражена. Неужели ты думаешь, что я способна после всего этого, едва вернувшись домой, участвовать в вечеринке?

– Надо же нам отметить твоё благополучное избавление.

– Давай отметим его наедине.

– Очень мило, что ты это предлагаешь, однако все приготовления уже в полном разгаре. Нельзя же разочаровывать гостей. – Он легонько ущипнул ее за щеку. – Включая твою сестру. Я ведь ее тоже пригласил.

Реми смертельно побледнела и судорожно сглотнула,

словно борясь с тошнотой.

– Правда? – удивленно спросила она. – Почему вдруг? Ведь ты не собирался этого делать.

– Передумал. Ты так красноречиво убеждала меня. В самом деле, нельзя же все время держать девочку в строгости. Она уже не ребенок, а девушка.

– Я ошибалась, Пинки. Ты был прав. Ты всегда прав.

Он нахмурился.

– Поздно, Реми. Фларра уже приглашена, и я теперь не могу ей отказать. Да ты и сама не простила бы мне этого. Давай-ка, укладывайся спать. – Он поднялся. – Может быть, это вернет румянец твоим щекам. Ты уж извини за откровенность, но видок у тебя неважный.

– Представляю, в какую уродину я превратилась. Волосы спутаны, ногти грязные. Я обязательно приведу себя в порядок.

– Конечно, но сначала отдохни. – Он направился к двери. – Кстати, я убрал телефонный аппарат, чтобы тебе не мешали.

Реми взглянула на ночной столик, и Дюваль с удовлетворением отметил, что ее лицо исказилось от ужаса.

– Но я хотела позвонить Фларре. Мы не разговаривали больше недели. Она наверняка волнуется!

– Ничего страшного. Я сказал ей, что у тебя болит горло. В любом случае, вы увидите сегодня вечером.

– Но я хочу поговорить с ней!

– Успеется. Никто не будет тебе докучать, отдыхай. Я один время от времени буду к тебе навещаться.

Он послал ей воздушный поцелуй, вышел и нарочно повозил ключом в замке. Пусть Реми знает, что заперта снаружи.

Реми бросилась к двери, схватилась за ручку, попыталась повернуть ее, но ничего не вышло. Тогда, обреченно вздохнув, она привалилась к стене.

Она-то думала, что сначала вернется к мужу, а затем сбежит. Решение казалось парадоксальным, но единственно верным. Конечно, понадобились бы немалые усилия, чтобы изобразить, будто она глубоко потрясена похищением и хочет побыстрее вернуться к обычной жизни. Лишь бы только вытащить Фларру из лап Пинки. Ради этого стоило даже улечься с Дювалем в постель, хотя Бейзилу она об этом, конечно, не сказала.

Однако Пинки и не подумал затаскивать ее в кровать. Это было странно и вызывало тревогу.

Причина могла быть только одна: муж заподозрил, что она стала любовницей Бейзила. Если так, то и ей, и Фларре угрожает смертельная опасность.

Должно быть, Пинки обо всем догадался, когда поцеловал ее, а может быть, и еще раньше. Увидел, что она изменилась. Ничего удивительного – он необычайно проницателен и наблюдателен. Замечает малейший изъян на лепестке орхидеи, с точностью до градуса определяет температуру вина. Разве могла укрыться от его внимания перемена, произошедшая в

душе жены. А перемена была нешуточная: Реми узнала, что такое любовь – любовь к мужчине и к самой себе.

Проживи она сто лет или умри сегодня, все равно в душе ее останется благодарность за волшебные часы, проведенные среди диких болот. Там ей пришлось заглянуть к себе в сердце, и она признала правоту Бейзила: да, она вела себя как шлюха. Неважно, что телом она торговала не ради денег, а ради спасения сестры. Сути это не меняет. Слишком уж многим пришлось ей пожертвовать: самоуважением, гордостью, душой. Она отдала себя Дювалю всю без остатка. Неужели от этого кому-то может быть лучше? Нет, она только сделала хуже и для себя, и для сестры.

Реми прониклась глубочайшим презрением к миссис Дюваль, пассивной, запуганной кукле, способной только на мелкие женские хитрости. Но зато она вновь научилась уважать Реми Ламбет, женщину, обладающую характером, силой воли, смелостью. Такая сумеет выжить в борьбе с трудностями. Она способна любить полноценно и беззаветно.

Бейзил! Надо сообщить ему, что план провалился. Но здесь нет телефона. Как бы выбраться из спальни? Мозг Реми лихорадочно работал.

Один из дружков ее матери когда-то научил ее отпирать несложные замки. Однако в доме у Пинки Дюваля несложных замков не водилось – он признавал все только самое лучшее и современное. Несколько лет назад особняк был полностью перестроен и отремонтирован. Спальня превра-

тилась в подобие банковского сейфа, где можно было отсидеться и выдержать настоящую осаду. Дверь запиралась при помощи цифрового кода. Открыть ее можно было, лишь зная комбинацию. Изнутри дверь открывалась при помощи ключа, однако Реми так и не смогла его найти, хотя обыскала и спальню, и гардеробную. В отчаянии она попыталась открыть дверь маникюрными ножницами, пилочкой для ногтей, булавкой, но хитроумный замок не желал поддаваться таким доморощенным методам.

Может быть, окно? Реми распахнула шторы, подняла жалюзи, однако оказалось, что снаружи закрыты ставни. Прежде подобное случалось всего однажды – когда на город обрушился тропический ураган. Вот и этот путь оказался закрытым. Дневной свет едва проникал сквозь узкие щели.

Впрочем, это ничего не меняло. Ведь оконные стекла в любом случае подсоединены к сигнализации. Стоит открыть раму, и сразу же зазвучит сирена. Охранники немедленно сообщат об этом хозяину.

Итак, через окна тоже было не уйти. Реми взволнованно расхаживала по комнате, пытаясь найти выход из создавшейся ситуации.

Может быть, вентиляционный люк? Она встала на стул, сняла решетку и увидела, что ход слишком узок. Не пролезть.

Каминная труба? Вряд ли.

Нет, этим путем из комнаты мог выбраться разве что дым.

Дым!

Дом снабжен не только охранной сигнализацией, но и системой противопожарной защиты. Сенсоры дыма подсоединены к датчикам пожарной охраны. Как только сработает сигнал задымленности, к дому немедленно помчатся пожарные машины. С полдороги они не вернуться. Согласно правилам, пожарники должны проверить в доме все сенсоры, убедиться, что они в порядке.

Над дверью, ведущей в ее гардеробную, как раз находился сенсор дыма. Реми подтащила к стене ночной столик. Скинула туфли, зажгла свечу и вскарабкалась на столик. Пламя оказалось всего в нескольких сантиметрах от детектора.

– Ничего у тебя не выйдет, Реми.

Вздрогнув, она уронила свечу, и на идеально чистом ковре появилось обугленное пятнышко. Пинки пересек комнату, поднял свечу и насмешливо посмотрел на жену.

– Ну и глупый же у тебя видок. Однако твоя изобретательность впечатляет. За последние полчаса ты проявила больше сообразительности, чем за все долгие годы нашего знакомства.

Он галантно предложил ей руку, чтобы помочь спуститься. Реми предпочла обойтись без его помощи. Дюваль смотрел на нее с улыбкой.

– Дорогая, конечно же, я не упустил из виду такую очевидную вещь, как пожарная сигнализация. Но все же я приятно удивлен твоей предприимчивостью.

– Я всегда была умнее, чем ты думал, Пинки.

– Разумеется. Например, скрыла от меня беременность и выкидыш. Удивлена? Доктор Карут сменила гнев на милость и перестала играть со мной в молчанку, когда я предъявил ей кое-какие фотографии. На снимках она изображена со своей медсестрой. В самых компрометирующих позах. Я вполне терпимо отношусь к сексуальным извращениям, – добродушно продолжил Пинки. – Однако коллеги доктора Карут наверняка заинтересовались бы особенностями ее частной жизни. Боюсь, разоблачение грозило бы ей серьезными профессиональными неприятностями. О чем это я? Ах да, о твоей сообразительности. Видишь ли, Реми, женщинам твоего типа ум ни к чему. С этим согласится даже твой Бейзил. Вряд ли он вел с тобой интеллектуальные разговоры. Полагаю, ему было интереснее тебя трахать. Он ведь тебя трахнул, правда?

– Я бы назвала это иначе. Мы с ним занимались любовью, – с вызовом сказала Реми. – Впервые в жизни я узнала, что это такое.

Тут Пинки влепил ей пощечину. Реми на миг ослепла от удара и рухнула на пол.

– Ты шлюха. Ты всегда была шлюхой. Чего еще ожидать от дочери проститутки? Может быть, тебе кажется, что это очень романтично – хижина, болото, ты вдвоем с твоим любовничком. Но не строй иллюзий. Бейзил – тоже мужчина, а для мужчин ты представляешь только один интерес. Знаешь,

зачем он тебя трахал? Чтобы досадить мне, только и всего. Кстати, где он сейчас?

– Не знаю.

Он ударил ее ногой по почкам. От боли Реми чуть не потеряла сознание, но все же совладала с собой.

– Где он?

– Он высадил меня у Дредда, а потом уехал.

– На лодке или на машине?

– На лодке.

Она плакала навзрыд, и слезы были искренними – Реми вспоминала расставание с Берком. Им казалось, что другого выхода из создавшейся ситуации нет.

– Я не хотела, не хотела с ним расставаться, но...

Пинки злобно рассмеялся:

– Он получил от тебя то, что хотел, а ты, бедняжка, осталась с разбитым сердцем. Реми с вызовом воскликнула:

– Ты не сможешь держать меня здесь взаперти до бесконечности. Рано или поздно я выберусь отсюда!

– Очень скоро тебе будет совершенно все равно, где ты и что с тобой.

– Что же ты намерен со мной сделать? Будешь бить меня, пока я не умру? – Она гордо вскинула подбородок. – Ты удивишься. Я теперь стала храброй. Ты не можешь мне ничего сделать. Я не такая, как ты воображаешь. Твои оскорбления меня не затрагивают.

– Это любовь сделала тебя такой сильной? – ухмыльнулся

он.

– Да, любовь.

– Храбрые слова, Реми. Посмотрим, останешься ли ты храброй, когда увидишь, какая участь ожидает того, кто тебе дорог.

Реми схватилась за сердце:

– Не смей ее трогать!

– Умница. Ты сама догадалась. Милашка Фларра. – Он поцеловал кончики пальцев. – Такая спелая, мечтающая о любви.

Реми схватилась за ночной столик, поднялась на ноги и бросилась на мужа, выставив острые ногти, однако Пинки легко сбил ее с ног.

– Аппетитная девочка, не правда ли? – весело сказал он, словно они вели светский разговор. – Так и брызжет сексуальностью. Она еще более лакомый кусочек, чем ты, Реми. Счастливчик тот мужчина, который попользуется ею первым.

Реми бухнулась на колени, поползла к мужу и обхватила его за бедра.

– Пинки, ради Бога, – хриплым голосом взмолилась она. – Не мучай ее. Я сделаю все, что хочешь. Все, что угодно.

Она поднялась, хватаясь пальцами за его одежду. Стала целовать его, поглаживать через тонкую ткань брюк.

– Делай со мной, что захочешь, только не трогай ее.

Пинки отодвинулся, отбросив ее руки.

– Прекрати.

– Пожалуйста, Пинки, – всхлипнула она. – Не мучай ее.

– Я с ней ничего делать не собираюсь, милая. Неужто ты думала, что я затащу Фларру в свою постель? Вовсе нет. – Он похлопал жену по щеке. – Нет, я подарил твою сестренку Уэйну Бардо.

С этими словами он вышел из спальни и запер дверь. Реми застыла на месте, едва держась на ногах. Бардо! Бедная Фларра!

Она согнулась в три погибели и застонала. Потом прикусила губу и от всей души возблагодарила Господа за то, что Он предоставил ей шанс на спасение.

В ладони у нее был ключ. Прикидываясь, будто молит Дюваля о пощаде, Реми воспользовалась давними воровскими навыками – обшарила его карманы.

Глава 40

– Ничего не понимаю. Почему мы не едем прямо к Реми?

Наивность девчонки заводила его еще больше, чем ее школьная форма. Давненько у Бардо не было такого лакомого кусочка. Соблазнительная, благоуханная – прямо конфетка. Он облизнулся, предвкушая шикарное времяпрепровождение.

– Дом весь вверх дном, – сказал он вслух. – Готовятся к балу. Кругом спуют слуги, вот твоя сестра и велела отвезти тебя в гостиницу, чтоб ты могла спокойно переодеться.

– Странно. Ведь мы с Реми не виделись целую неделю, даже больше. Наверно, я должна ей позвонить.

Девчонка насторожилась, но Бардо уже вел ее в номер мотеля, снятый заранее. Сначала он хотел заказать комнату в какой-нибудь шикарной гостинице, но потом передумал. К чему зря тратить деньги на всякую ерунду, если исход сегодняшнего дня предрешен заранее?

К тому же, если Фларра поднимет крик, в мотеле такого сорта никто не станет совать нос не в свое дело. Тут главное – плати вперед и наличными.

Однако надо было успокоить малышку. Бардо тяжело вздохнул и сказал:

– Эх, видно, придется все тебе рассказать.

– Что рассказать?

– Понимаешь, тебе приготовили большой сюрприз. Действительно настоящее чудо. Сюрприз еще не совсем готов, поэтому мне ведено привезти тебя сюда и занять – на какое-то время.

– В самом деле? – взвизгнула Фларра, просияв улыбкой. – Что же там такое?

– Не могу сказать. Слово давал.

– Ну хоть намекните. Пожалуйста, мистер Бардо!

– Как бы не так. Босс и миссис Дюваль с меня шкуру сделают, если я проболтаюсь. Я и так уже наговорил лишнего. Пообещай мне, что сделаешь вид, будто это для тебя большая неожиданность.

– Обещаю.

Он завел ее в номер и положил на кровать коробку с маскардным костюмом. Молодец Пинки – не упустил из виду ни одной детали. Фларра еще в машине заглянула в коробку, однако сказала, что не будет торопиться – рассмотрит костюм потом как следует.

Теперь она сразу же вцепилась в коробку.

– Все, мое терпение на исходе!

Фларра отшвырнула крышку в сторону, восторженно ахнула и с восхищением уставилась на прозрачную ткань, усыпанную разноцветными кристаллами. Пальцы она молитвенно сложила возле подбородка, став похожей на маленькую девочку.

– Какая красота! Что это такое?

– Достань и посмотри.

Дрожащими руками она вынула маскарадный костюм, словно это была какая-то священная реликвия.

По правде говоря, ничего особенно священного в этом костюме не было: лиф, усыпанный яркими стеклянными шариками, едва держался на тонких бретельках, а нижняя часть состояла из тонких шаровар. Костюм наложницы из гарема. Там же, в коробке, лежала шапочка с чадрой и золотые туфли с загнутыми носами.

Фларра разглядывала эту красоту в некотором недоумении.

– Это в самом деле для меня? Может, вы перепутали коробку?

– Что, не нравится?

– Очень нравится. Классная вещь! – прошептала она. – Только больно уж откровенная.

– Ты так думаешь? Что ж, можем подобрать что-нибудь другое. – Он критически осмотрел ее с головы до ног, сдвинул брови. – Может, ты и права. Для девочки твоего возраста это слишком взрослый костюм.

Фокус удался на славу. Фларра возмущенно вздернула нос, схватила костюм и немедленно отправилась в ванную переодеваться. Бардо ухмыльнулся. Бабы – такие дуры. Их реакцию предсказать очень просто. Поэтому нечего удивляться, что искушенный мужчина должен постоянно выдумывать новые способы поразвлечься с ними. Старые, моло-

дые, красивые, уродливые, тощие, толстые, белые, черные – бабы, они и есть бабы. Ни одна из них не потерпит, чтобы ее сочли недостойной чего-то. Вот и Фларра во что бы то ни стало захочет доказать, что она уже взрослая и самостоятельная.

Он задвинул занавески, проверил, хорошо ли заперта дверь, а потом уселся на кровать, предвкушая дальнейшие события. Прошло минут десять, а дверь все не открывалась. Терпение Бардо было на исходе.

– Фларра! – крикнул он. – Ты куда запропастилась? С тобой все в порядке?

– Нет... Все в порядке... В общем, в порядке, да...

– Что, размер не подходит?

– Как вам сказать...

– Открывай, дай посмотреть.

Через несколько секунд дверь ванной нерешительно открылась. Бардо весь подался вперед. Но даже он, считавший себя знатоком женской красоты, не был готов к чудесной картине, которая предстала перед его взором. Позвякивая колокольчиками, прикрепленными к остроконечным туфлям, Фларра вошла в комнату. Ее лицо было прикрыто невесомой вуалью, глаза смотрели робко и застенчиво. Груди чуть не выпрыгивали из тесного лифа.

– Наверно, Реми и не подозревала, как я выросла, – смущенно сказала девушка, прикрывая рукой обнаженный живот.

Бардо сглотнул – уж больно узенькими были Золотые вставки шаровар.

– Как по-вашему, ничего?

– То, что надо, – облизнувшись, произнес он. – Выглядишь просто сногшибательно.

– Честно?

Он встал и подошел к ней.

– Честное слово. Так и съел бы тебя. Должно быть, его улыбка внушила ей тревогу – во всяком случае, девушка нервно рассмеялась и сделала шаг назад.

– Спасибо за комплимент. Пожалуй, я пойду переоденусь в свой школьный костюм. А этот наряд подождет до бала.

Но Бардо схватил ее за руку и развернул к себе.

– Нет, милочка, бал уже начался.

Он сорвал с нее шапочку и чадру, впился губами в ее рот. Его рука обхватила ее голую спину, Фларра затрепыхалась, но это распалило его еще больше.

Размахнувшись, она ударила его по лицу, и тогда он скрутил ей руки.

– Что вы делаете? Прекратите! – выдохнула она. – Мне больно!

Он наклонился и укусил ее за грудь. Фларра вскрикнула.

– Заткнись! – Он стиснул пальцами ей подбородок. – Еще один крик, и я сделаю тебе очень-очень больно. Поняла?

Она заплакала, но это возбудило его еще больше. Бардо очень любил, когда женщины плачут – неважно, от страха

или от боли.

– Я все расскажу Пинки! Он тебя убьет! Бардо расхохотался:

– Вот-вот, расскажи ему, расскажи.

– Что ты хочешь со мной сделать?

– А ты как думаешь?

Он просунул руку ей между ног и пошевелил пальцами.

Девушка передернулась – должно быть, от отвращения.

Но Бардо было все равно от чего – лишь бы реагировала.

– Все знают, что вы меня увезли, – заикаясь, пролепетала

Фларра. – Меня будут искать!

– Ты что, дуручка, еще ничего не поняла? Пинки подарил тебя мне.

– Вы лжете! Он никогда бы этого не сделал!

– А вот и сделал. Можешь сказать ему спасибо. Мы с тобой здорово позабавимся. – Моя сестра...

– У нее своих проблем хватает. Ей не до тебя. Только теперь Фларра, кажется, поняла всю серьезность ситуации. Она жалобно всхлипнула, и Бардо с удовольствием слизнул слезы с ее лица.

– Расслабься, киска. Делай все, как я говорю. Может быть, из тебя получится такая же классная шлюха, как твоя мамаша. Мне про нее рассказывали. Надеюсь, талант передается по наследству. Во всяком случае, данные у тебя неплохие.

– Пожалуйста, не надо, – прошептала она, пытаясь высвободиться.

Тогда он вынул из кармана нож, щелкнул пружиной. Девушка испуганно взвизгнула. Приложив острое к ее губам, Бардо сказал:

– Будешь трепать языком – останешься без него. Поняла? Еще один крик, и можешь попрощаться со своим язычком. Будет жаль, потому что на него у меня особые виды.

Он перерезал ножом лямку лифчика. Чашечка повисла, обнажив грудь. Фларра всхлипнула, но кричать побоялась. Тогда Бардо перерезал и вторую лямку.

– Ну-ка, посмотрим, что у нас тут такое, – присвистнул он и провел клинком по ее соску.

Сосок тут же напрягся.

– Ай, как стыдно, – поддразнил ее Бардо. – Невинная католическая девушка, и такая чувствительность. Что скажет твоя директриса?

Внезапно дверь с треском распахнулась.

– Брось нож и руки вверх!

На пороге, пригнувшись, стоял Берк Бейзил, держа обеими руками пистолет. Дальнейшее произошло в одну секунду: девушка пронзительно закричала, и Берк выстрелил, но Бардо успел присесть, и пуля пролетела мимо, оставив дыру в стене. Второй раз Берк стрелять не стал – боялся попасть в девушку.

– Бардо, ты арестован! – крикнул он.

– Заткнись, придурок! – в бешенстве крикнул Бардо и метнул свой нож.

– Стоять, ублюдок! – крикнул полицейский, возникший за спиной у Бейзила.

В тот же миг у Бардо прямо между глаз появилась черная дыра от пули. Уэйн беззвучно рухнул на пол. Брошенный им нож, подрагивая, торчал в двери, миновав Бейзила на какой-нибудь дюйм.

В комнату бросились полицейские, а Берк подошел к девушке, в ужасе смотревшей на истекавшего кровью Бардо.

Бейзил набросил ей на плечи свою куртку.

– Ты в порядке?

Она непонимающе уставилась на него, пришлось повторить вопрос еще раз. Девушка неуверенно кивнула.

– Ладно, Бейзил, мы тут управимся без тебя, – сказал один из полицейских. Берк пожал ему руку.

– Спасибо. Вы, ребята, сработали на славу – и в смысле слежки, и при захвате. – Он кивнул на труп.

Полицейский отдал Бейзилу честь.

Тогда Берк взял девушку за руку и повел ее прочь из комнаты. На стоянке перед мотелем стояли полицейские машины, однако Бейзил усадил девушку в автомобиль без опознавательных знаков. Завизжали шины, машина выехала со стоянки. Навстречу ей неслась «Скорая помощь».

Какое-то время девушка молчала, потом яростно воскликнула:

– Чтоб ты провалился, Бейзил! Где тебя черти носили? Этот сукин сын меня до смерти напугал. И какая наглость –

он сказал, что из меня может получиться классная шлюха!

Это была Исобель, самая талантливая из девушек Руби Бушери. Она сдернула с головы черный парик и сердито швырнула его на сиденье.

Глава 41

Исобель выглядела младше своего возраста, обожала приключения и отличалась предприимчивостью. В заведении мадам Бушери она работала с теми клиентами, кто предпочитал секс с фантазией. Вот почему именно эта девица была избрана на роль Фларры Ламбет в маленьком спектакле, поставленном Берком Бейзилем.

Разумеется, ей хорошо заплатили за роль. Перед тем, как расстаться с Исобель, Бейзил вручил ей чек на кругленькую сумму. После этого он вошел в кабинет к хозяйке заведения. Каждая минута была на счету, однако, когда Руби предложила ему выпить, Бейзил не отказался – это было бы невежливо. В конце концов, мадам очень помогла ему.

– Все прошло по плану? – спросила Руби, протягивая Берку бокал виски.

– Идеально. – Он залпом выпил. – Я находился в комнате, примыкающей к кабинету сестры Беатрисы. Исобель разыграла свою роль безупречно – даже я готов был поверить, что это невинная девочка.

– Такой она когда-то и была, – вздохнула Руби. – Я рада, что сценарий удался. Вы хорошо знаете психологию своих врагов, мистер Бейзил.

Он подставил бокал, чтобы она налила ему еще.

– Реми не сомневалась, что Пинки попытается сквитать-

ся с ней, используя для этого Фларру. И Реми была права. Но мы, конечно, приняли и другие меры предосторожности: Бардо постоянно находился под негласным наблюдением. Утром мы подслушали его разговор с боссом по телефону. Поэтому мы знали, когда и с какой целью он намерен забрать девочку.

– Этот ублюдок должен был умереть.

– Целиком и полностью с вами согласен, – мрачно кивнул Берк. – Я и Исобель прибыли в монастырь за полчаса до его приезда, а когда машина Бардо покинула школу, за ней следовал наш автомобиль. Все прошло без сучка без задоринки. Правда, на обратном пути Исобель все время ныла, что я появился слишком поздно.

– А где сейчас Фларра?

– Под охраной полицейских. Честных полицейских.

– А Бардо точно мертв?

– Мертвое не бывает, – спокойно ответил Берк, допивая виски.

– Жаль, вы не привезли мне на память какой-нибудь трофей – отрезанное ухо или что-нибудь в этом роде.

Мадам чокнулась с Бейзилом и тоже выпила.

– Спасибо за Исобель, – поблагодарил он. – Я перед вами в долгу.

– Ерунда. Теперь мы квиты. Кроме того, вы сделали мне еще один подарок. Ваша Дикси, кажется, станет для меня полезным приобретением.

Берк улыбнулся:

– Я так и думал, что вы без труда найдете с ней общий язык. Жаль только, Бардо успел ее обработать.

– Ничего, она скоро поправится. – Мадам предложила ему еще виски, но Берк отрицательно покачал головой. – Я очень вам благодарна, мистер Бейзил. Учтите, что двери нашего дома для вас всегда открыты.

– Спасибо. Вряд ли я воспользуюсь вашим любезным приглашением.

Мадам вкрадчиво спросила:

– Миссис Дюваль?

– Реми, – поправил он.

Ах, как тяжело ему было с ней расставаться сегодня утром! Всю ночь они разговаривали, занимались любовью, пытались найти выход из ситуации, казавшейся безнадежной.

К утру стало окончательно ясно, что ей все-таки придется вернуться к Дювалю. Сама Реми отнеслась к этой идее легче, чем Берк, который клялся, что она больше не переступит порог дома Пинки Дюваля.

– Я не пушу тебя! – повторял он. – Ни на один день, ни на один час!

Но он и сам уже понимал, что другого выхода нет.

– Меня саму эта перспектива не радует, но ничего, я справлюсь, – твердо сказала Реми. – Может быть, еще неделю назад я побоялась бы, но сейчас я в себе уверена. А ты

позаботиться о Фларре. И, ради Бога, береги себя.

В конце концов сцену расставания прервал Дредд. Он сказал, что время дорого, нужно торопиться, иначе все полетит к черту. И Берк уехал, оставив Реми у Дредда – дожидаться приезда Дуга Пату.

Берк знал, что окружной прокурор Литрелл – человек честный. Просто работенка у него нелегкая – руководить правоохранительными органами Нью-Орлеана, где, как известно, процветают взяточничество и коррупция.

Литрелл принял отставного лейтенанта Бейзила нелюбезно. Прокурор составил себе не слишком выгодное представление о Берке, чему немало поспособствовали ругательные публикации в прессе. Когда Бейзил ворвался в кабинет высокого начальства без стука и доклада, Литрелл разгневался и хотел немедленно выставить наглеца за дверь.

Однако первые же слова, произнесенные Бейзилом, заставили Литрелла сдержаться. Со все нарастающим интересом прокурор слушал нежданного посетителя, чувствуя безошибочным чутьем, что дело принимает серьезный оборот. Однако, проявив свою неизменную осторожность, он сказал, что во всем разберется и известит Берка о своем решении.

Тогда Бейзил поднял телефонную трубку и, угрожающе взмахнув ею, заявил:

– Или вы немедленно звоните генеральному прокурору, или я позвоню ему сам. Мне, в принципе, все равно. Я все-

го лишь хотел сохранить вашу репутацию, мистер Литрелл. Да и хотелось посмотреть, на чьей вы стороне – закона или преступников.

И Литрелл позвонил генеральному прокурору штата. После этого все завертелось очень быстро. Полиция сработала четко и скоординированно, и вот теперь Бардо мертв.

Берк встал и пожал руку Руби Бушеро.

– Спасибо за выпивку и извините за невежливость, но мне пора. Хочу присутствовать при аресте Дюваля.

– Вы собираетесь арестовать его сегодня вечером? Очень сомневаюсь, что вам это удастся, мистер Бейзил.

– Почему?

– Сегодня Марди-Гра.

– Ну и что?

– У Дюваля дома шумное празднество. Кое-кто из гостей уже перебрался в мое заведение, чтобы повеселиться в более интимной обстановке. Судя по их рассказам, Дюваль превзошел самого себя. Берк нахмурился. Ситуация, кажется, сложнее, чем он думал. Почему молчит пейджер? Он проверил батарейку – нет, с батарейкой все было в порядке. А между тем Реми так и не позвонила. Что это значит?

Он попросил разрешения воспользоваться телефоном.

– Это Бейзил, – сказал он в трубку. – Дюваль арестован?

Его отфутболили к одному начальнику, потом к другому, потом к третьему. Лишь тот сообщил Бейзилу скверную новость:

– Мы решили, что такого известного человека публично арестовывать не следует. Нужно провести операцию с максимальной деликатностью. Тут масса всяких бюрократических формальностей. Арест должен пройти безупречно, иначе действия полиции будут опротестованы. Вот через пару дней...

– Через пару дней?! – взвился Берк. – Ты что, сбрендил?

– Мистер Бейзил, мы делаем все, что можем. А разговаривать в подобном тоне...

– Идиот! Речь идет о жизни людей!

– Ну, не знаю... Может быть, мы сможем провести операцию и сегодня вечером, но...

– Чтобы сегодня же был выписан ордер и произведен арест! Иначе я напущу на тебя и Литрелла, и генерального прокурора! Мало того, я сам приеду и вышибу из тебя душу!

Он яростно швырнул трубку.

– Надо ехать!

Пара дней? Реми не может находиться во власти Дювала, пока бюрократы переключиваются с места на место свои бумажки. Как только Пинки узнает о смерти Бардо, он сразу переполошится. Пока адвокат считает, что его подручный развлекается в мотеле со школьницей. Однако, узнав о случившемся, Пинки сразу же сообразит, что к чему. И тогда Реми окажется в опасности.

– Мистер Бейзил, что вы удумали? – схватила его за рукав Руби. – Вы не можете являться на бал-маскарад в таком на-

ряде. Одолжить вам костюм?

Нельзя было терять ни минуты, но мадам была права. Пока она ходила за костюмом, Берк нервно расхаживал по кабинету, на чем свет стоит кляня крючкотворов и бюрократов.

С другой стороны, нет худа без добра. Теперь у него появился шанс не просто арестовать Дюваля, а прикончить его собственными руками.

* * *

Спина уже почти не болела. На скуле появился кровоподтек, но совсем небольшой. Реми не обращала внимания на тупую, ноющую боль. Ее заботило только одно – удалось ли Берку спасти Фларру?

Он поклялся, что первым делом обеспечит безопасность девочки – еще до того, как займется арестом Пинки. Но удалось ли ему сдержать слово? Вдруг он потерпел неудачу? Ведь не справилась же со своей задачей Реми. Пинки сразу же раскрыл ее игру. Вполне возможно, что у Берка тоже ничего не вышло. Как быть, если он не сумел убедить окружного прокурора в своей правоте?

Всегда нужно строить планы, исходя из худшего варианта. Это значит, что спасти Фларру может только она сама. Телефон – вот что нужно. Как выбраться из спальни, она знает, у нее есть ключ. Но откуда позвонить?!

Прислушавшись к происходящему за дверью, Реми тихонько повернула ключ в замке. Сердце отчаянно колотилось, но, кажется, никто не услышал. Она тихонько приоткрыла дверь и увидела, что в холле никого нет.

На верхней площадке лестницы, на столике всегда стоял телефон. Увы, сегодня его не было – Пинки проявил предусмотрительность.

Реми бесшумно пробежала по коридору, перед самым поворотом замерла. Что делать, если ей встретится кто-то из слуг? Все они преданны хозяину, все когда-то были его клиентами, все обязаны ему спасением. Любая просьба, исходящая от жены Пинки, будет выполнена лишь после того, как это санкционирует босс.

А где Эррол, ее телохранитель? Может быть, хоть он ее послушается? Сообразительностью этот увалень не отличается. Возможно, его удастся одурачить. Конечно, это будет не очень красиво с ее стороны. Реми помнила, какая участь постигла ее прежнего телохранителя, когда тот упустил ее и она сбежала из дома. Ничего, ей бы только выбраться отсюда, а потом все произойдет очень быстро. Пинки не успеет ничего сделать Эрролу.

Собрав в кулак все свое мужество, Реми выглянула на лестницу.

Там стоял часовой, но это был не Эррол.

Реми юркнула обратно, и он ее не заметил. Где же Эррол? Почему его заменили другим человеком?

Ну конечно, как она раньше не догадалась! Эррол про- штрафился, хозяйку похитили у него из-под носа. Должно быть, бедняга дорого заплатил за свою оплошность.

Но сейчас это не имело значения. Удастся ли заручиться поддержкой нового телохранителя? Вряд ли. Он наверняка захочет отличиться перед боссом и выдаст ее.

Итак, у нее всего одно преимущество: она может выбрать- ся из спальни, а муж этого не знает. Но сколько времени пройдет, прежде чем Пинки об нарушит пропажу? Во вся- ком случае, надо торопиться.

Реми тихонько вернулась в спальню и заперлась изнутри.

Берк должен запустить всю громоздкую полицейскую ма- шину, которая сокрушит империю, построенную Дювалем. Как быстро это произойдет? Сколько времени остается до ареста Пинки? И что будет с Фларрой?

Если бы знать, что Фларра в безопасности!

Тут за дверью послышались шаги, и Реми быстро легла на постель, сжалась в комок и прикрыла глаза. Пусть Пинки ду- мает, что она утратила всякую надежду и смирилась со сво- им положением.

Дюваль ворвался в комнату, словно за ним гнались. Од- нако жена его без движения лежала на кровати, и он остано- вился.

Неужели он заметил пропажу ключа? Если так, то, увидев, что пленница на месте, он должен подумать, что ключа у нее нет. Мало ли где он мог его оставить!

Дюваль улыбнулся, посмотрел на лежащую женщину сверху вниз. Реми приоткрыла глаза.

– Знаешь, кто мне звонил? Реми не ответила. Казалось, она не слышала вопроса.

– Сестра Беатриса, – сообщил Дюваль. – Говорит, что Бардо уже увез Фларру. Директрисе сказано, что девчонку везут на бал. Уверен, что в эту самую минуту твою славную сестренку обучают всем радостям плоти. Не знаю, доживет ли она до утра. Иногда Бардо увлекается больше нужного.

Она подобрала колени и зарылась лицом в подушку, а Пинки, тихо рассмеявшись, направился в свою гардеробную. Двадцать минут спустя он вышел, одетый в маскарадный костюм Генриха VIII.

– По-моему, Реми, сегодня ты не расположена веселиться. Я извинюсь за тебя перед гостями. Он остановился в дверях.

– Кстати, тебе будет интересно узнать, что мы уже вышли на след твоего любовничка. Но ты не беспокойся: я распорядился его не убивать. Сначала пусть он полюбуется, как тебя трахают все полицейские, состоящие у меня на службе, – таких целый взвод. А потом уже, так и быть, мы его прикончим, на твоих глазах. Это будет настоящее шоу.

Этот человек безумен, подумала Реми. Он совершенно далек от реальности, уверен в своей неуязвимости. Что ж, все, кто страдает манией величия, рано или поздно сходят с ума от сознания своего всемогущества.

Однако она не стала ему этого говорить. Дювалю вовсе ни

к чему знать, что его империя на грани краха. Лицо Реми осталось неподвижным. Казалось, угрозы мужа не произвели на нее никакого впечатления.

Однако стоило двери закрыться, как она тут же вскочила на ноги. Пинки только что, сам того не ведая, подсказал ей замечательную идею.

Человек в костюме клоуна пробирался через толпу веселящихся гостей.

Официант, наряженный ковбоем, предложил ему бокал шампанского, но клоун отказался.

Только в доме Пинки Дювалья принимали гостей с таким размахом. Угощения, казалось, хватило бы, чтобы пировать день и ночь в течение целого года.

Музыка, смех, веселые крики раздавались отовсюду. Женщины и мужчины в масках развлекались напропалую, а часы тем временем отсчитывали минуты, потихоньку приближаясь к полуночи, когда праздник закончится.

Генрих VIII флиртовал с русалкой, выставившей вперед голые груди, присыпанные золотыми блестками. Клоун остановился за спиной у короля, повертел головой направо, налево. Генрих VIII тем временем сказал русалке:

– Помашки-ка своим хвостом. Обитательница морей игриво шлепнула его по запястью и упорхнула. – Отличный бал, ваше величество, – сказал клоун.

– Спасибо за комплимент, – рассеянно ответил Дюваль, провожая взглядом русалку.

– Ищите Берка Бейзила? – внезапно спросил клоун.

Король вздрогнул, взгляделся в размалеванное лицо.

– Господи, вы-то что здесь делаете?

– Тихо, без шума. Я думаю, скандал вам ни к чему.

Лицо короля побагровело. Дюваль молча кивнул и жестом пригласил клоуна следовать за ним. Вдвоем они направились в кабинет хозяина, и клоун запер за собой дверь.

– Ну хорошо, говорите: где он? – резко произнес Дюваль, направляясь к письменному столу.

Тогда клоун вскинул руку, в руке оказался пистолет, раздался едва слышный щелчок. Пуля попала Дювалю в спину. Адвокат пошатнулся, схватился обеими руками за стол. Раздался второй щелчок. Пуля, попавшая Дювалю между лопаток, опрокинула его грудью на стол.

Тогда клоун вынул из кармана резиновую перчатку. Переставляя ноги в шутовских ботинках с загнутыми носами, он подошел к убитому и склонился над ним. Глаза Пинки были раскрыты, на лице застыл немой вопрос. Видно, последнее чувство, которое адвокат испытал в своей жизни, было удивление: как же он мог так по-дурацки подставиться под пулю?

Дуг Пату выдвинул ящик стола. Там лежали скрепки, ручки, почтовые марки. А также короткоствольный револьвер тридцать восьмого калибра.

– Вульгарное оружие, – пробормотал капитан. – В самый раз для такого вульгарного типа, как ты.

Он разжал пальцы убитого, протиснул меж них рукоятку

револьвера.

Потом сделал шаг назад, осмотрел кабинет. Не забыл ли он чего-нибудь? Не упустил ли что-нибудь из виду? Улик вроде бы нет. У Дюваля столько врагов, и каждый из них мог свести с ним счеты. Вряд ли кто-то из гостей видел, как Дюваль и клоун удаляются в кабинет. А если и видел, то никому и в голову не придет, что под маской скрывался Дуг Пату. Полиции будет ясно лишь, что между Дювалем и его собеседником произошел какой-то конфликт: адвокат схватился за пистолет, но противник выстрелил первым.

С того момента, как они вошли в дверь, прошло не более минуты. Пистолет капитана был с глушителем, так что гости, шумно веселившиеся в зале, наверняка не слышали выстрелов.

Убедившись, что все в порядке, капитан снял перчатку, сунул ее в карман и направился к двери.

На пороге он остановился, ибо вспомнил одно очень странное обстоятельство. Камзол Генриха VIII был прострелен, а между тем крови не пролилось ни капли.

Клоун резко обернулся в ту самую секунду, когда Дюваль выстрелил. Пуля попала капитану в живот. Скрючившись, он рухнул на пол.

– Незаменимая вещь – пуленепробиваемые жилеты, – сообщил Дюваль, приближаясь к упавшему. Он ступал осторожно, чтобы не испачкать в крови бархатные туфли. – Кругом полно людей, которые могут трусливо выстрелить тебе

в спину.

Он поднял руку с револьвером, целясь капитану в голову.

Тут в дверь постучали.

– Мистер Дюваль! Она исчезла!

– Что?!

– Я поднялся в спальню, как вы велели. Дверь заперта, но ее там нет.

– На балконе смотрел?

– Там ее тоже нет. Да и окна закрыты.

– Это невозможно!

– Мне очень жаль, сэр, но...

– С дороги! – рявкнул Дюваль. – Закончи здесь.

И король в развевающемся плаще кинулся разыскивать свою жену.

Дуг Пату смотрел в лицо человеку, которого никогда раньше не видел. Он знал, что это последнее человеческое лицо, которое он видит в своей жизни.

Глава 42

Берк Бейзил, наряженный в костюм пирата, шел по двору, стараясь держаться в тени. Вот беседка, где он когда-то впервые увидел Реми. Там миловалась какая-то парочка, не обратившая на пирата ни малейшего внимания. Берк подобрал с земли пустой бокал и со скучающим видом вошел в зал. Затеряться среди масок было проще простого. Берк поманил пальцем официанта, здоровенного детину, наряженного борцом сумо.

– Мистер Дюваль спрашивал, где его жена? – крикнул Берк, чтобы заглушить грохот музыки. – Ты ее не видел?

– По-моему, она еще не спускалась, сэр. Бейзил страдальчески вздохнул.

– Ну, и разозлится же босс, если она не соизволит спуститься к гостям. Ладно, пока.

Он похлопал верзилу по мясистому плечу и стал протискиваться через толпу, поглядывая по сторонам через прорези маски. По предыдущему визиту он помнил расположение комнат, так что без труда вышел к главной лестнице, ведущей на второй этаж. К счастью, наверху тоже бродили гости – ведь там располагались туалетные комнаты.

Берк сделал вид, что дожидается очереди войти в туалет. Он с независимым видом разгуливал по коридору, разглядывая картины на стенах и любуясь антикварной мебелью.

Юркнув за угол, он в два счета оказался у дверей спальни. Давно ли, переодетый священником, он прокрался сюда, чтобы спрятать «жучок»? Давно, очень давно. Прошла целая вечность. Ведь тогда он еще не знал Реми. Точнее, знал, но понятия не имел, какая она на самом деле. Тогда он еще не любил ее.

Дверь спальни была нараспашку. Берк заглянул внутрь, увидел, что там никого нет.

– Черт! – выругался он.

– Что-нибудь не так?

Он резко обернулся. Рядом стояла какая-то дамочка, наряженная Белоснежкой. Светлые кудряшки разметались по плечам, пышная грудь так и выпирала из низкого лифа.

– Да вот, мистер Дюваль послал меня за своей женой. А ее нет – куда-то запропастилась.

– Какая досада, – промурлыкала Белоснежка. – Вы потеряли ее, а я потеряла моих гномиков. – Она игриво погладила шпагу, висевшую на боку у пирата. – Какая длинная штука.

– Спасибо. Вы видели миссис Дюваль?

– Такая длинная, такая твердая. Наверное, ею можно причинить много ущерба.

– Так видели вы ее или нет? – нетерпеливо спросил Берк.

– Господи, какой же вы зануда! – вздохнула Белоснежка.

– Посмеемся в другой раз. Сейчас я должен найти миссис Дюваль.

– Ну ладно. Я видела, как она спускалась по лестнице. По моему, это была она. Такая, в костюме Марии-Антуанетты.

– Спасибо.

Берк бросился вниз по лестнице. Сверху он оглядел зал, пытаясь найти злосчастную французскую королеву. Ее нигде не было. Грубо распахивая гостей, пират заметался по комнатам. Время стремительно приближалось к полуночи, и гости веселились напропалую.

На Берка налетел восточный шейх, тащивший за собой хихикающую цыганку. Пьяный Арлекин схватил Берка за шпагу и попытался ее вынуть из ножен. Едва Бейзил от него отбил, как к нему пристала толстуха в римской тунике и пригласила на танец.

– Я вижу, задание выполнено? – раздался голос сзади.

Берк обернулся и увидел слугу в костюме борца сумо, державшего поднос с бокалами.

– Миссис Дюваль спустилась.

– В костюме Марии-Антуанетты?

– Да. В прошлом году она была в таком же.

– Куда она пошла?

Она бежала по центральному проходу оранжереи, вглядываясь в темноту. План удался на славу, а ведь она почти не надеялась на успех, зная, что у Пинки повсюду свои люди. Однако из дома она выбралась беспрепятственно, и теперь до спасения был всего шаг.

Когда Реми увидела Дюваля в маскарадном костюме, ей

пришло в голову, что в ее гардеробной еще с прошлого года остался наряд Марии-Антуанетты: белый напудренный парик, маска, платье, туфли, бижутерия, даже мушка, которую полагалось приклеить на щеку.

Нарядившись французской королевой, Реми выбралась в коридор и примкнула к группке гостей, забредших на второй этаж. Вместе с ними она спустилась по лестнице, и новый телохранитель, болтавший о чем-то с Белоснежкой, даже не взглянул на даму в маске и кринолине. Очевидно, он не получил инструкций, предписывавших ему задерживать Марию-Антуанетту.

В комнатах телефонов было полно, но воспользоваться ими было невозможно. Расшумевшиеся гости так кричали, музыка так грохотала, что Реми все равно ничего бы не услышала, да и ее на том конце провода вряд ли поняли бы.

И тогда она вспомнила, что телефон есть в оранжерее. Там, в комнате, где находилась панель управления микроклиматом, имелся телефонный аппарат. Вход туда был воспрещен всем, кроме самого хозяина. Всего один звонок. Набрать семь цифр, и Реми спасена. Это займет одну минуту. Она рывком распахнула дверь.

– Привет, Реми.

Пинки стоял на коленях, согнувшись над потайным сейфом, встроенным в пол.

Она замерла от ужаса, но тут же опомнилась и бросилась бежать. Дюваль догнал ее в два прыжка, схватил за кисть,

заломил руку за спину и затащил обратно.

Он тяжело дышал. Берет с пером сбился набок, приклеенная борода съехала на сторону.

– Говорят, Мария-Антуанетта тоже была шлюхой, – сказал он. – Ты об этом знала?

– Я не шлюха.

– Не будем спорить, милая. У меня сейчас нет времени на дискуссии. Большое тебе спасибо, что сама пришла сюда. Я как раз собирался избавиться от некоторых документов, а потом заняться тобой. Ты сэкономила мне массу времени.

Пожалуй, она могла бы вырваться, но не стала это делать – Дюваль приставил к ее виску пистолет. Малейшее движение, и он ее застрелит – это было ясно.

– Несколько минут назад один из моих людей, служащих в полиции, попытался меня убить, – бесстрастно сообщил ей Пинки. – Полагаю, он хотел устранить меня, потому что я могу его выдать. С чего вдруг такая осторожность? Вывод напрашивается сам собой: впереди большие неприятности.

– Ты даже не представляешь себе, до какой степени большие.

– Бейзил?

– Да. А также окружной прокурор Литрелл. И еще генеральный прокурор.

– Я смотрю, твой любовничек времени даром не терял.

– Если ты меня убьешь, это тебя не спасет.

– Ничего, зато Бейзил останется без трофея. Внезапно три

цветочных горшка, стоявших рядом с Пинки, один за другим разлетелись на куски.

– Следующую пулю получишь ты, Дюваль, если не бросишь пистолет.

* * *

Берк выбежал из дома и наскоро осмотрел двор. В беседке уже никого не было. Неужели официант ошибся и Реми не выходила из дома? Или же парень солгал, действуя по инструкции хозяина?

Он заметался по двору и внезапно увидел вдали помещение оранжереи. Реми много рассказывала ему о коллекции орхидей. Не раздумывая, Берк бросился вперед, прямо через газон.

Вечер был холодным, и стеклянные стены оранжереи запотели. Бейзил стремительно ворвался в теплицу, держа пистолет наготове. Сначала он ни чего не увидел – было темно. Потом услышал вскрик Реми, а еще через несколько секунд увидел, как в конце прохода рывком открывается дверь. Выбежала Реми, Дюваль схватил ее за руку, втащил обратно.

Что делать? Вызвать подмогу? Но система уже подвела его один раз, может подвести снова.

Предположим, группа захвата ворвется в оранжерею и арестует Дюваля в строгом соответствии с законом. Что следует дальше? Пинки наймет такого же прожженного ад-

воката, каким является сам. Улик против Дюваля предоставлен. Есть свидетели, есть Роланд Сэчел, которому уже надоело сидеть в тюрьме, – он готов давать показания против своего босса в обмен на условно-досрочное. Однако исход процесса будет зависеть от компетентности судьи и прокурора, от настроения присяжных. Не исключено, что Дюваль выйдет из зала свободным человеком, как в свое время Бардо.

Но предположим, что ему вынесен обвинительный приговор и он сел в тюрьму – пусть даже пожизненно. Это не помешает ему отомстить Реми и Фларре. Он может отдать приказ своим убийцам и из тюремной камеры.

Уже одного этого достаточно, чтобы разобраться с Дювалем раз и навсегда. Но была и другая причина, главная. В ту ночь, когда Берк поклялся отомстить за смерть Кева Стюарта, он не рассчитывал на правосудие. Нет, приговор вынесет и приведет в исполнение он сам.

Пригнувшись, он подобрался поближе к двери, чтобы удобнее было прицелиться. Три предупредительных выстрела по цветочным горшкам были пустой формальностью – чтобы потом с чистой совестью говорить, что все было сделано по правилам. Но на самом деле Берк знал: Дюваль будет убит.

Однако прежде нужно было вывести из-под удара Реми. Дюваль отлично понимал это, и потому не собирался бросать оружие.

– Валяй, стреляй! – расхохотался он. – Но она умрет первой.

– Это еще не факт, я ведь могу попасть в тебя сразу.

– Попробуй. А что, если ты чуть-чуть промахнешься? Повторится история со Стюартом.

Пелена ярости застилала Берку глаза. Палец побелел на спусковом крючке. Как же ему хотелось прикончить этого ублюдка, столько лет мучившего Реми, лишившего ее самоуважения и смысла жизни.

– Ты псих, Бейзил, – поддразнивал его Дюваль. – Полный дебил.

– Заткнись!

– Я эту суку прикончу без малейшего сожаления, – доверительно понизил голос Пинки. – Она это заслужила. Но как быть с тобой? Ведь ты человек совестливый, ты себе потом не простишь. Брось-ка свою пушку, и тогда я отпущу твою подружку.

– Не вздумай! – всхлипнула Реми. – Поступай так, как считаешь нужным!

– Ведь если ты попадешь в нее, тебе останется только вышибить себе мозги, – гнул свою линию Пинки. – Еще одной такой ошибки ты не переживешь. Представляешь, каково тебе будет жить после того, как ты убьешь не только лучшего друга, но и любимую женщину? Я правильно все понимаю, а, Бейзил?

– Заткнись, я сказал!

Капли пота текли по лицу Берка, глаза защищало. Руки тоже были липкими от пота, это мешало прицеливаться.

Глаза Дюваля сузились, ствол револьвера, зажатого в его руке, чуть двинулся. Бейзил отлично понимал, что Дюваль не отступит. Однако он сделает все возможное, чтобы предварительно выиграть психологический поединок – будет сыпать Берку соль на рану, поливать ее серной кислотой.

– Кстати, – сказал Дюваль, – Бардо говорил мне, что перед смертью Стюарт наложил в штаны.

Ты знал об этом?

– Замолчи! – взвизгнул Берк.

– Запашок от Стюарта был – хоть святых выноси.

– Я тебя предупредил!

– Бардо рассказывал об этом с отвращением. – Замолчишь ты или нет? – Голос Берка сорвался на стон.

– Ведь это была твоя работа, Бейзил.

– Прекрати!

– А у парня такая чудесная жена. Я видел ее на процессе. Из-за тебя она стала вдовой. А тут еще Реми. Она умрет на твоих глазах.

– Нет!

Берк безвольно опустил руку с пистолетом, рухнул на колени и разразился рыданиями.

– Я знал, что ты слабак, – презрительно бросил Дюваль. – Кев Стюарт погиб из-за того...

Он не договорил. Глаза Дюваля изумленно сдвинулись к

переносице, словно пытаюсь разглядеть круглую дырку, появившуюся между ними. В следующий миг еще одна точно такая же дыра по – явилась несколькими сантиметрами выше. Пинки пошатнулся и рухнул на пол.

Бейзил распрямился, убрал пистолет, подошел к убитому.

– Кев Стюарт погиб потому, что я хорошо стреляю, – прошептал он. – А ты об этом забыл, Дюваль.

Реми бросилась в его объятия.

– С Фларрой все в порядке, – поспешил успокоить ее Берк.

– А Бардо?

– Он до нее не добрался.

Реми облегченно вздохнула. Несколько секунд они стояли молча, прижавшись друг к другу. Потом Берк сказал:

– Мне нужно позвонить.

Она бросила на Дюваля всего один взгляд, отвернулась.

– Хорошо, что он купился на твою уловку.

– Так ты знала, что я прикидываюсь?

– Конечно. Но когда ты опустил руку с пистолетом, мне стало страшно.

– Да, это было немножко рискованно. Но ничего, я хорошо стреляю навскидку.

Взявшись за руки, они пересекли двор и вошли в зал. Никто из гостей не обратил внимания на прогуливающуюся парочку. До полуночи оставалось всего несколько минут, и веселье достигло кульминации.

– Идем в кабинет, – шепнула Реми. – Это единственное

место, куда гостям вход заказан.

Они открыли дверь, и Реми ахнула: на полу лежал человек в клоунском наряде; вокруг него по полу растекалась лужа крови.

Берк вытащил Реми из комнаты. – Звони в полицию. Скажи, чтобы связали, тебя с Литреллом.

Она молча кивнула и бросилась выполнять поручение, а Берк вошел в кабинет и запер за собой дверь на засов. Не хватало еще, чтобы кто-то из гостей заглянул сюда, увидел это побоище и поднял панику.

Рядом с клоуном лежал молодой человек в темном костюме. Берк наклонился, пощупал пульс.

Молодой человек был мертв.

Тогда Бейзил присел на корточки возле клоуна.

Раскрашенное белой краской лицо было искажено от боли. Намалеванные красные губы изображали бессмысленную улыбку. Потом закрытые веки чуть дрогнули, и Берк понял, что раненый жив.

– Бейзил, ты? – прохрипел едва слышный голос.

– Привет, Дуг, – вздохнул Берк.

– Я истекаю кровью...

Берк покосился на мешковатый клоунский костюм, весь пропитавшийся кровью.

– Да, так оно и есть.

– Это Дюваль, – прошептал Пату. – Но зато я шлепнул вон того типа.

В его руке все еще был зажат пистолет. Бейзил осмотрелся по сторонам и решил ничего не трогать. Здесь произошло преступление, пусть разбирается следователь.

– С Дювалем я разобрался, – сказал он.

– Это хорошо. – Пату закрыл глаза. – Мне нужна помощь.

Берк встал, направился к двери, но открывать ее не спешил. Задумчиво коснувшись ручки, он постоял еще немного, потом так же медленно вернулся к лежащему Пату.

– Помоги мне, Берк.

Бейзил наклонился, снял с лица раненого красный шутовской нос, сдернул рыжий парик.

– Не могу, Дуг.

Пату смотрел в спокойные глаза друга, и его бледное лицо посерело на глазах.

– Так ты знаешь...

– Что ты работал на Дюваля? Да, знаю.

– И давно?

– С того самого дня, когда ты убил Мака. Это было хладнокровное и преднамеренное убийство. Ты врал мне: Мак вовсе не собирался сдавать меня Дювалю. Он хотел объяснить мне, что я должен отказаться от своего плана, потому что есть план получше. Сегодня я проверил свою догадку, поговорив с Литреллом и генеральным прокурором. Тогда-то я и узнал подробности. Вскоре после избрания генеральный прокурор учредил особую, строго законспирированную группу, которая должна была заниматься коррупцией в

нашей полиции. Мак был членом этой группы. Он, как положено, закончил полицейскую академию, нес обычную службу, но его с самого начала готовили на роль внутреннего контролера. Мак уже почти вышел на твой след. Ты почувствовал это и застрелил его прежде, чем он успел поделиться со мной своими подозрениями. Да, Мак потянулся за пистолетом, чтобы взять меня на мушку, но он не собирался меня убивать. Он хотел отвезти меня в Нью-Орлеан, чтобы я поговорил с генеральным прокурором напрямую. И еще он хотел поделикатнее сообщить мне, что человек, которого я считал своим лучшим другом, – предатель. А знаешь, что было хуже всего? Ты взвалил свое преступление на Мака. За это я тебя возненавидел. – Берк наклонился, посмотрел умирающему в глаза. – Зачем, Дуг? Почему ты это сделал? Неужели из-за денег?

– Из-за трусости, – прошептал Пату.

– Но ты не трус.

– Помнишь того парня, которого я застрелил?

– Когда мы служили первый год? Да, Берк что-то такое припоминал. Была перестрелка, и Пату убил бандита.

– Ну и что? Он был вооружен, сопротивлялся аресту. Если бы ты не застрелил его, то он бы застрелил тебя.

Пату качнул головой:

– Нет, это была инсценировка. Я запаниковал, выстрелил раньше времени, а лотом вложил ему в руку пистолет. – Капитан судорожно вздохнул. – Тот тип работал на Дюваля,

а Дюваль знал, что его убийца огнестрельным оружием не пользуется – только ножами. И Дюваль мог это доказать. Он прижал меня, и с тех пор я был у него на крючке. – Слеза медленно ползла по щеке Пату. – Я был хорошим полицейским. Я хотел сделать карьеру...

– Ничего бы у тебя не вышло, – с горечью произнес Берк. – Все равно тебя рано или поздно застукали бы. Не Мак, так кто-нибудь другой.

– Например, ты.

– Да, например, я. Жаль только, я догадался слишком поздно.

Пистолет выскользнул из ослабевших пальцев капитана. Пату с усилием приподнялся и цепко схватил Берка за ворот рубахи.

– Как, как ты догадался?

– Ты сам себя выдал.

Пату непонимающе уставился на него.

– После того, как ты застрелил Мака, ты сказал, что все ниточки сходятся к нему. Якобы это он выдал нас в ту ночь, когда погиб Кев. Тут-то я и понял, что ты лжешь.

Он наклонился ниже, чтобы умирающий слышал каждое слово.

– Торговцы наркотиками – подонки. Но полицейские, состоящие у них на службе, – того хуже. Преступники все время водили нас за нос, и помогал им тот, кто должен был нами руководить. Я не верил в то, что отдел внутренних рас-

следований способен найти предателя – они и сами погрязли в коррупции. Окружной прокурор играл в свои политические игры, ему было не до нас. Что же до спецгруппы, созданной генеральным прокурором, то я ничего о ней не знал. Мне казалось, что надежды никакой нет. Мерзавец, угнездившийся у нас в отделе, будет беспрепятственно продавать нас Дювалю, а мы ничего не сможем сделать. Сколько провалов ждет нас впереди, думал я. Пять? Десять? И я решил, что достаточно будет одного. Но такого, чтобы начальство наконец взялось за ум. Разве мог я представить, что этот провал будет стоить жизни Кеву? Ни за что на свете! – Он помолчал и продолжил уже более спокойным голосом: – Я тебе объясню, Дуг, чем ты себя выдал. Никакие следы не вели к Маку и не могли вести. Мак не выдавал Дювалю ту операцию. Это сделал я.

Пату застонал, страдальчески дернул головой, но глаз от Берка не отвел.

– Я нарочно допустил утечку информации, потому что чувствовал: еще одна неудачная операция, и начальство наконец вынуждено будет перейти к решительным мерам. Да и операция, по правде сказать, была ерундовая. Но мой блестящий план не удался. Я не знал и не мог знать, что на том складе находится сам Бардо. Один-единственный раз я попытался сыграть нечестно, и в результате погиб Кев Стюарт. – Он склонился еще ниже и прошептал: – Всю жизнь это будет пятном на моей совести. – Он отцепил пальцы умирающего

и безжалостно закончил: – А ты так и подохнешь со своей нечистой совестью.

Пату всхлипнул.

– До полуночи две минуты, Дуг, – сказал Берк, взглянув на часы. – День греха заканчивается, и твой конец тоже близок. – Он откашлялся, смахнул слезу. – Ничего, каяться я буду завтра.

Эпилог

– Она просто чудо, Берк.

– Это точно.

Они сидели на причале вдвоем с Нэнси Стюарт. День был жаркий, безветренный, влажный. Здесь, в тени, еще было ничего, но рыболовы во главе с Дреддом сидели на самом солнцепеке.

Интересно, какого происхождения мясо, которое Дредд использует для наживки, подозрительно подумал Берк. Между прочим, те двое киллеров, которые приехали с Грегори Джеймсом, исчезли бесследно.

– Нет, я имею в виду даже не ее красоту, – продолжила Нэнси, – а ее внутреннее устройство. Ну, ты меня понимаешь?

– О да, ее внутреннее устройство мне особенно дорого, – ухмыльнулся Берк.

Нэнси рассмеялась и сразу стала похожа на себя прежнюю – когда они втроем с Кевом сидели на кухне, пили кофе и шуточно поддразнивали друг Друга.

– В общем, я вижу, ты вполне доволен своей невестой.

Он горделиво улыбнулся, словно мальчуган, впервые попавший битой по мячу.

– Да, я очень хорошо это понимаю. – Реми внимательно слушала наставления Дредда, делала все, как он говорит, и

обрадованно улыбнулась, когда он ее похвалил.

Боже, до чего же он любил эту женщину! Любил до того, что ему самому делалось страшно. Страшно до боли. С каждым днем зловещая тень Дюваля уходила все дальше в прошлое. Скоро она превратится в маленькую тучку на горизонте. Реми на глазах превращалась в уверенную, сильную женщину, верящую в себя и свою любовь.

– По-моему, ей нравится работать в художественной галерее, – заметила Нэнси.

– Да, очень. И у нее здорово получается. На прошлой неделе я заглянул на выставку. Она как раз разговаривала с клиентами. По правде говоря, я ни черта не понял, но клиенты прислушивались к каждому ее слову.

– Ты ею гордишься?

– Еще бы! – искренне сказал он. – Спасибо тебе, Нэнси, за то, что ты стала ее подругой. Для Реми это очень много значит, ведь у нее никогда раньше не было друзей.

– Я делаю это не из чувства долга. Она мне действительно очень нравится.

Берк поставил пустой бокал на перевернутую бочку и случайно задел стопку открыток, лежавших на краю этого импровизированного столика. Открытки рассыпались, и он наклонился подобрать их.

– Разве Дредд с кем-нибудь переписывается? – удивилась Нэнси. – В некотором роде. Есть у нас один общий приятель. Судя по штампам, открытки пришли из самых разных

штатов. Их отправляли с интервалом примерно в одну неделю. Подписей не было, однако почерк без сомнения принадлежал Грегори Джеймсу. На каждой открытке – одно-два предложения, не больше. Посторонний человек не понял бы, что вообще означают эти отрывочные фразы, но Дредд и Берк разбирались в смысле этих посланий без труда. Грегори узнал о смерти Дюваля и был рад такому повороту событий. Главным же образом молодой человек размышлял о том, какая перемена произошла в его жизни и что ожидает его в будущем.

На последней из открыток стоял штемпель Санта-Фе. Текст был такой: «Св. Лука, 15:11–24». Дредд заглянул в Евангелие от Луки и увидел, что в этой главе рассказывается о блудном сыне.

– Он уже давно уехал, – сказал Берк Нэнси. – Но, по-моему, скоро вернется.

– Ой, поймала! – раздался звонкий крик. Фларра размахивала рыбой, а остальные рыболовы завидовали и восхищались. Дэвид Стюарт, старший сын Нэнси, помог девушке снять рыбу с крючка. Нэнси шепнула, что Фларра произвела на ее сыновей неизгладимое впечатление. До знакомства с ней мальчишки считали, что все девчонки уродины и зануды.

– Сколько раз они клялись, что никогда не будут иметь дела с девчонками. Теперь же они запели по-другому.

– Фларре они тоже нравятся. У бедной девочки ведь никогда не было друзей, как и у Реми. Девчонка – настоящий

клад. Умная, сообразительная, веселая. Ей не терпится поскорее поступить в обычную школу. – Берк улыбнулся. – Ей даже я нравлюсь. Все время пристает ко мне, когда же, мол, Реми забеременеет.

– Да, Реми говорила, что хочет ребенка.

– Мы стараемся изо всех сил, – ухмыльнулся Берк. Все последние дни улыбка не сходила с его лица.

– Я вижу, что ты счастлив. И я тоже за тебя счастлива.

– Спасибо.

– Если уж разговор зашел об этом, – Нэнси прикусила губу. – Понимаешь, я встречаюсь с одним человеком.

– Правда? Но это... это просто здорово!

– Ты правда так думаешь? – робко спросила она.

– Если он тебя заслуживает.

– Ну, такого, который бы меня заслуживал, на свете пока нет, – с деланной важностью произнесла она и широко улыбнулась. – Но вообще-то он ужасно милый. Он бизнесмен. Его жена умерла несколько лет назад. Он очень любил ее. Так же, как я любила Кева. По-моему, это неплохой симптом, как ты считаешь?

– Несомненно. А как складываются у него отношения с мальчиками?

– Пока неплохо. А больше всего мне нравится в нем его попка, когда она обтянута джинсами.

– Вот это серьезный разговор!

– Однако, прежде чем я дам ему согласие, он должен

пройти главный экзамен.

– И что же это за экзамен?

– Встреча с тобой, – тихо сказала Нэнси. Берк понял, что она не шутит.

– Почему мое мнение так важно для тебя? Она наклонилась, взяла его за руку.

– Мы с Реми подруги, но главный мой друг – ты. Я придаю огромное значение твоим суждениям.

Они долго смотрели в глаза друг другу. Потом Нэнси порывисто встала, отряхнула холщовые шорты.

– И я хочу, чтобы ты с ним поговорил. Берк был так расстроган, что не находил слов. Он зашел в лавку, якобы напиться, но на самом деле ему просто хотелось побыть одному. Он оперся руками о прилавок и невидящим взглядом уставился на банки с тушеным мясом и выложенные горкой плитки шоколада.

Через несколько минут дверь открылась.

– Берк?

Реми подошла, встала сзади, обхватила его руками за талию.

– С тобой все в порядке?

Он обернулся, попытался изобразить улыбку.

– Что случилось? – встревожилась она.

– Ничего.

– Ты чем-то расстроен?

– Нет, просто я очень счастлив. – Он вытер навернувши-

еся слезы рукавом и рассказал ей про Нэнси. – Она меня так растрогала, что слезы подступили.

– И она сказала тебе самую правду. Вчера за обедом мы разговаривали о тебе, и она говорила то же самое, слово в слово. Она очень ценит твое мнение.

Известие о смерти Дюваля разнеслось по всей стране. В прессе появилась целая череда публикаций о коррупции в нью-орлеанской полиции и мэрии. Спецгруппа наконец довела расследование до конца.

Джо, брат Берка, позвонил ему и спросил, может ли он теперь возвращаться домой.

Да, опасность миновала. И Джо, и Нэнси Стюарт смогли покинуть свои убежища.

Перед похоронами Дуга Пату Берк рассказал Нэнси о той роли, которую покойный капитан сыграл в судьбе Кева Стюарта. Рассказал он и о своем сорвавшемся плане. Они сидели вдвоем и плакали. Тот разговор вернул их отношениям искренность. И все же в душе Берка осталась рана. Он никогда не простит себе историю с Кевом.

– Знаешь, я не понимаю, как могла Нэнси меня простить, – сказал он. – А теперь она еще называет меня своим лучшим другом.

– Ты – единственный, кто не умеет прощать, – сказала Реми, обнимая его за плечи. – Все остальные считают тебя героем. Генеральный прокурор назначил тебя руководить отделом по борьбе с коррупцией. Окружной прокурор смотрит

тебе в рот, не делает ничего без твоего совета. Все тобой восхищаются, все тебя уважают. – Она добавила шепотом: – А кое-кто любит тебя до безумия.

– Ты мне очень нужна! – Он прижал ее к себе.

– Научись себя прощать. Ведь я же простила себя за годы, прожитые с Пинки Дювалем.

Он стал целовать ее, постепенно поцелуи делались все более страстными.

– Давай займемся любовью, – внезапно прошептала она.

Он смущенно оглянулся через плечо на пирс, где по-прежнему сидели рыболовы.

– Как, прямо сейчас?

– А что такого?

Он взял ее за руку и повел по пыльным комнатам. В самой дальней из них нашлась узкая койка. Когда-то на ней лежала раненая Реми. Как давно это было!

Сначала все было как обычно: он целовал ее, гладил, ласкал, но затем дело приняло неожиданный оборот: Реми внезапно взяла инициативу на себя и сделала нечто такое, чего раньше никогда себе не позволяла.

Поначалу Берк смутился, пытался протестовать, но ощущения были такими сильными, что он уже не мог говорить и только постанывал, вцепившись пальцами в ее волосы. Ее голова ритмично двигалась, а он все повторял ее имя.

Потом она села на него верхом и стремительно задвигалась в самозабвенном ритме. Кончили они вместе.

Потом они долго лежали рядом, ленивые и размягченные.

– Ты подслушивал, да? – тихо спросила Реми.

– Что? – рассеянно спросил он, не поняв.

– Ты подслушивал, когда я была с Пинки.

Он встрепенулся, залился краской.

– Вообще-то да. Я поставил «жучок» в вашей спальне.

– Зачем?

– Ну, я надеялся, что Дюваль проболтается о своих секретах. Хотя вру... На самом деле я просто был без ума от тебя. Меня трясло от одной мысли, что ты можешь заниматься с ним любовью... – Берк передернулся от отвращения. – Я себя ненавижу. Просто маньяк какой-то.

– Никакой ты не маньяк.

Она обняла его, и они замолчали.

Но Берк все не находил себе покоя. В конце концов он спросил, как она догадалась.

Реми приподнялась, посмотрела на него сверху вниз.

– Ты никогда не просил, чтобы я делала тебе вот это. Я не понимала, в чем дело. А потом догадалась. Ты знал, что Пинки заставлял меня этим заниматься, и ты боялся, что вызовешь у меня отвращение. – Она снисходительно улыбнулась. – Заруби себе на носу: чем бы мы с тобой ни занимались, это никоим образом не напоминает мне о Пинки. Тут нет ничего общего. Все, что я делаю с тобой, я делаю впервые. Я чувствую себя счастливой и чистой. Твоя любовь приносит мне радость. Это же совсем другое дело!

Он прижал ее ладонь к своим губам. Хотел сказать ей, что безумно ее любит, но голос снова отказал ему, уже во второй раз за день.

К тому же она и сама обо всем знала.